МУСА ДЖАЛИЛЬ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

МУСА ДЖАЛИЛЬ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья,
составление и примечания
Р. А. Мустафина

Редакция стихотворных переводов
С. В. Ботвинника

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1979

С (Тат) 2
Д 40

Настоящее издание является наиболее полным из когда-либо выходивших на русском языке собраний стихотворений и поэм выдающегося татарского советского поэта Героя Советского Союза лауреата Ленинской премии Мусы Джалиля (1906—1944). В книге представлен весь творческий путь поэта начиная с его юношеских произведений и до стихотворений, созданных им в фашистской тюрьме и вошедших во всемирно известную «Моабитскую тетрадь».

Произведения Мусы Джалиля, разнообразные в жанровом и тематическом отношениях, самобытные по форме, переведены на русский язык виднейшими поэтами-переводчиками. Многие переводы публикуются впервые.

Д $\frac{70403-206}{083(02)-79}$ 386—79. 4702510000

ПОЭЗИЯ ПРАВДЫ И СТРАСТИ

Песнь свою я посвятил народу.
Жизнь свою народу отдаю.

Муса Джалиль

«...Я не боюсь смерти. Это не пустая фраза. Когда мы говорим, что мы смерть презираем, это на самом деле так... Есть жизнь... после смерти, в сознании, в памяти народа. Если я при жизни делал что-то важное, бессмертное, то этим я заслужил эту другую жизнь — «жизнь после смерти»... Цель-то жизни в этом и заключается: жить так, чтобы и после смерти не умирать».[1] Эти проникновенные слова, обращенные к самым близким людям — жене и дочери, — написаны Джалилем в канун его отъезда на фронт в начале 1942 года. В них и определение и объяснение великого человеческого и творческого подвига, свершенного поэтом, чье имя стало символом стойкости, героизма, беззаветной преданности Родине, верности гражданскому и писательскому долгу.

«Мир и мировая литература знают много поэтов, обессмертивших свои имена неувядаемой славой, но таких, как поэт-герой Муса Джалиль, увековечивший свое имя и бессмертными творениями, и смертью, которая сама является подвигом, не так уж много. Вот они: великий Байрон, славный народный поэт Венгрии Петефи, герой Юлиус Фучик и, наконец, Муса Джалиль»[2] — так мудро и проникновенно сказал о Джалиле замечательный азербайджанский поэт Самед Вургун на торжественно-траурном собрании памяти Мусы Джалиля в августе 1954 года.

Подвиг поэта был подготовлен всей его жизнью. Это была не минутная вспышка, не мгновенный пламенный порыв. С 26 июня 1942 года, когда тяжело раненный, оглушенный взрывной волной политрук Муса Залилов попал в плен к гитлеровцам, до 25 августа

---

[1] Муса Джалиль, Сочинения, Казань, 1962, с. 481.
[2] Цит. по кн.: Муса Джалиль, Сочинения, Казань, 1962, с. 3.

1944 года, когда над его головой сверкнул нож фашистской гильотины, прошел 791 день. 791 день лицом к лицу со смертью... 791 день унижений, изматывающих допросов в гестаповских застенках и не прекращающейся ни на день, ни на час борьбы.

В 1921 году пятнадцатилетний Муса написал страстное, полное горячей убежденности стихотворение, в котором со всем пылом молодости пророчески заявлял:

Пусть кому-то быть из нас убитым,
Никому из нас не быть рабом!

(«Нет, сильны мы — мы найдем дорогу. . .»)

Двадцать с лишним лет спустя узник фашистской тюрьмы Моабит Мусса Гумерофф-Джалиль (так значилось в его учетной карточке смертника) записал в свой самодельный блокнот строки, прямо перекликающиеся с его юношеским стихотворением:

С мужеством свобода, что гранит,
Кто не знает мужества — тот раб.

(«О героизме»)

Проще всего было бы провести между этими крайними точками прямую линию и рассматривать всю жизнь и все творчество Джалиля как неуклонное восхождение к вершине. Но у жизни своя логика, которая далеко не всегда укладывается в прямолинейные схемы. Были на пути поэта и срывы, и неудачи, и напряженные искания, и горькие разочарования. Цикл «Моабитская тетрадь» — вершина творческого пути татарского поэта и наивысшее проявление его героического духа. Однако творчество Джалиля не исчерпывается этим циклом и не сводится к нему. В многогранном мире поэзии Джалиля — и задушевная лирика, и откровенно публицистические, иной раз лозунговые стихи, и эпические поэмы, и стихи для детей, и драматические либретто, и злободневные поэтические фельетоны, и репортажи в стихах. Уже до войны Джалиль был широко известным, признанным поэтом Татарии, стихи его вошли в школьные хрестоматии.

Как же формировался этот своеобразный талант в сильный, волевой, мужественный характер?

1

Муса Джалиль родился в татарской деревне Мустафино бывшей Оренбургской губернии (ныне Шарлыкский район Оренбургской области) 2 (15) февраля 1906 года в небогатой крестьянской семье.

Отец Мусы, Мустафа, сын бедного аульного пастуха Абубакира, с детских лет гнул спину на богатого купца. Был мальчиком на побегушках, позднее работал приказчиком. Попробовал было завести собственное дело и открыл в Мустафино небольшую бакалейную лавочку, но вскоре разорился, вынужден был распродать все свое имущество и в 1913 году перебрался в поисках лучшей доли в город. В Оренбурге он часто месяцами сидел без работы, а семья — без куска хлеба. Жили на те жалкие гроши, которые мать Мусы, Рахима, добывала стиркой и уборкой в домах состоятельных горожан. А в семье Залиловых [1] было шестеро детей.

Огромное влияние на формирование внутреннего мира будущего поэта оказала его мать Рахима-апа. [2] Спокойная, тихая, уравновешенная, полная противоположность Мустафе-абзы, темпераментному, вспыльчивому, легко подверженному неожиданным перепадам настроения, — она обладала бесконечным терпением и стойкостью. Но не только нравственные основы характера Мусы складывались под ее воздействием.

Родное село поэта, Мустафино, было основано в последней четверти XVIII века переселенцами из Казанской губернии. Давно замечено, что в национальных поселениях, возникших вдали от родных мест, истово сберегается родной язык, обычаи предков, сокровища устного народного творчества. Так же произошло и здесь. Фольклористы находят в этих краях такие народные песни, сказки, легенды, которые не сохранились в самой Татарии. Языковеды же с особым интересом изучают местные говоры, восходящие в ряде форм к древним истокам татарского языка.

Хранительницей и исполнительницей замечательных образцов народного творчества в семье Залиловых была мать поэта. В юности она считалась первой певуньей на селе, не только знала множество песен, сказок, баитов, [3] но и сама сочиняла их. Сложенный ею незадолго до смерти мунаджат [4] к сыновьям Ибрагиму и Мусе до сих пор еще бытует в Мустафино.

---

[1] Татарский звук «җ», передается на русский и как «з», и как «дж». В русских документах фамилия Җәлил (окончание «ов» чисто русское, татарские писатели обычно избегают его) издавна пишется как Залилов. В последние годы вошло более правильное написание — Джалилов, Джалиль.

[2] Абзы, апа — уважительные «приставки» при обращении к старшим у татар.

[3] Баит — сюжетная песня или сказание типа русских былин, преимущественно на трагические темы.

[4] Мунаджат — стихотворное послание религиозного или нравоучительного характера.

Шести лет Муса пошел учиться в сельский мектеб,[1] где за год овладел азами грамоты и вызубрил наизусть несколько сур[2] из Корана. В Оренбурге Мустафе Залилову удалось устроить сына в медресе «Хусаиния»[3] — мусульманское учебное заведение типа духовной семинарии. «Хусаиния» считалось «новометодным» медресе. Наряду с обязательной зубрежкой Корана и всякого рода религиозной схоластикой, здесь изучались и светские дисциплины. Больше всего Мусе нравились уроки родной литературы, рисования и пения. В медресе была богатая библиотека, где маленький Муса запоем читал стихи классика татарской дореволюционной поэзии Габдуллы Тукая (1886—1913), виднейшего представителя татарской и башкирской литератур поэта и прозаика Маджита Гафури (1880—1934), мастера философской лирики крупного татарского поэта Дердмэнда (1859—1921). Несколько позже, в городской библиотеке, будущий поэт впервые познакомился с книгами Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова.

Отроческие годы Мусы совпали с периодом больших социальных потрясений.

Активный, любознательный и очень впечатлительный подросток, увлеченный романтикой борьбы за свободу, самим духом близящихся революционных преобразований, был захвачен бурным потоком событий. После февральской революции в медресе «Хусаиния» началось брожение. Муса — на левом крыле движения шакирдов (учащихся медресе). Он редактирует классную газету, пишет статьи и памфлеты, выступая против сторонников мулл и баев, страстно воспевает солнце свободы.

Становление Советской власти в Поволжье и Приуралье проходило в сложных условиях. В годы гражданской войны Оренбург несколько раз переходил из рук в руки. Свои порядки устанавливали то дутовцы, то колчаковцы. В оренбургском караван-сарае (своего рода гостинице для приезжих) двенадцатилетний Муса видел окровавленные трупы красноармейцев, женщин, детей, изрубленных белоказаками во время ночного налета. На его глазах армия Колчака устанавливала «твердую власть» в деревне: реквизировала скот, отбирала лошадей, арестовывала и расстреливала сочувствующих Советской власти. Так сама жизнь давала подростку наглядные уроки классовой борьбы. Муса ходил на митинги и собрания, жадно читал газеты и большевистские брошюры. Особенно большую роль в форми-

---

[1] Мектеб — татарская начальная школа, чаще всего содержавшаяся на средства самих крестьян.

[2] Сура — глава из Корана, священной книги мусульман.

[3] Медресе «Хусаиния» — духовное училище, содержавшееся на средства оренбургских купцов Хусаиновых.

ровании его мировоззрения сыграл старший брат Ибрагим, работавший корректором в большевистской газете.

Весной 1919 года, когда в окруженном белогвардейцами Оренбурге возникла комсомольская организация, тринадцатилетний Муса записывается в ряды Коммунистического Союза молодежи, рвется на фронт. Но в отряд его не берут: маленький, щуплый, он выглядит совсем мальчишкой. Вернувшись после смерти отца в родную деревню, Джалиль создает здесь детскую коммунистическую организацию «Красный цветок», куда вошло около сорока мальчишек и девчонок. Они ставили в деревне спектакли, проводили вечера, собрания, митинги, выпускали стенгазету и рукописный журнал (который Муса почти целиком заполнял своими стихами, рассказами, пьесами). В 1920 году по инициативе Мусы в Мустафино возникает комсомольская ячейка. Кипучий, деятельный по натуре, Муса становится признанным вожаком сельской молодежи. Его выбирают членом волостного комитета РКСМ, посылают делегатом на губернскую конференцию комсомола.

Муса не просто агитировал за новую жизнь, но и, когда это было нужно, с оружием в руках отстаивал молодую Советскую власть: в составе частей особого назначения воевал с белыми бандами, которых немало еще действовало в те годы в оренбургских краях, участвовал в подавлении кулацких мятежей.

В 1921 году в Оренбуржье пришла жестокая засуха и голод. На глазах Мусы умерли от голода двое его младших братишек. Чтобы не быть семье в тягость, Муса уходит в город и вливается в толпы голодной беспризорной детворы, наводнившей в то страшное лето Оренбург. В эти месяцы он «ел что попало, ночевал где придется, воровал» («Мой жизненный путь»). Позднее, с помощью одного из сотрудников красноармейской газеты «Кызыл юлдуз» (в ней были напечатаны его первые стихи) Муса стал курсантом Оренбургской военно-партийной школы, а затем — студентом ТИНО (Татарского института народного образования), созданного на базе медресе «Хусаиния».

27 мая 1920 года В. И. Ленин и М. И. Калинин подписали декрет, провозгласивший создание в составе РСФСР Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Таким образом, впервые была создана прямая государственная основа для развития национальной экономики, науки, культуры. Со всех концов страны в Казань съезжаются молодые литераторы, музыканты, художники, одержимые желанием принять участие в становлении и развитии новой социалистической культуры. В Казани создается труппа Татарского

государственного драматического театра, начинают выходить периодические издания, растет выпуск книг на татарском языке.

Осенью 1922 года в Казань переезжает и шестнадцатилетний Муса Джалиль. «Меня вела... окрыляла вера в поэтическую силу», — писал он позднее («Мой жизненный путь»).

2

Джалиль, по его собственному признанию, начал сочинять стихи с девяти лет. Первые стихотворные опыты поэта не сохранились. По воспоминаниям родных и близких, это были идиллические стишки про бабочек и гусей, про коршуна и цыплят, про родную речку Неть и ее зеленые цветущие берега.

Бурное, богатое событиями время способствовало раннему идейному созреванию будущего поэта. В начале 1917 года одиннадцатилетний Муса пишет стихотворение, в котором говорит о первой мировой войне как о бессмысленной бойне, ежедневно уносящей тысячи жизней, и посылает его в редакцию татарской газеты «Вакыт» («Время»). Стихотворение, конечно, осталось ненапечатанным. Позднее Муса вернулся к нему, усилив обличительный пафос и подчеркнув свое сочувствие народным массам («На войне», 1920).

До нас дошло несколько толстых общих тетрадей 1918—1921 годов со стихами, рассказами, пьесами Мусы и сделанными им записями народных песен, сказок и легенд. Значительная часть стихотворений этого периода осталась ненапечатанной при жизни поэта. Но и по ним можно получить некоторое представление об этапах творческого возмужания Джалиля. Уже с самых первых стихов чувствуется стихийный демократизм начинающего автора. Выходец из низов, немало хлебнувший в своей жизни и горя, и нужды, знающий цену куску хлеба насущного, на себе испытавший презрительно-высокомерное отношение байских сынков к нему, сыну старьевщика, лишь из милости взятому на казенный кошт в медресе, Муса с искренним сочувствием относится к народу. Правда, он еще не умеет облечь свою мысль в плоть художественных образов и декларирует ее прямо, в лоб:

Жизнь моя для народа, все силы ему,
Я хочу, чтоб и песня служила ему.
За народ свой я голову, может, сложу —
Собираюсь служить до могилы ему.

(«Слово поэта свободы»)

В этих строчках чувствуется явная перекличка со стихотворением татарского народного поэта Габдуллы Тукая «Народу». Близки не только настроение и идейный пафос: Джалиль придерживается того же стихотворного размера (одна из модификаций арабского аруза), схемы рифмовки (а — а — б — а) с использованием редифа (повторяющегося после рифмы слова в конце каждой строки), даже в самой интонации стиха идет по стопам своего учителя.

Творчество Джалиля этих лет носит на себе явные следы влияния передовой демократической татарской литературы начала XX века, в особенности поэзии Габдуллы Тукая и Маджита Гафури. Стихи юного Мусы роднит с ними гуманистический пафос его поэзии, сочувствие к угнетенным, униженным и обездоленным, непримиримость ко злу во всех его видах, ненависть к угнетателям. Таково, в частности, стихотворение М. Джалиля «Сирота» (1918). В то же время надо отметить и издержки некритического следования далеко не лучшим образцам. Так, в том же стихотворении «Сирота» чувствуется стремление как-то разжалобить читателя, вызвать не просто сочувствие, но и слезы на глазах. Подобные мелодраматические нотки, перемежающиеся с натуралистически-приземленными сценками и эпизодами, нередко встречаются и в других ранних стихах Джалиля.

Есть в стихах юного поэта и наивный дидактизм, нравоучительность, идущие еще от просветительских традиций татарской литературы: «Каков — не важно — ты с лица, Была бы светлой суть. Будь человеком до конца, С высоким сердцем будь» («Будь стойким, друг мой, до конца. . .», 1918).

В годы гражданской войны дидактизм поэзии раннего Джалиля, несколько видоизменившись, принимает форму открытых призывов и лозунгов. Осенью 1919 года в оренбургской татарской газете «Кызыл юлдуз» («Красная звезда») — органе большевиков Туркестанского фронта — Муса напечатал около десятка стихотворений (очень красочно рассказывает об этом сам поэт в автобиографических заметках «Мой жизненный путь»).

Стихи эти примечательны своим открытым революционным пафосом, роднящим поэзию Джалиля с творчеством таких татарских поэтов нового времени, как Галиасгар Камал, Мирхайдар Файзи, Шамун Фидаи и др. Это стихи, «полные ненависти к белым бандам» («Мой жизненный путь»), проникнутые уверенностью в победе дела рабочих и крестьян.

Обращает на себя внимание и ораторский накал этих стихов, откровенно прокламационный стиль: «Друг-рабочий, винтовку возьми — и в поход. Жизнь отдай, если надо, за волю свою» («Счастье»,

1919). Таковы же по характеру стихи «Нет, сильны мы — мы найдем дорогу...», «Слово поэта свободы» и др.

Стихи эти создавались в то время, когда еще не отгремели залпы гражданской войны. Обстановка была чрезвычайно сложной. Апологеты буржуазного национализма разглагольствовали об «общенациональной свободе» и под ширмой борьбы за «единство нации» выступали против Советской власти. Предпринимались попытки создать между Волгой и Уралом буржуазно-националистическое государство «Идель-Урал штаты» («Волгоуральские штаты»). В конце февраля 1918 года в Казани была объявлена так называемая «Забулачная республика», просуществовавшая, правда, всего несколько дней: трудящиеся Татарии решительно выступили против контрреволюционной авантюры — мятеж был ликвидирован, а националистические организации разогнаны.

С первых дней Октября Джалиль четко и навсегда определил свое место в рядах борющегося народа, а затем, вместе с другими молодыми писателями, участвовал в новаторских исканиях только еще зарождающейся татарской советской поэзии.

Новым было не только идейное содержание. Национальное под пером поэтов, рожденных революцией, приобретает новые формы. В поэзию проникает новая лексика. На смену традиционным восточным образам приходит революционная символика — *алое знамя, пылающая заря свободы, меч революции, серп и молот, сияющая звезда нового мира, красный воин* и т. д. Обращают на себя внимание сами названия юношеских стихов Джалиля: «Красное войско», «Красный праздник», «Красный богатырь», «Красный путь», «Красная сила», «Красному знамени». Поэт настолько часто употребляет в эти годы эпитет «красный» (в его новом, революционном значении), что некоторые исследователи называют первые годы творчества Джалиля «красным периодом». Для этого периода с формальной точки зрения характерны также императивность, сжатость и энергия стиха. Как правило, это страстные, публицистически заостренные декларации.

В Казани Джалиль завязывает знакомства с наиболее яркими представителями татарской советской поэзии: Кави Наджми, Хади Такташем, Аделем Кутуем и другими, — участвует в диспутах, литературных вечерах, творческих судах, с головой окунается в бурную литературную жизнь республики. С 1924 года он член литературной группы «Октябрь», стоявшей на пролеткультовских позициях. Все свое свободное время (Муса в течение года работал переписчиком в газете «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан»), а затем два года учился на рабфаке при Восточном педагогическом институте) он

отдает творчеству, активно печатается в казанских газетах и журналах.

В татарской поэзии двадцатых годов возникло своеобразное революционно-романтическое течение, получившее название «гисьянизм» (от арабского слова «гисьян» — «бунт»). Для этого течения характерны повышенная экспрессия, романтический пафос, культ сильной, одинокой, бунтующей личности, отрицание затхлого быта (а вместе с ним нередко и всей «низкой, грубой» действительности), устремленность к возвышенному и не всегда точно определенному идеалу. Как видим, в «гисьянизме» в сугубо национальной форме отразились некоторые черты и особенности, свойственные всей молодой советской поэзии первой половины двадцатых годов.

Чуткий ко всему новому, готовый идти в ногу с веком, Муса также отдал дань этому течению. От лозунговых и откровенно агитационных стихов он делает резкий переход к сгущенной метафоричности, нередко нарочитой усложненности поэтического языка («Душе моей», «От сердца» и др.). Для стихов Джалиля 1921—1923 годов характерна романтическая окрыленность, масштабность «космически» отвлеченных образов: «Я солнцу новый путь открыл за мглою, Я побывал в гостях у синих звезд, Я небо сблизил и сдружил с землею, Я со вселенной поднимаюсь в рост». Его герой мечтает о вселенском пожаре, в котором сгорит все старое, отжившее. Он не только не боится смерти, а идет ей навстречу с каким-то восторженным самоотречением.

В этот период в поэзию Джалиля проникают «прекрасные пэри», «стрелы ресниц», «сладкоголосые соловьи», «райские сады любви» и другие традиционно восточные образы и метафоры, нередко используемые как готовый изобразительный стандарт. Особенно отчетливо проступают восточные краски в любовной лирике. Как правило, поэт воспевает любовь отвергнутую, несчастную. Объект любви абстрагирован до бесплотности — не то ангел неба, не то исчадие ада. Она то мучает героя своей неземной красотой и бессердечностью, то погружает его в райское блаженство («Раб любви», «Она» и др.).

«Гисьянизм» был не просто «болезнью роста», своего рода помехой на пути утверждения реалистических принципов в татарской литературе. Это был один из закономерных этапов развития национальной поэзии. С одной стороны, в нем отразились процессы, общие для всей многонациональной советской литературы. С другой — своеобразно преломились многовековые романтические традиции татарской литературы, возродившиеся на крутом перевале истории.[1]

[1] О романтических тенденциях в татарской поэзии двадцатых годов и, в частности, в творчестве М. Джалиля см. в кн.: Х. Гос-

При всех очевидных издержках подражательности, учеба у классиков татарской и восточной поэзии помогала поэту добиваться изящества и отточенности слога, музыкальности стиха, метафорической насыщенности и яркости поэтического языка.

В стихах Джалиля первой половины двадцатых годов нашли яркое и образное выражение высокие идеалы поколения комсомольцев двадцатых годов, чистота чувств, искренность, страстное стремление служить своему народу. И пусть поэзия молодого Джалиля не знала полутонов, но она была рождена и вдохновлена юношеским максимализмом, высоким накалом гражданских чувств; у этой романтически-окрыленной поэзии, при всей ее условности, было и свое неповторимое очарование:

Вошла стрела под сердце...
Нараспашку
Открыта мне неведомая новь.
Течет на белоснежную рубашку
Моя еще бунтующая кровь.

Пусть я умру...
Но вы, кто по соседству
Окажетесь в иные времена,
Взгляните на рубашку — кровью сердца
В тревожный цвет окрашена она.

(«Перед смертью»)

3

На своем пути к зрелости и мастерству Муса Джалиль прошел несколько важнейших этапов. С некоторой долей условности их можно ограничить следующими хронологическими рамками: ранний (1918—1923), путь к зрелости (1924—1932), довоенный (1933—1940) и, наконец, поэзия периода Великой Отечественной войны (1941—1944).

Сам поэт не раз подчеркивал, что новый этап в его творчестве начинается с 1924 года: «В годы рабфака в моем творчестве наметился переворот. В 1924 году я стал писать совсем иначе» («Мой жизненный путь»).

ман, Татарская поэзия двадцатых годов, Казань, 1964 (на татарском языке), и В. Воздвиженский, «Моабитские тетради» Мусы Джалиля, М., 1969.

Джалиль решительно отказывается как от романтической условности, так и от восточной метафоричности, ищет новые, реалистические краски. Поэт даже не отдает в печать вполне готовый сборник своих стихотворений, составленный из произведений, опубликованных в периодической прессе и получивших признание широкого читателя. Позднее, в первой половине тридцатых годов, вспоминая о стихах, входивших в этот сборник, Джалиль находил в них «романтические и символистские мотивы — не связанные с жизнью абстрактные образы» (архив поэта). Эта самооценка, конечно, излишне резкая, не соответствующая истинному положению вещей.

«Переворот» в творческом развитии Джалиля не означал коренной ломки всего освоенного и достигнутого до тех пор поэтом. Он был подготовлен жизнью, самим процессом становления творческой и гражданской индивидуальности Джалиля.

Путь к творческой зрелости естественно был связан в поэзии Джалиля с поисками новых форм и средств поэтического языка.

В стихах 1918—1923 годов Джалиль чаще всего пользовался различными модификациями арабского аруза — системы стихосложения, сложившейся в тюркоязычной классической поэзии. Она основана на чередовании длинных и коротких слогов. На арузе созданы произведения таких выдающихся поэтов Востока, как Алишер Навои, Махтумкули, Фуркат, Мукими и мн. др. Изощренно овладев арузом, Джалиль тем не менее вслед за Хади Такташем переходит на более органичный для татарского языка силлабический народный стих. Экспериментирует он и в области так называемого акцентного стиха, обращается к свободным размерам и вольной ритмике, близкой верлибру (поэма «Листки»). Однако неупорядоченный свободный стих оказался чуждым его поэтической манере, и Джалиль довольно скоро отказался от его использования. Характерно также, что на смену строгим классическим жанрам восточной лирики (газель, месневи, мадхия и др.) приходят в его поэзию жанры, распространенные в европейской литературе: лирическое стихотворение, лиро-эпическая поэма, песня на фольклорной основе, стихотворный фельетон и т. д.

Все отчетливее проявляются в творчестве Джалиля краски и образы реальной жизни, все решительнее отказывается он от абстрактно-романтического восприятия мира. В значительной мере этому способствует активная общественная деятельность поэта. В годы работы инструктором Орского укома комсомола Джалиль ездит по казахским и татарским аулам, организует комсомольские ячейки, ведет большую политико-массовую работу. В 1926 году он становится членом Оренбургского губкома комсомола. В следующем году его посылают делегатом на Всесоюзную конференцию ВЛКСМ, где он

был избран членом татаро-башкирской секции ЦК ВЛКСМ. После переезда в Москву Джалиль становится членом бюро и впоследствии ответственным секретарем этой секции, совмещает учебу в МГУ с большой общественной работой. «Комсомольская работа обогатила мой жизненный опыт, закалила меня, воспитала во мне новый взгляд на жизнь», — отмечал позднее сам поэт («Мой жизненный путь»).

Джалиль постепенно формируется как певец молодежи, поэт комсомольского племени. Во время его работы в Орском и Оренбургском укомах к нему не раз обращались с просьбой прислать в низовые комсомольские организации наряду с политическими брошюрами его поэму «Больной комсомолец» и другие стихи. Один из сборников Джалиля («Орденоносные миллионы», Казань, 1934) был подготовлен и издан по прямому заказу Татарского обкома ВЛКСМ и сопровождался вступительной статьей секретаря обкома комсомола. Многие стихи поэта приурочены к тем или иным знаменательным датам в жизни комсомола («Восемнадцать»), стали популярными комсомольскими песнями («Песня молодости», «Споемте, друзья», «Песня комсомольской бригады» и др.). Не случайно и то, что первый сборник стихов Джалиля «Барабыз» («Мы идем», 1925) вышел в серии «Библиотека МОПРа» [1] и гонорар от него полностью пошел в фонд помощи иностранным рабочим.

В этой небольшой по объему книжке поэт остается верен революционной тематике. Но теперь изображение действительности обрастает конкретными жизненными деталями. Ярче всего это проявилось в поэме «Больной комсомолец» (1924), ставшей одним из этапных произведений не только в творчестве Джалиля, но и во всей татарской поэзии двадцатых годов.

Поэма написана от имени комсомольца первого поколения. Еще мальчишкой он принимал участие в ленских событиях, сидел в царских тюрьмах, знал и голод, и побои, и унижения, позднее воевал с Юденичем и Махно. Ледяные подвалы царских застенков унесли его здоровье, белогвардейская пуля прострелила ему легкое. Жить ему осталось считанные дни. Но он счастлив тем, что, говоря словами Николая Островского, отдал свою юность самому прекрасному в жизни — борьбе за освобождение человечества.

В поэме «Больной комсомолец» отчетливо звучит мотив жертвенности. Но здесь он вполне оправдан, так как отражает реальное самопожертвование героического поколения комсомольцев двадцатых годов. Поэт не конкретизирует своего героя, не сообщает даже его

---

[1] МОПР — Международная организация помощи рабочим.

национальности, «не делает его ни Иваном, ни Абдуллой».[1] Тем не менее характер его вполне конкретен и жизненно достоверен. В его страстной убежденности, горячей порывистости, готовности к немедленному действию проглядывают черты, во многом свойственные самому автору. Ведь поэт, так же как его герой, знал и голод и холод, с оружием в руках гонялся за белыми бандами, «вливал, — как писал он в одном из стихотворений, — свою молодость каплями пота в новостройки страны». Героя поэмы можно считать лирическим двойником автора: поэт доверил ему свои самые заветные мысли, гражданский пафос, готовность без раздумий отдать жизнь за дело революции. И в то же время образ этот имеет большое обобщающее значение, он вобрал в себя типические черты представителей корчагинского племени (нужно отметить, что поэма Джалиля вышла почти на десять лет раньше романа Н. Островского «Как закалялась сталь»).

В 1929 году поэт доработал поэму, сняв излишний мелодраматизм некоторых сцен и эпизодов. С этого времени поэма печатается под названием «Пройденные пути» (в русском переводе — «Минувшие годы»).

Значительную часть первого авторского сборника «Мы идем» составили стихи о тяжелом дореволюционном прошлом. В следующем сборнике Джалиля «Товарищу» (1929) уже преобладают стихи о современности и современниках. Но и в этой книге господствует тот же дух революционного аскетизма, готовности к подвигу в бою и в труде, порою даже своего рода поэтизация трудностей.

Еще одна особенность лирического героя Джалиля (также во многом характерная для всей советской поэзии двадцатых годов) — его исторический оптимизм. Он словно бы опьянен открывшимися перед ним небывалыми возможностями и перспективами. Поэт не просто устремлен в будущее, а как бы опережает события, воспринимает как свершившийся факт то, что еще только рождалось в действительности, причем в муках и боли.

В этот период поэт еще не уделяет достаточного внимания индивидуальности своих героев, раскрытию во всей глубине и противоречивости их внутреннего мира. Для него гораздо важнее чувство коллективизма, общности с массой, причастности к большим делам эпохи. Лишь много позднее, в начале тридцатых годов, к нему пришло осознание самоценности каждой отдельной личности, интерес к неповторимому в человеке. И то, что раньше расценивалось им как частное, то есть мелкое, несущественное, как «индивидуализм» (не-

---

[1] Гази Кашшаф, Муса Джалиль, Казань, 1961, с. 109 (на татарском языке).

редко с эпитетом «буржуазный»), то есть помеха общему делу, рассматривается уже совсем иначе. В поэзии Джалиля второй половины двадцатых годов общее как бы вбирает в себя личное, растворяет его в себе. Постепенно приходит понимание того, что внутренний мир человека способен вместить радости, беды и заботы большого мира, всей окружающей человека жизни.

В годы учебы и работы в Москве Муса знакомится со многими видными советскими поэтами: А. Жаровым, А. Безыменским, М. Светловым. Слушает в Политехническом музее выступления Маяковского. Знакомится с Э. Багрицким, который переводит одно из стихотворений Джалиля. Вступает в МАПП (Московскую ассоциацию пролетарских писателей), вскоре становится третьим секретарем ассоциации и руководителем татарской секции МАПП.

Эпоха величайших социальных и экономических преобразований породила людей особого склада — первостроителей, первопроходцев, которые не щадили себя и сознательно шли на самые суровые лишения. Этот рожденный самой жизнью гражданский идеал и послужил основой эстетического и нравственного идеала советской литературы двадцатых годов и, в частности, поэзии Мусы Джалиля.

Герой поэзии Джалиля тех лет — чаще всего простой крестьянский паренек, рвущийся к свету новой жизни. Пусть ему не хватает знаний, культуры, но зато не занимать убежденности и веры в дело социализма («Со съезда», «В пути», «Первые дни в комсомоле» и др.). Нередко героями поэзии Джалиля становятся и молодые рабочие и работницы («На заводе „Орлес“», «Утро», «Весы» и др.). Однако образы представителей рабочего класса еще не всегда жизненно убедительны, конкретны.

Образ молодого современника в стихах Джалиля тех лет неотделим от личности и характера самого автора. Чаще всего поэт рассказывает о себе, о своей любви, дружбе, учебе, окружающем его быте («Из дневника студента», «Наша любовь» и др.). Герой таких стихов бескомпромиссен, одержим идеалами светлого будущего, презирает мещанское благополучие. Это творец, созидатель, активный участник социалистического строительства, утверждающий своим трудом и всей своей жизнью новые общественные отношения.

Поэт ищет небывалые краски, пытается выработать новый поэтический язык. «И во мне, как чугун из руды, — из мечтаний — выплавляешь ты волю к борьбе и труду», — пишет он в стихотворении «Утро». Даже улица кажется герою этого стихотворения привлекательной оттого, что на ней стоит дымный завод. В стихах конца двадцатых — начала тридцатых годов нередко звучат «стальные голоса машин», порою заглушающие голос поэтического сердца.

Так, в поэме «Зейнаб» (1932) Джалиль пытается увязать в один узел производственную и любовную тему. Лирические строки поэмы звучат проникновенно и убедительно. Но вот с «увязкой» не все обстоит благополучно. Главная героиня поэмы Зейнаб отворачивается от любимого, как только он снижает выработку со ста двадцати до восьмидесяти двух процентов. И снова дарит ему свою благосклонность, едва он начинает перевыполнять норму. Как верно заметил литературовед В. Воздвиженский,[1] график любви в этой поэме полностью совпадает с графиком выполнения производственного плана. Такого же рода заданность чувствуется и в ряде произведений Джалиля на колхозную тему.

Но даже в тех произведениях, где так или иначе дают себя знать издержки рапповских установок и вульгарно-социологических воззрений, преодолевая их, а то и сводя на нет, словно талая вода из-под снега, пробивается живое лирическое чувство. Лиризм, по единодушному признанию критики, — самая сильная сторона таланта Мусы Джалиля.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов лирика Джалиля приобретает новые черты. От резкого ораторского жеста поэт переходит к доверительному лирическому разговору с глазу на глаз с читателем. От размашистой поступи стиха — к песенной напевности.

В числе литературных учителей Джалиля прежде всего следует назвать поэта-трибуна В. Маяковского. Муса преклонялся перед гением крупнейшего советского поэта, многому учился у него. Но татарский поэт не пытался копировать шаг Маяковского. Он шел своей походкой, своим путем.

Джалиль исходит из твердой жизненной установки: личное счастье возможно только в борьбе за общее дело. В полном соответствии с духом эпохи, поэт полагает: жизнь отдельной личности — это камень в фундаменте будущего. Он ощущает искреннюю радость от сознания причастности к героической борьбе и труду народа. Отсюда и боевой тон поэзии Джалиля, ее неиссякаемый оптимизм, пронизывающая ее музыка революции:

Растите ж в борьбе
            и в работе упорной
На стройке заводов,
            на пахоте сел!

---

[1] См.: В. Воздвиженский, Муса Джалиль. — В кн.: «История татарской советской литературы», М., 1965.

Грозою весенней,
будящей зерна,
По пашне всемирной
шагай, Комсомол!

(«Комсомольцам»)

Так же как и Маяковский, Джалиль — поэт, «революцией мобилизованный и призванный». Так же как и творчеству его великого учителя, поэзии Джалиля присущи высокая революционная патетика, ощущение величия и мощи переживаемых событий. Многому учился Муса и у русских «комсомольских» поэтов — Жарова, Безыменского, Уткина и др.

Но в таком взаимодействии и взаимовлиянии не только не была утрачена, но все более явственно определялась и проявлялась самостоятельность творческого пути татарского поэта, оригинальность его художественно-образной системы. Джалиль постепенно вырабатывал свой стиль, создавал свой неповторимый поэтический мир.

4

В 1931 году Джалиль заканчивает литературное отделение Московского университета по специальности «литературная критика». До конца 1932 года продолжает работать редактором детского журнала «Октябрь баласы» («Октябренок»). После перевода редакции журнала в Казань работает завотделом литературы и искусства центральной татарской газеты «Коммунист», выходившей в те годы в Москве. Но в столице он живет не так уж много, постоянно разъезжает по стране. Так, все лето 1933 года, с ранней весны до глубокой осени, Джалиль провел на Нижней Волге с выездной редакцией «Коммуниста», следующее лето — в Мамадышском районе Татарии. Поэт подолгу бывает и в крупных промышленных центрах — в Нижнем Тагиле, Туле, Ленинграде, знакомится с людьми, организует работу литературных объединений, налаживает выпуск татарских периодических изданий.

«...Я привык видеть его в постоянном движении, — пишет татарский поэт Сибгат Хаким. — Он бывал удивительно остроумным и лукавым. В глазах постоянно поблескивала ртуть... В деревнях раньше были водяные мельницы. Если один мельник перекроет воду, запрудит русло, не идет вода в другую мельницу, не крутятся жернова. Бросают поэтому в воды плотины ртуть в тайне от того, кто запрудил воду. Серебристый металл ведь все равно где-нибудь да

подточит запруду, вырвется вода, не застоится. И в глазах Мусы тоже та сокрушающая плотины капля ртути...»[1]

Джалиль никогда не был только профессиональным литератором. Всю жизнь он либо учился, либо работал, нередко совмещая по две-три должности одновременно. Товарищи поражались его неуемной энергии, широкой эрудиции, меткости и бескомпромиссности его суждений.

Такой же была и его поэзия — порывисто-страстной, убежденной в правоте дела социализма, непримиримой к его врагам и в то же время мягкой, лиричной.

В 1934 году выходят два больших сборника произведений Джалиля: «Орденоносные миллионы», куда вошли в основном стихи на комсомольско-молодежную тему, и «Стихи и поэмы», включившие в себя лучшее из того, что было создано поэтом в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Эти книги подводили итог всему предшествующему периоду творчества поэта, времени его творческого роста, и знаменовали собой начало зрелого этапа его поэзии.

Расцвет поэзии Джалиля приходится на время общего подъема татарской советской культуры, утверждения принципов социалистического реализма. Рядом с Джалилем и плечом к плечу с ним работали в эти годы такие талантливые и своеобразные поэты, как Хасан Туфан, Ахмед Файзи, Шайхи Маннур, Ахмед Ерикеев, Фатых Карим и др. Каждый из них, по-своему продолжая и развивая традиции Тукая и Такташа, искал новые краски для выражения нового содержания.

К середине тридцатых годов мир поэзии Джалиля становится глубже, значительнее, многообразнее. Обогащается и облик его лирического героя. Его чувства становятся психологически достовернее, а восприятие мира — философски значительнее, мудрее.

Так, лирический герой стихотворения «Молодость» с грустной улыбкой вспоминает свои боевые комсомольские годы («Молодость со мною не простилась, даже и руки не подала. До чего ж горда — скажи на милость. Просто повернулась и ушла») и слегка подтрунивает над самим собой. Но в этой его улыбке сквозит и тоска по ушедшей молодости, и гордость за свое поколение, и зрелое спокойствие умудренного, немало повидавшего в своей жизни человека. Проникновенным, бьющим через край лиризмом пронизано и стихотворение «Года, года...». Все, о чем пишет Джалиль, освещено его самобытной индивидуальностью, несет явственный след его незауряд-

---

[1] С. Хаким, Он мечтал о весне. — В кн.: Муса Джалиль, Избранное, М., 1976, с. 6.

ной, целостной натуры, нравственных исканий, раздумий, волнений. И в то же время, читая стихи и поэмы Джалиля, постоянно ощущаешь его сопричастность радостям, бедам и болям современников.

К этому времени окончательно сложился индивидуальный стиль поэта. Он характеризуется прежде всего страстным, эмоциональным отношением к событиям и фактам окружающей его жизни. С одной стороны, в этом находил выражение свойственный поэту исторический оптимизм, обусловленный его мировоззрением. С другой — проявлялись свойства его активной, чуждой рефлексии натуры и горячего темперамента. Любое событие жизни или явление действительности — как положительное, так и отрицательное — пробуждает у него порыв к немедленному действию, вызывает восторженное одобрение или столь же страстное неприятие. Или — или. Середины, как правило, нет. Герой его поэзии всегда воинственно активен. Ему противопоказаны праздная созерцательность, душевная пассивность, олимпийское спокойствие. В стихах Джалиля воплощались высокие нравственные критерии автора, чистота его души и помыслов. Но сами эти критерии рождены и подсказаны эпохой, навеяны временем.

Очень серьезное внимание обращал Джалиль на способы организации стиха: использовал различные вариации стихотворных размеров, прибегал к причудливой, порою непривычной, рифмовке. Его стихи отличаются энергичной, мажорной ритмикой, искусным использованием аллитераций и ассонансов. Особенно многообразна строфика песен Джалиля с их звонкими, запоминающимися рефренами. Зрелый Джалиль совершенно не пользуется свободными размерами и белым стихом, предпочитая классически четкую, чеканную структуру стихотворной речи.

В самых ранних стихах Джалиля метафора практически отсутствует. Затем поиски изысканной метафоры неожиданно выступают на первый план, становятся самоцелью, зачастую не способствуют, а затрудняют восприятие авторской мысли. Со временем Джалиль овладевает искусством бережного и экономного использования метафорического языка.

В качестве яркого примера можно взять написанное во второй половине тридцатых годов стихотворение «Одинокий костер». Оно начинается вроде бы с обычной жанровой картинки:

Ночной простор.
Я жгу костер.
Вокруг туман, как море...
Я одинок —
простой челнок,
Затерянный в просторе.

По мере развития авторской мысли открываются новые, вполне реалистические детали. Мы словно бы слышим треск горящего бурьяна, видим, как костер «мечет сноп огнистый», разделяем с героем его легкую грусть и необременительное одиночество: «То погрущу, то посвищу, То запою негромко». Поэт нигде не формулирует идею стихотворения прямо, не говорит о роли искусства, о тайной, заветной мечте всякого настоящего художника — согреть теплом своего огня людские сердца. Но стихотворение именно об этом:

Огонь, светящийся во мгле,
Заметят ли, найдут ли?
На звук, летящий по земле,
Ответят ли, придут ли?

Это одно из немногих стихотворений Джалиля, в котором он предстает перед нами в минуту неуверенности, сомнений.

Очевидно, поэт временами ощущал разлад между голосом сердца и собственными теоретическими установками и иногда, говоря словами Маяковского, становился «на горло собственной песне». Не случайно, по-видимому, это лирическое раздумье, как и ряд других замечательных стихотворений Джалиля, осталось при жизни поэта не напечатанным. Лиризм, так свойственный и творческой манере поэта, и его характеру, прорывался в них особенно явственно. Но неверно было бы расценивать такую подчиненность сознательным, рационалистически заданным самому себе установкам лишь как слабость поэта. Прав В. Воздвиженский, говоря об этом периоде творчества Джалиля: «Эмоционально-образное восприятие жизни освободило поэзию Джалиля от прямолинейности, но ничуть не лишило ее обычной целеустремленности, высокого общественно-политического тонуса».[1] Абсолютная поглощенность Джалиля делами общенародного масштаба была исторически обусловлена и вполне объяснима. Поэт был счастлив воспользоваться этой открытой великой революцией возможностью — жить жизнью других, для других, совершенно забывая о себе. В стихотворении «Года, года...», размышляя о годах борьбы и напряженного труда, оставивших морщины на лице и глубокие отметины в душе, автор заключает:

Я не в обиде.
Молодости пыл
Я отдал дням, что в битвах закалялись.
Я созидал, и труд мне сладок был,
И замыслы мои осуществлялись.

---

[1] «История татарской советской литературы», М., 1965, с. 364.

Это особенность поэзии не одного только Джалиля, а в той или иной мере почти всех советских писателей периода первых пятилеток (справедливо и обстоятельно пишет об этом Е. Любарева в книге «Республика труда» [1] на примерах творчества Н. Тихонова, Вл. Луговского, Б. Корнилова, Я. Смелякова, Дм. Кедрина и др.).

Читая такие стихи Джалиля, как «Зайтуне», «Родник», «Мы сквозь ресницы всё еще смеемся...», «Амине», «Когда она росла» и другие, чувствуешь человеческое тепло, жизнелюбие автора, обаяние его доброты. Это поэзия исключительной нравственной чистоты, привлекающая сердечностью и доверительностью интонации. В лирике Джалиля преобладает чувство единения с миром, слитности с другими людьми.

Поэзию Джалиля тридцатых годов можно назвать лирической летописью своего времени. В ней отразились события, которыми жила в то время вся страна, — развитие социалистической индустрии, колхозное строительство, великие стройки пятилеток, покорение Северного полюса, спасение челюскинцев, укрепление оборонной мощи нашей Родины. А самое главное, в ней отразилось становление нового советского человека, творца нового мира, новых человеческих взаимоотношений.

Нет резкой грани между Джалилем-журналистом, газетчиком и Джалилем-поэтом. Он часто выступает в периодической прессе тех лет с публицистическими статьями, очерками и репортажами о строителях Сталинградского тракторного завода и Московского метрополитена, пишет о большевистских темпах и об ударниках первых пятилеток, разоблачает бюрократов, взяточников, хапуг, делится своими раздумьями о молодежном движении и антирелигиозном воспитании, информирует читателей о ходе посевной и уборочной кампании. Проблемы эти так или иначе отразились и в его поэзии.

Для Джалиля — как в стихах, так и в его журналистской практике — не было «низких» тем. Он не считал зазорным для себя выступить со статьей о борьбе с сусликами — вредителями полей, написать передовицу ко дню Восьмого марта, проанализировать программу для педагогических училищ или призвать малышей помогать своим мамам. Все, что касалось страны, касалось и его лично. Поэтому у него немало стихов, написанных к различным знаменательным датам. Джалиль не считал такие стихи дежурными однодневками, а подходил к ним с полной мерой ответственности.

Если в стихах на политическую тему преобладает наступательный, мажорный дух, то в интимной лирике небосвод не столь без-

---

[1] См.: Е. Любарева, Республика труда, М., 1978.

облачен. В ней есть и грусть, и сомнения, и тяжелые переживания. «Как-то странно дружба завязалась. Всё в ней было — искренность и страсть. Но два сильных, гордых человека, Мы друг другу истерзали всласть» («Хадие». Из стихов, оставшихся неопубликованными при жизни поэта). В таких исповедальных стихах привлекает прежде всего глубина и правдивость лирического чувства. Такой же характер носят стихи «Синеглазая озорница. . .», «Латифе», «Я помню» и др. Но поэт ошибался, полагая, что стихи такого рода имеют слишком частный, интимный характер. Идеология ислама веками внедряла в сознание татарского народа презрение к женщине, рассматривала ее как существо низшего порядка, как бессловесную рабу, собственность мужа. В лирике же Джалиля — бережное, трепетное и нежное отношение к женщине, утверждающее ее право на самостоятельное чувство, семейное счастье, свободный выбор в любви. В этом — важный социальный аспект интимной лирики Мусы Джалиля.

С чувством неподдельного восторга пишет Джалиль о своих современницах, овладевающих новыми профессиями. О девушке Зейнаб, которая в числе первых в татарском селе села за руль трактора и штурвал комбайна («На ржаном поле»). О юной красавице Файрузе, выучившейся на агронома и переписывающейся с маститым академиком из Москвы (поэма «Письмоносец»). О бригадире Джиган, которая командует мужчинами, в том числе и своим мужем (поэма «Джиган»). О девушках — милиционерах, рыбачках, колхозницах, рабочих и т. д.

В этом отношении творчество Джалиля перекликается с рядом произведений писателей других национальных литератур. Так, в поэме «Астхик» армянского писателя А. Акопяна показано, как девушка из далекого горного селения, презрев вековые предрассудки, пошла учиться на инженера. В поэме «Алеся» Я. Купалы героиня, простая белорусская девушка, бросает вызов заскорузлому деревенскому укладу и становится летчицей. Сходные мотивы есть и в поэзии М. Исаковского. Уже само приобщение женщины, вчера еще забитой, бесправной, полуграмотной, а то и вовсе неграмотной, к профессии, требующей немалых знаний, профессиональной сноровки, а часто и недюжинной физической выносливости, советская литература тридцатых годов рассматривала как факт глубокого социального значения, свидетельствующий о тех новых, безграничных возможностях, которые открыла перед советской женщиной — и особенно перед женщиной национальных окраин — революция.

Поэзия Джалиля, продолжавшая лучшие традиции татарской и всей советской литературы, уже в довоенные годы перешагнула на-

циональные рамки. Переводы стихов Джалиля на русский язык часто публикуются в центральных газетах и журналах, входят в антологии и коллективные сборники. В 1935 году стихи поэта на русском языке выходят отдельной книгой.[1] Книга эта не осталась незамеченной. В рецензии на нее критик С. Гамалов писал: «Маленькая книжка стихов Мусы Джалиля доставит большую радость советскому читателю подлинной поэтичностью, сочетающей в себе железную волю с мягкой лиричностью, великий гнев с нежной любовью».[2] Как видим, еще задолго до войны рецензент выделяет в лирике Джалиля те черты, которые позднее в полную силу раскрылись в «Моабитских тетрадях».

5

23 апреля 1932 года Центральный Комитет партии принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». К этому времени в Татарии существовало несколько писательских объединений: ТАПП (Татарская ассоциация пролетарских писателей), Татарское отделение ЛОКАФ (Литературное объединение Красной Армии и Флота), Общество советских писателей, Союз крестьянских писателей. Группировки эти яростно дискутировали друг с другом, стремились навязать свои взгляды и установки другим, устраивали так называемые «литературные суды», на которых видные татарские писатели подвергались необоснованным нападкам и проработке с вульгарно-социологических позиций. (Так, в начале тридцатых годов руководители ТАПП организовали «суды» над Х. Такташем, Ф. Бурнашем, А. Кутуем и др.). Становилось очевидным, что рамки существующих литературно-художественных организаций, как отмечалось в постановлении, «становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества». Постановление Центрального Комитета, оздоровившее творческую атмосферу, было встречено татарскими писателями с искренним одобрением. «Это историческое решение, — писал М. Джалиль, — поставило вопрос о творческой работе в центр внимания будущего единого Союза советских писателей. Оно призвало советских писателей к еще более широкому и глубокому показу успехов нашего великого со-

---

[1] См.: Муса Джалиль, Стихи. Авториз. перевод с татарского А. Миниха, М., 1935.

[2] С. Гамалов, Лирика любви и труда. — «Художественная литература», 1935, № 9, с. 34—36.

циалистического строительства, дав новую творческую зарядку лучшим представителям советской литературы». [1]

Важнейшим событием литературной жизни и яркой демонстрацией единения братских литератур нашей страны явился состоявшийся в августе 1934 года Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Выступая с докладом о татарской литературе, руководитель делегации писателей Татарии Кави Наджми отметил, что татарская литература «сделала крупный шаг по пути ликвидации национальной ограниченности, ограниченности тематики и проблем, по пути отражения новых социальных и культурно-бытовых явлений, которыми так богата наша социалистическая действительность». [2] В числе других татарских советских поэтов, идущих по этому пути, докладчик назвал и Мусу Джалиля.

Во второй половине тридцатых годов поэзия Джалиля обогащается качественно новыми чертами.

Прежде всего необходимо отметить резко возросший интерес поэта к фольклору, что привело к сознательной и последовательной ориентации на жанры, язык, образную систему устного народного творчества. Джалиль с детских лет впитывал в себя богатства устного творчества татарского народа. Волшебные сказки, рассказанные бабушкой Гильми, народные песни, которые часто напевала мать, бывшая когда-то первой певуньей на селе и сама сочинявшая песни и частушки, — все это отложилось в памяти впечатлительного мальчугана.

Муса уже в ранних своих произведениях нередко использовал фольклорные сюжеты, образы, стихотворные размеры народных песен и частушек. Основой нового, более глубокого понимания им роли и сущности устно-поэтического творчества стал доклад Горького на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. В целом ряде своих произведений второй половины тридцатых годов поэт прибегает к таким традиционным приемам татарского фольклора, как образный параллелизм, постоянные эпитеты и сравнения, традиционные зачины, повторы и т. д. Особенно удачно и органично звучат фольклорные мотивы и приемы в лирических песнях Джалиля. Многие песни на его слова получили широчайшую популярность и стали национальным достоянием татарского народа («Воспоминание», «По ягоды», «Волны-волны» и др.). В песнях Джалиля — на-

---

[1] Цит. по кн.: «Современная татарская литература», М.—Л., 1933, с. 9.

[2] «Первый Всесоюзный съезд советских писателей». Стенографический отчет, М., 1934, с. 67.

родный язык, народный юмор, лаконизм и образность, свойственные татарскому фольклору. Следует подчеркнуть, что это была не просто стилизация, а сознательная творческая учеба, органическое усвоение фольклора, который Джалиль справедливо называл «явлением гениальности народа». [1]

Первый Всесоюзный съезд советских писателей имел немалое значение и для разоблачения антимарксистского вульгарно-социологического подхода к классическому наследию. Джалиль пересматривает в эти годы свое отношение к великим творениям прошлого, которые он в период засилья рапповских концепций в запальчивости отрицал или же недооценивал. В 1937—1938 годах он работает над составлением собрания сочинений классика татарской и башкирской литератур Маджита Гафури и пишет глубокое, обстоятельное предисловие. В эти же годы появляется в печати большая статья Джалиля о творчестве Габдуллы Тукая, дающая высокую оценку поэзии народного татарского поэта, обзорный материал об истории татарской литературы, статьи и рецензии о произведениях Х. Такташа, Ш. Камала и др. Меняется не просто отношение к культурному наследию прошлого, не только оценки конкретных произведений. Учеба у классиков способствует возмужанию таланта Джалиля, совершенствованию его литературного мастерства.

В тридцатые годы продолжают углубляться литературные связи татарских писателей с писателями других братских республик, резко возрастает число переводов как с татарского, так и на татарский язык. Джалиль принимает активное участие в этом ответственном и благородном деле. Так, он переводит «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели (в соавторстве с А. Файзи), поэму «Батрачка» Шевченко, пушкинские стихи, стихотворения Некрасова, Маяковского, Лебедева-Кумача, Голодного, Ухсая, Табидзе и др. Работая во второй половине тридцатых годов заведующим литературной частью татарской оперной студии в Москве, поэт переводит на татарский ряд романсов, арий, дуэтов и оперных либретто.

Предвоенные годы в творчестве Джалиля отмечены также усилившейся тягой к эпической широте изображения. В это время им создано несколько крупных эпических поэм и драматических либретто.

Очень интересна неопубликованная при жизни автора поэма «Директор и Солнце» (1935). Она осталась незавершенной. Отсюда некоторые длинноты, неотшлифованные строчки, не совсем оправдан-

---

[1] М. Джалиль, Сочинения в трех томах, т. 3, Казань, 1956, с. 348 (на татарском языке).

ная концовка. Но произведение в целом представляет собою новый, заметный этап в творчестве Джалиля.

В поэме два главных действующих лица: директор совхоза и... Солнце. Солнце — не абстрактный символ, а своеобразный образ-характер, четко индивидуализированный персонаж. Даже имя у него чисто женское, татарское: Биби-Кояш, то есть Биби-Солнце. Биби-Солнце предстает перед нами в виде этакой татарской молодайки — крепкой, здоровой, румяной, задорной. Оно встает с рассветом и неустанно трудится весь день, до самого вечера: растит хлеба, согревает землю, помогает тянуться ввысь деревьям и травам. Биби-Солнце не лишено и таких чисто женских слабостей, как чрезмерное любопытство, юное озорство, кокетство.

Создавая этот образ, Джалиль в какой-то мере опирался на опыт Вл. Маяковского («Чрезвычайное происшествие...»), но главным образом — на фольклорные традиции. В татарских народных песнях солнце служит синонимом трудолюбия и образным определением женской красоты. Само слово «Кояш» является распространенным женским именем. Поэт ввел этот образ, чтобы подчеркнуть самоотверженный труд директора совхоза. Как ни рано в разгар страды встает солнце, а директор в это время уже на ногах. Солнце уходит на покой, а директор все еще тянет груз забот большого коллективного хозяйства...

Подчеркнутая условность сюжета, обнаженность приема, лукавство авторского взгляда (не случайно произведение снабжено подзаголовком «озорная поэма») придают поэме своеобразную стилистическую окраску. Поэт вовсе не стремится убедить читателя в достоверности описываемого. По-фольклорному фантастический сюжет служит лишь своего рода канвой, по которой вышиты причудливые цветы народного юмора, пестрые песенные узоры, перемежающиеся то картинками природы, то жанровыми сценками.

Таковы же по характеру и стилистическому рисунку поэмы «Джиган» (1935—1938) и «Письмоносец» (1938). И в этих произведениях теплый лиризм сочетается с мягкой и доброй авторской улыбкой. Сюжет и там и тут комедийно-условен. В первом случае это терзания колхозника Шангерея, жена которого назначена бригадиром. Самолюбие Шангерея, привыкшего верховодить в семье, уязвлено тем, что он оказался в подчинении у собственной жены. Во втором — страдания влюбленного почтальона Тимербулата, который вынужден собственноручно приносить своей любимой письма от незнакомого ему «соперника» из Москвы. Читатель с улыбкой следит за перипетиями комического сюжета, не принимая описываемые события слишком уж всерьез, ибо с самого начала верит: со-

гласно законам жанра, все должно окончиться благополучно. И в самом деле, самолюбивый Шангерей, задумавший было разводиться с женой-начальницей, осознает свою ошибку и перевоспитывается. Недоразумения между влюбленными в поэме «Письмоносец» также в конце концов рассеиваются: таинственный незнакомец оказывается известным академиком, помогающим девушке-агроному своими советами.

В связи с поэмой «Письмоносец» в татарской печати возникла небольшая дискуссия об использовании фольклорных мотивов и красок в художественной литературе. Поэт Шайхи Маннур, соглашаясь с той высокой оценкой, которую поэма получила в критике и среди читателей (по его признанию, поэма «Письмоносец» явилась самым крупным, самым значительным событием в татарской поэзии конца тридцатых годов), все же предъявил автору серьезный упрек: полное растворение в фольклорной стихии. Однако другие участники дискуссии (прозаик Мирсай Амир и литературовед М. Файзуллина) полагали, что использование традиций народного творчества — самая сильная сторона этого яркого и незаурядного произведения.

В предвоенные годы Джалиль написал четыре оперных либретто. Самое значительное из них — либретто оперы «Алтынчеч» («Золотоволосая», 1936, музыка татарского композитора Н. Жиганова).

Джалиль работал над этим произведением несколько лет. Тщательно изучал историю, эпическое наследие татарского, башкирского и других народов, постигал особенности оперного искусства. Поэт задумал произведение, органично сочетающее легенду и историческую реальность, сказочную условность и социальную достоверность. Задачу эту он разрешил блестяще. В произведении действуют персонажи подлинной эпической глубины и мощи, большой обобщающей силы: мудрая прародительница рода старая Тугзак, золотоволосая красавица Алтынчеч, воплощающая в себе вечную юность и красоту народной души, бесстрашный защитник интересов народа Джик. Им противопоставлены злобные и коварные враги: хитрый хан Мемет, его прислужник — трусливый Урмай и др. В полном соответствии с традициями народного эпоса поэт не индивидуализирует своих полумифических героев, а, напротив, укрупняет их, характеризуя одним-двумя яркими запоминающимися мазками и отсекая черты мелкие, бытовые, нехарактерные. Как писал сам автор в предисловии к литературному варианту поэмы «Алтынчеч», действующие лица произведения — не обычные «земные» люди, а «обобщенные образы, олицетворяющие ту или иную философскую мысль».[1]

[1] М. Джалиль, Сочинения, с. 360.

Произведение привлекает богатством языка, яркой образностью, подлинно народной основой:

Если страна Тугзак — бескрайнее небо,
Вы — яркие звезды мои.
Если страна Тугзак — бездонное озеро,
Вы — мои шаловливые бобры.
Увеличится число звезд —
Станет прекраснее небо.
Возрастет семейство бобров —
Прибавится озеру славы.

(Монолог Тугзак. Подстрочный перевод)

Премьера оперы «Алтынчеч» состоялась уже в первые дни Отечественной войны. Публика встретила ее восторженно. Республиканские газеты посвятили премьере целые полосы, напечатали десятки отзывов людей разных профессий. С тех пор опера не сходит со сцены Татарского театра оперы и балета, по праву носящего имя Мусы Джалиля.

Наряду со сценическим вариантом, автор подготовил и издал отдельной книгой полный литературный вариант либретто, назвав свое произведение «драматической поэмой».

Творческое использование поэтики народных сказаний, увлекательность и динамизм сюжета, впечатляющая сила эпически укрупненных образов обеспечили либретто «Алтынчеч» вторую жизнь — теперь уже как самостоятельного литературного произведения (случай в музыкальной практике не столь уж частый).

Около пяти лет (с небольшим перерывом) Джалиль проработал редактором детских журналов. Почти всю литературную работу он вел один. Писал передовые статьи, корреспонденции, готовил сатирические материалы и юморески под рубрикой «Из блокнота Шамбая», вел обширную переписку с юными читателями из разных уголков страны, обрабатывал материалы юнкоров. В эти годы Муса приобрел вкус к работе с детьми, лучше узнал детскую психологию. Он пишет пионерские песни и марши, басни и стихотворные фельетоны, пейзажные зарисовки и изящные миниатюры для самых маленьких. Много писал Джалиль для детей и позднее, в середине и второй половине тридцатых годов. В 1940 году он издал альбом детских песен,[1] куда вошли стихотворения «Мой пес», «Родник», «Звезды», «Кукушка», «Вороватый котенок», «Петушок», «Колыбель-

---

[1] «Первый альбом для детей». Музыка Дж. Файзи, слова М. Джалиля, Казань, 1940.

ная дочери» и другие, положенные на музыку татарским композитором Дж. Файзи.

С увлечением занимался поэт и переводами детской литературы. Так, в переводах Джалиля вышли отдельными изданиями на татарском языке «Девочка чумазая» А. Барто (1936), «Детки в клетке» С. Маршака (1938), «Книжка эта про четыре цвета» Н. Саконской (1938) и др.

Поэт очень внимателен к музыкальной стороне стиха. Его детские стихи тонко инструментованы, богаты внутренними созвучиями, неожиданными и глубокими рифмами. В них нередко встречается чисто звуковая игра, которую так любят дети и которую особенно трудно сохранить в переводе.

Так, в стихотворении «Петушок» Джалиль обыгрывает звонкоголосое пенье петуха, в «Кукушке» — грустный монотонный голос лесной птицы. В «Вороватом котенке» мы словно бы слышим довольное мурлыканье хитрого котенка, в стихотворении «Мой пес» — отрывистый лай исполнительного пса. В пейзажных стихах для детей слышен то звон капели, то треск ломающихся льдин («челтыр-челтыр»), то шепот теплого весеннего дождя. Песни Джалиля для детей отличаются простотой языка, своеобразной строфикой, бодрой, энергичной ритмикой. Работая совместно с композиторами, поэт учитывал требования мелодии, добивался гармоничности и естественности звучания песни.

Вот почему Джалиль справедливо считается одним из зачинателей татарской советской литературы для детей.

В середине тридцатых годов, когда уже явственно «тянуло порохом со всех границ» (В. Маяковский), Джалиль пишет ряд стихов и песен на военно-патриотическую тему, в том числе балладу «Матрос Штепенко», создает поэму для детей «Джим». Показывая в своей поэме разгул террора и расизма в фашистской Германии, поэт в то же время верит в силы, способные противостоять фашизму. Джалилю удалось рассказать об этом так просто, доходчиво и впечатляюще, что на этой поэме воспитывались и воспитываются в духе гуманизма и интернационализма целые поколения татарской детворы.

В предвоенные годы Джалиль переезжает в Казань и работает заведующим литературной частью только что созданного Татарского оперного театра. Писатели Татарии выбирают его руководителем своей творческой организации. Депутат Казанского Горсовета Муса Джалиль по-прежнему в гуще жизни, часто встречается со своими избирателями, выполняет большую общественную работу. Поэт живет новыми творческими планами: задумывает большой роман из

истории комсомола, начинает поэму о современной деревне, либретто оперы о рыбаках Каспия.

Война перечеркнула эти планы...

6

23 июня 1941 года, на второй день войны, Джалиль отнес в военкомат заявление с просьбой направить его на фронт, а 13 июля он уже надел военную форму. Вначале поэт попал в формирующийся под Казанью артиллерийский полк «конным разведчиком», как значилось в его личном деле, а попросту говоря — ездовым. Когда выяснилось, что рядовой Залилов — известный писатель, руководитель татарской писательской организации, его хотели либо демобилизовать, либо оставить в тыловой части. Но Муса решительно воспротивился этому и добился отправки в действующую армию. Окончив краткосрочные курсы политработников, он прибыл на Волховский фронт корреспондентом армейской газеты «Отвага».

Началась жизнь армейского политработника и военкора, полная трудностей, лишений и риска. «Только на передовой линии можно видеть нужных героев, черпать материал, следить за боевыми фактами, без которых невозможно сделать газету оперативной и боевой, — писал Джалиль с фронта своему другу Г. Кашшафу. — Моя жизнь сейчас проходит в боевой обстановке и в кропотливой работе и походе. Поэтому я сейчас ограничиваюсь фронтовой лирикой, а за большие вещи возьмусь после победы, если останусь жив». [1]

Война не заставила поэта растеряться. Муса был внутренне готов к ней и буквально с первых же дней, еще не взяв в руки боевого оружия, начал сражаться с врагом пером поэта. В первые недели Отечественной войны он написал цикл стихотворений «Против врага», куда вошли боевые песни, марши, страстные патриотические стихи. Стихи эти построены как взволнованный монолог. Их сила — в убежденности автора, подлинности его гражданского пафоса. Поэт глубоко возмущен посягательством фашистов на мирный труд советских людей и призывает к беспощадной мести, к борьбе до последнего дыхания.

Несколько иной характер носят стихи, написанные на фронте. Поэт осваивает новый жизненный материал, метко подмечает конкретные детали фронтовой действительности («Язык», «Победа»).

---

[1] Муса Джалиль, Сочинения, с. 503.

На смену патетическому монологу и открытой публицистичности приходит фронтовая лирика, просто и достоверно раскрывающая чувства и мысли человека на войне («Прощай, моя умница», «Моей дочери Чулпан», «На память другу», «Письмо из окопа» и др.). Такие стихи, как «Смерть девушки», «Слеза», «След», не могли оставить читателя равнодушным, они звали к отмщению, к немедленному действию.

Написанное Джалилем в первые месяцы войны вошло в сборник «Клятва артиллериста» (1942). Один из основных мотивов книги — верность воинской клятве. Мысль эта в той или иной форме звучит почти в каждом стихотворении.

3 июня 1942 года Джалиль писал с Волховского фронта Гази Кашшафу: «Я продолжаю писать стихи и песни. Но редко. Некогда и обстановка другая. У нас сейчас кругом идут жестокие бои. Крепко деремся, деремся не на жизнь, а на смерть... Поэтому поэма пока откладывается. Но я скоро вышлю 10—15 коротеньких песен и стихов и очень прошу планировать второй сборник. Очень прошу».[1]

В то время, когда Джалиль писал это письмо — свое последнее письмо с фронта, 2-я ударная армия была уже полностью окружена и отрезана от основных сил («кругом идут жестокие бои»). Связь с Большой землей, хотя и не регулярная, поддерживалась лишь самолетами. И все же поэт, не ждавший ниоткуда «ни спасенья, ни чуда», продолжал писать. Здесь, в окружении, в сложнейшей обстановке, написаны многие замечательные стихи.

Очевидцы рассказывают, что Муса все время носил в своей походной сумке толстую потрепанную тетрадь, в которую он записывал все сочиненное им. Там были наброски новой поэмы и, по-видимому, другие не дошедшие до нас стихотворения.

25 марта, высылая Кашшафу несколько новых стихотворений, Муса писал: «Это так, среднего уровня стихи, куда-нибудь пригодятся. Есть у меня незаконченные две замечательные баллады — «Баллада о последнем патроне» и «О двух глазах и двух сыновьях», но они еще в работе».[2] Неделю спустя Джалиль снова называет стихи, над которыми он работает в недолгие передышки между боями: «Баллада о последнем патроне», «Сон», «Поход смерти», «Мать».

Из всех перечисленных стихов поэт успел закончить и переслать в Казань лишь стихотворение «Сон».

---

[1] Муса Джалиль, Сочинения, с. 504.
[2] Там же, с. 498.

Некоторое время от Джалиля еще приходили письма. А с июля 1942 года все связи с ним прервались. Наконец пришло уведомление, что Муса пропал без вести.

...23 апреля 1945 года 79-й стрелковый корпус Советской Армии, наступавший в направлении рейхстага, вышел на рубеж берлинских улиц Ратеноверштрассе и Турмштрассе. Впереди сквозь дым разрывов показалось мрачное серое здание за высокой кирпичной стеной — тюрьма Моабит. Когда бойцы ворвались во двор тюрьмы, там уже никого не было. Лишь ветер носил по двору мусор, обрывки бумаги, ворошил страницы каких-то книг, видимо выброшенных взрывом из тюремной библиотеки. На чистой страничке одной из этих книг кто-то из солдат заметил запись на русском языке: «Я, татарский поэт Муса Джалиль, заключен в Моабитскую тюрьму как пленный, которому предъявлены политические обвинения, и, наверное, буду скоро расстрелян. Если кому-нибудь из русских попадет эта запись, пусть передадут привет от меня товарищам-писателям в Москве, сообщат семье». Бойцы переслали этот листок в Москву в Союз писателей. Так на Родину пришла первая весть о подвиге Джалиля.

В 1946 году бывший военнопленный Н. Терегулов принес в Союз писателей Татарии маленький блокнотик, в котором убористым почерком было записано шестьдесят стихотворений Джалиля. В следующем году бельгийский патриот Андре Тиммерманс, сидевший в одной камере с поэтом, переслал в Казань еще одну тетрадку со стихами Джалиля. Стихи из этих блокнотов получили ныне широчайшую известность под именем «Моабитские тетради». Но потребовалось немало лет, чтобы шаг за шагом проследить путь поэта в лагерях смерти, выяснить все обстоятельства его подвига.

В конце июня 1942 года при попытке прорвать кольцо окружения тяжело раненный, оглушенный взрывной волной Муса попал в плен. После многомесячных скитаний по лагерям для советских военнопленных Джалиля привезли в польскую крепость Демблин. Здесь гитлеровцы собирали военнопленных татар, башкир и других национальностей Востока. Муса встретил в этом лагере своих земляков, познакомился с другими пленными из числа тех, кому можно было доверять. Они и составили впоследствии ядро созданной им подпольной организации.

В конце 1942 года фашисты развернули формирование так называемых «национальных легионов». В числе других в польском местечке Едлино был создан легион «Идель-Урал» из пригнанных насильно военнопленных из числа народностей Поволжья (так как подавляющую часть легиона составляли волжские татары, немцы обычно называли его Волго-татарским легионом). Фашисты вели

идеологическую обработку пленных в националистическом и антисоветском духе, готовясь использовать легионеров в военных действиях против Советской Армии. Сорвать замыслы фашистов, повернуть оружие против них — такую задачу поставила перед собой подпольная группа Джалиля. Подпольщики сумели проникнуть в редакцию издаваемой немецким командованием газеты «Идель-Урал», печатали и распространяли среди легионеров антифашистские листовки, создавали тщательно законспирированные боевые подпольные группы — «пятерки».

Первый же батальон Волго-татарского легиона, посланный на Восточный фронт, поднял восстание, перебил немецких офицеров и влился в отряд белорусских партизан.

В августе 1943 года гитлеровцам удалось напасть на след подпольной группы. Муса Джалиль и большинство его боевых товарищей были арестованы. Начались дни и ночи допросов, пыток. Гестаповцы сломали поэту левую руку, отбили почки. Тело его было исполосовано электрическим шнуром и резиновыми шлангами. Раздробленные пальцы распухли и почти не гнулись. Но поэт не сдался. Он и в тюрьме продолжал схватку с фашизмом — теперь уже оружием песни.

7

Об ужасах фашистской неволи написано немало. Едва ли не каждый год появляются новые книги, пьесы, фильмы на эту тему...

Но никто не расскажет об этом так, как это сделали сами узники концентрационных лагерей и тюрем, свидетели и жертвы кровавой трагедии. В их свидетельствах — нечто большее, чем суровая достоверность факта. В них большая человеческая правда, за которую заплачено самой дорогой ценой — ценой собственной жизни.

Одним из таких неповторимых, обжигающих своей подлинностью документов истории являются и «Моабитские тетради» Мусы Джалиля.

В них мало бытовых деталей, почти нет сколько-нибудь подробных описаний тюремных камер, мытарств и жестоких унижений, которым подвергались узники. В этих стихах иного рода конкретность — конкретность эмоциональная, психологическая.

Чувства поэта предельно обнажены. Связей с большим миром, с жизнью Родины — почти никаких. Муса один на один со своим блокнотом. И эта бедность впечатлений внешнего мира еще отчетливее подчеркивает богатство внутреннего, духовного мира поэта.

По многим стихам моабитского цикла видно, как нелегко приходилось Джалилю. Тоска и отчаяние тяжелым комом застревали в горле. Надо знать жизнелюбие Мусы, его общительность, привязанность к друзьям, жене, дочурке Чулпан, его любовь к людям, чтобы понять всю тяжесть его вынужденного одиночества. Нет, не физические страдания, даже не близость смерти больнее всего угнетали Джалиля, а разлука с Родиной, с близкими, смерть на чужбине. Он не был уверен в том, что Родина узнает правду о мотивах его поступков, не знал, вырвутся ли на волю его стихи. А вдруг фашистам удастся оболгать его, и на Родине о нем будут думать как о предателе?

Однако, когда читаешь даже самые мрачные, безысходные строки Джалиля, в душе не остается тяжелого чувства. Наоборот, чувствуешь гордость за человека, за величие и благородство его души. Человек, который так любит свою Родину, свой народ, так привязан к ним тысячами живых нитей, не может исчезнуть бесследно, ибо он существует не только в себе, для себя, но и в сердцах, помыслах, памяти многих и многих людей. В «Моабитских тетрадях» нет мотивов обреченности, пассивной жертвенности, как не было их в здоровой, влюбленной в жизнь душе поэта.

При всей исключительности личной судьбы поэта, его мысли и чувства типичны для многих, поскольку смертельная схватка с фашизмом потребовала от советских людей полного напряжения духовных и физических сил, беспримерного мужества и героизма. Особые обстоятельства, в которых оказался Джалиль, лишь еще сильнее подчеркнули всю меру стойкости советского человека, несокрушимую силу его справедливого гнева и воли к борьбе.

Поэзия Джалиля, таким образом, не ограничивается рамками одной судьбы, пусть даже замечательной, а показывает самые истоки нашей победы.

Но героическое в «Моабитских тетрадях» не исключает трагического. Читая стихи Джалиля, мы ни на минуту не забываем о том, что их написал человек, над головою которого навис топор палача. Как и миллионы его соотечественников, он отдал жизнь за свободу Родины. Сила духа Джалиля не в том, что он совсем не знал страха смерти, а в том, что он умел преодолевать его и гордо, спокойно смотреть в лицо смерти.

Необходимо подчеркнуть в то же время, что стихи, созданные в Моабитской тюрьме, — не просто человеческий документ, но и самая высокая поэзия. Эту поэзию отличает подлинная внутренняя культура, уверенное владение стихом, глубокая национальная основа. По единодушному признанию критики, моабитский цикл — это

наивысшее достижение татарской поэзии периода Отечественной войны и одна из вершин всей советской многонациональной литературы.

То, что накапливалось в творчестве Джалиля постепенно, годами, проявилось в ослепительно-яркой вспышке. Со страниц «Моабитских тетрадей» перед нами встает не просто хороший поэт, не просто талант, принадлежащий одному народу, а поэт, по праву принадлежащий к числу лучших сынов человечества.

В своем раннем творчестве Джалиль, стремясь передать пафос общенародной борьбы за свободу, порою терял неповторимость личного, индивидуального. Все, о чем рассказано в «Моабитских тетрадях», — глубоко личное, сокровенное. Но от этого оно не перестало быть общественно значимым. Здесь был найден тот чудесный сплав личного и общенародного, к которому поэт стремился всю жизнь.

Одно из главных достоинств моабитского цикла, обеспечивших ему широчайшую популярность и всемирную известность, — это ощущение подлинности чувств. Мы верим буквально каждому слову поэта, ощущаем ледяное дыхание смерти, стоявшей за его спиной. И острая боль разлуки, и тоска по воле, и горечь, и сомнения, и гордое презрение к смерти, и ненависть к врагу — все это воссоздано с поразительной, потрясающей душу силой.

В «Моабитских тетрадях» поражает острота ощущения полноты жизни в предчувствии близкой насильственной смерти. Нерв цикла, его стержневой конфликт — это извечное столкновение жизни и смерти, человечного и бесчеловечного. Джалиль, столкнувшийся с фашизмом лицом к лицу, с особенной остротой и наглядностью выразил мысль об античеловеческой сущности гитлеризма. В таких стихах, как «Волшебный клубок», «Варварство», «Перед судом», разоблачается не просто жестокость и бездушие фашистских палачей. Поэт самой логикой художественных образов подводит нас к мысли о том, что фашизм органически враждебен всему живому. Фашизм и смерть для поэта — синонимы.

Так, в стихотворении «Варварство» показана сцена жестокой расправы фашистских палачей над мирными советскими жителями. Но главное содержание стихотворения — не в столкновении палачей и их жертв, а в противоборстве сил жизни и смерти. Смерть в облике фашистов торжествует, упиваясь своей жестокостью, пьянея от пролитой крови. Но это торжество временное, потому что вся природа негодует против такой бесчеловечности. Реки рыдают, кричат «ручьи, словно малые дети», при виде невинных жертв, и в ярости рыдает и стонет земля, и солнце выходит из туч, чтобы в последний раз поцеловать детские глаза. Все живое, таким образом, ополчается против гитлеровцев, противостоит им. Фашизм по самой

своей природе несовместим с жизнью на земле и потому обречен — такова основная мысль стихотворения.

Показывая социальное и нравственное уродство фашизма, поэт прибегает к гротескным, гиперболическим образам, густым и контрастным краскам. Фашист — это подручный смерти, наймит варварства, сгубивший немало живых душ: «когда б земля про всё узнала, Она — разверзлась бы под ним» («Тюремный страж»). В стихотворении «Каменный мешок» фашистская Германия уподобляется гигантской и бездушной мельнице, перемалывающей жизнь людей:

Мельник злится, от крови пьян:
Не мука — кровь течет из ран.
Жадно пьет ее клоп проклятый —
Бесноватый, слепой тиран.

В «Волшебном клубке» поэт прибегает к образам фантастических чудовищ, созданных народным воображением. Гитлеровская Германия представляется поэту мрачным подземным царством сказочного дива-людоеда.

Но ненависть к фашизму как к социальному явлению нигде не оборачивается у Джалиля ненавистью к немецкому народу. Поэт всегда с большим уважением относился к Германии Маркса и Тельмана, Гете и Гейне, Баха и Бетховена. Брошенный в каменный мешок Моабитской тюрьмы, со дня на день ожидая смертной казни, он не хочет верить в то, что весь немецкий народ отравлен ядом нацизма. Глубоко символично, что, задыхаясь во мраке фашистской ночи, поэт тоскует о солнце — солнце знания, передовой культуры, бессмертных идей марксизма-ленинизма, — верит в то, что оно засияет над обновленной Германией («В стране Алман»).

Вера Джалиля в торжество разума, жизни и света над мраком и безумием настолько велика, что в самый разгар войны, в ноябре 1943 года, он пишет о войне в прошедшем времени, как будто победа уже свершилась:

Но через слезы, пепел, кровь
Страна к победе шла великой,
И вот земля оделась вновь
В цветы и просветлела ликом.

(«Цветы»)

По меткому выражению одного из исследователей, в «Моабитских тетрадях» есть целый цикл «послевоенных» стихотворений [1]

[1] Р. Бикмухамедов, Муса Джалиль. Критико-биографический очерк, М., 1957.

(«После войны», «Уходи, горе», «Раны», «Цветы» и др.). Устремляясь в будущее, поэт живет пафосом мирного труда, творческого созидания. Он пишет о том, как уставшие от крови и смерти люди восстанавливают разрушенные дома, поднимают из руин сожженные села, лечат измученную землю («Помощь весне», «Строитель»).

Эта спокойная и стойкая уверенность в победе, в неодолимости сил жизни рождает своеобразный жизнеутверждающий тон «Моабитских тетрадей». Стихи, написанные накануне казни, то и дело озаряются улыбкой спокойного, уверенного в своем превосходстве человека, а нередко в них звучит смех. Это может показаться неожиданным, даже невероятным, но факт остается фактом: юмористические мотивы сквозной нитью проходят через весь моабитский цикл. Есть здесь и изящные шуточные миниатюры («Соленая рыба», «Беда»), и развернутые сюжетные стихотворения балладного строя, пронизанные добродушной иронией и лукавством («Хадича», «Влюбленный и корова», «Любовь и насморк», «Соседи», «Гроб»).

Лирический герой молодого Джалиля сознательно выбрал путь борьбы, путь тревог, опасностей и риска. Размышляя о юности, сгоревшей в огненном пекле войны, он не жалел о своем выборе, так как жизнь его была отдана высокому и справедливому делу. В моабитских стихотворениях часто звучит мотив, возникший еще в поэме «Больной комсомолец» и глубоко аргументированный в записках, сделанных по дороге на фронт: человек, погибающий за правое дело, бессмертен, ибо его ожидает жизнь «в сознании, в памяти народа». В таких стихах, как «Сталь», «Дороги», «Не верь» и других, тема героической борьбы и гибели во имя общего дела получает лирико-философское решение.

В стихах моабитского цикла запечатлены и раскрыты с огромной эмоциональной силой и убедительностью жизненная программа Джалиля, его самые заветные убеждения, его нравственная концепция.

Моабитские стихи убеждают в том, что коммунистическая идеология не была для поэта суммой готовых книжных истин; она сделалась системой его мышления, неотъемлемым достоянием его ума и сердца. Джалиль всегда чувствовал себя на передовой линии борьбы за новую жизнь, всегда был и до последнего вздоха оставался верным сыном партии. Советский патриотизм, чувство коллективизма и пролетарского интернационализма определяли жизненную позицию Джалиля, одушевляли его творчество. В «Моабитских тетрадях» с необыкновенной яркостью и полнотой раскрылась гуманистическая сущность мировоззрения Джалиля.

Занимающая значительное место в моабитском цикле интимная лирика убедительно свидетельствует о силе чувств лирического героя, его цельности, чистоте души, высокой человечности. Поэт верит в животворную силу любви, это чувство обогащает его, придает стойкость и мужество в минуты самых тяжелых жизненных испытаний. Подобно Юлиусу Фучику, герой моабитского цикла готов, не колеблясь, пойти под топор палача, лишь бы хоть в чем-то облегчить участь сражающегося народа, хоть на день, хоть на час приблизить миг желанной Победы.

Многонациональная советская литература военных лет создала впечатляющий и жизненно правдивый образ солдата, верного своему патриотическому и интернациональному долгу. Рожденный Октябрем советский характер — вот основа народного подвига. Герой Джалиля так же, как герои Симонова и Твардовского, Корнейчука и Фадеева, принадлежа великому братскому единству советских людей всех национальностей, остается и сыном своего родного народа.

Этим определяется своеобразие восприятия им мира, особенности личности, весь его житейский и духовный опыт. Он взращен традициями, обычаями своего народа, с молоком матери впитал родной язык, богатства устно-поэтического творчества. Национальная почва придает герою поэзии Джалиля неповторимую конкретность и убедительность. Поэт постоянно прибегает в своих картинах к бытующим среди татар сказкам, песням, легендам, поэтическим сказаниям, обращается к истории своего народа и его революционным традициям. Так, он усматривает прямую связь между судьбой своего героя и жизнью одного из первых татарских большевиков-ленинцев Хусаина Ямашева («Тюремный страж»).

Национальное своеобразие поэзии Джалиля проявляется, в частности, в переплетении в моабитских стихах романтических и реалистических начал. Так, баллады «Праздник матери», «Соловей и родник», «Рубашка» и другие построены с широким использованием стилистических и жанровых особенностей устного творчества татарского народа. Поэт отказывается здесь от бытовых деталей, житейской достоверности, прибегает к укрупненному масштабу изображения и показывает героизм в его, если можно так выразиться, «очищенном» виде. Как верно подметил В. Воздвиженский,[1] советский воин выступает у Джалиля, как правило, в облике удалого джигита на горячем коне. При этом перед нами — не реальный боец-кавалерист, а традиционная эпическая фигура, перекликающаяся

---

[1] См.: В. Воздвиженский, Муса Джалиль. — В кн.: «История татарской советской литературы», М., 1965, с. 383.

с народными песнями и дастанами.[1] С другой стороны, он смело соединяет фольклорные традиционные образы с деталями повседневного воинского и житейского быта: на вооружении у джигита рядом с вполне современным автоматом — сказочный меч, романтический алмазный булат. Волшебная рубашка, возвращающая жизнь убитому на фронте бойцу, посылается обыкновенной посылкой через самое прозаическое почтовое отделение.

В стихотворении «Раб» автор не рисует подробной картины жизни военнопленного, избегает конкретных деталей, обращаясь к условно-аллегорическим образам: пленника гонят в тыл бичами, он сгибается под грузом, навьюченным на него, как во времена древнего рабства. В результате перед нами встает образ невольника, типичного для всех времен. Джалиль апеллирует к таким краскам, чтобы пробудить фантазию читателя, натолкнуть его на размышления о позоре плена, унизительной участи любого раба.

Такого рода образы восходят не только к эпическому наследию татарского народа, но и к романтическим мотивам татарской литературы, в частности к творчеству поэта и драматурга Ф. Бурнаша. Национальные художественные традиции во многом определяют и объясняют возвышенную, героико-романтическую тональность моабитского цикла.

Особое место среди стихов из «Моабитских тетрадей» занимают песни, созданные в духе народного песенного творчества («Костяника», «Песня», «Платок», «Лишь была бы волюшка» и др.). Поэт развивает лучшие традиции этого популярного жанра, опираясь на яркую образность татарского фольклора. Он отлично чувствует особенности музыкальной фразы и песенного сюжета, добивается емкого афористического звучания каждой строки. Многие из песен, написанных в Моабитской тюрьме, до сих пор звучат с эстрады, бытуют в народе.

Надо подчеркнуть еще одну особенность моабитского цикла. Многие моабитские стихи построены как прямое обращение, лирическое послание к любимой, к дочери Чулпан, к друзьям, единомышленникам. В одних стихах адресатом является Родина, родная земля, народ («Прости, Родина!», «К Двине», «Лес», «Волшебный клубок»), в других — враждебные силы («Палачу», «К смерти» и др.). Конкретность адресата придает поэтической речи Джалиля особую взволнованность, достоверность и проникновенность.

---

[1] Дастан — эпическое сказание героического или любовного характера.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1956 года за исключительную стойкость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, Мусе Джалилю посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А еще через год Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР присудил Мусе Джалилю — первому среди поэтов — Ленинскую премию за цикл стихотворений «Моабитская тетрадь».

В этом факте наглядно проявилось общенародное признание поэзии Джалиля как яркого образца героического искусства. Творческое наследие поэта-патриота стало ныне интернациональным достоянием.

В предисловии к одному из сборников Джалиля башкирский народный поэт Мустай Карим писал: «Мы благодарно думаем о татарской нации, сыном которой является Муса Джалиль. Она вложила накопленные веками свои душевные драгоценности в сердце сына... Муса Джалиль стал одной из вершин величия и гордости советского народа; именно такие, как полномочные послы, представляют свою Родину во всемирном духовном общении народов и племен. По ним судят люди мира о разуме и сердце народа, породившего их». [1]

Подвиг Джалиля и сегодня, несколько десятилетий спустя, служит примером подлинного мужества, верности гражданским идеалам. Немецкий публицист и переводчик, исследователь биографии Джалиля и страстный пропагандист его творчества в ГДР Леон Небенцаль писал в одной из своих статей: «В той борьбе, которую мы ведем против сил реакции, мы чувствуем великого поэта рядом с собой». [2]

Наследие Мусы Джалиля стало живой неотъемлемой частью сегодняшнего многонационального литературного процесса. Вобрав в себя и национальные традиции, и влияние восточной поэтики, испытав благотворное воздействие русской и всей мировой литературы, творчество Джалиля, в свою очередь, стало новым шагом в развитии этих традиций. Джалиль обновил и обогатил гражданское звучание, издавна отличавшее татарскую поэзию, привнес в нее яркий мотив героики. Можно утверждать, что «Моабитские тетради» Джалиля положили начало новой традиции, оказывающей прямое и благотворное влияние на последующие поколения татарских, да и не только татарских, писателей.

---

[1] Цит. по кн.: М у с а Д ж а л и л ь. Избранное. М., 1976, с. 9—10.

[2] Цит. по кн.: «Муса Джалиль». Материалы научной конференции, Казань, 1978, с. 10.

Все дальше уходят в прошлое события Великой Отечественной войны. Выросло уже новое поколение, знакомое с минувшей войной лишь по фильмам и книгам. Но подвиг советского народа живет. И Джалиль навечно с нами. Его имя носят улицы, пионерские отряды и дружины, колхозы, театры, клубы, пароходы. Его именем назван город в нефтяных районах Татарии и центральный проспект в Набережных Челнах, только что отстроенная улица в молодом поселке Беркакит на БАМе и одна из высочайших вершин в Антарктиде.

В Казани на площади Первого Мая неподалеку от Казанского кремля возведен памятник Мусе Джалилю (автор — скульптор Цигаль). Это памятник мужеству солдата и стойкости поэта-коммуниста. Но лучшим памятником поэту-герою и всем погибшим в минувшей войне стали стихи Джалиля. Крохотные тетрадки, спасенные из тюрьмы, стали томами книг на десятках языков. Они живут не только у себя на родине, но и по всей земле. В миллионах экземпляров они разлетелись по планете, находя приют всюду, где есть честные люди, влюбленные в жизнь и мирный труд, верящие в будущее человечества.

Рафаэль Мустафин

МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Я родился в 1906 году в семье Мустафы, сына Габдельджалила, в деревне Мустафино бывшей Оренбургской губернии (ныне Чкаловская область). В те времена отец мой крестьянствовал. А в 1913 году он попытался заняться мелкой торговлей, разорился, распродал все, что имел, землю, дом, и был вынужден уехать в город. В городе отец перепробовал много занятий, хватался то за одно, то за другое: был старьевщиком, собирал обноски и продавал на толчке; однажды устроился приказчиком, затем пошел в пекари. Жил на хуторе, был коробейником. Но жизнь никак не налаживалась. В 1918 году он вернулся в деревню. Там он и умер в 1919 году.

Учиться я пошел сначала в деревенский мектеб, а после переезда в город ходил в начальные классы медресе «Хусаиния». Когда родные уехали в деревню, я остался в пансионе медресе.

В эти годы «Хусаиния» была уже далеко не прежняя. Октябрьская революция, борьба за Советскую власть, ее укрепление сильно повлияли на медресе. Внутри «Хусаинии» обостряется борьба между детьми баев, мулл, националистами, защитниками религии и сыновьями бедняков, революционно мыслящей молодежью. Я всегда стоял на стороне последних и весной 1919 года записался в только что возникшую оренбургскую комсомольскую организацию, боролся за распространение в медресе влияния комсомола.

С ранних отроческих лет интересовался стихами, литературой. И в 1916 году сам начал сочинять стихи. Стихотворения 1916—1917 годов не сохранились. Одно стихотворение, написанное в 1917 году против войны в Европе, я было послал в газету «Вакыт», но — не напечатали.

1919 год... Оренбург в кольце белогвардейцев. Части Красной Армии, защищая город от наседавших казаков, которых было раза в три-четыре больше, сражались с удивительным героизмом. Казаки обстреливали город из пушек, поставленных на противоположной стороне Урала. Бои за город шли долго.

В это время в Оренбурге выходила газета «Кызыл юлдуз» («Красная звезда») — орган большевиков Туркестанского фронта. В ту пору, в 1919 году, я писал стихи, полные ненависти к белым бандам; стихи звали рабоче-крестьянскую молодежь в ряды Красной Армии, говорили о победе Красной Армии. Около десяти таких стихотворений напечатано в газете «Кызыл юлдуз».

Помнится, я со своим одноклассником, засунув за пазуху стихи, направился в редакцию «Кызыл юлдуз». Это был сентябрь 1919 года. Вошли в редакцию. И оба, не зная, что сказать, только озирались да растерянно глядели друг на друга. Все работники редакции в военной форме. К нам подошли.

— Ребята, что пришли?

Я смущенно вытащил из-за пазухи бумажный сверток. Я принес три стихотворения: «Счастье», «Ушли», «Красной Армии». Все, кто был в редакции, сгрудившись, стали их читать. Стихи, кажется, очень понравились.

— Кто это написал?

Мой приятель Идият торопливо ткнул в меня:

— Вот он написал...

Я покраснел. Я был очень маленького роста. Редактор ошарашенно поглядел и, быстро приподняв меня, поставил на стул. Все смотрели и смеялись:

— Сколько же тебе лет? Где учишься? Чей сын?

А я и не знаю, что сказать. Меня начали хвалить.

На другой день на первой странице газеты появилось мое стихотворение «Счастье».

Одно за другим «Кызыл юлдуз» напечатала все три стихотворения. Потом я снова принес стихи. И они были опубликованы. Под моими стихами ставили подпись «Кечкенэ Джалиль» («Маленький Джалиль»). Вот так я стал известен в Оренбурге.

Вскоре умер отец (1919); нужно было возвращаться в деревню.

В деревне еще не было комсомольцев. А среди учеников образовалась детская организация, в которой было около сорока человек. Назвали ее сначала «Кызыл юлдуз» («Красная звезда»), а потом переименовали в «Кызыл чечек» («Красный цветок»). Я был председателем. У нас была библиотека, журнал, клуб. И мы каж-

дую неделю ставили на деревенской сцене спектакли для детей. Для них я написал несколько пьес.

Эта организация сыграла большую роль в развитии детского коммунистического движения в нашем районе. Впоследствии она была объединена с губернским Пролетарским детским театром-клубом и работала под его руководством. «Красный цветок» — один из первых зародышей пионерского движения в наших краях.

В феврале 1920 года в деревне появляется комсомольская ячейка, куда и я вошел. И уже вместе с комсомольцами продолжал работу в детской организации.

В 1920—1921 годы в нашей стороне подняли голову кулаки. Они устраивали бунты, сколачивали банды. Для борьбы с этими бандами среди сельских комсомольцев создавались добровольческие отряды коммунаров. Я входил в один из отрядов и участвовал в разгроме кулацких шаек.

В 1921 году в деревню пришел жестокий голод. Мы с товарищем ушли из деревни, пешком прошли 150 километров до города. Но и в городе меня не поджидало счастье. Я попал в толпы людей, бежавших от голода, сдружился с мальчишками, промышлявшими хлеб насущный в базарной сутолоке. Два месяца ел что попало, ночевал где придется, воровал, был беспризорником.

В те дни встретился я с одним из сотрудников газеты «Кызыл юлдуз» и своим прежним учителем Нургали Надеевым. Они пожалели меня и, боясь, что пропаду, устроили, несмотря на мои юные годы, через губком в Оренбургскую военно-партийную школу. Ученики школы выполняли и воинские обязанности: несли в городе караульную службу, сражались с бандами. Так рано взял я в руки винтовку, стал бойцом.

Обязанности эти оказались мне еще далеко не по силам. Проучившись в военно-партийной школе шесть месяцев, я тяжело заболел и около года пролежал в больнице.

По выздоровлении меня, бывшего шакирда медресе «Хусаиния», взяли в педагогическое учебное заведение, основанное на месте прежней медресе. Но в учебе моей было мало проку, я еще не оправился после болезни.

В 1922 году, вновь вспомнив увлечение поэзией, написал много стихотворений. В эти годы я прилежно читал Омара Хайяма, Саади, Хафиза, из татарских поэтов — Дердмэнда. И стихи мои этого времени под их влиянием, романтичны. Написанные в эти годы «Гори, мир», «В плену», «Перед смертью», «Престол из колосьев», «Единодушие», «Совет» и другие наиболее характерны для этого периода.

По совету кое-кого из друзей осенью 1922 года поехал в Казань. До этого я в Казани не бывал. Знакомых у меня там не было. Меня вела в Казань, окрыляла вера в поэтическую силу.

Добирался я с великими трудностями. Но вот и Казань. Встречи с писателями.

Учиться было уже поздно. Устроился переписчиком в редакцию газеты «Татарстан».

По приезде в Казань стихи мои стали выходить один за другим в газетах и журналах.

Осенью 1923 года поступил на татарский рабфак, закончил его успешно в 1925 году. Рабфак серьезно повлиял на мои творческие поиски.

В 1922—1923 годы я был далек от реалистического воплощения социалистической действительности. Мои творческие принципы были таковы, что я был не в силах отобразить современную жизнь. Тематика стихов была далека от жизни. В годы рабфака в моем творчестве наметился переворот. В 1924 году я стал писать совсем иначе. Революционная борьба, рабочие будни фабрик и заводов, темы новой деревни входят в стихи в своем реально-жизненном виде. Можно, к примеру, указать на «Песню старой Сибири», «Больного комсомольца», «Старика труда», «В объятиях завода», «Дитя труда», «Газету», «Со съезда», «Ночной марш» и некоторые другие (они опубликованы в 1925 году в сборнике «Барабыз» — «Идем»).

В 1923 году написано несколько пьес. «Девушка Бибкай», «Гусиные крылья» игрались на сценах Казани и Уфы.

В 1925 году, закончив рабфак, я вернулся в Оренбург, чтобы помогать своим родным. Оренбургский губком направил меня инструктором в Орский уездный комитет комсомола. Год работал инструктором в уездном комитете комсомола Орска и еще год инструктором в областном комитете комсомола Оренбурга. Был членом губернского комитета комсомола. Комсомольская работа обогатила мой жизненный опыт, закалила меня, воспитала во мне новый взгляд на жизнь.

В 1927—1928 годы я продолжал комсомольскую работу уже в Москве.

Закончил литературный факультет Московского государственного университета. Работал ответственным редактором детских журналов «Кечкенэ иптэшляр» («Юные товарищи»), «Октябрь баласы» («Октябренок»), заведовал отделом литературы и искусства газеты «Коммунист».

Закалка в комсомольской работе, накопленный немалый практический опыт, приезд в Москву были для меня большим толчком,

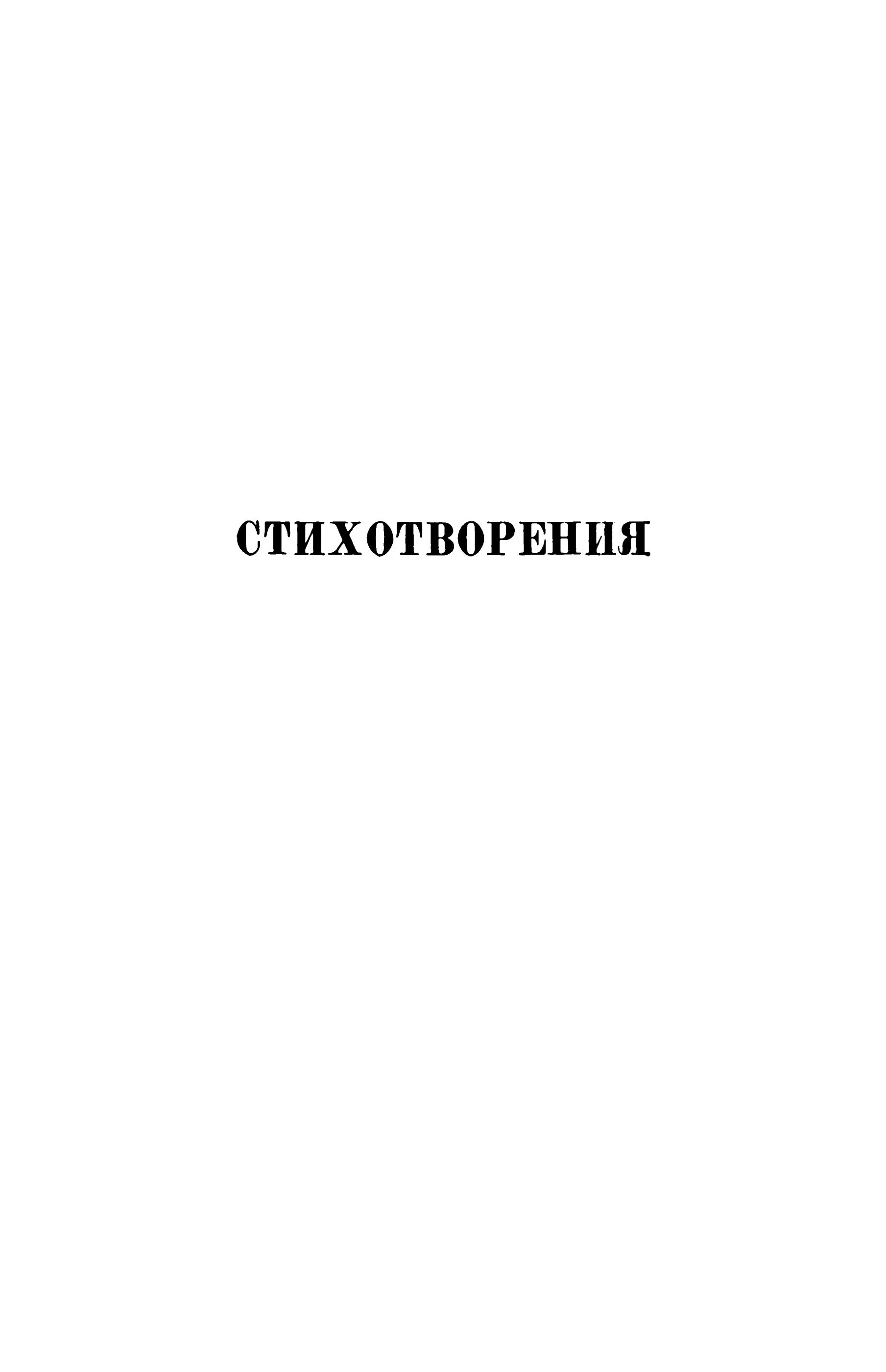
усилили творческую активность. Для этого периода типичны стихи: «Плакать или смеяться», «В больнице», «Утро праздника», «Из дневника студента», «К смерти» и др.

Написанное в этот период собрано в книгах «Иптэшкэ» («Товарищу», 1929), «Орденлы миллионнар» («Орденоносные миллионы», 1933), «Шигырьлар хэм поэмалар» («Стихи и поэмы», 1934), на русском языке — «Стихи», 1935.

В 1935 году я начал работать руководителем литературной части только что организованной оперной студии. Главной задачей татарской оперной студии, созданной при Московской государственной консерватории, была подготовка кадров певцов, композиторов, подбор репертуара для будущего театра. А для репертуара надо было иметь оригинальные либретто, перевести на татарский, «татаризировать» русские оперы. Я этим и занимался.

В 1938 году оперная студия, закончив подготовку, вернулась в Казань. В декабре 1938 года открылся в Казани первый Татарский оперный театр, созданный на основе студии. В июне 1939 года он начал свою работу, открыв первый сезон. Вместе со студией я вернулся в Казань, начал работать руководителем литературной части Татарского оперного театра.

1939

СТИХОТВОРЕНИЯ

1918—1923

1

Будь стойким, друг мой, до конца.
Уверен будь в себе.
Горят в нас дерзкие сердца,
Не отступи в борьбе.
Науку смерти постигай —
Тебе страшна ли смерть?
Желанью темному не дай
Твой разум одолеть.
Каков — не важно — ты с лица,
Была бы светлой суть.
Будь человеком до конца.
С высоким сердцем будь!

15 октября 1918

2. СИРОТА

Кланялся, тянул ладошку,
«Дай хоть грошик, — умолял, —
Дай. . .» — просил, но толстобрюхий
От ворот его прогнал.
Он слезами заливался,
Утирал их кулаком.
Толстый бай его утешил
Батогом, пинком, плевком.

Горько плача, прочь пошел он,
В поле, в лес, куда-нибудь.

У околицы собака
Преградила ему путь.
Пал на землю: «Боже, внемли,
Защити, прибавь мне сил!»
Пес рычал и скалил зубы,
Никуда не уходил.

Сир, как прежде, он в надежде
Устремился в дом муллы,
Пал, рыдая, на колени,
Рассказал, как люди злы.
Но мулла и сам не лучше,
Рожа кровью налилась,
Взял за шиворот, как кошку:
«Ну-ка, брысь отсюда, мразь!»

Гол и бос, от слез ослепнув,
Он на кладбище попал
И к могиле материнской,
Словно к матери, припал.
Лег ничком на серый камень
И в тоске застыл на нем.
Тяжкий сон, его сморивший,
Стал под утро
вечным сном.

Декабрь 1918

3. СЧАСТЬЕ

Если б саблю я взял, если б ринулся с ней,
Красный фронт защищая, сметать богачей,
Если б место нашлось мне в шеренге друзей,
Если б саблей лихой я рубил палачей,
Если б враг отступил перед силой моей,
Если б шел я вперед всё смелей и смелей,
Если б грудь обожгло мне горячим свинцом,
Если пуля засела бы в сердце моем,
Если б смерть, не давая подняться с земли,
Придавила меня кулаком, —
Я бы счастьем считал эту гибель в бою.

Славу смерти геройской я в песне пою.
Друг-рабочий, винтовку возьми — и в поход!
Жизнь отдай, если надо, за волю свою.

Сентябрь 1919

4. НАРОДУ СТРАНЫ

О народ, поднимись, меч надежды возьми — и вперед!
Пусть гремят небеса, ты шагай и шагай на восход!
Пусть крепчает гроза и трясутся злодеи враги,
Ты шагай и шагай, и да будут всё тверже шаги!
Песней ширь оглашай, зло и грязь из страны выметай!
Пробужденье настало, вставай, поднимайся, наш край!
Вся правдивость, все радости мира — вон там, впереди,
Так смелей в этот путь, к этой жизни грядущей иди!

Октябрь 1919

5. ПРАЗДНИК ОКТЯБРЯ

О свободный пролетарий!
Дни твоих торжеств настали,
И над нами запылали
Алые твои знамена!

Кровь ты пролил не напрасно.
Вот что ты завоевал:
Светят радостью сплоченной
Алые твои знамена!

Тысячи сынов отдавший,
Вот что ты завоевал:
Принесли труду свободу
Алые твои знамена!

Братство люда трудового —
Вот что ты завоевал.

День протягивает дню
Алые твои знамена!

Вольный трудовой народ!
Вот твой праздник настает,
И ничто затмить не сможет
Алые твои знамена!

Встреть же праздник свой великий
Ликованьем, торжеством!
Пусть враги дрожат, завидя
Алые твои знамена!

Октябрь 1919

6. СЛОВО ПОЭТА СВОБОДЫ

Я восстал и вперед стал прокладывать путь,
Верю в силу свою, дышит радостью грудь.
Пусть немало преград на пути у меня,
Нет, не жалуюсь я, не хочу отдохнуть.
Лишь свобода и правда — мой главный оплот.
Разве можно теперь не стремиться вперед?
Разве можно народ не вести за собой,
Если виден вдали мне надежды восход?
Всех рабочих людей я считаю родней,
Лишь с сынами народа един я душой.
Это мой идеал, это высшая цель —
Быть с народом, вести его светлой тропой.
Жизнь моя для народа, все силы ему.
Я хочу, чтоб и песня служила ему.
За народ свой я голову, может, сложу —
Собираюсь служить до могилы ему.
Славлю дело народное песней своей,
Не пою небеса, жизнь земли мне милей.
Если темная ночь накрывает меня,
Не горюю: дождемся мы светлых лучей!

Может быть, я нескладно пою? Ну и пусть!
Потому и пою, что врагов не боюсь...
Я в свободном краю, я с народом всегда.
Всё вперед и вперед неуклонно стремлюсь.

Январь 1920

7. НЕ ДАЙ СЕБЯ ОБМАНУТЬ

На пути своем
Не споткнись, народ!
Пусть не близок свет,
Ты стремись вперед.
Есть паук-богач,
Есть мулла-трепач,
Пусть тебя их ложь
С толку не собьет!
Души их черны,
Их язык — аркан.
Дрогнешь — и тебя
Захлестнет обман.
Крепнет наша рать,
Силой им не взять,
Нас хотят тайком
Увести в туман.
Чтобы правду скрыть,
Сотни слов найдут.
Твоего они
Пораженья ждут,
Чтоб твоя судьба,
Как судьба раба,
Знала лишь один
Подневольный труд.
Их слова — как мед,
Чтоб в потоке фраз
Захлебнулся ты,
Навсегда увяз.
Всей душой тебя,
Отчий край, любя:
«Умным будь, народ!» —
Крикну в сотый раз.

Не поддайся лжи,
Твердым будь в душе.
Сколько славных дел
Ты свершил уже!
Шествуй, увлечен
Солнечным лучом,
По своей тропе,
По своей меже!
Ну, смелей, народ!
Сердце окрыля,
Свой рассветный час
Празднует земля.
Прорубая путь,
Мы когда-нибудь
Выйдем на простор
В красные поля!

Январь 1920

8. РАБ ЛЮБВИ

Взор твой нем, и я в печали, мои слезы разгляди!
Пощади, уста устали умолять тебя: приди!
Я твой раб, я слаб и бледен, я сгораю, как в огне,
В моей бледности для жизни ты угрозу разгляди!
Стоны страсти я глотаю, дай твой лик увидеть мне,
Хоть на миг, хоть на минуту свет надежды возроди!
Мне, вздыхающему в горе, дай от радости вздохнуть,
Жемчуга открой в улыбке, щек румянцем награди!
Всё грозней и выше пламя, мне терзающее грудь, —
Мне за муку дай же руку, пожалей меня, приди!

Январь 1920
Мустафино

9. ТОРГОВЕЦ-СПЕКУЛЯНТ

Шубу старую напялил,
деньги в погребе зарыл.
Притвориться сирым, бедным —
вот скотина! — не забыл.

Только масляные глазки
спекулянта выдают:
деньги прячет он в надежде,
что колчаковцы придут!
Масло, сахар, соль под сеном
на телеге у него,
день и ночь по селам рыщет,
не минует никого!
То, что сам купил за сотню,
то за тысячу продаст.
Столько денег загребает,
а копейки не подаст!
Всюду, жадный, ненасытный,
бедность сеет, деньги жнет.
Сколько вынес зла и горя
от торговцев наш народ!

1920

10. ЕСЛИ НЕТ ТЕБЯ...

Пусть неистово ликуют
соловьи в саду весной —
Мир мне кажется унылым,
если нет тебя со мной!

Пусть шумят леса и травы,
буйно яблоня цветет,
Если нет моей любимой —
горек самый сладкий плод!

Пусть летают и резвятся
бабочки среди полей —
Грустно, если нет красивой,
легкой бабочки моей!

Даже ангелы и пэри
для меня толпа теней —
Если нет со мной прекрасной
и единственной моей!

Декабрь 1920

11

Нет, сильны мы — мы найдем дорогу,
Нам ничто не преградит пути.
Нас, идущих к светлой цели, много,
До нее не можем не дойти!

Не страшась кровопролитной битвы,
Мы пойдем, как буря, напролом.
Пусть кому-то быть из нас убитым, —
Никому из нас не быть рабом!

1921

12. ДУШЕ МОЕЙ

Чем тебе, душа, земля не приглянулась?
Почему так страстно к небу ты взметнулась?

Много ли чудес на небе встретить можно?
Всё отринь ты, что поверхностно и ложно!

Увидав звезду лучистую, не думай,
Что и месяц тайно полон чистой думой.

Только издали спокойно солнце тоже —
На цветок оно лишь издали похоже.

Всё едино на земле, на небосводе, —
Там и тут одна материя в природе.

Так вернись, душа, спустись на землю снова!
Где ни будешь ты — всему одна основа.

В небе не витай, земли верней жилище,
На земле одной ты сущее отыщешь!

Ты ищи смелей — и всё найдешь. Но прежде
Укрепись, душа, в желанье и надежде.

1921

13. ДИТЯ ТРУДА

Хоть раз в гремящем цеху заводском
Чумазый мальчик встретился вам?
Он, точно взрослый, с работой знаком
Да и серьезен не по годам.
Его одежда, как старый мешок:
На латке латка, на дырке дыра,
И голенищам огромных сапог
Давным-давно в починку пора.
Он весь в мазуте, он черен и худ,
В рубаху въелись пот и металл.
Передник, весящий чуть ли не пуд,
Воды и мыла век не видал.
И щеки — в саже, и руки пестрят
Корою ссадин — жестки оттого.
Но независим и смел его взгляд,
И горячо дыханье его.
Работник он, дитя нужды и труда,
Железа и огня побратим.
Осиротила мальчишку беда...
Но кто ж он сам?
Понять мы хотим...
Знать, на завод явился мальцом,
Сперва напуган был, оглушен,
А после, рядом с рабочим-отцом,
Привыкнув, стал трудиться и он.
Бедняк потомственный, сын бедняка,
Душой и нравом чист он и прост;
Не так уж детства пора далека,
Пора беспечных игр или слез...
В его глазах — отвага и страсть,
В лице — особая красота,
Слова звучат, приветом светясь,
Душа своим упорством горда.
И сильной силе его не согнуть.
Терпеньем сердце вооружив,
Продолжит он свой доблестный путь,
Трудом прославлен, мужеством жив.
Надежен он, в его пылких мечтах
Не тлеет зависть тусклым огнем.
Горит работа в умелых руках,

Усталость вовсе не копится в нем.
И совесть щедро парнишке дана.
Он понял:
труд всему голова.
И верит: в свете грядущего дня
Весь мир его признает права.
По нраву парню гудок заводской,
И любо мускулами играть,
И над победной своей головой
Тяжелый молот мощно вздымать.

Август 1922

14. ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Я креп в борьбе с бесправием и мглою,
Мечтал до высей солнечных дойти.
Но вдруг,
Сраженный вражеской стрелою,
Упал в пути.

Вошла стрела под сердце...
Нараспашку
Открыта мне неведомая новь.
Течет на белоснежную рубашку
Моя еще бунтующая кровь.

Пусть я умру...
Но вы, кто по соседству
Окажетесь в иные времена,
Взгляните на рубашку — кровью сердца
В тревожный цвет окрашена она.

И хоть друзьям смотреть на это тяжко,
На тал ее повесьте..,
В тишине
Пусть видит мир ее,
Пусть та рубашка
Всегда напоминает обо мне.

1922

15. У МОГИЛЫ ТУКАЯ

В душе, свободной от мирской тщеты,
храня наказ страны труда и света,
я возлагаю красные цветы
к священному пристанищу поэта.

В живой земле кладбищенской цветут
багряные цветы — они прекрасны!
Но красота живет не только тут:
по всей земле — широкой, светлой, страстной!

На родине, свободной навсегда,
весенний ветер веет, возвещая
народный праздник дружбы и труда
над вечным родником людского счастья!

Прекрасна жизнь! Весенняя земля,
лучами солнца яркого согрета,
я вижу, благодарно зацвела
над праведной могилою поэта.

Возрадуйся, поэт! Ведь первым ты
весну народа юным сердцем понял,
ты страстно верил в праздник бедноты,
в весенний ветер над свободным полем!
Давным-давно воспетые тобой
великий труд, душевная свобода,
любовь и доброта, за правду бой —
пришли с единством и родством народа...

Возрадуйся! Воспрянувший народ
запомнил строки чудные навечно.
В весенний праздник свой тебе он шлет
посланье благодарно и сердечно.
Твои заветы для него святы:
в знак уваженья светом неизменным
запламенели алые цветы
над каменным надгробием священным!

Надгробие!
Над каменной плитой
мои цветы горят с другими вместе,

своей весенней, юной красотой
несут поэту радостные вести.

Да... Яркие багряные цветы,
исполненные свежести и света,
расскажут о сиянье красоты
на возрожденной родине поэта!

Апрель 1923

16. СЫН ПАХАРЯ

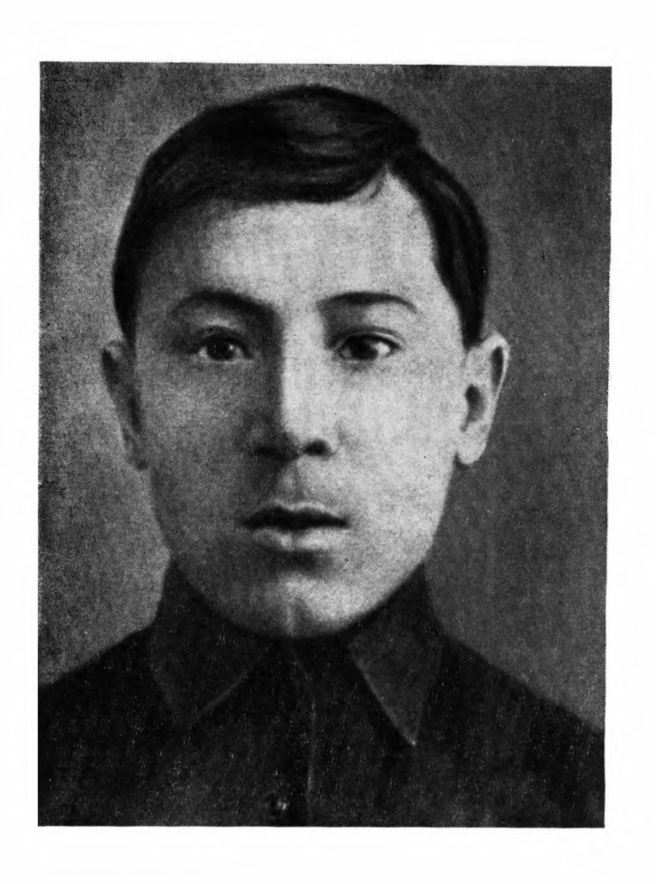
Довольно, хватит, отец,
Оставь соху наконец.
Ты слабым стал, ты устал,
Труд — не для старых сердец.
Твоим заботам конец,
Вот я — твой мальчик, птенец,
Я тут, час встречи настал,
Он сладок, как леденец.

Меня призвала страна,
Когда кипела война.
Враг побежден, я пришел,
Моя здесь помощь нужна.
Отец, довольно, ты стар,
Ты телом ветхим устал,
Отдай соху свою мне,
Чтоб землю сын твой вспахал.

Ведь ты с младенческих пор
Узнал нужды приговор,
Себя жалеть не умел,
Пока силен был и спор,
Твой век — всем барам укор:
Был тяжким рабства позор —
Обогащая других,
Ты лишь мозоли натер.

Довольно, сядь, отдохни,
Почтенны старости дни,
Не мучай сердце свое,

К работе рук не тяни!
Где ты пахал искони,
Где жал в осенние дни,
Туда пришли сыновья —
Твоя опора они.

Их плечи — крепкая сталь,
Душа чиста, как хрусталь,
И новый, радостный труд
Для них призванием стал.
И будет ими на трон
Хлеб трудовой возведен,
И будут гости на пир
Съезжаться с разных сторон.

Октябрь — ноябрь 1923

17. ОТ СЕРДЦА

Лечу я в небо, полон думы страстной,
Сияньем солнца я хочу сиять.
Лучи у солнца отниму я властно,
На землю нашу возвращусь опять.

В пыль превращу я твердый камень горный,
Пыль — в цветники, где так сладка цветень.
Я разбиваю темень ночи черной,
Творю ничем не омраченный день.

Я солнцу новый путь открыл за мглою,
Я побывал в гостях у синих звезд,
Я небо сблизил и сдружил с землею,
Я со вселенной поднимаюсь в рост.

Я для друзей прилежными руками
Взрастил жасмин. Огонь принес врагу.
В союзе я со всеми бедняками,
И наш союз я свято берегу.

Сдвигаю горы с мыслью о народе,
И бурей чувств душа обновлена.
И песнею о сладостной свободе
Трепещет мной задетая струна.

Свободной песни, вдохновенной речи
Я зерна рассыпаю, как посев.
Я смел, иду вперед, расправив плечи,
Препятствия в пути преодолев.

Товарищи мои, нам страх неведом!
Одним порывом объединены,
Мы радуемся счастью и победам,
Нас тысячи, мы — молодость страны.

1923

18. ОНА

Разъяла пальцами сердце мое,
В него насыпала горький яд.
Укрылась смехом, теперь до нее
Не долетают слово и взгляд.
Втоптала мысли светлые в грязь,
Мою к порогу кинула честь,
Свои упрочила право и власть,
Как захотела, так всё и есть.
Смолчу я. Ладно...
                    Спокойно прижмусь
Лицом к ее груди неземной.
Хотела мук —
                    вот и борется пусть
С своею совестью, а не со мной.

1923

19. ЛЕДОХОД

Разливаясь, пеною блистая,
Затопив луга, вода течет.
Раздвигаясь шумной белой стаей,
Рушится, грохочет лед.

Льды идут...
С рыхлеющими льдами
Ночь течет подобием волны.
Но светлеют ночи.
И с ночами
Очищается лицо страны.

Льды идут...
Зима их накопила,
Эти плотные, густые льды,
Что на нас давили тяжкой силой, —
В них вся горечь, в них вся соль беды.

Льды идут...
Уходят льды седые,
Те, что всякой нечисти полны.
Мощные потоки молодые
Мусор весь уносят из страны.

Льды идут...
На Волге, на раздолье,
Там, за льдами, блещет красота.
Там поют о радости, о воле, —
Праздничная песня так чиста!

Вот идут и сеялки и плуги.
Молодежь моей страны цветет.
Вот идут мои друзья, подруги —
Армия труда, родной народ.

Для страны моей венок богатства
Связан из колосьев золотых.
Это наша воля, наше братство
Радостью венчают молодых.

Льды идут...
Ты видишь: льды уходят,
И в сердца вливается тепло.
Девушки свою судьбу находят,
Солнце ненаглядное взошло.

Льды идут...
Какая радость это —
Вековые льдины сокрушать!
Трудовое утро,
Утро лета
Разве нам не весело встречать?

1923

20. ВЕДЬ ЭТО Я...

Когда метель метет на сотни верст вокруг,
Когда она от глаз упрямо гонит сны,
Когда в твоей душе отчетлив каждый звук
И мысли о былом печальны и ясны,
В такую ночь огню бывает путник рад.
Ты знаешь, я не здесь, я далеко теперь...
Но если в поздний час ступени заскрипят
И кто-нибудь войдет в незапертую дверь,
Ты сердце укроти, беднягу не кляня:
Быть может, он спешит в далекие края.
Пускай нежданный гость присядет у огня,
Пускай он отдохнет в тепле — ведь это я!

Расколешь ли в жару озер прозрачных гладь,
Обступят ли тебя душистые цветы, —
То рада день-деньской ты брызгами играть,
То руку к лепесткам протягиваешь ты.
Но если у одежд, оставленных тобой,
На землю упадет, скрывая хриплый вздох,
Не будущий супруг, ниспосланный судьбой,
А тот, кто от жары в дороге изнемог,
Его ты не гони... Каленая стрела
С ним встретилась в бою, коварство затая.
Но сердце билось в нем, и радость в нем жила,
И он сумел дойти к тебе — ведь это я!

Проходишь ли грустна по берегу реки,
С весенним ветерком гуляешь ли в садах, —
С твоих спокойных рук взлетают мотыльки,
И нежные цветы цветут в твоих садах.
Но если преградит тебе дорогу вдруг
Лежащий человек — лицо и грудь в крови,
Ты сердцем победи нахлынувший испуг
И мужество свое на помощь призови.
Сомненьям овладеть собою не позволь,
Пусть будет в этот миг правдива скорбь твоя.
Еще струится кровь, еще не стихла боль,
Но человек смирил судьбу — ведь это я!

Ты ягоды несешь, и всё темней в лесу,
И встречный ветерок теснит со всех сторон:

То треплет на плече тяжелую косу,
То за спину ее закидывает он,
То глухо зашуршит кустами невдали.
Но если встретишь ты могилу на пути,
Печальный бугорок обугленной земли, —
Со страхом не спеши сторонкой обойти.
Под ним безмолвный прах. Под ним нашел покой
Тот, кто в сраженья шел, надежду затая,
Кто дух не укротил, охваченный тоской,
Кто пел и проклинал врагов, — ведь это я!

1923

21. РОДИЛСЯ ЛЕНИН

(Ко дню 22 апреля)

Родился Ленин...

Меня тогда
На свете не было.
Мой отец
На шахте угольной в те года
По темным штрекам полз, как слепец.
Мальчишка, кайлом тяжеленным
шаркающий,
Кровью харкающий,
Плеч не разгибающий,
Уголь рубающий,
Взывающий к небу:
«Хлеба!
Хлеба!»
Моля и плача, руки калеча,
Мать моя шкуры дубила овечьи,
Девчоночка,
Заморочена смрадом,
Выжжена ядом,
Нищая, тощая, в лохмотьях дрожащая,
Ничего не ждущая от будущих лет...

Ленин пришел на свет...

Эй, вы! Работящие!
Хлеба,
Хлеба,
Хлеба просящие!

Стоном жалобным исходящие!
В сырых погребах от чахотки мрущие!
Вслепую бредущие!
Эй, вы! От холода синие!
От голода опухшие и обессиленные,
Сжигавшие грудь о чаны красильные!
До беспамятства истоптанные сапогами!
Очнитесь!
                Ленин пришел!
Он с вами!
Он — свет грядущего над головами!

Звон кайла шахтера-парнишки,
О хлебе знавшего лишь понаслышке,
Взгляд воспаленный, скорбный, тревожный
Девчонки-дубильщицы, корпевшей
                                        над кожами, —
Это вами ход истории вспенен,
Это с вас начинался Ленин!

Средь шахт и заводов-богатырей,
У миллионов отцов и матерей
Битв наших дух,
                        дум наших кровь,
Ленин рождается вновь и вновь.
Не скорбите, трудом добывающие хлеб!
Не плачьте, кто на работе ослеп!
Разогните спину,
Сбросьте ношу с плеча!
Празднуйте рождение
Отца-Ильича.

Март 1924
Казань

22. ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Дождь движется вдали...
                                        Усильем плуга
Земная плоть уже обнажена.
Томима жаждой, сева ждет округа.
Очищены в амбаре семена.

Проверено лукошко.
У порога
Стоит отец, я жду его давно.
— «Муса, готова лошадь?»
— «Да».
— «Ну, трогай...»
Порадуемся, съездим на гумно.

А позади гумна земля чернеет...
Извилистые борозды легли
Вдоль полосы,
и свежий ветер веет
В лицо
и поднимает пыль с земли...
Отец из-под ладони смотрит в небо
И, улыбаясь, говорит:
«Гляди,
Сынок, примета добрая: жди хлеба,
Коль перед севом пролетят дожди...»

25 апреля 1924

23. СО СЪЕЗДА

Ростепель.
Телеге нет проезда...
Но, меся лаптями снег и грязь,
В кожухе, под вешним солнцем теплым
Он идет, в деревню торопясь.

Он идет из города,
Со съезда —
Сельским миром выбранный ходок.
Много дельного он там услышал
И теперь спешит вернуться в срок.

Убеждали:
«Через дней десяток,
Грязь подсохнет —
Соберешься в путь.
Лошадьми тебя домой доставим,
Ты еще с недельку здесь побудь!»

Но ходок не хочет ждать нисколько.
Много дельного узнал он тут,
Должен он с друзьями поделиться.
Невтерпеж!
Односельчане ждут.

Словно лишь вчера ему Калинин
Говорил:
«Есть тракторы для вас.
Время перейти на многополье,
Время взяться всем за труд сейчас!»

И ходок спешит по бездорожью.
Он вспотел.
Взбираться тяжело,
Близок вечер.
Вот и холм знакомый.
Скоро он придет в свое село.

Февраль 1925

24. ОТРЫВОК

Ты выбрала ленинский путь, страна.
Я,
Юный боец,
Пред тобой стою.
Рожден на заре великой поры,
Я нынче экзамен тебе сдаю.
В боях я выучил твой устав,
Завет Ильича я в сердце вложил.
Проверь же меня.
Оценку поставь,
Которую жизнью я заслужил...

1926

25. В ПУТИ

Помню,
Армия наша
Послала меня,
Своего молодого солдата,
В село.

Не забылось оно,
И пишу я о нем,
Хоть немало воды с той поры утекло.

На санях,
По скрипучему насту,
Сам-друг
В сизых сумерках я приближался к нему,
И сквозь тьму,
В каждом сельском дому засветясь,
Огоньки замаячили в синем дыму.

Мы с попутчиком пели.
Он ехал домой,
Я впервые в тот раз
Направлялся сюда.
И кожанку мою
И соседа тулуп
Новогодний мороз пробивал без труда.
Чтоб согреться, бежим по дороге
И вновь
Забираемся в сани,
Сидим да поем
И беседуем о деревенских делах,
Обсуждая насущные темы вдвоем.

Здесь открыли сельпо —
Это праздник для всех.
И теперь о колхозе толкует народ.
Но в Совете немало отсталых людей,
Что упрямо мешают идти нам вперед.

«Говоришь: мы обязаны их растрясти,
Чтобы старая пыль
С них слетела вполне?»
— «Всем селом
За упрямцев мы взяться должны!» —
Это важное дело
Поручено мне.

Вез товары мой спутник
Для лавки сельпо.
С комсомольской путевкою
Следовал я...
Помню,
В песне-беседе
Окрасили мы
Ослепительным цветом
Родные края!

Наделили деревню богатством,
Народ
Ярким шелком одели и прочным сукном.
Ни сохи, ни трехполки!
На общих полях
Сотни тракторов роют степной чернозем.

Мы посеяли вику на этой земле,
Вслед за ней
Всколосилась пшеница стеной,
Скот здоров и упитан,
А хлев утеплен...
Так мечтал я
И спутник мой вместе со мной.

Уничтожено пьянство,
И в новом селе
Ни один не остался кулак-деньголюб.
Мы воздвигли дома вместо жалких лачуг,
Украшая селенье,
Построили клуб.

Сельский деятель!
Восстановитель страны!
Два юнца,
Закаленные трудной борьбой,
Обсуждая задачи текущего дня,
Мы в грядущие годы
Глядели с тобой!

Отвозя городские товары в сельпо,
Первый след комсомола
К селу проторив,
Вот о чем говорили
И думали мы,
Вот чему посвящен был
Наш страстный порыв.

Мы и ныне в пути.
Лишь былые года,
Словно ветлы в снегу,
Серебрятся вдали.
Ты, как прежде,
Товар для колхоза везешь;
Постарел ты, и дети твои подросли.

Комсомол меня сделал поэтом,
И я
Каждой песней отчитываюсь пред страной,
Эти песни как лозунг,
Военный пароль,
Как путевка, которая вечно со мной!

1926, 1927

26. ЧУЖДОЙ НАМ ДЕВУШКЕ

В переулке тебя повстречаю —
Мой наполнится горечью взгляд.
Жаль, слова, что тебе посвящаю,
Как от стенки горох, отлетят.

Жизнь твоя,
                    словно в пьяной дремоте,
Тошнотворна,
                    постыдна, смешна.
Не друзьям отдана, не работе —
Вся в пустом мельтешенье она.
Ты трудиться с утра не выходишь —
Прирастаешь к подушке щекой...

Бродишь, места себе не находишь
И дуреешь
от жизни такой!

Вечеринки,
танцульки,
гулянки —
Для тебя как привычный намаз...
Густо красишься ты...
А с изнанки —
Образ твой потускнел и угас.

Вот зовет муэдзин к омовенью,
Об «азане» слышны голоса...
Но у всех омовенье —
мгновенье,
«Омовенье» ж твое —
два часа.

Как лицо изменилось от грима!
Стал твой облик
и странен и дик...
Оттого-то смотреть нестерпимо
Мне на щеки твои,
на парик.
Ты замкнулась и стала похожа
На улитку в ракушке глухой...
Густо мел наложила на кожу,
Губы красишь кирпичною хной...
Или злые скрываешь морщины?
Или юные стерлись черты?
Уж, наверное,
не без причины
Так лицо ремонтируешь ты!
Извертелась, походка вихлява —
Желчь во мне разливается, право...

Предрассудок, от бабушек взятый,
К нам
из лет ты приносишь седых...
Назовут тебя «тетей» ребята —
Обижаешься сразу на них;

Ах, ребята, не так вы зовете!
В наши дни,
если правду сказать,
Эту дряхлую душу не тетей —
Даже бабушкой мало назвать!
Спрятать старость —
возможное ль дело?
Знаешь, милая, как ни пляши —
Никакая бы печь не сумела
Лед расплавить
застывшей души.

Драма кончена. После спектакля
Грим актеры стирают с лица.
Так открой же лицо ты!
Не так ли
Ложь должны мы стереть — до конца?

Словно гриб, что пророс на помойке,
Ты весенним умойся дождем!
В поле труд продолжается бойкий.
Солнце встало.
Обсохни. Мы ждем.

1927

27. СЕЛЬСКОМУ СОВЕТУ

Сельсовет!
К тебе имею просьбу:
Ты возьми-ка добрые гужи
И мужей, что жен своих тиранят,
Полной мерой строго накажи!

Хороша сестра моя, прилежна,
У нее в хозяйстве всё блестит,
Жнет она, готовит и стирает,
Сына, словно яблоньку, растит.

Раз в неделю пишет мне, бедняжка,
Но читать мне эти письма тяжко:

«Милый братец!
Муж мой бьет меня,
Мучает, не пропуская дня...»

Эй, зятек!
Не петушись, бесстыжий,
Перестань глумиться над сестрой!
В мокрых кур
Мы петухов драчливых
Превращаем нынешней порой.

Вас, товарищи из сельсовета,
Я прошу:
Таких, как этот зять,
Добрыми ременными гужами
Посильней, построже наказать.

1927

28. ТОВАРИЩУ

Играя синевой своих ресниц,
Кладущих на лицо сквозную тень,
Стремись достичь, красавица, высот,
Что воздвигает каждый новый день!

Когда ты, приколов на грудь цветок,
Идешь, сама красивей всех цветов,
Я издали любуюсь и тогда
Тебя воспеть в своих стихах готов.
А некоторые злятся и ворчат,
Обходят нас, боятся красоты.
Да разве мы не вправе,
ты скажи,
Любить цветы, красивые цветы?!

Большое наше время,
словно мать,
Тебя растило бережно, любя.
С улыбкой ты встречала новый день, —
Для дел твоих он создан, для тебя!

Другие малокровным сорняком
Росли — темны, испачканы всегда.
А ты веселым розовым цветком
Росла, цвела среди людей труда.

Ты наших дней чудеснейший цветок,
Как тот цветок, что на твоей груди.
Нам щедро светит солнце —
потому
Ты расцветешь прекрасней, погоди.

Ведь это наши создавали дни
Впервые на земле
таких людей:
Умеем и смеяться от души
И верим в торжество своих идей.
Смотрю в твое открытое лицо —
И восхищен товарищем таким:
Прекрасней лепестков твоих ресниц
Твой маленький значок со словом КИМ!

1927

29. ИЗ ДНЕВНИКА СТУДЕНТА

Стучится в окно
дождь осенний, мелкий.
Мы ж в двери стучим:
открывайте скорей!
Мы входим.
В рабфаке пахнет побелкой,
И стены слепят
белизной своей.
На шумный привет
отвечая приветом,
Как мать, нас встречает
просторный класс.
Вопросов немало
нас мучило летом,
И в школе ответы
найдутся для нас.

«Невзгоды житейские»
нас не волнуют,
И «собственность»
нас не влечет в западню:
Студент «всем имуществом»
именует —
Корзину,
подушку
и простыню.
Пусть окна выходят
на север хмурый, —
Нам кажется:
солнце
всегда в них горит.
И новая книга,
газета,
брошюра
К себе нас притягивают,
как магнит.
У нас бородач,
Словно мальчик, несложен
И мальчик —
умнее бородача.
Сражаемся все в волейбол мы
и можем
Философов трудных
читать сообща.
С «застенчивостью»
мы совсем не знакомы.
Как молния,
взгляд наших острых глаз.
Открыты нам двери
любого дома,
Везде «без доклада»
впускают нас.
Нас издали
каждый прохожий узнает.
Все улицы
нашим смехом полны.
И радостно
всякий из нас встречает

И зимнюю вьюгу
и солнце весны.
Здесь в группе
растем семьей единой
Мы — дети семидесяти матерей.
Сдружившись за годы
учебы длинной,
Мы связаны
общей целью своей.
Нас школа
бороться за план научила,
Мы подняты школой
и закалены,
И в каждом из нас —
затаенная сила
Рабочего класса,
владыки страны.
Разбивши
тот замкнутый круг непокорный,
Где «я»
коллектив заслоняло собой,
Растем мы
семьей из единого корня,
Свой путь пробивая
трудом и борьбой.

1927

30. УТРО

Мимо окон моих,
едва светает,
Льется шумный поток
Работниц-девчат.
Веселые песни
они распевают,
Будят меня,
в окошко стучат.

И уже далеко
Их смех шаловливый.
Им пора на работу, в цеха.

И вот
Посылает утру
гудок горделивый
Мой могучий сосед,
чугунный завод.

Я с постели встаю.
Заря на востоке
Разлилась
широкой багряной струей.
Утром свежим румянцем
пылают щеки,
Утром радостно бьется
сердце мое.

Далеко еще лето.
С большим опозданьем
Солнце встает
и берется за труд.
Но улыбка подруги
в грохочущем зданье,
Словно солнечный зайчик,
светла поутру.

Наша улица
кажется мне пригожей.
Не потому ль,
что завод твой на ней?
Ты, подруга моя,
ты, что всех мне дороже,
Там стоишь у станка
за работой своей.

Ты в работе быстра,
и недаром горжусь я,
И недаром я счастлив
подругой такой, —
Засучив рукава,
железные брусья
Ты сгибаешь
девичьей, но сильной рукой.

Ты сама,
вероятно, не замечаешь,
Что, с тобою дружа,
вперед я иду.
Что во мне, как чугун из руды, —
из мечтаний
Выплавляешь ты
волю к борьбе и к труду.

Снова утро над городом.
Не иссякая,
Неустанно шумит
трудовая волна.
Как полна и как радостна жизнь!
Дорогая,
И тебе ведь
не кажется грустной она?

Январь 1928

31. ВСПОМИНАЮ

1

Вспоминаю:
Ласковый вешний день,
Солнце смотрит на нас, смеясь с высоты,
И восторженно
нежные стебли льна,
Как кудрявые волосы, гладишь ты.
Растянувшись
на свежей «гусиной траве»,
Как гусята, нежились мы с тобой,
И, журча-бормоча,
мимо нас торопясь,
Ручейки забавлялись
звонкой игрой.
Ручейкам не вечно кипеть-звенеть,
Протекут — убегут,
не вернутся вспять...
Снег прогоним,
зеленую встретим весну, —
Не привыкли мы понапрасну ждать!

Ручейкам,
я знаю,
не вечно течь,
Но, пока не исчезли, бегут, шумны...
Так и юность наша
бежит, бурлит,
Развернув борьбу на полях весны.

Вспоминаю:
Прохладной вешней зарей
Мы на луг погнали стадо с тобой,
Ты с восторгом
травы молодой нарвала
И любимца ягненка кормить начала.
Свежий ветер,
ласкавший пряди твои,
Стайку туч пригнал,
А чуть погодя
Брызнул ливень, —
и сразу на лицах у нас
Задрожали веселые капли дождя.

Первый дождь весенний...
Обычный дождь, —
Но как рады ему и сердца, и луга!
Это радость весны
на ресницах дрожит,
Превратясь в лучистые жемчуга.
Первый дождь —
он бывает лишь раз в году,
Но его пропустил — всё равно не жалей:
Лишь бы бурно лились,
как весенний дождь,
Годы юности боевой твоей!..
Вспоминаю:
В зеленых объятьях весны
Соловьи ликовали
на ясной заре.
Очень-очень старательно
землю вскопав,

Посадила ты яблоньку во дворе.
Солнце в небе смеялось,
смеялась земля,
А сама смеялась ты больше всех,
Перед яблонькой
радостно прыгала ты,
И звенел, звенел твой крылатый смех.
«Пусть растет мое деревце,
пусть растет,
Много яблок спелых, красных дает!
Через несколько лет —
приглашаю я —
Приходите яблоки рвать, друзья! ..»
Чтобы яблоню вырастить,
нужен труд,
А поспеют яблоки лишь потом...
Ты за каждое дело
с надеждой бралась,
Ты огнем разгоралась
в труде любом!
Деревцам расти,
Деревцам цвести,
А плоды — только осенью будут они...
Так и юности нашей
багряный цвет
Даст плоды не сегодня —
В осенние дни.

2

У горячего солнца
в объятьях смеясь,
К нам сегодня снова
Пришла весна,
И лучами,
как ласковым взглядом твоим,
Мне ресницы щекочет-слепит она.
Этот взгляд
еще в памяти не померк.
А тебя самой
уже с нами нет, —
На могиле твоей шелестит трава,

И давно остыл
твой последний след.
Будто розовый луч молодой зари,
Яркой юностью
радостно вспыхнула ты,
Но угасла внезапно...
Устлали твой путь
Ранней смерти горестные цветы.
И опять
весенних дней ветерки
Лен зеленый в поле
ласкают, гнут,
И опять запенились ручейки
И вприпрыжку
по всем тропинкам бегут.
Ручейкам не вечно кипеть-звенеть,
Убегут навсегда —
в другие края,
Но не стану, о юность,
тебя упрекать:
В невозвратности этой — прелесть твоя.

Первый дождь —
он на крыльях ветра летит,
Пляшет каплями на лице моем,
Как в далекий полдень,
когда с тобой
Гнали стадо мы на луга вдвоем.
Первый дождь —
он бывает в году лишь раз,
Потому и тревожит, и радует нас.
Так и юность:
бежит невозвратно она,
Впечатлений полна,
сожалений полна...

Подросли наши яблони.
Зреют плоды,
Чуть покачиваясь на тугом ветру,

И на деревце —
                    том, что сажала ты, —
Соловьи, как и прежде, поют поутру.
Посадила ты яблоньку, берегла,
Но до яблок
                так и не дожила,
Потому-то, наверно, в душе и горишь,
Словно яблоневый цветок — светла.
Будут яблони цвесть,
                        будут яблоки зреть,
Озаренные летним, горячим днем...
    Жизнь моя коротка —
    Пролетит в борьбе.
Не увидеться нам,
                    но спасибо тебе:
Ты меня взрастила в саду своем!..

11 февраля 1928

32. В БОЛЬНИЦЕ

1

На цыпочках до палаты дойдя,
Робея, замешкались мы в дверях.
Издали ты подозвала нас,
И слезы стояли в твоих глазах:
    «Идите сюда.
    Слишком тихо тут,
Тут задыхаешься в тишине.
    Не надо воды,
    Не надо лекарств —
Живого шума хочется мне».

Поблек, но бодрится знакомый взгляд,
Лицо словно жаром опалено,
С трудом поднимает руку она,
Но сердце всё так же жизнью полно,
Не поддалось болезни оно.

«За окнами слышится иногда
Прибой городской.
    То отсвет, то блик

По потолку пробегут стремглав.
Иной раз солнечный луч-озорник
Подразнит меня и спрячется вмиг.
Я знаю,
Паводком жизнь гудит,
Как ветер, просторны и буйны дни.
Я знаю,
Улицы светом полны,
Не признают темноты они.
Трансмиссия на моем станке
Крутится, в будущее спеша.
В тело закрадывается лед,
Но, как огонь, горяча душа.
Не верю,
Не сдамся,
Переборю,
Заново жизнь себе отворю...

Ох, до чего ж надоело тут!
Валяюсь, а там дела меня ждут.
Только б отсюда выбраться мне —
Увидите, я развернусь вдвойне.

Вот уж с полгода, как мы всерьез
Толкуем с Биби про новый насос,
Чертим, считаем по вечерам.
Не сделаем — это же стыд и срам!
В подшефном селе учредили артель?
Что же вы тянете канитель?!
Радио им для клуба купили?
А про антенну не позабыли?
Замыслов столько, столько забот!
А тут — лежи. Тощища берет.
Вы посидите
еще часок,
Вы приходите
еще разок,
Вы отворите
окно чуток,
Чтобы я слышала наш гудок.
Сердце всё так же жизни полно,
Волю всё так же любит оно...»

Мы не открыли ее окна —
Врач строго-настрого запретил.
Тяжелым кашлем зашлась она,
Приподнялась — упала без сил.
    «Худо со мной.
    То кровь, то гной
    В бронхи сочится
    Из-под ключицы.
    Кашель душит,
    Горло мне сушит.
    Больно до слез.
    Туберкулез.
Доктор молчит, бумаги тасует,
Здесь медицина его пасует.
Пугают тетки:
«Помрешь, молодка».
    Не верю,
    Не сдамся,
    Переборю,
Заново жизнь себе отворю...»

2

Вот миновало несколько дней —
Снова зашел я в больницу к ней.
    Очи погасли,
    Лежит пластом,
    Руки повисли,
    Дышит с трудом,
Тусклый жарок сжигает ресницы,
И от испарины лоб лоснится.

У тебя ли, Раузá,
                хохотушка Рауза,
Пеленою скорой смерти затуманило глаза?
Погляди, Рауза!
                Я окно распахнул,
Зачерпни, Рауза,
                наших улиц вешний гул,
    Гром игры прокатных станов,
    Вышек нефтяных сопенье

В неуемном, неустанном
Нарастающем кипенье
Нашей жизни трудовой.
А у нас над головой
Солнце новое пылает,
Наши будни окрыляет.
Слышишь, как стучит насос,
Что задуман прошлым годом?
Погляди — окреп колхоз,
Учрежденный сельским сходом.
Песни новые слышны
Над просторами страны.
Нам нельзя, нельзя сдаваться,
Мы должны за жизнь сражаться,
Власть у смерти отобрать.
Нам не время умирать!

Но безмолвна Рауза.
Отсвет от окна ложится
На закрытые глаза.
А над городом кружится
Звон трамваев, гул станков
И призывный хор гудков.
И велит, чтоб ты боролась,
И спешит к тебе сюда
На подмогу
слитный голос,
Голос жизни и труда.

Март 1928

33. БОЙЦАМ ЗА СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Любо нам солнце над головой,
Лучами касающееся щек.
Ему навстречу буйной гурьбой
Встаем —
и любой красив, как цветок.
Когда буран заметал наш след
И темные ночи на нас легли,
Не стали мы пищею для земли,
Мы верили твердо в тепло и свет.

От холода синие были мы,
И лед намерзал корой возле век,
Но наши сердца средь морозной тьмы
Растапливали наседавший снег.
Глаза застилала нам пелена,
Ноги подкашивались подчас.
Бывали
тяжкие времена,
Но жаркое сердце спасало нас.
В груди мы храним негасимый пыл.
Какой бы лед навстречу ни плыл,
Какой бы тьмой ни грозила ночь,
Живет в нас воля всё превозмочь,
Живет надежда на ранний луч,
Живет порыв распахнуть крыло.
От будущих зорь через груды туч
Мы научились черпать тепло.
И нам не попутчик тот, кто устал,
Кто яростный бой любить перестал,
Кто покорился трудной судьбе
И теплую норку ищет себе.
Мы знаем:
холод еще могуч,
У нас впереди еще много бурь.
Не раз нам биться за ясный луч,
За ясный день и его лазурь!

Но любо нам солнце над головой,
Лучами касающееся щек.
За солнечный день мы выходим в бой,
И каждый из нас красив, как цветок.

7 июля 1928

34. КОМСОМОЛЬЦАМ

В зеленых юнгштурмах
вас вижу я снова.
На талии туго затянут ремень.
Вы схожи
с огромным бором сосновым,
Стозвонно поющим в ветреный день.

Вас буря хотела сломить,
и метели
На вас подымали седые снега.
Но вы не сгибались,
но вы не слабели,
С открытою грудью встречая врага.
Грозились вам молнии
саблей косою,
Вам громом грозился
ненастный простор.
Но вы на грозу
отвечали грозою,
На молнии — молнией,
штормом — на шторм.
Прорывы в строю
заполняя собою
На фронте войны
и на фронте труда,
Вы — конница наша,
застрельщица боя,
Победно сражающаяся всегда.
Не вами ль
у нас бюрократы биты?
Не вашей ли
жесткой, железной метлой
Вся косность,
вся ржавчина старого быта
Из нашей страны выметалась долой?
Растите ж в борьбе
и в работе упорной
На стройке заводов,
на пахоте сел!
Грозою весенней,
будящей зерна,
По пашне всемирной
шагай, Комсомол!

Сентябрь 1928

35. ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

1

Справа — одетые в зелень поля,
Слева — кудрявые кустики встали...
Длинной чертою пространство деля,
Мчимся мы
через луга и поля
В поезде-молнии
в ясные дали.

Лето румянее в этом краю,
Солнце здесь ярче горит на рассвете.

Ласково мнешь ты
прическу мою,
Легкий украинский ветер!

Словно в Татарии,
здесь на лугу
Вижу ковыль шелковистый и длинный.
Думал ли в детстве,
что видеть смогу
Полные солнца
поля Украины?

Миром мне были
мой дом и овин
В сером ауле,
на дальней окрайне...
Ныне ж,
Советской страны гражданин,
Птицей я мчусь
по Советской Украйне.

Вот и у вас
над землей высоко
Жаворонок поет на свободе.

Вам из окошка
машу я платком,
Братья по общей работе.

2

Вдаль отбегают луга.
      Тополя
Вслед нам кивают листвой серебристой.
Вышли звеном
      косари на поля,
Высокорослы, крепки, мускулисты.

Косы острят они,
      смотрят на нас,
Ворот распахнут,
      тела загорелы.

Хочется
      крикнуть привет им сейчас,
Силу влить в общее дело.
Вижу обоз на дороге внизу.
Поезд на мост, громыхая, въезжает.
Там, под мостом,
      по дороге везут
Золото нынешнего урожая.

Парни гурьбой провожают обоз
С песней веселой,
      с гармоникой новой...
В город,
            на станцию
                        или в колхоз
Нынче везете зерно вы?

3

Станция иль полустанок сейчас?
Путь преградил нам
      огонь семафорный,
Пристальным взглядом
      ты смотришь на нас,
Девушка со станционной платформы.

Я лишь на миг здесь,
      но нежный твой взгляд
Лаской мне сердце зажег
      на прощанье.

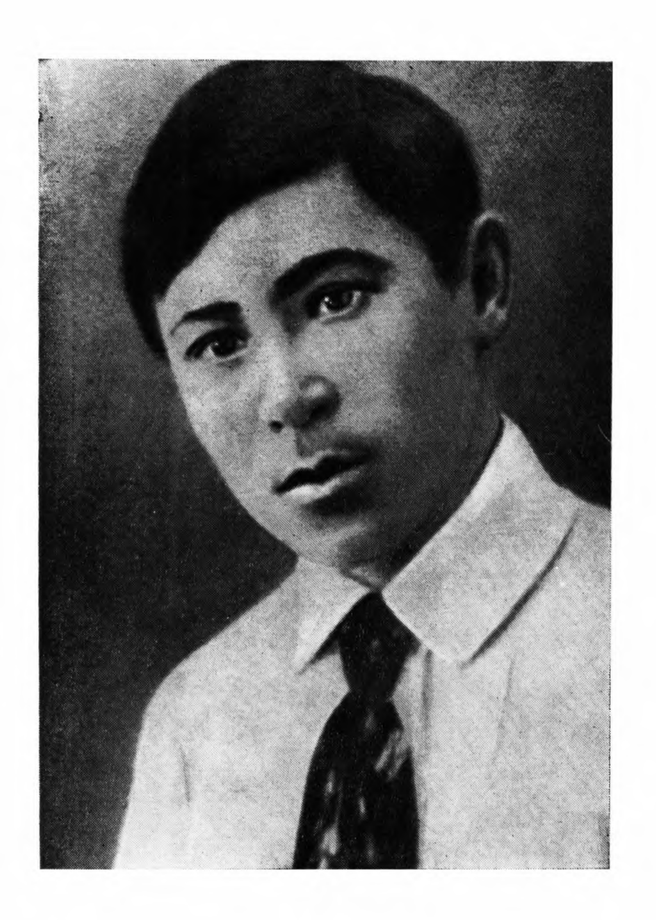
Мы расстаемся.
　　Звонки нам велят
Двинуться в путь.
　　До свиданья!
Солнце садится.
　　Как бурный поток,
На небо льется
　　багровое пламя.
Поезд летит.
　　Паровозный дымок
Тянется белою лентой за нами.
Ночь коротка здесь.
　　Но темная тень
Ширится по небу с каждой минутой.
Солнце!
Горячий и радостный день
Завтра готовь нам в Крыму ты!

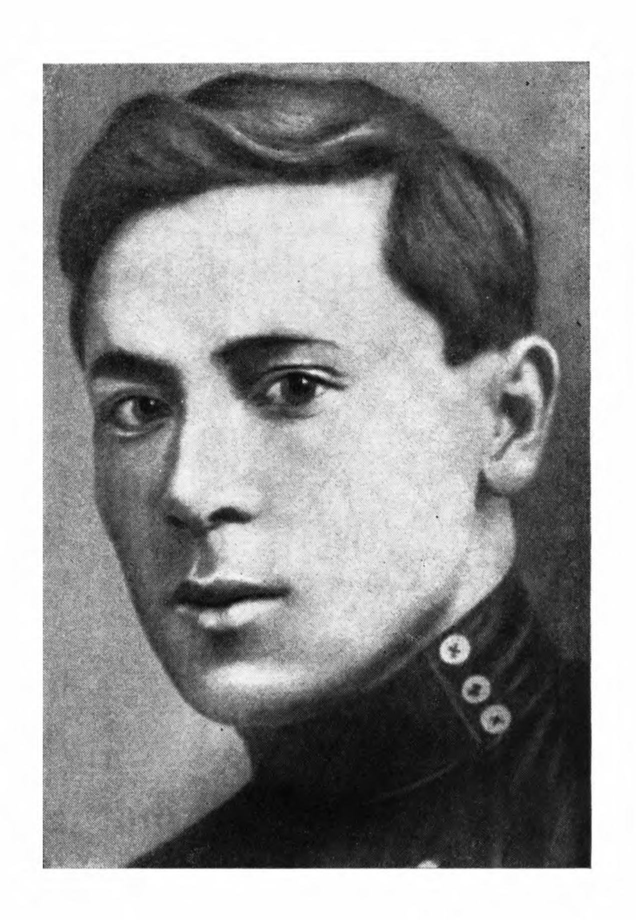
Сентябрь 1928

36. НА СОБРАНИИ

Упруго качаются в такт словам
Дымные клубы твоих волос.
Ладонью проводишь по волосам,
Неутомим и звонкоголос.
Зал неуютный битком набит,
Голос твой смелый радует нас,
И каждый не шелохнувшись сидит,
Заворожен огнем твоих глаз.
Уже покраснел ты, пот на лбу,
Всё чаще — ладонью по волосам,
Но речь — про общую нашу судьбу,
А значит — нельзя не сиять глазам.
Косоворотку свою расстегнул,
Воды из стакана хлебнул —
　　　　　　　　　　　　и вновь
Идет по рядам взволнованный гул,
В жилах у нас загорается кровь.

Тесно. . .
　　　　Пот стекает по спинам.
А души наши — в порыве едином.

Будто всё выше и всё упрямей
На крыльях твоих парим над горами.
Будто бескрайним плывем океаном
На корабле, где ты капитаном.
Будто бы вдруг вырастают сами
Трубы фабричные перед глазами,
И паровозы, летящие в дали,
Подобны свистящим молниям стали!

Тесно...
Слушаем, плечи сдвигая.
Всё жарче друг другу в затылок дышим.
Тесно...
В рядах тишина такая —
Сердцебиенье соседа слышим.
Как перед мельничною плотиной,
Высокие мысли в мозгу теснятся:
Вот-вот половодьем неотвратимо
Прорвутся они, в слова превратятся.
Помчат, как твои, могучим потоком,
Во встречных сердцах высекая веру,
Слова,
понятные каждым слогом
И комсомольцу, и пионеру.

Они мне знакомы,
они мне — как братья:
Кажется, сам бы их мог сказать я!
Но у меня лишь слова за словами,
А у тебя —
не слова, а пламя!
Кровь от них загорается в жилах,
Нет в мире дела,
что сделать не в силах.
Зовет нас грядущих заводов гуденье,
И вторит им наше сердцебиенье.
Действительно, чувствую:
жизнь — работа...
Найдем мы силу, хоть труд тяжел!
Для тела будущего завода —
Сердце железное —
Комсомол!..

. . . .

Нет, не стерпеть мне!
                                        И пусть сердец
Я своим словом так не пройму,
Дайте же слово мне наконец,
Дайте сказать самому!

Октябрь 1928

37. МАТЬ-БАТРАЧКА

«Они ж бугаи, твои сыновья,
А ты всё работаешь на людей.
Свекровью бы стать тебе. Жизнь твоя
В шелках текла бы до склона дней.
И жаль, что не вышло проку из них.
А всё коммуна!
                                Всё ум из книг.
Аллаха не чтут,
                                не верят в Христа.
Вот и бегут из родного гнезда».

Ты это слышишь от стариков.
Проверят, одна ль ты дома, сперва,
А после садятся и с языков
Ронять начинают злые слова.

Пятилинейная лампа горит,
Тьма попряталась по углам.
Мать-батрачка одна прядет
Шерсть на варежки сыновьям.
Старший пишет:
«Мама,
            прости.
Лето трудное впереди:
Военный лагерь,
Курсы потом.
Родной навестить не удастся дом».
Легчает на сердце
От этих слов.
Работает молча батрачка-мать.

На редких ресницах — капельки слез.
Катятся слезы, и не унять.

Пятилинейная лампа горит.
Батрачка горбится, нить суча.
Висит на стенке в красном углу
Листок с фотографией Ильича.
Мать, посылая сыну привет,
Нет-нет да глянет на тот портрет.
Когда прибивал его сын к стене,
Она спросила, а сын в ответ:
«Это Ильич,
научивший нас
Не вешать голову в трудный час.
В нем наша сила,
Он — ясный свет.
Храни портрет.
Это мой наказ.
За нас не тревожься,
Не пропадем.
Его науку учить идем».

Соседка-старуха добрее всех
И та всё топчется под дверьми:
«Сними, Гайни! Ох, великий грех!
Ох, срам-то какой!
Ты лучше сними!»
Портрет не снимает
Батрачка-мать,
Тоскуя по сыну, глядит на листок:
«Ленин — он мудрый! Всё смог понять.
Ленин — он мастер! Всё сделать смог!»

Пятилинейная лампа горит,
Дрожит у пламени язычок...
«Вчера мулла пришел. Говорит,
Твой сын, говорит, совсем дурачок.
«Коммун», говорит, совсем нехорош.
Предай, говорит, картинку огню.
Не то, говорит, погоди — помрешь,
Тебя без молитвы похороню.
А я, говорю, не помру. Сыта.

Трудом кормлюсь без твоих щедрот.
А кто за меня, говорю?
А та
Коммуна, что спать тебе не дает.
Слова твои — шипенье змеи.
Зачем мне шелка?
В сундук положить?
Как спелые яблочки детки мои.
И Ленин —
Не ты! —
Научит их жить!»

17 декабря 1928

38. ОТЦЫ И ДЕТИ

(Отрывок)

Покуда были мы все мальцы,
В крутой оборот нас брало подчас.
«Растите быстрей!» — утешали отцы,
Трепали, шутя, за волосы нас.
И выросли мы, один за одним,
Бойкие, крепенькие, с огнем.
Любого при случае приструним:
Возьмем за усы и к земле пригнем.

Наш путь не выглажен и не прост,
Никто для нас не построил мост,
Мы сами телегам оси куем,
Руками жару набрав у звезд.
Чтоб новой жизни сбылся завет,
Взялись мы за гуж и тянем гужом.
По-своему
сами
творим рассвет
И солнце
свое
на небе зажжем.

1928

39. ВЕСНА

На городской булыжной мостовой
Весне куда труднее быть живой,
Чем на селе у нас.
                    Но брызжет сердце
Неукротимой молодой листвой,
Хоть не бывает здесь таких снегов,
Чтоб таяли, журча, скача, рыча,
Хоть под стрехой не видишь здесь скворцов,
Которые хлопочут, щебеча.

Вдали проспект упрется в косогор,
В дорожную ухабистую грязь.
Я знаю — там ползут колеса арб
И стонут, застревая и кренясь.
А здесь дома-дворцы передо мной,
Ряды огромных окон надо мной,
Гляжу на них,
                    а вижу я приволье,
Которым мил мне сельский край родной.
Как разомлела от жары гора!
Со щек ее бежит ручьями пот.
Под той горою — мой родной аул
Весне навстречу словно привстает.
Гляжу на облака поверх дворцов
И шлю их все на родину,
                              веля
Пролить лэйсан — весенний теплый дождь —
На наши пробужденные поля.

А выше ветра, выше облаков
Скворцы из стали в небесах гудят.
И знаю я, что до моих краев
Они сегодня к ночи долетят,
Что наш проспект другим своим концом
Надежно закреплен в железный путь,
И по тому пути бежит машина,
И новь несет
                    ее стальная грудь.

Беги, машина, средь лугов и рощ,
Отдай полям свою стальную мощь
И ею напои родную землю,
Как дождь-лэйсан,
весенний щедрый дождь.

———

Да, наш проспект, широкий и прямой,
Мне тоже дорог, он ведь тоже мой,
Хоть до сих пор звучал мой голос звонче
Над ширью полевой и луговой.
Наполнись, сердце, мощью той стальною
И вдвое брызни молодой листвою.

1928

40. НА КАВКАЗЕ

По Воробьевым горам я ходил
И думал: «Нет краше громад! . .»
Здесь горы закутались в облака,
В море зашли и стоят.

Когда же, с пылью и сажей в ноздрях,
Сомлев от жары городской,
Я грудью вдохнул кипарисовый дух, —
Что стало с моей душой!

Я часто в Цека комсомола твердил:
«Ударники. . . Культпоход. . .»
А тут соревнуюсь с прибоем, ползу
По гребням горных высот.

На этом Кавказе и воздух с водой
И солнце — не то, что у нас:
Лежишь, загораешь — ведь наше оно! —
Хвалишь его и Кавказ.

Абхазец курчав и черноволос,
Остер подбородок, как сабля — нос. . .
И тут есть, конечно, рабочий класс.
И есть кулаки, как в деревне у нас.

Есть и совхоз и сельсовет, —
Не скажешь, что бюрократизма нет...

Весь как новенький, бронзовый весь,
Прокаленный жарким лучом,
В Москву я вернусь, бурей ворвусь —
Новое дело сдвину плечом.

Спасибо Союзу за этот Кавказ,
За этот дом отдыха, нужный для нас.
Сберкассу я тоже добром помяну:
Кто деньги мне приберег на весну?

Зачем же в походах брюзжать и стонать?
Зачем же усталость, друзья, проклинать?
Для отдыха место найдется у нас:
Хочешь — Крым, хочешь — Кавказ!

17 июля 1929
Новый Афон

41. В ПОХОД

Кое-кто,
Лишь промолвишь: «Поход»,
Недовольно усами поводит.
Ну а мы,
Знать, родились на свет,
Чтоб весь век находиться в походе.
Ведь давно ли
Ночною тропой
Мы шагали с тобой из разведки,
А теперь уже
Мерим с тобой
Светозарный большак пятилетки.

———

Подсчитай-ка,
Насколько у нас
Будет больше в труде достижений,
Если мы развернем свой поход
Против пьянства, прогулов и лени.

Лишь прочней
Будет общий наш дом,
Будет общее крепче хозяйство,
Если все мы походом пойдем
На последний оплот разгильдяйства.

Ты, Шахи,
Был, я помню, лихим
Командиром в военные годы:
Неустанный, как пламя живой,
Ты нелегкие помнишь походы.
А сейчас...
Не устал воевать
За колхоз
Супротив мироедов?
Сеять хлеб и его убирать —
Не боишься ли,
Славы отведав?!

Вон — Муртый...
Ежедневно он пьян.
Ну а что за работник с похмелья?!
И не может,
Ругай — не ругай,
Устоять против чертова зелья.
Враг —
Не только у нас впереди,
Фронт —
Не только лежит перед нами...
Эй, братишка Муртый,
Выходи
Ты на битву с дурными страстями!

Против скверных привычек
В поход
Все мы выйдем по первому знаку.
Марш вперед,
Комсомольский народ!
Комсомольское племя,
В атаку!

Комсомольцы всегда впереди
И в дороге всегда, как шоферы.
И сердца беспокойны в груди,
И они горячи, как моторы.
Быть шофером,
Мой друг, не легко:
Тут нужны еще кроме науки
И глаза —
Чтоб смотреть далеко,
И чтоб руль поворачивать —
Сильные руки.

Полыхает пусть сердце мечтой,
Словно даль пересверками молний...
Наша жизнь —
Вся поход искровой
Против тьмы,
За сияние полдня!

1929

42. УДАРНИКИ

1

Эге-ге-гей, джигиты! Наша грудь
Так широка,
Рука в кости крепка,
Что не могли мы дрогнуть, повернуть,
Когда в боях громили Колчака!

Я это помню, вижу как сейчас:
Когда в Уральских
Бились мы горах —
Белобандиты окружили нас,
И кое-кто из нас изведал страх.
К тому ж, как вихрь, ударила картечь,
Нас разметав, заставила залечь...
Что горше пораженья для бойца?
Ведь может на позор оно обречь!

Мы матерились, гнев кипел в груди,
Никто, казалось, вырваться не мог,

Но в этот миг
Взметнулся впереди
Буденного отважного клинок.
«Вперед, друзья!» —
Он крикнул. Поднялись
Мы, как один.
Он вел нас за собой.
Откуда только силы в нас взялись
Победоносно кончить этот бой?
Мы яростно отбросили врага,
Ряды его окутали огнем...
Друзья мои!
Победа так сладка!
Клянемся ею,
Ею мы живем!

2

Джигиты!
Да, рука в кости крепка,
Грудь удалая наша широка!
Так кто же,
За гигантский взявшись труд,
Заныл теперь, что ноша не легка?
Кто в окруженьи трудностей
Из рук
Оружье уронил, поник в беде?
В бою бывал ты самым храбрым,
Друг, —
Твой подвиг трудовой,
Ответь мне, где?
Иль ты забыл, что нынешний Урал —
Арена битв, где труд кипит, горяч?
Так кто же оробел в бою, удрал,
На полпути
Решил коня распрячь?

3

Джигиты!
Да, рука в кости крепка,
Грудь удалая наша широка!

Какой боец ты,
Если ношу с плеч
Ты сбросил, убежал с передовой?
Пусть трудности сегодня,
Как картечь,
Нам угрожают вьюгой огневой!
Ведь всё равно, мы знаем, под огнем
Батыр-ударник встанет впереди —
За ним, как за Буденным,
Мы пойдем —
И песня рваться будет из груди!
«Вперед, друзья!
К победам трудовым!
Препятствия отбросим, сокрушим!»

Так вот, друзья, —
Рука в кости крепка,
Грудь удалая наша широка.
Ударников девиз — победный труд,
Ударники вовек не подведут!

Июль 1930

43. ГОЛОС ВОЛН

Ты слушал голос волн, над морем стоя,
Когда оно волнуется, кипит?
Мы — это волны грозного прибоя,
Он все преграды рушит
и дробит.

Ничем неизмерима наша сила,
Как сила океанов и морей.
А наша страсть! Она неугасима:
Однажды вспыхнув,
не погаснуть ей!

Нас Ленин вел сквозь огненные годы,
Учил смотреть и зорко видеть даль
И в горы трудных дел любой породы
Врубаться с той же твердостью,
что сталь.

Во всех боях,
                    в любом жестоком споре
Светила нам победная звезда.
Не зря мы родились волнами моря,
Большого моря общего труда. . .

Ты слушал голос волн, над морем стоя,
Когда оно волнуется, кипит?
Мы — это волны мощного прибоя,
Что все преграды рушит
                              и дробит.

1930

44. В. И. ЛЕНИН

Мы с этим именем прозрели,
С ним прорезáлся наш язык,
А не с Кораном.
                    К ясной цели
Нас Ленин вел, прост и велик.

Как рано смерть вождя сразила!
Но неизменен ход страны.
Мы — ленинцы!
                    И наша сила
В том, что мы Ленину верны.

1930

45. НАША ЛЮБОВЬ

Помнится, была весьма забавной
Наша комсомольская любовь.
Члены волостного комитета,
Ехали на съезд мы.
                    Вижу вновь
Красный тот вагон и пар морозный. . .
Мы укрылись шубою одной.
Черт возьми, тогда-то показалась
Ты, ей-богу, близкой мне, родной.
Было то в крутом году — в двадцатом.
Кто из нас не помнит той зимы?. .

Тут же ты картошки наварила,
Из одной тарелки ели мы.
Помню, как мы весело смеялись,
Словно закадычные друзья.
Целовались иль не целовались —
Этого никак не вспомню я.
Резкий ветер дул из каждой щели,
Забирался и за воротник.
Ты о коммунизме говорила,
Чтó из головы, а чтó из книг. . .
«Тяжело еще пока живется,
Трудною дорогою идем.
Но победы все-таки добьемся,
Вот увидишь — заживем потом!
Коммунизм — великая эпоха,
Счастье человечества всего.
Мы с тобой увидим непременно
Ленинской идеи торжество.
Пусть нам нелегко, — ты говорила, —
Одолеет всё рабочий класс.
Этому учил и Маркс когда-то,
Этому и Ленин учит нас».
И стучавший в дверь вагона ветер,
И метель за ледяным окном
Звали нас к борьбе неутомимой,
Как и ты, твердили об одном.
В это время нашим фронтом были
Битвы против бунтов кулака,
Были штабом той борьбы великой
И райком и грозное Чека.
Помню, ты на съезде выступала
С гневной речью против кулаков,
Защищала яростно комбеды, —
Ты была душою бедняков.
А когда домой мы возвращались,
Ты, устав, ко мне прижалась вновь.
До чего ж тогда была смешною
Наша комсомольская любовь!
Волосы моей щеки касались. . .
Всё точь-в-точь, как было в первый раз.
Целовались иль не целовались —
Тóчно уж не помню я сейчас. . .

Времени прошло с тех пор немало.
Светлые сбываются мечты:
Строим мы ту жизнь для человека,
О которой говорила ты.
К ней, моя хорошая, идем мы,
Трудной закаленные борьбой.
В той борьбе очистили сердца мы,
В ней и ум оттачиваем свой.
Поровну тепло и хлеб делили
Мы с тобою в пору той зимы.
И друг друга и страну любили
Настоящею любовью мы.

1932

46. ВОСЕМНАДЦАТЬ

(Восемнадцатому Всемирному дню Молодежи)

Вся улица сегодня
Кумачом
Украшена.
Сегодня микрофонам
От пламенных приветствий горячо,
Что посланы друзьям разноплеменным!

Над улицами лозунги горят,
Под марши,
Отбивая шаг походный,
В колоннах
Молодежь за рядом ряд,
Которой восемнадцать лет сегодня.

Колонны эти
Были рождены
В огне и громе вихря мирового.
Свой голос
Против голоса войны
В те годы
Юность подняла сурово.

Та молодость
Так дружно поднялась,
Что выросла в трущобах и подвалах,

Что испытала голод, холод, грязь
И пушечным —
В те годы —
Мясом стала.
Колонны эти звали за собой,
Стреляли в них,
В гнилых застенках гнули.
Но молодость,
Гордясь своей судьбой,
В последний бой
Отважно шла под пули.

И, яростью пылая,
Не сдалась!
Не просто оставались непреклонны,
Но вырастали
В десять,
В двадцать раз
Стократно закаленные
Колонны.

Чем грозный запах пороха сильней,
Тем больше нас
Из самых разных наций.
Собравшей
Мира лучших сыновей,
Сегодняшней колонне —
Восемнадцать!

Века
За эти годы
Протекли.
Ни за одно столетие доселе,
Как ни богата летопись земли,
Таких не совершалось потрясений!

Приотворилась дверь в социализм,
Ее не затворить уже вовеки,
И огневые мысли
Родились
В преображенном, новом
Человеке.

Не видел
Этот новый человек
Урядника, царя, городового.
Он чуть не в люльке
Встретил новый век,
И было в нем действительно всё ново.

Побрил свои усы он первый раз
Лишь в эту пятилетку,
Гордо строя
Магнитку, Днепрогэс или Кузбасс, —
Там мы встречаем нашего героя.

Недетскими шагами
Он идет.
Так вот о ком
Мечтал великий Ленин!

Свет счастья человечеству несет
Колонна эта,
Это поколенье.
Чем век отживший скалится сильней,
Тем больше нас
Из самых разных наций.
Зовущей
Мира лучших сыновей,
Сегодняшней колонне —
Восемнадцать.

1932

1933—1940

47. К ПОЛЮСУ

Почему-то манит,
Почему-то тянет
　　　　К полюсу меня.
За́меть снеговая,
Словно призывая,
　　　　Кружится, дразня.
С высоты морозной
Каждый краснозвездный
　　　　Сокол-самолет
В грозовых раскатах,
Из-за туч косматых
　　　　К полюсу зовет.

Нынче в сердце вьюга:
Так и тянет с юга
　　　　Вырваться туда,
К северным широтам,
Устремясь полетом
　　　　К сизой кромке льда.
Ждет желанной встречи
Ветер сумасшедший,
　　　　Ветер озорной.
Над снегами рея,
Хочет он скорее
　　　　В бой вступить со мной.

Ветер сумасшедший!
С волей человечьей
　　　　Как сразишься ты?

Мы за всё в ответе,
Нет преград на свете
Для людской мечты.
Мы с морозом спорим,
Над землей и морем
Алый флаг подняв,
И, готовясь к бою,
Справимся с тобою,
Укротим твой нрав!

В сердце нынче буря...
Помню, как в лазури
Вереницы птиц
Мимо пролетали
В северные дали,
В дали без границ.
Вновь проходит стая...
Мальчиком тогда я
Деревенским был,
Жадно не однажды
Примечал я каждый
Взмах упругих крыл.

Птицы мчатся мимо,
Словно клочья дыма
По ветру вперед.
Я ж гляжу, бескрылый...
С непонятной силой
Грусть меня берет.
Я гляжу и взоры
Устремляю в горы,
Дальше — ни на шаг.
Но душа крылата
И летит куда-то
Сквозь туман и мрак.

Миновало детство,
Но его наследство
Я храню всегда
И душой свободной
Рвусь к равнине водной,
К сизой кромке льда.

Вновь на край вселенной
Песней дерзновенной
К полюсу зовет
С вышины морозной
Сокол краснозвездный,
Быстрый самолет.

Пусть не я — иные
В дали ледяные
Унеслись сейчас.
Я душою с ними,
Братьями моими, —
Полюс встретит нас.
Пусть стремятся к вьюгам
За Полярным кругом
Верные друзья,
Всё ж увидел раньше
Льдины-великанши
Зорким сердцем я.

Вам хочу сказать я,
Дорогие братья,
Как мы все горды
Тем, что вы сумели
Долететь до цели,
Побеждая льды.
Там, во мгле полярной,
Мыслью благодарной
С вами вся страна.
Отовсюду ныне
В снежные пустыни
Шлет привет она.

Сердце не устанет
И зовет и тянет
К полюсу меня.
Ветер ошалелый
Вдоль равнины белой
Кружится, дразня.
И, быть может, скоро

Я под рев мотора
Полечу сквозь мрак
В дальний край пустынный,
Где над сизой льдиной
Вьется алый флаг!

Февраль 1933

48. МОЛОДОСТЬ

Молодость со мной и не простилась,
Даже и руки не подала.
До чего горда, скажи на милость, —
Просто повернулась и ушла.

Только я, чудак, дивясь чему-то,
Помахал рукою ей вослед —
То ль просил вернуться на минуту,
То ль послал признательный привет.

Бросила меня в пути, не глядя,
Упорхнула легким ветерком,
Проведя, как на озерной глади,
Борозды морщин на лбу моем.

И стоял я долго на поляне,
Чувствуя стеснение в груди:
Молодость, как этот лес в тумане,
Далеко осталась позади.

Молодость, резвунья, чаровница,
Чем же ты была мне так близка?
Отчего же в сердце длится, длится
Эта беспокойная тоска?

Может быть, в тебе мне были любы
Дни, когда я страстью был томим?
Раузы́ рябиновые губы,
Горячо прильнувшие к моим?

Или дорога мне до сих пор ты
Стадионом, где шумел футбол?

Был я одержим азартом спорта,
Много дней в чаду его провел.

Или вот...
Стою перед мишенью,
Нажимаю, щуря глаз, курок.
Помню каждое свое движенье,
Хоть тому уже немалый срок.

Может быть, бывает так со всеми,
Злая память жалит, как пчела?
Или просто наступило время
Погрустить, что молодость прошла.

Ничего! Я унывать не стану,
Много в жизни и разлук и встреч.
Я и в старости не перестану
Слушать звонкой молодости речь.

Родина нас вместе с молодыми
Призовет на бой с любой бедой, —
Встанем все тогда в одни ряды мы
И тряхнем седою бородой.

Молодость, не чванься, дорогая,
Жар в душе не только у тебя, —
Это жизнь у нас теперь такая:
Нам и жить и умирать, любя.

Не одна ты радость и утеха.
Разве счастье лишь в тебе одной?
Силе чувства возраст не помеха,
Солнце не кончается с весной.

Если снова Рауза́ родится —
Вновь придет к заветному ручью.
Моему «джигитству» подивится
И погладит бороду мою.

Молодости нету и в помине,
Сколько ни гляжу я ей вослед,
Лишь на горизонте вижу синий,
Как морские волны, синий цвет...

Дай-ка я сегодня на прощанье
Обернусь, махну тебе рукой.
Это уж и вправду расставанье,
Молодость, товарищ дорогой!

За огонь затепленный — спасибо!
А грустить? .. Не та теперь пора.
Если бы ты возвратилась, ты бы
Удивилась яркости костра.

Не погаснет этот жар сердечный,
Жить, гореть, бороться буду я.
Вот что означает помнить вечно
О тебе, далекая моя.

Февраль 1933

49. В ТИР!

Метким стрелком оказалось светило:
Прямо в сердце лучом угодило,
Будто сердце — мишень, а мир —
Необъятный солнечный тир.
Глянул —
яблочком дальней мишени
Солнце повисло. . .
Сердцем влеком,
Видно, поддамся и я искушенью:
Стану, дружище, и я стрелком.
Юношу встречу, в шинели, в шлеме, —
Мне почему-то покоя нет. . .
Брось-ка перо и бумагу —
время
В тир отправляться, мой друг Ахмет!
Знаю тебя:
напряженным взглядом
В строчку нацелился прямиком.
Кажется ручка тебе прикладом,
Стальное перо — штыком.
Помнишь, товарищ, —
давно ль это было? —
Победоносно закончив бои,

В новой борьбе на перо и чернила
Мы сменили винтовки свои.
Впрочем, не так я сказал об этом:
Даже на фронте, в огне боев,
Разве ты не был уже поэтом,
Пулей и словом разя врагов?
Мы угольком на клочках четвертушек,
Что на цигарки брала братва,
Стихи писали...
И с громом пушек
Нашей песни сливались слова.
Что же тогда нам верней служило:
Меткость винтовки? Ярость пера?
Друг мой, двойного оружия сила
Нас привела к победе вчера!

Солнце балуется...
Глаз прищурит —
Взгляд его с неба сверкнет, колюч,
Будто за облаком
снайпер дежурит,
В сердце нацелив горячий луч.
Солнечный день с голубым поднебесьем
Наших винтовок добыт огнем.
В жарком дыхании наших песен —
Буря борьбы и сражений гром.
В тире, на стрельбище в наши годы,
Верно, немногим пришлось робеть.
Нас научили бои и походы
Метко стрелять и без промаха петь.

Если умеем, прицелившись словом,
Песней навылет пронзить врага,
Надо и пулей, как словом свинцовым,
Бить из винтовки наверняка!

В тир собирайся, друг неразлучный!
Без похвальбы я скажу тебе:
Метко стреляли мы песней звучной, —
Не осрамимся и в этой стрельбе!

Февраль 1933

50. ПОЖАР

Пожар!
Пожар!
Горит институт.
Корона огня
на крышу надета.
И пламя
струею бьет в высоту
Из окон
профессорского кабинета.
И дым,
не вмещаясь в зданье,
ползком,
Ползком
через форточку лезет упорно
Наружу.
Чудовищным червяком
Колеблется сгусток,
огромный и черный.
Кто зданье поджег
в темноте ночной?
Чьей спичкой
разбужено пламя это?
Ведь мы, студенты
группы одной,
Ушли последними из кабинета.
Я помню:
чертили мы у окна,
И физик-профессор,
лицом молодея,
Спеша, улыбаясь,
рассказывал нам
О новой своей
вдохновенной идее.
Заветные
он развернул чертежи:
«Вот вам механизм,
что невидан от века.
Я зимнюю стужу
заставил служить:
Вращать машины
для человека».

Мы слушали жадно.
«До этой поры
Служил человеку
пар перегретый.
Но я
превращу в ледяные пары
Арктический холод
машиною этой.
Чертеж вам понятен?
Отныне легко
Энергией холода
овладеем.
Вы знаете —
в технике всех веков
Еще не встречалось
такой идеи. . .»
Пронизаны кудри его сединой.
В глазах же,
по-детски ясных, горела,
Светилась бездонною глубиной
Любовь творца
к великому делу.
И, как мать
младенца берет своего,
Взял чертеж он
бережными руками
И глядел на чертеж,
и в глазах у него
Огромная радость
искрилась, как пламя.
Мы — юнцы.
И какие мы все чудаки,
Тот, кто влюбится,
голову тотчас теряет.
Коря стариков,
мы твердим: старики
Душой холодны
и любви не знают.
Но страсть,
что в профессоре нашем живет,
Сравнится ли
с юной короткой любовью?

Он страсти себя
до конца отдает,
Он любит
всем сердцем,
всей волей,
всей кровью!
Я помню:
беседу окончил старик
И спрятал чертеж свой.
Мы вышли все вместе...
Откуда же
этот огонь возник?
Кто зданье поджег?
Из вражды иль из мести?
Пожар!
Пожар!
Подожжен институт!
Огонь ползет
всё выше и выше.
Из форточки
тянет дым в высоту,
И дымные клочья
танцуют на крыше.
В профессорском кабинете теперь
Огонь, словно птица,
машет крылами...
Взгляни!
Человек разбивает дверь,
Кидается в зданье.
Навстречу — пламя
Лавиной...
И дерзкий отброшен прочь.
И в нем профессора мы узнали,
Чьи кудри седые
чернее, чем ночь,
Обуглившись в яростном пламени,
стали.
Огонь подбородка коснулся,
как нож,
И лезвием бороду сбрил
багряным...

И стонет профессор:
«Чертеж мой! Чертеж!
Он там, в кабинете,
в шкафу деревянном!»
Над детищем,
павшим от пули злой,
Так ланка не плачет
в тайге нелюдимой,
Как плачет старик,
потрясенный тоской,
У дома,
повитого клочьями дыма.
О муже любимом,
убитом в бою,
Не плачет так горько
жена молодая...
Он стонет,
бессильную руку свою
К своим чертежам
сквозь огонь простирая.
Друзья, мы любили,
но кто же из нас,
Утратив любовь,
обливался слезами?
Кто так тосковал,
как тоскует сейчас
Ученый,
расставшись навек с чертежами!
Наш друг, наш профессор, утешься!
С лица
Сотри
раскаленные слезы печали!
Лишь тот побеждает
в бою до конца,
Чья вера в победу
упрямее стали.
Вложил ты
всю страсть,
всю заботу свою
В погибший чертеж
гениальной машины...

Взгляни!
Мы, студенты,
сомкнулись в строю,
Как армия,
слитая волей единой.
Пусть враг наблюдает
с ухмылкой кривой
За нами, —
он рано победу справляет.
Ведь пламя гудит,
словно горн боевой,
И в сердце
решимость удесятеряет.
Врагу не укрыться,
врага стерегут
Рабочие выверенные караулы.
И скоро
последнее слово врагу
Мы скажем
сквозь узкое синее дуло.
И вновь
сконструируем мы чертежи
С тобой, наш профессор,
точнее и лучше,
Чтоб твой аппарат
неустанно служил
Республике нашей
всей силой могучей!

Февраль 1933

51. НА НОЧНОМ ПОСТУ

Темнота, как дым, густа,
Льнет к ресницам. Ветер смолк.
Я во все глаза смотрю —
Словно рядом рыщет волк.
Я всегда любил смотреть,
Как мерцает звездный свет,
Но сегодня позабыл —
Есть ли звезды или нет.

Охраняю урожай.
Ныне хлеб высок и густ.
Притворился тенью — пень,
Показался вором — куст. . .

Темнота, как дым, густа,
Вьется около ресниц,
Но сверлит ее мой взор,
Слышу шелест трав и птиц.
Каждый шорох ловит слух —
Замер я, к земле прирос. . .
Я свой долг перед тобой
С честью выполню, колхоз!

Ветер снова —
словно конь,
Что остался
без узды, —
Мчит,
колосьями звенит,
Забирается в сады.
Что колхозное добро
Свято —
с этим он знаком?
Иль, беспутный, он вступил
В злобный сговор с кулаком?

Кто б ты ни был — должен знать:
Всем ворам и кулакам
Так, как Партия велит,
Мы ударим по рукам!
Сердце чувствует мое:
Чести выше нет —
стеречь
Наш колхозный урожай,
Для страны его беречь!
Не пролезет кулачье,
Как ни действует хитро:
Ни «твое» и ни «мое» —
Наше общее добро
Я надежно берегу,
Зорко глядя в темноту.

Утром
Я сказать смогу:
«Всё в порядке на посту!»

Август 1933

52. ДЕВУШКЕ ИЗ КОЛХОЗА

Я трудовую книжку развернул,
В ней о тебе
    Сказали много строки.
Почувствовала ты,
    Что я взглянул, —
И костяникой заалели щеки.

Сегодня солнце,
    Завершая круг,
За горизонт садилось, прямо в тучи.
Но всё сверкал,
    Всё вспыхивал ваш плуг,
Когда вдруг поворачивался круче.

Ты словно солнце,
    Что к исходу дня
Бросает луч украдкой из-за тучи, —
Из-под ресниц взглянула на меня,
Улыбки я
    Не видел в жизни лучше. . .

Увидел я
    В той книжке трудовой:
Проценты переваливают за сто. . .
Не потому ли пульс, родная, твой
Всегда так бьется —
    Радостно и часто?
Ты потрудилась славно —
    И не зря
Румянец на лице лежит, не тает.
То не твоей ли юности заря
В работе, в напряженье
    Расцветает?

Росинка пота
Катится со лба
И повисает на ресницах.
Это —
Не капелька дождя и не слеза,
Она — росинка твоего рассвета.

А волосы
Твою целуют бровь,
Их легкий ветер разметал красиво.
Так почему же ты
Смутилась вновь
И спрятала улыбку, погасила?

Я восхищен —
Колхозные поля!
На них не только добрый хлеб родится —
Чудеснейших девчат растит земля,
Умеющих смеяться
И трудиться.
Пусть я уеду очень далеко —
Запомнится полей многоголосье
И западут мне в память глубоко
Красавицы,
Взрастившие колосья.

Так до свиданья, умница, в свой час!
Не хмурь бровей,
Отбрось печали бремя:
С тобой на пашне пели мы не раз,
Споем и на току,
Настанет время.

1933

53. ПЕСНЯ ДЕВУШКИ-РЫБАЧКИ

Укротись, волна
каспийская, седая!
Ты мешаешь мне
и слушать и смотреть.
Старый Каспий,
не к тебе пришел сюда я, —

Привлекла меня
рыбачка молодая,
Что поет,
свою вытягивая сеть.

Из-под утра —
одеяла голубого —
Солнце высунуло голову едва;
Соревнуется с ним дочка рыболова,
Тянет невод
и поет о жизни новой,
За работой
засучивши рукава.

Старый Каспий!
Ты грозишься пастью злою,
Но она
твоей угрозы не поймет:
У нее в глазах
бесстрашие стальное. . .
Не бушуй же
одичалою волною,
Слушай песню,
что красавица поет:

«Друг уехал в даль морскую,
Я ж, трудясь на берегу,
Радость и любовь большую
В сердце сберегу.

Волны буйны, волны седы,
Скоро друг вернется к нам.
Он услышит про победы
Моего звена.

Улыбнется ясным взглядом
Друг любимый мой.
Скоро, скоро будет рядом
Мой пловец-герой».

Укротись, волна
каспийская, седая.

Ты мешаешь мне
    и слушать и смотреть.
Старый Каспий,
    не к тебе пришел сюда я, —
Привлекла меня
    рыбачка молодая,
Что поет,
    свою вытягивая сеть.

Но не хочет
    злобный Каспий усмириться:
Губы пенные
    он вытянул хитро,
Чтоб рыбачкой,
    как добычей, поживиться.
Уходи!
    Тебя рыбачка не боится.
Уходи!
    И нашей девушки не тронь!
И рассерженные волны
    рваным строем
Каспий вдаль уводит
    к лодкам рыбаков,
Он беснуется,
    пловцам могилу роя...
Укротись!
    И не грози пловцам-героям:
Им с тобою
    будет справиться легко.

«Понапрасну Каспий злится.
Мой ударник-рыболов,
Мой любимый не боится
    Бешеных валов.

В заводь тихую прибрежья
Скоро друг вернется к нам,
Будет лодка рыбой свежей
    До краев полна.

Друг вернется издалече,
Будет у него в зрачках

Теплиться тоска по встрече,
    Жаркая тоска».

Каспий волны
    на песок прибрежный рушит.
Лодка с милым
    не вернулась до сих пор.
Легкий ветер
    что-то шепчет в уши,
Друга ждет рыбачка,
    невод сушит
И кидает песнь
    в клокочущий простор.

Укротись, волна
    каспийская, седая.
Ты мешаешь мне
    и слушать и смотреть.
Старый Каспий,
    не к тебе пришел сюда я, —
Привлекла меня
    рыбачка молодая,
Что поет,
    стеля на желтый гравий сеть.

1933

54

Недалеко от Москвы-реки,
На трубах своих держа небосвод,
Стоят цеха, в плечах широки,
И ждет зари трудяга завод.
Утром гудки его соберут
Сынов-дочерей на ударный труд,
Обнимет он их,
                    вдохновит он их,
Героев творя из детей своих.
Пусть имя свое утвердят трудом —
И вечный праздник
Придет к ним в дом.

1933

55. ЛЭЙСАН

Дымящиеся тучи дождевые
Всё ближе к пашне, прячущей зерно.
Сильней сердца забились трудовые,
Об этом дне мечтавшие давно.

Весенний ветер теплыми руками
Мне волосы расправил надо лбом.
За синими далекими горами
Простуженно заухал первый гром.

И вот обрушил крупных капель грозди
Весенний благодатный дождь — лэйсан,
А мы, встречая дорогого гостя,
Ладони поднимаем к небесам.

Едва на поле солнцем животворным
Чекмень зимы был напрочь разнесен,
Мы, хлеборобы, семенем отборным
Насытили голодный чернозем.

Всю зиму мы трудились неустанно,
Готовя урожая торжество.
И, вымокнув до нитки под лэйсаном,
Мы радостно приветствуем его.

Колхозный стяг над полем водружаем.
Пускай он реет выше облаков!
Так лей, лэйсан — предвестник урожая,
Творимого трудом большевиков.

1933

56. ПИСЬМО С ВОЛГИ

(Путевые заметки)

1

Добрый день,
Сибгат.
Шлю тебе привет.
С Волги я пишу.

Много дней подряд
Нашей дружбы свет
    Я в душе ношу.
И уж много дней
В голове моей
    Кружатся, как рой,
Чувства и слова —
Крепко в них жива
    Память встреч с тобой.

Волжская струя
В дальние края
    Увлекает нас,
А душа и мысль
Остаются там,
    На селе у вас.

Здесь закат горит
И заря багрит
    Серебро хлебов.
В сердце у меня
Радостно стучит
    К родине любовь.

2

А заря ала́,
Словно красный флаг,
    Флаг, что в бой берут,
Флаг, что стал наградой
Для твоей бригады
    За ударный труд.
Словно через рожь
Ты ко мне идешь
    И меня зовешь
На соревнованье
За алое знамя,
    Что в руках несешь.
И, как бьет порой
Волжский перекат,
    Рвет из рук весло,

Сердце у меня
Бьется, друг Сибгат,
Сильно и светло.
Вправо путь держу —
На поля гляжу:
Хлеб
По берегам,
Влево — лес, покосы,
И туман белесый
Тянет по лугам. . .

3

К вам письмо придет
И тебя прождет
Долго не врученным.
Там, где жнут хлеба,
Там, где молотьба,
Ты, разгоряченный,
Мчишься на коне
Прямо по стерне
И следишь бессменно,
Чтоб сбережено
Каждое зерно
Было непременно.
Каждый колосок
Ты питал, как мог,
Волею к победе.
Ты горишь желаньем
В соцсоревнованье
Победить соседей.
Мчишься, полный сил,
Шапку позабыл,
Нараспашку ворот.
Лишь бы твой колхоз
Раньше всех обоз
Снарядил бы в город.

Так же, как весной,
В пору посевной,
Ты, Сибгат, забудешь
Про еду и сон,

Но всегда
Во всем
    Самым первым будешь.

Воют триера,
И зерна гора
    Всё растет на солнце,
И над молотьбой
Громкий голос твой
    Далеко несется.
Где уж тут присесть
Да письмо прочесть!
    Ты его не тронешь
День,
Неделю,
Две,
А потом в траве
    Случаем обронишь.
Ладно.
Ну и пусть.
Я не огорчусь,
    Что не вдруг ответил.
У тебя — дела,
Голова была
    Занята не этим.
Главное, что я
Полюбил тебя
    И, признаться честно,
Около тебя
Научился я
    Новым
    Лучшим
    Песням.

4

В августовский зной
Встал ячмень стеной
    И заколосился.
Ты с полей колхозных
На закате поздно
    К дому воротился.

Ты на нас смотрел,
Яростью горел
    Взгляд твой зло и строго.
От знакомых глаз
Нам передалась
    Грозная тревога.
Созван был народ
На колхозный сход.
    Ты глядел угрюмо,
Как толпа росла,
А в тебе жила
    Горестная
    Дума.
Кто-то
В темноте
Шел по борозде
    И ломал
Колосья.
    «Это
Чьи
Дела?» —
    У всего села
    Ты спросил со злостью.
Сход не отвечал.
Ты же помолчал
    И промолвил глухо:
    «Вот она,
Рука
«Дяди»-кулака
    Прочит нам проруху.
Только злейший враг
Поступает так,
    Пусть он проклят будет.
Этот враг сейчас
Где-то среди нас.
    Чувствуете,
    Люди?»
Шум пошел вокруг.
Почесал Апук
    Свой затылок рыжий.
Хмур, молчал Мифтах,
А Ибрай, привстав,

Сел к тебе поближе.
Шум осел, затих.
Снова слов твоих
Ждет народ колхозный.
Сторож Искандер
Стал от срама сер,
Встретив взгляд твой грозный.
«Разве ты забыл,
Что правленьем был
Дан наказ особый
Ночь не спать,
Стеречь,
Наш ячмень беречь
От беды и злобы?
Искандер, ты спал,
А кулак гулял
У колхозных пашен,
Без помех, в тиши,
Как хотел, крушил
Труд и гордость нашу.
Ты кому слуга?
Ты кому пример?
С кем ты кашу варишь?
Клад ты для врага,
Сторож Искандер,
А не наш товарищ!»
Суд твой был суров,
Правда этих слов
Жгла сильнее молний.
Догорал закат...
Вот каким,
Сибгат,
Я тебя запомнил.

5

Много дней подряд
Думал я,
Сибгат.
В мыслях сокровенных
Образ твой живет
С горстью этих вот
Стебельков ячменных.

И чем круче был
Трудовой твой пыл
И непримиримей,
Тем сильней друзья
Верили в тебя
Сердцами
Своими.
Наш закон таков:
Мы своих врагов
Без пощады рубим,
А своих друзей
Мы душою всей
Беззаветно любим.

В этой битве ярой
Нового со старым
Рядом были мы.
Друг друга,
Как брата,
Горячо и свято
Полюбили мы.
Виделись недолго,
Но несутся мысли,
Как речной раскат,
Быстрые, как Волга,
И пишу я письма
В твой колхоз,
Сибгат.
С упоеньем жнущий
Хлеб своей победы
До исхода дня,
Ты
Еще в грядущей,
Ты
Еще в неспетой
Песне
У меня.
О твоей бригаде
Я слова в тетради
Новые
Пишу,

Новый лад напевный
Я теперь вседневно
    На́ сердце ношу.

1933

57. НА ВЕСЕННЕЙ ДОРОГЕ

Обветшал, разлезся,
    Стал не краше
Зипуна изношенного снег.
Пашня
    Вылезает сквозь прорехи
Темно-бурым телом по весне.
С каждым днем
    На полевых увалах
Всё усердней солнечный пригрев.
Так бы вот и крикнул:
    «Эй, светило,
Выходи давай на ранний сев!»
Так ведь нет, Мотый!
    Свисает с носа
Капля пота,
    Губы запеклись.
Семена не подвезли заране —
По такой дороге исхитрись!
Как зипун изношенный латаем —
Сани перетаскиваем мы
Со снегу на снег
    Да под полозья
Подсыпаем горсточку зимы.
Невподъем поклажа,
    Конь ни с места...
Ранний сев! Какой там ранний сев!
А весна не мешкает
    И зиму
Гонит вон под ручейков напев.
Погляди, Мотый,
    На что похож ты
И на что похож коняга твой!

Разве так
Зерном он полон будет,
Наш амбар, пшеницей золотой?!

При подсчете фонда семенного
Утешались:
«Дескать, даст район!
Он не дать не может,
Он поможет:
Нет семян — откуда соберем?»
Хорошо, везем их из района.
Но кряхтим, корежимся сейчас,
А недели две назад —
Дороги
Ровным блеском радовали глаз.
Обветшал, разлезся —
Стал не краше
Зипуна изношенного снег.
Худо нам с тобою,
А скотинке
На такой дороге хуже всех.
Отдыхать бы ей сейчас в конюшне:
Ешь давай, лошадушка, жирей!
Срок настанет, милая,
Тогда уж
И расчешешь волосы полей!
Ну а что же, друг Мотый, на деле? —
И мокра скотинка,
И тоща.
Как она не вывернет лопатки,
По земле
Санями скрежеща!
Солнце потешается над нами:
«Самая горячая пора,
А ее
Колхозники проспали,
Вот теперь
И мучают одра!»

Злость берет, Мотый!
Клянемся, друже:

Вековую лень преодолев,
Семена в поля свезем
заране,
Вовремя
На ранний выйдем сев!

1933

58. ПЕСНЯ КОМСОМОЛЬСКОЙ БРИГАДЫ

1

Наш каурый красив,
Ну-ка, друг,
Запряги ты каурого в плуг,
И не дай ему захромать,
И не дай ему отощать.
Береги его и лелей,
Чтобы крепок он был и поджар,
Чтоб работалось веселей,
Комсомолец, конюх Зубар!

2

Нам послушен не зря
Верный плуг,
Прохлаждаться ему недосуг.
Он, железный, чуть свет встает,
Борозду за собой ведет.
И старается глубоко
Землю на поле он пахать.
Урожай смогли высоко
Комсомольцы Мусы поднять!

3

А котел наш
Стоит над огнем,
Постной пищи не водится в нем.
И второго такого нет,
Потому что для нас обед
Варит девушка Майкамал,

И собой она хороша,
Комсомольский сберечь накал
Молодая сможет душа.

4

А полей наших —
Знает весь свет —
Нет богаче, привольнее нет.
Золотые растим хлеба,
Золотая у нас судьба.
Дело спорится у молодых,
Поторапливает страда.
И задористей остальных
Комсомолия, как всегда.

5

Ток гудит наш:
Идет молотьба,
Как холмы, громоздятся хлеба.
Хоть грозили нам кулаки
И спускали порой курки,
Запугать не сумели нас.
Принимай урожай, страна!
Комсомольцев не в первый раз
Прославляешь ты имена.

6

Наше знамя —
Пылающий стяг,
Как победы заслуженный знак,
Снова в битве, в эту страду
Нам досталось. Слава труду!
Званью славному мы верны,
Нам на лаврах ли почивать?
Знамя взятое не должны
Мы сопернику уступать!

1933

59. ПЕСНЯ О КРАСНОМ ЛЕТЧИКЕ

(Марш)

1

Крылья распластав,
До неба достав,
Красный летчик реет над страною.
Под крылом — земля,
Села и поля,
И раздолье хвойное лесное.

Красный летчик,
Нет тебя сильней!
Выше кто взлетал на белом свете!
Слушай команду:
«Эскадрилья... эй...
К победе!»

2

С красною звездой
Шлем его простой,
Кожаная куртка у пилота.
Самолет могуч,
И в разрывах туч
Виден белый след от самолета.

Красный летчик,
Нет тебя сильней!
Выше кто взлетал на белом свете!
Слушай команду:
«Эскадрилья... эй...
К победе!»

3

Словно птицы ввысь
Дружно поднялись —
В небе самолетов кружит стая.
Зорко стерегут
Наш победный труд,
Родину от края и до края.

موسا جەلیل
مەسكەو
„تسینترئیزدات" 1929

Красный летчик,
Нет тебя сильней!
Выше кто взлетал на белом свете!
Слушай команду:
«Эскадрилья... эй...
К победе!»

4

Мощные винты
Песню высоты
Летом и зимой поют над нами.
Тысячи ребят
Им вослед глядят,
Стать мечтая красными орлами.

Красный летчик,
Нет тебя сильней!
Выше нет тебя на белом свете!
Слушай команду:
«Эскадрилья... эй...
К победе!»

5

Грозен над страной
Самолетов строй,
Каждый вроде молнии железной,
Слава,
Слава вам,
Летчикам-орлам,
Слава вашей службе поднебесной!

Красный летчик,
Нет тебя сильней!
Выше нет тебя на белом свете!
Слушай команду:
«Эскадрилья... эй...
К победе!»

1933

60. СНЕГА

Ветер ворот мне распахнул.
И, как белой сметаной,
снег
По груди моей вдруг мазнул,
Чтобы сердца замедлить бег.

Ветер, ветер, холодным днем
Ты на сердце вершишь набег,
Но под жарким его огнем
Обречен ты растаять, снег.

Взгляд бросаю я на восток,
Мир туманится, как в слезе.
Из Казани мой путь пролег,
Вспоминаю о Файрузе.

Стала чаша души грустна,
В ней смешались полынь и мед.
На уме Файруза одна
И Казань, где она живет.

1933

61. ШАЛАНДА № 24

1

Каспия седую шевелюру
Так и сяк расчесывать ветрам.
Постарело морюшко —
веками
Жизнь влачило — с горем пополам.
День за днем поденщики тянули
Лямку
вдоль отлогих берегов,
Лямка тело резала,
и липким
Был канат от крови бурлаков.

И они —
не пели, а стонали,
И весь берег,
вторя им,
стонал:
Горестного стона переливы
Отдавались горестно от скал.
Сиротою
Каспий был в то время —
Бесприютно, солоно, мертво.
Не с кем слова молвить,
кроме этих
Бедолаг, и нету никого.
Здесь они рождались,
вырастали,
Продавали силу плеч своих
И отцом, и матерью
считали
Каспий,
понимавший горе их.
Каспий,
от их слез посолоневший, —
Видишь сколько их, солончаков!
Каспий,
во всю ширь свою кипевший
Беспощадным гневом бедняков.

2

Каспия седую шевелюру
Так и сяк расчесывать ветрам.
Пенясь, волны катятся.
Проворно
Прыгает шаланда по волнам.
Нет давно поденщиков.
Утихли
Стоны подневольные давно.
Море — в самом добром настроенье,
Светится от радости оно.
Даль ясна. . .
Посередине моря,
Словно кит, встречающий восход,

Чуть покачивается шаланда,
Рыбой
наполняя свой живот.
И, волнам свое доверив тело,
К ней баркас торопится, пыхтя,
Из колхозов,
блещущие рыбой,
Лодки друг за дружкою ведя.
В лодке —
улыбается рыбачка,
Кос не заплетавшая с утра,
Напевает песню,
сушит невод,
Славно поработавший вчера.
Бурлака заслуженного дочка —
Знатная красавица Айжан.
Вот такими —
и гордится Каспий,
Во владенье
труженикам дан!

3

Каспия седую шевелюру
Так и сяк расчесывать ветрам...
На море —
полным-полно народу,
На его просторах —
шум и гам.
Общей песне —
скалы тихо вторят,
Отзвуки напевны и легки.
Для страны
счастливые бригады
Ловят рыбу наперегонки.
Даль ясна...
Посередине моря
Под весенним солнцем, словно кит,
Чуть покачивается шаланда,
Дружная работа в ней кипит.

1933

62. ВЕСНА

Я открываю солнцу грудь.
«Чахотка», — доктор говорит...
Пусть лижет солнце эту грудь,
Она от прежних ран болит.
Ну что ж, ей надо отдохнуть,
И солнцем вновь она блеснет...
На белом камне я сижу,
Мне слышится весны поход —
Идут деревья, ветры ржут...
Преступен разве отдых мой?
Дышу я теплотой ночей,
Готовящих работу дней...
Я взял свое от войн и гроз.
Зачем же не смеяться мне,
Прошедшему сквозь грохот гроз,
Когда весна, сломав мороз,
Скачет, как бешеный снеговой поток?

Скачет, как бешеный снеговой поток,
Кружится безумный водоворот.
Тонкий, как кружево, как пушок, —
Челтыр-челтыр — ломается лед
От жара-богатыря — весны...
В небе лазурном, как взор Сарвар,
Тихая тень облаков-ресниц
Расходится, задрожав сперва,
Лаская уколами небосклон...
Ну как мне не радоваться и не петь,
Как можно грустить, когда день — как звон,
Как песня, как музыка и как медь!
За то, чтобы крикнуть идущим дням:
«Эти вёсны нам принадлежат!» —
Я легкое отдал, я жизнь отдам,
Не оборачиваясь назад...
Я радуюсь дрожанью вен —
Весна по руслам их течет.
И я кричу: «Ломая плен,
Не кровь ли двинулась вперед,
В днепровский яростный поход,
Трудом вскипает и поет?!.»

«Чахотка», — доктор говорит...
Не прав он: это гул годин,
Которые, теснясь в груди,
Хранят походов грозный ритм
И пламя флагов впереди.

1929, 1933

63

Года, года...
Придя ко мне, всегда
Меня руками гладили своими.
Вы с мягким снегом шли ко мне, года,
Чтоб стали волосы мои седыми.

Чертили вы морщинами свой след.
Их сеть мой лоб избороздила вскоре,
Чтоб я числом тех знаков и примет
Считал минувшей молодости зори.

Я не в обиде.
Молодости пыл
Я отдал дням, что в битвах закалялись.
Я созидал, и труд мне сладок был,
И замыслы мои осуществлялись.

Как вдохновенно трудится народ,
Социализма воздвигая зданье!
Я знаю: камнем жизнь моя войдет
И прочно ляжет в основанье.

14 января 1934

64. СИВЫЙ КОНЬ

(Песня колхозника, верхом объезжающего поля)

1

Как золото, пшеница наша —
Быть с урожаем нам большим,
А если враг решит пробраться,
Мы по рукам ему дадим.

Мы по рукам ему дадим,
Конек мой сивый,
Чтоб неповадно было лезть
На наши нивы!

2

Наш хлеб я никому чужому,
Скакун мой милый, не отдам, —
Поля стеречь отважно, зорко
Поклялся я своим друзьям.
Поклялся я своим друзьям,
Конек мой сивый,
Чужому и взглянуть не дам
На наши нивы!

3

Весь урожай собрать должны мы,
И будет край родной богат, —
Так сердце горячо желает,
Так честь и совесть нам велят.
Так честь и совесть нам велят,
Конек мой сивый,
Сбирать мы выйдем урожай
На наши нивы!

4

Напрасно недруг лапы тянет —
Сюда дороги не найдет,
В полях, что сторожу я зорко,
Ни зернышка не пропадет.
Ни зернышка не пропадет,
Конек мой сивый,
И тщетно лапы тянет враг
На наши нивы!

5

Пускай твою густую гриву
Расчесывают ветерки,

Топтать колхозные угодья
Пускай не пробуют враги.
Пускай не пробуют топтать,
Конек мой сивый,
Покажем им, как посягать
На наши нивы!

6

Поля колхозные, большие
Ты звонким ржаньем огласил.
Уж сколько лет на этих нивах
Тружусь я, не жалея сил.
Тружусь я, не жалея сил,
Конек мой сивый,
С рассвета выйдем мы опять
На наши нивы!

7

Мы оба на посту сегодня,
Мы оба край храним родной.
Ты — мой помощник самый верный,
Ты — строглазый сокол мой!
Ах, остроглазый сокол мой —
Конек мой сивый!
Врагов не пустим в край родной,
На наши нивы!

1934

65. НА РЕКЕ

На реке
Коня купает
Красной Армии
Джигит,
Чешет гриву,
Моет спину,
Сам на девушку
Глядит.

А девчушка
Из колхоза
На мосточках
Мочит лен,

На бойца
Глядит украдкой
Видно, ей
По сердцу он.

Шелк волос
Рекой струится,
Сквозь ресницы
На него
Посмотрела
И спросила:
«Если любишь —
То кого?»

Подошел боец
К девчушке,
Обнял вдруг
И говорит:
«Работящих
И красивых
Любит девушек
Джигит».

Февраль 1935

66. ВО ВРЕМЯ КАТАНЬЯ НА ЛЫЖАХ

Мальчуган катается на лыжах.
Мальчуган одиннадцати лет.
Ловко прыгнул он с откоса. Вижу:
Понимает парень, в чем секрет.

Ровные прочерчены бороздки
На блестящем сахарном снегу.
На щеках у мальчика полоски —
Здорово вспотел он на бегу.

Я — за ним. Хотел без промедленья
Пересечь овраг во весь карьер.
Бац! — и я сижу в недоуменье,
Весь в снегу. Смеется пионер.

Ну, и я смеюсь. Чем тут поможешь?
Взрослый, а срамится пред детьми!
Если уж не можешь — так не можешь.
Экая досада, черт возьми!

И пришлось мне робко обратиться
К мальчику одиннадцати лет:
«Как с горы, не падая, скатиться?
Научи, скажи, в чем тут секрет».

И, в глаза мои спокойно глядя,
Отвечал сочувственно мне он:
«Запишитесь в пионеры, дядя,
Сам всему я там был обучен».

Февраль 1935
Голицыно — Москва

67. ЛЫЖНЫЕ СЛЕДЫ

Всё что-то пишут, пишут лыжи
На снегу.
Бездельник ворон взгромоздился
На суку.
Береза синюю отбрасывает
Тень.
И я бездельничаю тоже
В этот день.
Мы оба слушаем, как рада детвора,
Как звонко катится
Под лыжами гора.

Следы от лыж —
Голубоватые слегка,
Летит лыжня,
Как за строкой летит строка:

У одного мальчишки почерк —
Прям и строг,
Зато другой
Всё норовит наискосок,
А та девчушка,
Снежной радугой пыля,
На солнце пишет
Золотые вензеля!

И я читаю. Словно в детстве —
По складам.
Легко узнать любой характер —
По следам.
Ах, красногалстучное племя,
Мчи вперед —
Да будет смел, да будет дерзок
Твой полет!

Вот старый ворон шевельнулся
На суку —
Ребячий смех нагнал на ворона
Тоску,
И на ребят, и на меня,
Махнув крылом,
С досады каркнул он и скрылся
За бугром.

А я стоял. И так бездельничать
Устал,
Что все следы на этот лист
Переписал.

Февраль 1935
Голицыно — Москва

68. ЗАЙТУНЕ

Если вернешься на берег Дёмы,
Где тополя шелестят на ветру,
Тихо пройди луговиной знакомой, —
Там я недавно бродил поутру.

Jollar, jollar..
Sezneŋ kür qajsьgьz
~~[illegible]~~
Irekkә ytte
minem bitemne —
~~[illegible]~~
Sөjgәnemne kүrer
taŋnar өcen
~~[illegible]~~
Jatьr kebek
qarlar kitеrde.
Sezneŋ balqaŋ ezlәr
~~[illegible]~~ kүbәp kergәn,
Aq maŋlajьm ~~[illegible]~~.
Çatnap kitelgәn,
Үzlәgәnne aŋsьn, ә degәnne,
Suşь ezlәr bujlap bitemnәn?
Үpkәlәmim sezgә,
~~[illegible]~~
Min jөzlәrne
Ul kүrekle sorau qabarьp,
Vatanьmnь ilne tozеgmәrgә
Qajnar tirәn ileps [illegible].
Bezneŋ ilek tөzer
xalьq ezlәr
Jolьqьzьm jaŋa tozelr.
Minem өjemzen
Kirәk bez toz bulьp.
Kaly jaktә ~~[illegible]~~ ал jort ngelәnә.

194[illegible] — M. Cälil

Ты в камышах у прибрежной тропинки
Слышишь ли сердца влюбленного дрожь?..
В воду войдешь ты, стройнее тростинки,
Робко оглянешься и поплывешь.

Я не вернусь на тихую Дему,
Молодости воротить не могу,
Но, устремляясь мечтой к былому,
Сердце гостит на твоем берегу.

Здесь я увидел тебя впервые,
И разгорелся огонь в крови,
Здесь я изведал дни грозовые —
Счастье и муку первой любви.

Деме вверял я мои печали.
Как мне сочувствовала она!
Волны участливо мне отвечали,
Сердце мое понимая до дна.

Другом заветным считал я Дему,
Чуткие, светлые волны ее,
И никому, никому другому
Не доверялось сердце мое.

Помню, как мне по ночам весенним
Дема внимала, забыв покой,
Как волновалась моим волненьем,
Как тосковала моей тоской.

Дема на волнах меня качала,
С нею мечталось мне горячей.
Молодость, жизни моей начало,
Я безоглядно оставил ей.

Даже теперь я втайне страдаю.
Как мне задумчивой Демы жаль!
Где-то на Деме — любовь молодая,
Где-то на Деме — моя печаль!

Девушка с Демы! Пусть мы расстались,
Верь, что любовь моя глубока.
Помни о ней, живи, не печалясь,
Как голубая Дема-река.

Свежий рассвет любви нашей ранней
Издали чудится сном наяву.
Очарованьем воспоминаний
Тайно любуюсь, тайно живу.

Вспомни тропинку нашу былую,
К Деме одна спустись в тишине,
Цветик прибрежный сорви, целуя,
С ласковой думою обо мне.

1935

69. ПЕСНЯ ВЕСНЫ

С песней тревожного сердца
Мчатся ручьи вдоль дорог.
И возвращаются птицы,
Словно на отчий порог.

Новорожденные листья
Вновь на березах шумят.
Льются высокие песни
Вешнему времени в лад.

Грянул из тучи лиловой
Грома аккорд в вышине.
Струи дождя — словно струны
Арфы, покорной весне.

Сделались залом концертным
Долы, поля и леса.
Слушают алые розы,
Вторят земле небеса.

Январь 1936

70. ВОЛНЫ

(Из «Девушки-рыбачки»)

Волны, волны, скажите,
Куда порываетесь вы?
Вечно бьетесь о берег —
Чего добиваетесь вы,
Волны, волны!

Для чего вам куда-то
Стремиться, шуметь и кипеть?
Будто в небо хотите
Вы стаей гусиной взлететь,
Волны, волны!

Я ведь вас понимаю,
Я верю, бурливые, вам,
Ваши вечные страсти
Подобны и нашим страстям,
Волны, волны!

Не стихает ваш рокот
Ни днем, ни в полночной тиши,
Ваш порыв — словно пламя
Страдающей, гордой души,
Волны, волны!

Смел и молод мой парень,
Он вдаль свою лодку ведет —
Колыхаясь, качаясь,
В объятиях ваших плывет,
Волны, волны!

С милым другом расставшись,
Гляжу на бурный прилив.
Буду ждать, буду верить:
Вернется мой друг, победив
Волны, волны!

Он — души моей пламя,
Он — радость и свет моих глаз,

Богатырь мой любимый,
Могучий, похожий на вас,
Волны, волны!

Апрель 1936

71. ПАРАШЮТ

Обожали мы друг друга,
Но потом судьбе на милость
Бросила меня супруга:
В летчика она влюбилась.

С ней однажды в путь неблизкий
Он по воздуху умчался.
Написали мне в записке,
Чтобы я не волновался.

Право, было мне досадно,
Но страдал я несерьезно,
И при этом беспощадно,
Сам себя ругал я грозно.

И во мне к тому пилоту
Ревность поднялась волною.
Был создатель самолета
И ученый проклят мною.

«Стала уж земля тесна им,
В небеса летят беспечно.
Как догнать на суше — знаем,
А ведь небо — бесконечно. . .»

Было сердцу не до шутки,
Билось бедное в испуге.
Поступила через сутки
Телеграмма от супруги:

«Милый, ты один мне дорог.
Вспоминать обид не надо.

Разойтись без оговорок
С летчиком была я рада.

Ты мне верь: того пилота
Не любила я по сути.
И к тебе из самолета
Спрыгну я на парашюте...»

О, счастливая минута!
С благодарностью глубокой
Был создатель парашюта
Мной превознесен высоко.

Знай, пилот, я не ревную,
Поступил ты безрассудно,
Ведь мою жену земную
Удержать и в небе трудно.

Над землей ее удачно
Нес по ветру купол белый,
Но не ведаю пока что,
Где моя супруга села...

От жены, душа которой
Парашют напоминает,
Мужу в час семейной ссоры
Очень муторно бывает.

Сентябрь 1936
Гагра

72. ТУЧА

Лес вдали мне видится могучий,
А за лесом — стая сизых туч.
Друг мой самолет направил к туче
И вонзился в тучу, словно луч.
Я смотрю, как меркнет всё в округе,
Тучу жду, плывущую ко мне.

Я ее спрошу о милом друге:
Как он там летает в вышине?
Туча приближалась, нарастала,
Свежим ветром веяла в лицо,
Опустилась надо мной и стала —
Может быть, мне скажет хоть словцо?
Но не получилось разговора:
Молния сверкнула в синеве,
Грянул гром,
и теплый дождик споро
Застучал по листьям, по траве.
Так легко мне, так отрадно стало,
Глянул в небо — надо мной просвет.
Туча расходилась, улетала, —
Видно, то и был ее ответ...
Мой товарищ, молнией сверкая,
Пролетает с тучей, в сизой мгле,
Свой привет, как теплый дождик мая,
Посылает ждущим на земле.
Может, небо потрясая громом,
Хочет показать, как мы сильны,
А дождем, что прошумел над домом,
Напоить хлеба родной страны.

Октябрь 1936

73. МОЛОДЕЖЬ

Самое бóльшее —
Нам двадцать два.
Молодость — с нами,
И юность — жива.
В деле мы скоры,
Легка наша кость.
В битве с врагами
Страшна наша злость.
Нет, не в почете
Стенанья у нас,
Хоть нам и больно
Бывает подчас.
Все мы не любим
С прохладцей труда,

Холодность
Нашему сердцу чужда.
Любы нам смелость,
Упорство и страсть.
С ними нам в жизни
Нигде не пропасть!
Всюду нас встретишь:
В пути, на ходу,
В городе где-то
Иль где-то в саду, —
Мы целый мир
Заставляем звучать,
Стоит лишь вместе
Нам песню начать.
Друг, с нами вечно
И шутка, и смех.
Можем ходить ли
Мы медленней всех?
Если уж любим,
То пламя в крови,
Знаем мы радость
И сладость любви.
Жизнь открывает
Простор молодым.
Радостно жить
И творить мы хотим!

Если ж однажды
На нас, сгоряча,
Недруг полезет,
Топор волоча, —
В ту же минуту
Мы, ночью ли, днем,
Встретим убийцу
Смертельным огнем.
Молодость наша,
Сильна и строга,
Громом обрушит
Свой гнев на врага.
Нет, не пугает
Нас гибель в бою,

Будем смеяться
На самом краю.
Мирное небо
Мы людям вернем.
Вот уж тогда-то
Всей грудью вздохнем!

Молодость в завтра
С улыбкой глядит:
Молодость наша
Везде победит.
Пусть мы из жизни
Уйдем навсегда —
Вечно такая
Душа молода!

Жизнь открывает
Пути молодым.
В радости жить мы
Сегодня хотим.
Мы это счастье
Добыли себе
И не уступим
В кровавой борьбе!

1936

74. БАБУШКА САРБИ

Осенний лился леденящий дождь.
В село вошли мы. Было уж темно.
Издрогшие, усталые бойцы,
Мы постучали в низкое окно.

Старушка дверь избы открыла нам,
Расспрашивая, кто мы и зачем?
Впустила нас, молитву бормоча,
Испуганная, дряхлая совсем.

Вошли мы к ней.
Чудесное тепло
Натопленная изливала печь.

На лавке и на глиняном полу
Вполне б хватило места нам прилечь.

Три дня в степи за бандой мы гнались,
Заледенела в жилах кровь у нас,
И нам, хотя б до первых петухов,
Поспать необходимо было с час.

Когда же — кто мы — бабка поняла,
Смягчилась, стала вдруг совсем другой,
Достала, постелила на печи
Единственный тюфяк свой пуховой.

«Сынки! — она сказала. — Печь моя
Натоплена, закрыта в самый срок.
Влезайте-ка на печку и в тепле
Поспите там, как люди, хоть разок!»

Мы не заставили себя просить,
Все поместились на большой печи.
Как хорошо! Нам спину сквозь тюфяк
Блаженно прогревали кирпичи.

Рассказывала бабушка Сарби
О страшном деле.
Год тому назад
Был белыми расстрелян сын ее
Единственный, кормилец Хидият.

В грязи осенней много дней потом
Мы воевали... Беды позади,
Тепло ж от печи бабушки Сарби
Осталось навсегда у нас в груди.

Не довелось нам с бабушкой Сарби
Увидеться. Не много прожила.
Но всё же дождалась тех дней, когда
Заря Советов наконец взошла.

Впервые солнца нашего лучи
В свой смертный час увидела она.
Звезда ее взошла во мгле, в ночи,
Но солнцем смерть была озарена.

Нам больше нá печь греться никогда,
Возможно, не придется залезать.
Но солнце мы заставили взойти,
Что вечно будет землю согревать.

И мы теперь в цвету его весны,
В сияющих немеркнущих лучах,
Поем о славных битвах той войны,
О сказочных ее богатырях.

Когда я проезжаю в тех краях,
На новое любуясь, на мое.
Я вспоминаю бабушку Сарби
И ласку материнскую ее.

И не одна ведь бабушка Сарби,
А много, много добрых матерей
Встречали нас, давали нам приют,
Благословляли в бой, как сыновей.

Не потому ль с волнением таким
Мои ложатся строки, льется речь,
Что вновь я вспомнил бабушку Сарби
И теплую ее большую печь.

1936

75. ЛАТИФЕ

Заря близка, а мы еще вдвоем,
Всё шепчемся о тайном, о своем.
Ты бьющееся сердце озаряла,
Светясь, как месяц, в сумраке ночном.

Рассвет расцвел, — тебя уж рядом нет,
И губы жжет прощальный твой привет.
Как месяц, что под утро исчезает,
Ушла и ты, невесть куда, мой свет...

А солнца луч уже спешит в окно.
Я одинок, в душе моей темно.
Я одинок, я по тебе тоскую,
И сердце ожидания полно.

Зачем пришло ты, солнце? Разве ты
Моей не видишь горькой маеты?
Зачем мою луну ты погасило,
Сорвав завесу милой темноты?

Зачем так быстро эта ночь прошла?
Зачем заря так рано день зажгла?
Куда исчезла Латифа родная,
Чья нежность так отрадна и светла?

О, если б ты могла, мой друг, ясней
Читать в душе и знать, что скрыто в ней!..
Мне наш последний вечер показался
Последней песней юности моей.

Последний вечер памятного дня
Вобрал весь жар душевного огня,
Как будто молодость моя живая
С тобой навек покинула меня.

Душа не верит горестной судьбе,
Я весь горю, я изнемог в борьбе,
Приходит вечер — я тобою полон,
А рассветет — тоскую по тебе.

Нет, не забыть мне, видно, милый друг,
Прикосновенья теплых, нежных рук.
И теплится во мне неугасимо
Тоска глухая — спутница разлук.

Уносит годы времени поток...
Покамест жизни не увял цветок,
О, если б мне увидеться с тобою,
Чтоб допылать, чтоб долюбить я мог!

Хотел бы я прильнуть к устам родным,
К твоим губам, горячим и хмельным,
А там — хоть смерть!.. Пускай умру я
с песней,
Испепеленный пламенем твоим.

1936 (?)

76. РАССТАВАНИЕ

(Из цикла «Молодая Испания»)

1

Молодой испанец идет на фронт,
Дробовик охотничий за плечом.
От волненья слегка запинается он,
На прощанье жене говорит горячо:
«Ты не бойся, что враг силен и жесток!
Нас друзья не покинут в трудные дни!..
Если ж буду я вражьим огнем сражен,
Взяв ружье, в строю меня замени!..»

Молодая испанка сурова, грустна,
Но в глазах прекрасных — не капли слез,
Это мужество юности боевой
На ресницах горячим свинцом зажглось.
«Ты иди, дорогой, ты иди на фронт,
Примириться с постыдным рабством нельзя!
И, шагая навстречу грозе огневой,
Помни, милый, что рядом с тобою — я!
Хорошо знаем цену свободы мы,
Нашей родине долг отдадим сполна.
Чем рабами быть, на коленях жить,
Лучше стоя умрем!» — говорит жена.

Молодая испанка сурова, грустна,
Но в глазах прекрасных — не капли слез:
Негасимое пламя в ее глазах —
Героической юности пламя зажглось.

2

Через Сьерра-де-Гвадаррама, вдаль,
Задевая вершины, тучи летят.
Молодой испанец идет к горам,
Видно, там друзей боевой отряд.

Заходящее солнце над гребнем гор
Белизну облаков кровавит огнем,
И туда, махая красным платком,
Молодой испанец идет с ружьем.

Воды Тахо сегодня красным-красны —
То ли солнце горит, то ли кровь бежит!..
В красном поясе
берегом Тахо-реки
Молодой испанец на фронт спешит.

1936 (?)

77. ПОСВЯЩЕНИЕ

О солнце, солнце! Есть ли кто-нибудь,
Кого ты обделило жаркой лаской?
Кто на припеке голым не лежал,
Надеясь бронзу превзойти окраской?
Чье только сердце твоему теплу
Всего себя навстречу не раскрыло?
Кого из нас по буйной голове
Отечески не гладило светило?

Ответь! Взращенные тобой цветы
Чья грудь к себе не прижимала нежно?
А сладость ягод, налитых тобой,
Чей жадный рот не смаковал прилежно?

Из всех влюбленных в солнце с детских лет
Кто-кто, а я не буду исключеньем:
Какую песню я б ни сочинил,
Она была тебе лишь посвященьем!
Минувшее — бессолнечно, темно.
С небес на землю солнце не сходило.
Тем, кто страдал и вечно голодал,
Уж не таким ты добрым другом было.
Ты, солнце, нашим не было тогда,
Не снисходило до окна подвала,
И сгорбленных немыслимым трудом
Твоя ладонь ни разу не ласкала.
О встрече и не думали... Стихи
Тебе писали робко, безнадежно,
Хоть взглядом перекинуться стремясь.
Но ведь и это было невозможно!

И вот сейчас ты — наше навсегда.
Мы, люди, на тебя имеем право.
Мы — вольные сограждане твои,
Мы — солнечная мощная держава!

По порученью жителей земли
Я ныне посвящаю песню эту,
О вечно ясноликое, тебе
И твоему немеркнущему свету.

Между 1935 и 1937

78. ИЗ КРЫМА

На самолете из Крыма
Я улетал домой.
Зари полыхала киноварь
Над облачною чалмой.

Меня провожало море
И кипарисов строй,
Меня провожал виноградник,
Раскинувшись под горой.

Рябая поверхность моря
Отхлынула подо мной,
Как будто мираж я увидел
За облачной пеленой.

Потом отхлынули горы,
Леса, чей цвет бирюзов.
Сменились леса Украины
Иной полосой лесов.

И вот зажелтели долы,
Постриженные наголо,
И понял я: время осени
Стремительно подошло.

Меня провожало лето,
Отяжелив лозу,

А здесь,
я чувствовал это,
Холод дышал внизу.

Еще я купался ныне,
Покачиваясь на волне.
А здесь в бешметах ходили,
Как показалось мне.

А птицы, вытянув шеи,
С осенней порою в лад,
Навстречу, к теплу летели,
Туда, где созрел гранат.

Товарищ пилот,
приятно
В полете предаться сну,
Но вдруг я проснусь и увижу
Снежную белизну?

Так оно и случилось:
Проснулся — внизу светло...
Когда мы в Москве садились,
Всё было белым-бело.

И на моей красавице,
Пришедшей меня встречать,
Шубка была и валенки,
Белой зиме подстать.

Поеживаясь от холода,
Я весело ей сказал:
«По парку еще сегодня
В трусиках я гулял.

И, мной в этом парке сорванный,
В целости я привез
Сочный —
а ну попробуй-ка —
Шафрановый абрикос!

Сказки об этом бабушки
Рассказывали давно ль? ..
Откупорить мне бутылочку
С крепким вином позволь.

Давай-ка за жизнь прекрасную,
Радости не тая,
С тобой от чистого сердца
Выпьем, душа моя!»

17 марта 1937

79. ОСЕНЬ

О твоем возвращенье прослышав,
На дорогу я вышел с утра,
Первый иней белеет на крышах,
И долина полна серебра.

А березы, придя в огорченье,
Сняв зеленый наряд с головы,
Все пути твоего возвращенья
Замели желтизною листвы.

Солнце спряталось за облаками,
И не слышатся трели пичуг,
Гуси дикие за вожаками
Потянулись печально на юг.

Лес безмолвен. На просеках пусто.
Нынче холод у ветра в чести.
Нет, не может он теплые чувства,
Словно зелень листвы, унести.

Нет, не может сверкающий иней,
Словно на поле, на сердце лечь,
Если сердце пылает поныне,
Как ты, осень, ему ни перечь.

Дует ветер неласковый, стылый,
Но мурашки на коже не в счет,
Коль в душе рядом с образом милой
И весеннее солнце живет.

Ожиданьем сердечным томимый,
Я за дымкой продрогнувших дней
Вижу вновь возвращенье любимой
И прилет белокрылых гусей.

И хоть тучи, как серые тени,
Собираются над головой,
Вижу май и цветенье сирени,
Вижу дол, что покрылся травой.

Даже в дни увяданья природы
В сердце чувствую молодость я.
Нет, не могут состарить нас годы.
Наша радость — навеки, друзья!

19 ноября 1937

80. МОИ ДРУЗЬЯ

Миллионы моих товарищей
Шли сквозь бури в лихие дни.
И, победами окрыленные,
Закалялись в боях они.

Миллионы моих товарищей
Лед и пламень в боях прошли,
За отечество жизни отдали,
За свободу родной земли.

Миллионы моих товарищей
В дело бурю запрячь смогли,
Опустились в глубины грозные,
В небесной летят дали.

Миллионы моих товарищей
Делом чести считают труд,
Орденами они увенчаны,
Как героев, в стране их чтут.

Миллионы моих товарищей
Солнцем счастья озарены
И улыбчивы, словно вешние
Луговые цветы страны.

Миллионы моих товарищей,
Что любовью горды своей,
Всем на радость — себе и родине —
Ненаглядных растят детей.

Миллионы моих товарищей
Долгу воинскому верны.
Они сделали неприступными
Все границы родной страны.

29 ноября 1937

81. ПЕСНЯ МОЛОДОСТИ

Нежносоловьиная, голубоозерная,
Пролетела молодость. Не роняйте слез.
По весне к нам молодость снова возвращается,
Словно распускается вновь листва берез.

Нынче наша родина — сад неувядающий,
Где и в пору зимнюю видятся цветы.
С песней нескончаемой на просторах родины
Строим жизнь счастливую вместе — я и ты.

И хоть наши волосы серебром увенчаны,
Мы не впустим холода в души всё равно.
Вечна наша молодость — пламя негасимое,
Что в борьбе отчаянной было зажжено.

Нынче наша родина — сад неувядающий,
Где и в пору зимнюю видятся цветы.
С песней нескончаемой на просторах родины
Строим жизнь счастливую вместе — я и ты.

Декабрь 1937

82. НАША ЯБЛОНЯ

Вместе посадили
Мы в саду с тобою
яблоньку когда-то,
Вместе поливали

В ясный час рассвета,
в тихий час заката.

Ты уехал вскоре,
Ты со мной простился
и одна я маюсь.
Затоскую — выйду,
Яблоньку поглажу,
тем и утешаюсь.

Взгляд на ветки брошу —
Будет много яблок:
вот они повсюду.
Только с кем же, милый,
Урожай наш первый
собирать я буду?!

Яблонька чуть слышно
Шелестит листвою,
ждет: придешь когда ты?
Жду тебя я тоже
В ясный час рассвета,
в тихий час заката.

Скоро ты, мой милый,
К яблоньке вернешься —
есть такие вести —
И к тебе навстречу
Выйду я из дома
с нашим сыном вместе.

Он такой пригожий,
На цветочек нашей
яблоньки похожий.
Он такой хороший,
Весь на молодое
яблочко похожий.

В том саду, где вместе
Я с тобой сажала
яблоньку когда-то,

Ждем тебя мы оба
В звонкий час рассвета,
в тихий час заката.

Ты вернешься скоро
К яблоньке любимой —
и она приветит:
Яблоком румяным,
Нашим самым первым,
у порога встретит.

1937

83. РОДНИК

Как по долине льющийся родник,
В дороге пел я песни то и дело.
И всё казалось сердцу, что от них
Земля вокруг цвела и молодела.

Не иссушила в зной меня жара,
Не застудили вьюжные погоды,
И в песнях чистый голос серебра
Летел к друзьям, осиливая годы.

Как путник ловит влажную струю
Губами, пересохшими от жажды,
Так песню задушевную мою
Друзья ловили сердцем не однажды.

Родник и ночью отражает свет, —
Так я светил вам, жил я с вами рядом
И пел друзьям о радости побед,
Пел о любви, что обжигает взглядом.

Как соловей на берег родника
Приходит, чтоб испить воды приветной,
Так ты ко мне, красива и легка,
Мой соловей, приходишь в час рассветный.

Не скрою я, что ты в моей судьбе
Всегда большое место занимала.

И самые нежнейшие тебе
Дарил я песни — и дарил немало.

Когда пройдет, как песня, жизнь моя,
Когда замолкну, близких покидая,
Не думайте, что умер я, друзья, —
В сердцах мильонов буду жить всегда я.

Родник в земле похоронить нельзя,
Частицей станет он морской стихии.
Я буду улыбаться вам, друзья,
И петь вам буду, люди дорогие!

1937

84. ВЕТЕР

Ветер щелкнул по стеклу,
Стукнул в двери, чтоб я вышел.
«Ветер, ветер, не шали, —
Говорю я, — слышал, слышал!

Не зашла еще луна,
Небосвод не вспыхнул ало.
Знаю, знаю, что ко мне
Дочь зари тебя послала.

Поднялась она чуть свет,
Косы заплела, наверно,
Лошадь в жатку запрягла,
В поле вывела, наверно.

Знаю, знаю, дочь зари
Поле ждало, шелестело,
Стосковавшаяся рожь
Всё желтела да желтела.

И она пришла к нему,
Приласкала каждый колос.
«Поле милое, шуми, —
Так сказала, — в полный голос!»

Знаю, жатку осмотрев,
Всё отладила умело.
А потом позвать меня
Ветру быстрому велела.

Прилетел ко мне и в дверь
Постучался легкокрылый.
Хватит, хватит, говорю,
Успокойся, ветер милый!»

Выхожу я, выхожу, —
Долго ль мне?
Рассвет крадется,
И, наверное, меня
Ждет мой трактор, не дождется.

Я спешу, спешу, спешу
Вместе с ветром на раздолье.
И уже встречает нас
Песней жаворонок в поле.

Здравствуй, здравствуй, дочь зари!
Как твои пылают щеки,
Словно самый первый луч,
Что зажегся на востоке.

Мы останемся вдвоем
В чистом поле, на просторе,
И машины поведем
Через всё ржаное море.

И на нашу песню рожь
Отзовется легким звоном,
Стихнет ветер, и к реке
Тишина сойдет по склонам.

Улыбаясь, в небеса
Свой направит путь светило.
Вот оно поля, леса
И озера осветило!

Греет ласково оно
Нас, идущих светлой нивой,
Чтоб делами рук своих
Сделать родину счастливой...

Здравствуй, здравствуй, дочь зари!
Взор твой радостен и светел.
Так пускай ко мне опять
Прилетит и завтра ветер!

1937

85. ДОЖДЬ

Темнеют облаков седины.
День меркнет, и не без причины:
Дождь близок. Синевой тумана
Оделись дальние вершины.

Повеял ветер. Травы луга
Склонились, будто от испуга.
И озеро покрылось рябью,
Целуют камыши друг друга.

Вдруг гром раздался. И вначале
Две капли на лицо упали,
Затем дождь хлынул как из ведер,
Затушевав собою дали.

Зеленый дол вздохнул глубоко.
Возник на склоне шум потока.
И пьет дождинки лен счастливый,
Поднявший голову высоко.

Но вот промчался дождь крылатый,
Влача туман голубоватый.
Торопится к полям соседним —
Пусть будет урожай богатый.

И солнце вспыхнуло, ликуя,
Лучами землю атакуя.
Смотрю вокруг с открытым сердцем
И наглядеться не могу я.

Жизнь, как природа:
в ней тревога
Нас омрачит порой немного.
Пройдет гроза — и вновь надежду
Дарит нам светлая дорога.

1937

86. КОГДА ОНА РОСЛА

Родилась беспомощным комочком,
Но растет и крепнет с каждым днем.
Голосок ее звенит звоночком,
В сердце откликается моем.

А бывает, иногда спросонок
Вдруг застонет бедный мой ребенок, —
Я дрожу, как будто надо мной
Разразился ливень ледяной.

Сорока болезнями готов я
Сам переболеть, перестрадать,
Только бы сберечь ее здоровье.
За нее мне жизнь не жаль отдать.

Улыбнется — всё вокруг лучится,
А когда она каким-нибудь
Новым достиженьем отличится,
Радость так и распирает грудь.

Нынче вот сама дошла до двери
В первый раз... И я так горд теперь,
Будто бы она, по меньшей мере,
Мне открыла полюс, а не дверь.

С голубым сиянием во взоре —
До чего ж малютка хороша!
Как жемчужина в глубоком море,
Светится в глазах ее душа.

Этого сокровища хранитель —
Перед всем народом и страной

Я как гражданин и как родитель
Отвечаю за ее покой.

Пусть растет здоровой и цветущей!
Наши дети — родины весна,
Светлая надежда, день грядущий,
Нашего бессмертья семена.

В чистом сердце и в головке ясной,
В светло-голубых ее глазах
Вижу я полет мечты прекрасной,
Будущего силу и размах.

Мы покинем мир...
Но наши дети
Сберегут сердец замолкших жар,
Пронесут сквозь даль десятилетий
Стяг побед — отцов и дедов дар.

Так, от поколенья к поколенью
Тянутся единой цепи звенья, —
Здесь трудиться будет, как и я,
Дочь моя, кровиночка моя.

Не умру — дыханье краткой жизни
В ней я обновлю и повторю...
И приблизят юные к отчизне
Коммунизма светлую зарю.

Потому-то девочка родная
Мне дороже самого себя.
Как цветок, от стужи укрывая,
Берегу, ращу ее, любя...

1937

87. НА РЖАНОМ ПОЛЕ

Рассвело.
Зейнаб глядит с комбайна
На ржаной простор...
Начать пора!

Ведь Зейнаб с горячим солнцем летним
Нынче соревнуется с утра.
Вот условия соревнованья:
От зари
До наступленья тьмы
Пусть на двадцати пяти гектарах
Выстроятся копны, как холмы!

Солнце во всю мочь — со злости, что ли? —
Жарко жжет еще в начале дня.
Суслик при дороге свищет, словно
Девушку-комбайнерку дразня.
Ни волны на озере! Не вздрогнут
Камыши. Лесок не шелестит.
Вся природа за соревнованьем,
Затаив дыхание, следит.
До сих пор такого не бывало,
Чтоб сумела девушка пройти
За один лишь день ржаное море,
Обгоняя солнце на пути!

Солнце в гору —
И смуглянка в гору!
Неразлучны верные друзья,
Оба лучезарны и румяны.
Их двоих остановить нельзя.
Солнце под гору,
Всё ниже, ниже.
И Зейнаб спускается с горы.
Солнце и Зейнаб отважны, страстны,
Схожи меж собой, как две сестры.

Солнцу — недалеко до привала,
А Зейнаб дневной кончает труд.
Уж гектар последний дожинает,
С каждым шагом силы вновь растут.

Нынче солнце позади осталось...
В честь Зейнаб шумит зеленый лес,
Птичий хор поет, и ветер дышит
Предвечерней свежестью с небес.

Солнце, закатясь наполовину
За черту пылающих полей,
Словно знамя алое вручило
Молодой сопернице своей.

1937

88. НАША ПЕСНЯ

Нет, она не от горя родится.
Радость жизни — вот песни исток.
И клокочет она, и дробится,
Как летящий с нагорья поток!

В ней — дыхание вольных просторов,
В ней — победный наш зов и порыв,
Гул взмывающих в небо моторов,
Шелестение зреющих нив.

В ней живет торжество, ликованье,
Сладкий трепет любви, ее зов.
В ней — земли красота и сверканье,
Ароматы лугов и лесов.

Наша песня — не отзвук печали,
Светом счастья она рождена.
Мы врагов вместе с ней сокрушали.
С ней на подвиг вставала страна!

Сентябрь 1938

89. ПЕСНЯ РУЧЬЯ

Ручей поет, струится под горой,
В густой осоке исчезая вдруг.
Звенящей песней, сладостной водой
Поит он всё живущее вокруг.

Земля цветет, испив его воды,
Купаются в нем ветки ивняка.
И соловьи поют на все лады —
Их вдохновляет песня родника...

И я хотел бы
Жизненный свой путь
Со звонкой песней, как ручей, пройти,
Земли родимой орошая грудь,
Сердцам давая силу расцвести!

1938

90. РЫЖИЙ СО ЗВЕЗДОЧКОЙ

(Песня Ильяса из либретто оперы «Первая весна»)

1

Не имею я крыльев, как птица,
Чтобы в небо умчали меня,
Но мой конь над землею помчится —
Не догонит и ветер коня.
Мой конь со звездочкой на лбу,
Мой рыжий, тонконогий!
У всех соседей на виду
Мы скачем по дороге.

2

Звонкой медью сверкают копыта,
В лентах шелковых грива его,
Будет слава на скачках добыта,
Наше общее с ним торжество.
Мой конь со звездочкой на лбу,
Мой рыжий, тонконогий!
На сабантуе и в труде
Не надо нам подмоги!

3

Если вдруг на родную отчизну
Нападет неожиданно враг,
Я коня богатырского свистну
И мы выступим в первых рядах.

Мой конь со звездочкой на лбу,
Мой рыжий, тонконогий!
Не осрамись перед врагом
В час боевой тревоги!

4

Я о суженой сильно тоскую,
Добрый конь мой, стрелою несись:
Не тряси своей гривой впустую
И о камень, смотри, не споткнись!
Мой конь со звездочкой на лбу,
Мой рыжий, тонконогий!
Скачи! Любимая меня
Пусть встретит на пороге.

1938

91. Я ПОМНЮ

Как нежно при первом свиданье
Ты мне улыбнулась, я помню.
И как ты, в ответ на признанье,
Смутясь, отвернулась, я помню.

Меня ты покинула вскоре.
Отчаянье сердце прожгло мне.
Как часто я плакал от горя
В бессонные ночи — я помню.

Как сон, пронеслись те печали,
По давним приметам я помню:
Любовь — холодна, горяча ли —
Не гаснет. Об этом я помню.

1938

92. МАТЬ

Черная доля сгубила мать,
Сумела на грудь ей коленом стать,
Выжгла глаза горючей слезой,
Набила глазницы сырой землей.

Камчой хлестали ее сплеча,
Ломили трудами лихих годин,
А жадный бай, в чьей руке камча,
Был над любым из нас господин.

Он мать у меня, малыша, украл,
Он кров у меня родной отобрал,
Он нашей семьи порушил устой
И мне назначил быть сиротой.

Был черен обряд ее похорон,
Черна могила ее была,
На лоб мой с тех самых черных времен
Печать печали навек легла.

С холщовой торбочкой я шагал,
Разут-раздет, сам не знал куда.
Осенний ветер меня стегал,
Терзали зимние холода.

Но время сменилось. Пришла весна.
Сила байская
сметена.
Другим ветрам наступил черед,
И к власти пришел трудовой народ.

Для всех голодных заря взошла.
Нас, бывших рабов, за собой ведя
По светлым дорогам, воля вождя
В мир счастья и радости привела.

И новое солнце своим лучом
Согрело землю и небосвод.
Раздвинув весенний ветер плечом,
Веселый летний день настает.

Хотя и пришлось мне мать потерять,
Но я уже больше не сирота.
Мне мать заменила Родина-мать,
Она мне мила, она мне свята.

Но черная доля, что я кляну,
Теснится у самых наших границ
И только и ждет, чтоб мою страну
Схватить, подмять и повергнуть ниц.

Клянусь слезами всех матерей,
В которых убили жизнь и красу,
Клянусь любовью к стране моей,
Которую в сердце своем несу:
Если протянут враги свою
Лапу к вольным моим городам,
Я родину, нашу мать, отстою
И пальцем коснуться ее не дам.

1938

93. УРОК

(К событиям у озера Хасан в 1938 году)

Злой воинственной заразы
Нахлебавшись через край,
От несбыточных фантазий
Сохнет бедный самурай.

Наше светлое раздолье
Видит он в бредовом сне.
«Там, в Сибири, — мыслит, — вволю
Наварилось снеди мне.

Налечу, как коршун с неба,
И начну когтями рвать».
Птица хищная! Тебе бы
Лучше клюв не разевать.

«Я змеей вползу, ужалю
Незаметненько, тайком».
Бойся, гад, чтоб не прижали
Это жало каблуком!

Всюду слыл головорезом,
Храбрецом из храбрецов,

А как ткнули в нос железом,
Так умчался без штанов.

Он всё больше из засады,
В темноте, из-за угла.
А как двинули по заду,
Так он мигом дал драла.

Мы своим героям орден
Укрепляем на груди.
Самурай на битой морде
Лечит синяки, поди.

Молодцам в овечьем стаде
Мы урок преподадим,
Что своей земли ни пяди
Никому не отдадим.
Никому не отдадим,
Путь штыками преградим.

Рвался ты в наш край просторный,
Самурай.
Так получи ж
Вместо сопки Заозерной
Наш красноармейский шиш!

1938

94. МЫ РАССТАЛИСЬ

Мы расстались...
Была тяжела
Боль сердечной разлуки земной.
Словно солнце, ты в тучи вошла,
И погас я, как месяц ночной.

Улыбаешься сквозь облака,
Но не дарит улыбка тепла.
Будто солнышко, ты далека,
А давно ли близка мне была?

Вольной молодостью в вышине
Проплываешь, суля благодать.
Но могу лишь о прошлом огне
Я — семейный мужчина — вздыхать.

———

Ты поныне еще весела
И в сиреневой дымке порой
Мне встречаешься, ликом светла,
И опять я любуюсь тобой.

Неугасшее пламя в очах,
Губы — алы, волшебны — черты.
И в поступках слывешь и в речах
Вечной сверстницей юности ты.

Ты, ликуя, с цветка на цветок
Вновь стараешься перелететь.
Ведь любви ты давала зарок —
Оставаться ей верной и впредь.

Я не молод, а ты — молода,
Рада память затеплить свечу.
Что бы мне ни твердили года,
Я тебя забывать не хочу.

Заклинаю:
будь другу верна,
Не покинь!
Я надеждой горю.
Птица счастья однажды должна
На мою опуститься зарю.

Я любовь к тебе долго таил,
Много мук перенес и тревог,
Но скрывать ее нет больше сил,
Я совсем от тоски изнемог.

Между 1936 и 1939

95. МУРШИДА

Может, это сон?
Давно угасший,
В сердце новый загорелся свет.
С думой о тебе не сплю ночами
И встречаю вспыхнувший рассвет.
Молодость свою, махнув платочком,
Проводил я было в некий час
И спокойно жил, любви не зная,
Девичьих не замечая глаз.
Жил и жил, давно не ощущая
Прежнего безумия в крови,
И в моих глазах давно иссякли
Слезы позабывшейся любви.
Ты пришла и... снова нет покоя,
Ты его взяла, чтоб не вернуть,
И сумела в сердце, что погасло,
Пламенную молодость вдохнуть.
Принесла огонь, чтоб им горело
Сердце, как в былые времена,
Принесла печаль, чтоб той печалью
Каждый час душа была полна.
Может, это сон?
Не знаю даже.
Знаю только, что забыт покой.
Ты пришла — и я теперь как беркут —
Быстрокрылый, сильный, молодой!

Между 1936 и 1939

96. ОДИНОКИЙ КОСТЕР

Ночной простор.
Я жгу костер.
Вокруг туман, как море...
Я одинок —
простой челнок,
Затерянный в просторе.

Горит бурьян.
В густой туман
Он мечет сноп огнистый,

И смутный свет,
минутный след,
Дрожит в пустыне мглистой...

То красный блеск,
то яркий всплеск
Прорежет вдруг потемки.
То погрущу,
то посвищу,
То запою негромко...

Огонь, светящийся во мгле,
Заметят ли, найдут ли?
На звук, летящий по земле,
Ответят ли, придут ли?

Между 1936 и 1939

97. ХАДИЕ

Как-то странно жизнь моя сложилась!
Огонечек тлел едва-едва.
Пылко полюбил я, всей душою,
А при встрече позабыл слова.

Как-то странно дружба завязалась!
Всё в ней было: искренность и страсть.
Но два сильных, стойких человека,
Мы друг друга истерзали всласть.

И на всем запрет, везде опаска.
Молодое чувство не росло.
Да и юность пылкую с годами
Ветром мимолетным пронесло.

И стонешь, оглядываясь горько
На отрезок прошлого пути.
Кто же виноват, какая сила
Две души держала взаперти?

Между 1936 и 1939

98

Синеглазая озорница,
Алогубая баловница,
Молодая радость моя,
Друг по имени Хадия.
Не жеманница, не болтушка,
Как близка мне моя подружка!
Всё гляжу я, не нагляжусь,
Даже сглазить ее боюсь.
Как окликну ее, замечу,
Так и рвется ко мне навстречу,
Бьется сердце мое в груди,
Мало места ему, поди...
От улыбки ее и взгляда
Забывается грусть-досада.
Я люблю ее всей душой,
Да и ей хорошо со мной.
Ей о дружбе всегда твержу я,
Но открою вам свой секрет:
Лишь любовью ее дышу я,
Без нее мне и жизни нет!

Между 1936 и 1939

99

Мы сквозь ресницы всё еще смеемся,
Друг другу глядя в жаркие зрачки,
Друг друга любим, но не признаемся
В любви своей. Какие чудаки!

Я всё еще влюбленными глазами
Твой взгляд ловлю, слежу твои мечты.
Меня испепеляет это пламя.
Скажи по совести: как терпишь ты?

Лишь гляну я, и, верно, из кокетства
Ты неприметно мне грозишь в ответ.
Ну и шалунья, ну и молодец ты!
Будь счастлива, живи сто тысяч лет!

«Ну как дела твои, Муса?»
— «Чудесно!» —
Отвечу я, и кончен разговор.
Лишь говорят глаза, что сердцу тесно,
Что мы лишились речи с неких пор.

Твой взгляд — как дождь в засушливое лето.
Твой взгляд — как солнце в пасмурный денек.
Твой взгляд — веселый вешний праздник света.
Лишь глянешь ты, и я не одинок.

Твои ресницы... Ох, твои ресницы —
Густая туча раскаленных стрел!
Твои зрачки мерцают, как зарницы...
Я, попросту сказать, пропал, сгорел.

Как я тоскую по тебе! Как часто,
Сказав, что не приду, я приходил!
А вздумаю уйти — и шутишь! Баста! —
С тобой расстаться не хватает сил.

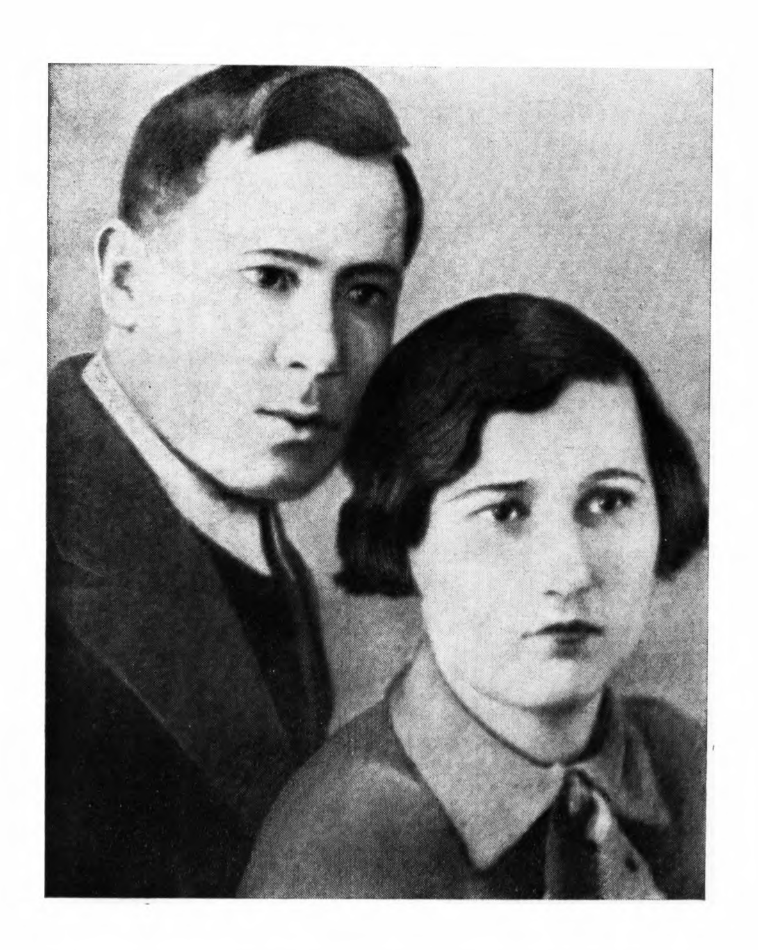
Как сладостно и с каждой встречей ново
Тайком любить, любимым быть тайком!
Но бушеванье сердца молодого
Надолго ли?.. Что знаешь ты о нем!

Между 1936 и 1939

100

Бывают ночи — сны уходят прочь
И сердце непрестанно бьет тревогу.
Но знаю радостно — любая ночь
Уйдет, освободив заре дорогу.

Лишь время размотает свой клубок,
Растает мгла и силуэты горя.
Пошлет Венера мне лучей поток,
По небосводу разольются зори.

Идет заря, идет за ночью вслед,
Идет, как жизнь в победном ореоле.
Я верю, что всего сильнее свет...
И крепко жизнь люблю не оттого ли?!

Между 1936 и 1939

101

Вы, листья, шумите, звеня и ликуя.
Вас ветер полощет на ветках весной.
Но сгинул в осеннюю пору глухую
Листок одинокий, смертельно больной.

И песню он пел об утраченной силе:
«Меч сломан, врагам отомстить я не смог».
Теперь же поем мы: «Уже отомстили.
И верно нам служит наш грозный клинок».

Между 1936 и 1939

102

К глазам и слеза не подкатит,
И сила в руках уж не та!
Ах, сердце, к чему маета,
Горенье? Да хватит уж, хватит!

Заплакать — так нечем, нельзя.
Тоска лишь глаза разъедает.
Из жизни уходят друзья,
Меня насовсем покидают.

И память о прошлом пускай
Постылые дни мои тратит!
Ах, сердце, быстрей догорай,
Оставь меня, хватит уж, хватит!

Между 1936 и 1939

103. ПЕРВЫЕ ДНИ В КОМСОМОЛЕ

Помню снежную вьюжную зиму.
Десять верст отмахал я пешком.
Весь продрог и рукой непослушной
Постучал — попросился в райком.

Мне открыли. К натопленной печке
Проводили меня поскорей.
И лицо натирали мне чем-то, —
Отогрели заботой своей.

Что лицо?
Даже сердце застыло —
Там, в снегу, не проснулся бы я...

Говорили со мной комсомольцы,
Расспросили меня, как друзья.

Вышел я, как больной из больницы, —
Будто втрое прибавилось сил.
Будто юность мою, как в горниле,
Боевой комсомол закалил.

Помню вьюжную снежную зиму.
Десять верст отмахал я пешком.
Весь продрог и рукой непослушной
Постучал — попросился в райком.

Мне открыли. Лицо оттирали.
Что лицо? .. Стало сердце гореть.
До сих пор в нем огонь полыхает,
И ему не дадут замереть.

Там портрет на стене — это Ленин.
Рядом с ним на плакате джигит, —
Он зовет меня, манит рукою:
«Приходи к нам!» — он мне говорит.

Между 1936 и 1939

104

Жизнь твоя до конца отгремела:
Шел ты в бой — и в сраженье убит.
Но у славы не будет предела,
В песнях имя твое прозвенит!
За народ ты сражался в бою —
Он запомнит отвагу твою!

Пусть для недругов наших грозою
Станет имя твое на войне.
Величальные песни герою
Выйдут девушки петь по весне.
Слез не будет у нас на глазах,
Ведь они осквернили б твой прах.

Будешь в памяти нашей нетленно
Жить, покуда свободен народ.
Кровь твоя ворвалась в наши вены, —
По земле твоя кровь не течет.

Между 1936 и 1939

105. АМИНЕ

Полно, умница моя, перестань.
Пустяками чистых чувств не мути.
Разве точат на попутчика нож?
А ведь нам с тобой идти да идти!

Если предан я тебе всей душой,
Буду верен до последнего дня.
Мне и горько и досадно, что ты
Недоверчиво глядишь на меня.

Раз не знаю я вины за собой,
Подсудимого обидна скамья.
Обвинения твои — пустяки,
Дорогой ты мой неправый судья!

1938 или 1939

106. В МИНУТУ ОБИДЫ

Амине

Не потому ли, что без принужденья
Одну тебя я горячо любил,
Тебе я отдал сердце во владенье
В обмен на твой чистосердечный пыл.

Что от тебя я скрыл? Какую тайну?
Быть может, что-то отнял у тебя?
Иль, может, что-то утаил случайно?
Нет, без остатка отдал всё, любя.

Любовь и дружба глубоки, как море,
Нам в жизни хватит счастья на двоих.
Они прогонят все сомненья вскоре,
Осушат слезы на глазах твоих.

1938 или 1939

107. ИВА

Амине

Растет за домом ива,
Шумит она листвой
И мне всегда при встрече
Кивает головой.
Придя с работы, тотчас
Я в тень ее спешу.
Порой цветком любуюсь,
Порой стихи пишу.
Она меня ветвями
Старается обнять,
Заглядывая робко
В раскрытую тетрадь.

Подул весенний ветер,
И сорванный листок
Легко и осторожно
В мою тетрадку лег.
Быть может, это ива,
Не зная языка,

Мне душу открывала
При помощи листка.

Далеко друг любимый...
И чем сильней печаль,
Тем пристальней гляжу я
В светающую даль.
Подуй, весенний ветер,
Теплом своим дохни
И сердце дорогое
Дыханьем всколыхни.
Чтобы, как этот, ивой
Подаренный листок,
Ко мне письмо от милой
Упало на порог,
Чтоб ей понятно стало,
Как одиноко мне
Без друга дорогого
На дальней стороне.
Как возле робкой ивы,
В тени ее густой,
Счастливее мой отдых
И труд упорней мой,
Ведь около любимой
Я лучше и сильней
И потому, наверно,
Тоскую так по ней.
Любимая, как солнце,
Как воздух, мне нужна.
Пускай всегда по жизни
Идет со мной она.
Поэтому с горячим
Волнением в крови
В тени зеленой ивы
Пишу я о любви.

Растет за домом ива
С атласною листвой
И мне всегда при встрече
Кивает головой.

Март 1939
Казань

108. ЛЕС

Путь идет через лес... Этой тропкой
В детстве бегал по ягоды я.
Мы уходим... Так будьте ж здоровы,
До свиданья, березки-друзья!

Сожалеть уже поздно, пожалуй,
Мы отлично дружили с тобой,
Старый лес! Мы влезали на сосны,
Отдыхали под елью любой.

Друг за дружкой со смехом гонялись,
Песни пели, уставши играть,
На серебряных ивах качались...
Как про это про всё рассказать!

Старый лес! Ты от летнего зноя
Охранял нас, как добрая мать,
Защищал нас ветвями от ветра
И от ливней умел укрывать.

Пел ты песни с мальчишками вместе
На зеленом своем языке...
Сбережем эти бодрые песни,
Чтобы не было места тоске.

Оперились птенцы молодые,
Собираются в дальний полет.
Ведь нельзя же в родительских гнездах
Оставаться им из году в год.

Сколько надо наук одолеть нам!
Сколько ждет нас несделанных дел!
Для того ведь и созданы крылья,
Чтобы каждый из нас полетел.

Путь лежит через лес... Этой стежкой
Часто бегал по ягоды я.
Мы уходим. Так будьте ж здоровы,
До свиданья, березки-друзья!

Нашу стаю отправив в дорогу,
Ты останешься с грустью своей,
Неужели всегда расставанье
Так глубоко печалит людей?

Старый лес, не тревожься, не надо,
Всё в порядке вещей... Ведь не раз
Повзрослевших окрепших питомцев
Провожал ты вот так же, как нас.

Не грусти! Твоя гордая слава,
Твой немолчный зеленый прибой
Разнесутся далеко-далеко
В песнях птиц, окрыленных тобой.

1939

109. ВРАЧ

Хазановой

В час ночи зазвонил
В прихожей телефон.
Она давно спала,
Но, вмиг забыв про сон,
Врачебный свой халат
И саквояж взяла
И через пять минут
На улице была.

Мальчонке одному
В квартале за рекой
Вцепилась в горло смерть
Костлявою рукой.
Не знает смерть стыда,
И жалость ей смешна.
С мальчонкой без труда
Справляется она.
В беспамятстве малыш.

Как хрупок он и слаб!
Он словно изумлен
Проворством хищных лап.

Его отец и мать
Растерянные ждут,
Не знают, что сказать,
Что делать, не поймут.
От горя помертвев,
Мать замерла в слезах,
Отцу сдавили грудь
Бессилие и страх.
Отец и мать глядят
На злое торжество,
У смерти просят жизнь
Для сына своего:
«Нам без него не жить.
Убавь нам наши дни,
Возьми обоих нас,
А малыша верни».

Не отвечает смерть.
Она глуха к любви,
У ней один закон:
Ослабшего дави.
Идет из дома в дом,
Оскал ее клыкаст,
У ней один закон:
Коль схватит, не отдаст.
У ней один закон —
Приканчивать людей,
Ценнейшее, что есть
У родины моей.

Мальчишка!
Кем бы стать
Он в этой жизни мог?
Кто знает, что бы он
Свершил, дай только срок?

Быть может, стал бы он
Талантлив и умен,
И для моей страны
Бесценен был бы он,
И гением его
Эпоха бы звала?
Быть может...
Но за ним
Сегодня смерть пришла.

Костлявые персты
Мальчонке горло мнут,
И всё короче счет
Оставшихся минут.
Затихнет жаркий хрип,
Задергается рот,
И сердце малыша
Запнется и замрет.

Но рано ты спешишь
Торжествовать, палач!
К больному входит врач,
Вступает в битву врач.
Все с поля!
Врач и смерть
Ведут борьбу вдвоем.
Кто победит в бою?
Кому грозит разгром?

Склонясь над малышом,
Строга, напряжена,
Живую жилку в нем
Поймать спешит она.
Движения точны,
И вот малыш притих,
Припал к ее рукам,
Спасенье чуя в них.

В своем полубреду
Он словно шепчет: «Дай!»

Крепись, малыш, крепись,
Надежды не теряй.

Всё понимает врач.
Людей и жизнь любя,
Всё доктор совершит,
Чтоб выручить тебя.
Воюют врач и смерть
Повсюду и всегда,
Враждуют врач и смерть,
Как пламя и вода.
Врач знает: этот враг
Без боя не уйдет.
За каждого из нас
В сраженье врач идет.
Тут надо много знать,
И точно рассудить,
И пламенно желать
Спасти и победить.

Чутка, но и смела
В бою рука врача,
И отступает смерть,
Костями грохоча.
Богатырем врачом
Жизнь с боем спасена,
И вот снимает врач
Доспех из полотна.

Как вкусно пахнет жизнь!
Как разом все цветы.
Вдыхай же, мальчуган,
Спокойно дышишь ты.
В твоих глазенках свет,
Им много лет сиять,
Ликует твой отец,
От счастья плачет мать.
Все добрые слова,
Какие есть у нас,

Они твердят врачу,
Который сына спас...
А сын, спасенный сын
Сквозь полузабытье
Губами шевелит
И смотрит на нее.
И этот чистый взгляд,
Оживший наконец,
И этот ясный взгляд,
Как связь меж двух сердец,
Благодарящий взгляд,
Что врач завоевал,
Превыше всех наград,
Дороже всех похвал.

На улице светло,
Чуть занялась заря,
И в тишине звучат
Шаги богатыря.
То врач идет домой,
Прогнавший с боем смерть
И возвративший жизнь
В дом на земную твердь.
Она готова петь,
Хоть ночь и не спала.
Как будто бы зарю
Она сама зажгла.
Да, жизни ясный свет
Несет ее рука,
И потому заря
Всегда ей так близка.

Март 1940
Казань

110. ПОД ВОДОЙ

«Сынок мой, пишут, под водой, —
Пришло письмо в конверте.
Ну как не плакать мне, седой?
Ужасней нету смерти!..»

К груди прижав листочек, мать
По сыну причитает,
И слезы льются — не сдержать —
На строчки, что читает.

Сегодня ей письмо прислал
Его дружок с Балтфлота.
А и всего-то исписал
Один листок блокнота.

Наверно, уходя в поход,
Он, лишних слов не тратя,
Писал, пристроив свой блокнот
На минном аппарате...

Успели выгрузить, раздать
Всю почту с самолета.
Не плачь ты, успокойся, мать,
Давай прочтем письмо-то.

«Сын под водой...»
Да погоди!
Нет со слезами сладу...
Ты зря себя не изводи —
Тут радоваться надо!

Всё верно: сын твой под водой,
Он на подводной лодке, —
Пусть не грозят враги бедой,
Не разевают глотки.

Поверь — морских богатырей
Бесстрашней нет на свете.
Они и в глубине морей
Не думают о смерти.

У нас защитники везде,
Отважны и могучи:
И на земле, и на воде,
И в небе выше тучи...

Твой сын морские рубежи
Хранит: назад — ни шагу!
Зачем же плакать, мать, скажи,
Лить слезы на бумагу?

Сильнее всех богатырей
Твой дорогой, твой родный.
Он — храбрый властелин морей,
Он — богатырь подводный!

Август 1940

1941—1944

Фронтовая лирика

111. ПРОТИВ ВРАГА

В черный уголь немало стран превратив,
Груды тел разбросав по дорогам, полям,
Злобный Гитлер,
жадный до крови зверь,
Тянет грязные лапы теперь и к нам.
Хочет он
нашу землю испепелить,
А свободный народ превратить в рабов,
Хочет он,
чтоб богатства нашей страны
Растащила свора фашистских псов.
В наш цветущий пышно весенний сад,
В сад свободы,
Взращенный нашим трудом,
Он вломился,
позорные цепи неся,
Замахнулся кровавым на нас топором.
В серебристом, веселом нашем ручье
Обагренные руки
он хочет отмыть,
Загорать под горячим солнцем в Крыму,
А детей наших маленьких — задушить! .
Скрежеща,
Изрыгая огненный лай,
Нашу землю он топчет за шагом шаг.
Он идет —
враг свободы и красоты,
Человечества злейший враг!

Над родной страной мы зажгли зарю,
Победили в борьбе,
воплотили мечты.
Не для жадных фашистов —
для нас самих
Мы взрастили невянущие цветы.
Расцветала Отчизна из года в год —
К светлой жизни вела
трудовой народ,
Золотыми цветами счастья всходил
Честно пролитый нами пот.
Нет разбойнику места
в нашей стране,
Не спасет своей головы злодей, —
Градом бомб и снарядов
падет на него
Гнев и ненависть наших людей.
Все их мысли и чувства устремлены
К одному:
чтобы сгинул фашистский зверь!
Кровь людскую,
Что столько он лет глотал,
Отрыгнуть заставим его теперь.
Пусть о наши ряды
этот бешеный пес
Лоб свой каменный раздробит, —
Злое пламя
недруг в наш край принес,
В этом пламени
Сам сгорит!

23 июня 1941

112. В ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

(Песня)

Грабители рвутся в наш отчий дом,
Чтоб счастье отнять у страны родной.
Вставай, наш край, на борьбу с врагом,
Мы в бурю вступаем, в последний бой!

Откроем огонь
По фашистской орде
На суше, на море, в небе — везде!
Под корень рубите,
валите с ног
Врага, чтобы встать не смог!

Вставай на защиту Отчизны, народ,
Расцветшей под солнцем счастливых дней,
Пусть Гитлер проклятый башку разобьет
О наши ряды, что брони прочней.
Откроем огонь
По фашистской орде
На суше, на море, в небе — везде!
Под корень рубите,
валите с ног
Врага, чтобы встать не смог!

К степям золотым, где пшеница растет,
Пусть враг не тянет жадных когтей, —
Не золото зерен, не сладкий мед,
А вдоволь свинца получит злодей.
Откроем огонь
По фашистской орде
На суше, на море, в небе — везде!
Под корень рубите,
валите с ног
Врага, чтобы встать не смог!

Мы гибель фашисту-убийце несем,
Над ним совершим мы последний суд:
Падут наши бомбы горящим дождем
И пó ветру прах его разнесут.
Откроем огонь
По фашистской орде
На суше, на море, в небе — везде!
Под корень рубите,
валите с ног
Врага, чтобы встать не смог!

23 июня 1941

113. КЛЯТВА АРТИЛЛЕРИСТА

Молчали вы долго, стальные орудья,
На страже застыв в пограничной тиши.
Но отдан приказ,
                    и пора наступила
Всю ненависть выразить гневной души.

Забыл о словах человеческих Гитлер,
Слова его — кровь
                    да отравленный дым,
И лишь на одном языке — орудийном —
Придется теперь разговаривать с ним.

О, наши поля,
                    шелковистые нивы!
С тяжелыми пушками к передовой
Торопимся мы,
                    чтоб на орды фашистов
Обрушить снарядов поток огневой.

И в залпах,
                    громящих фашистскую нечисть, —
Вся ненависть нашей Советской страны:
Вся кровь неповинных,
                    все слезы несчастных
Сейчас в этом пламени отражены.

Рабочий,
                    что выточил эти снаряды,
Добавил к ним ярости жгучей своей, —
Сгори в этой ярости,
                    Гитлер проклятый,
Довольно тебе бесноваться, злодей!

Зрачок моей пушки
                    в тебя я нацелю,
А гряну — гнездовье твое истреблю!
В упор расстреляю
                    стада твоих танков
И комьями глины твой труп завалю!

За кровь твоих жертв
и за груды убитых,
За скорбь матерей и за слезы детей
Да будет возмездьем
снаряд мой тяжелый —
Разящая молния мести моей.

Пусть, небо прорезав,
как слово проклятья,
Он рухнет на головы мерзостных банд...
Рассчитан прицел,
батарея готова,
Команду скорее давай, лейтенант!

Скажи языком огневым,
моя пушка,
Проклятому Гитлеру свой приговор,
В лицо этой гадине плюнь,
моя пушка,
Врагов обреки на разгром и позор.

Пусть молнией грозной снаряд пронесется
И тучей тяжелою вздыбится дым,
Чтоб в небо взлетели
останки фашистов,
Чтоб враг ни один не остался живым!

Июль 1941

114. МОЕЙ ДОЧЕРИ ЧУЛПАН

Я стоял на посту, а в рассветной мгле
Восходила Чулпан-звезда,
Словно дочка моя Чулпан на земле
Мне тянула руки тогда.

Когда я уходил, почему ты с тоской
Поглядела в глаза отца?
Разве ты не знала, что рядом с тобой
Бьется сердце мое до конца?

Или думала ты, что разлука горька,
Что, как смерть, разлука страшна?
Ведь любовью к тебе навсегда, на века
Вся душа у меня полна.

Я уехал и видел в вагонном окне
Моей милой дочки черты.
Для меня ты звездой зажглась в вышине,
Утром жизни была мне ты.

Ты и мама твоя, вы вдвоем зажглись,
Чтобы жизнь не была темна.
Вот какую светлую, славную жизнь
Подарила нам наша страна.

Но фашисты вторглись в нашу страну.
Занесли над нею топор.
Они жгут и грабят, ведут войну.
С ними в смертный вступаем спор.

Но фашист наше счастье не отберет,
Я затем и ринулся в бой.
Если я упаду, то лицом вперед,
Чтоб тебя заградить собой.

Всею кровью тебя в бою защищу,
Клятву родине дам своей,
И звезду Чулпан на заре отыщу,
И опять обрадуюсь ей.

Моя кровь не иссякнет в твоей крови,
Дочь, на свет рожденная мной.
Я отдам тебе трепет своей любви,
Чтоб спокойно спать под землей.

Разгорайся же ярче и ярким лучом
Отражай волненье мое.
Мне за счастье твое и смерть нипочем,
Я с улыбкой встречу ее.

До свиданья, Чулпан! А когда заря
Разгорится над всей страной,

Я к тебе возвращусь, победой горя,
С автоматом своим за спиной.

И отец и дочь, обнимемся мы,
И, сквозь слезы смеясь легко,
Мы увидим, как после грозы и тьмы
Ясный день встает высоко.

19 августа 1941

115. ВПЕРЕД, МОЯ ПЕСНЯ!

В тебе, моя песня, биения сердца,
Влюбленного в Родину, воплощены.
Ты клятвой звучала:
«И жить,
и трудиться,
И умереть ради нашей страны!»

В саду красно-солнечном
дружбы и счастья,
Как свежая ветка, нежна и светла,
Пронизана радостью,
лаской народной,
Немало ты добрых плодов принесла.
Советской Отчизны
ты дни отразила —
Их славу, свободу, разгар их трудов,
Кипела ключом —
и сердца молодые
Воспламеняла ты искрами слов...

Явились фашисты —
свиным своим рылом
Взломали ворота Советской страны...
Топор их кровавый
навис над Европой,
На них все народы работать должны...
Час пробил!
Прервали мы на полдороге
Наш мирный подъем...
Наступила пора

Войне за Отчизну отдать без остатка
Все лучшие силы души и пера.

Вперед, аргамак мой!
Лети окрыленно —
Лети, словно вихрь, на равнины боев.
Огонь моей песни
копьем раскаленным
В руках я держу, напряжен и суров.

Перо положил я в походную сумку,
А рядом висит за плечом автомат, —
Пусть будут со мною
и пули, и песни
И вместе проклятых фашистов громят.

Пусть в песне,
Летящей сквозь волны эфира,
Разносится голос страны трудовой,
И пусть эта песня,
как грозная бомба,
Взорвется над хищной фашистской ордой!..

Звучи, моя песня!
На стяге народном
Пылающим словом пророческим стань
И, жаждой победы сердца окрыляя,
По всем городам и селениям грянь.
Вперед, моя песня!
Пора наступила:
На поле сраженья мы вместе идем:
Разрубим мы черную душу фашизма,
А мерзкие трупы собакам швырнем.

Вперед, моя песнь!
С богатырской отвагой
Пора устремиться в сражение нам,
А если погибну,
ты, песня, останься,
Как памятник нашим бессмертным делам.

Август 1941

116. ПРОЩАЙ, МОЯ УМНИЦА

Амине

Прощай, моя умница. Этот привет
Я с ветром тебе посылаю.
Я сердце тебе посылаю свое,
Где пламя не меркнет, пылая.

Я видел тебя, покидая Казань,
Кремлевские белые стены,
Казалось — с балкона ты машешь платком,
И облик твой гас постепенно.

Казалось, ты долго мне смотришь в лицо
Блестящим взволнованным взглядом,
И я, утешая тебя, целовал,
Как будто со мною ты рядом.

Родной мой дружок, я покинул тебя
С надеждой горячей и страстной.
Так буду сражаться, чтоб смело в глаза
Смотреть нашей родине ясной.

Как радостно будет, с победой придя,
До боли обняться с тобою!
Что может быть лучше? Но я на войне,
Где может случиться любое.

Прощай, моя умница! Если судьба
Пошлет мне смертельную рану,
До самой последней минуты своей
Глядеть на лицо твое стану.

Прощай, моя умница! В смертный мой час,
Когда расставаться придется,
Душа, перед тем как угаснуть навек,
Сияньем былого зажжется.

В горячих объятьях утихнет озноб,
И я, словно воду живую,
Почувствую на помертвелых губах
Тепло твоего поцелуя.

И, глядя на звезды, по милым глазам
Смертельно томиться я стану,
И ветра ладони, как руки твои,
Прохладою лягут на рану.

И в сердце останется только любовь
К тебе и родимому краю,
И строки последние кровью своей
О ней напишу, умирая.

Чтоб нашего счастья врагам не отдать,
Тебя я покинул, родная...
Я — раненый — грудью вперед упаду,
Дорогу врагу преграждая.

Спокоен и радостен будет мой сон,
Коль жизнь подарю я отчизне,
А сердце бессмертное в сердце твоем
Забьется, как билось при жизни.

Прощай, моя умница. Этот привет
Я с ветром тебе посылаю,
Я сердце тебе посылаю свое,
Где пламя не меркнет, пылая.

Август 1941

117. НА ПАМЯТЬ ДРУГУ

Ты ушел в наряд, и сразу стало
Как-то очень грустно без тебя.
Ну а ты взгрустнешь ли так о друге,
Коль наступит очередь моя?

Мы ведь столько пережили вместе,
Связанные дружбой фронтовой!
До конца бы нам не разлучаться,
До конца пройти бы нам с тобой!

А когда вернемся мы с победой
В наш родимый город — я и ты,

Сколько ждет нас радости и ласки,
Как нас встретят! .. Эх, мечты, мечты!

Были между жизнью мы и смертью
Столько дней! .. А сколько впереди?!
Станем ли о прошлом вспоминать мы?
Упадем ли с пулею в груди?

Если, послужив своей отчизне,
Вечным сном засну в могиле я,
Загрустишь ли о поэте-друге,
По казанским улицам бродя?

Нам скрепили дружбу кровь и пламя.
Оттого так и крепка она!
Насмерть постоим мы друг за друга,
Если нам разлука суждена.

На своих солдат глядит отчизна,
Как огонь крушат они огнем...
Поклялись мы воинскою клятвой,
Что назад с победою придем.

Сентябрь 1941

118. КАСКА

Если сердце не камень, то ясно для вас —
Не из камня и сердце солдата.
Трудно даже с одеждой расстаться подчас,
Если с нею ты сжился когда-то.

Я в сраженьях сберег свой запал боевой,
Силу рук, одолевших усталость,
И отвагу...
Но каска моя со звездой
У далекой траншеи осталась.

Перед нами лесок...
Батареи врага
Навалились волной огневою,
И багровая соединила дуга
Запылавшее небо с землею.

Я привстал, чтобы лучше вглядеться в лесок,
И мгновенно две злобные пули
Просвистели, едва не пробив мне висок,
По стальной моей каске скользнули.

Значит, вражеский снайпер пробрался вперед
И следит терпеливо за целью...
Даже на две секунды, подлец, не даст
Приподняться над узкою щелью!

Снял я каску,
на бруствере перед собой
Положил ее тихо, с опаской.
И сейчас же противник мой точной стрельбой
Поднял пыль над пробитою каской.

Погоди-ка, голубчик, напрасен твой пыл,
Проживешь ты недолго на свете!
Я успел заприметить, откуда он бил,
И без промаха пулей ответил...

А немного спустя мы в атаку пошли,
Громовое «ура» раздавалось.
А пробитая пулями каска в пыли
Возле старой траншеи валялась...

Отслужила, бедняжка...
И всё же, друзья,
Что-то дрогнуло в сердце солдата:
И с одеждой без боли расстаться нельзя,
Если в ней воевал ты когда-то.

Не предмет снаряженья — оружье в бою —
Ты со мною сражалась повсюду.
Друг безгласный, ты жизнь сохранила мою,
Я тебя никогда не забуду.

18 октября 1941

119. ИЗ ГОСПИТАЛЯ

Я ранен...
Когда на окоп спозаранку
Рванулись машины врага,
Метнул я гранату по ближнему танку,
И вдруг ослабела рука...

Гранатой, обрызганной кровью моею,
Успел подорвать я его,
И пламя на миг озарило траншею,
Как мести моей торжество.

Казалось мне: вижу я славу отчизны
И сладость победы постиг.
А в сердце почти уже не было жизни,
И, землю обняв, я затих...

Лежу я в палате...
Тоска, нездоровье.
Но ты не тревожься, жена,
Пусть брызнет последняя капелька крови,
На клятве не будет пятна!

Пусть ранен я в руку, но рану стерплю я,
Забуду о пуле шальной, —
О родине, раненной тяжко, скорблю я,
О бедах отчизны родной.

Когтями терзает стервятник проклятый
Великое сердце страны,
Пылают в степях украинские хаты,
Деревни врагом сожжены.

От слез материнских вздуваются реки,
И, не оставляя следов,
В разверзнутой пропасти гибнут навеки
Плоды вдохновенных трудов.

И туча, набухшая кровью, слезами,
Рассвет омрачая, плывет...
Так разве погаснет священное пламя,
Что сердце к возмездью зовет?!

И что моя рана? Ведь слезы туманят
Страны моей горестный взор!
Во мне еще силы и крови достанет
С врагами сразиться в упор.

Напрасно враги ликовали, поверив
В поспешную гибель мою:
Я десять немецких сразил офицеров
В тяжелом, но славном бою.

Но ранен я: каплями собственной крови,
Как искрами, жег я врага...
Убийцы, мы вам уже саван готовим!
Засыплют вас наши снега!

Нелепую рану, случайную рану
Лечите скорей, доктора.
Борьба разгорается... Я ли отстану?
На фронт возвратиться пора!

А ты обо мне не тревожься, родная!
Пока не окончим войну,
Пускай тебя мучит тревога иная —
Тревога за нашу страну.

Не трать на меня своих слез одиноких,
Их пламя стране посвяти.
Скажи: «Поправляйся, джигит черноокий.
Ты должен с победой прийти!»

Клянусь тебе, родина, свято и твердо,
Клянусь тебе раной своей:
Пока не разбиты фашистские орды,
Не видеть мне солнца лучей.

Октябрь 1941

120. ПИСЬМО ИЗ ОКОПА

Гази Кашшафу

Любимый друг!
От твоего письма
В груди моей живой родник забил.

Прочел я, взял оружие свое
И воинскую клятву повторил.

Я ростом невысок. А в тесноте
Окопной с виду вовсе не батыр.
Но нынче в сердце, в разуме моем,
Мне кажется, вместился целый мир.

Окоп мой узкий, он сегодня грань
Враждебных двух миров.
Здесь мрак и свет
Сошлись, здесь человечества судьба
Решается на сотни сотен лет.

И чувствую я, друг мой, что глаза
Народов всех теперь на нас глядят,
И, силу в нас вдохнув, сюда, на фронт,
Приветы и надежды их летят.

И слышу я, как ночи напролет
Веретено без умолку поет.
На варежки сынам-богатырям
Без сна овечью пряжу мать прядет.

Я вижу наших девушек-сестер —
Вдали, в цехах огромных, у станков.
Они гранаты делают для нас,
Чтобы скорее сокрушить врагов.

И вижу я — тимуровцы мои
Советуются в тишине дворов,
Как, чем помочь семье фронтовика,
Сарай покрыть да заготовить дров.

С завода сутками не выходя,
Седой рабочий трудится для нас.
Что глубже чувства дружбы?
Что сильней,
Чем дружба, окрыляет в грозный час?

Мое оружье! Я твоим огнем
Не только защищаюсь, я его

В фашистов направляю, как ответ,
Как приговор народа моего.

Я знаю: грозный голос громовой
Народа в каждом выстреле звучит.
Я знаю, что опорою за мной
Страна непобедимая стоит.

Нет, не остыть сердечному теплу,
Ведь в нем тепло родной моей страны!
Надежда не погаснет, если в ней
Горячее дыханье всей страны!

Пусть над моим окопом всё грозней
Смерть распускает крылья,
                                        тем сильней
Люблю свободу я, тем ярче жизнь
Кипит в крови пылающей моей!

Пусть слезы на глазах...
                                        Но их могло
Лишь чувство жизни гордое родить.
Что выше, чем в боях за край родной
В окопе узком мужественно жить?!.

Спасибо, друг!
                        Как чистым родником,
Письмом твоим я душу освежил.
Как будто ощутил всю жизнь страны,
Свободу, мужество, избыток сил.

Целую на прощанье горячо.
О, как бы, милый друг, хотелось мне,
Фашистов разгромив,
Опять с тобой
Счастливо встретиться в родной
                                        стране!

Октябрь 1941

121. СЕСТРИЧКЕ ИНШАР

Быть может, забуду я вид Мензелинска,
Его белошелковый снежный наряд.
Но век не забудутся
темные брови
И твой молчаливый, улыбчивый взгляд.

Всегда я тебя заставал за работой,
Когда б ни пришел — на заре, ввечеру...
Не скрою:
всем сердцем тебя полюбил я,
Как ласковую, как родную сестру.

Был принят я доброю вашей семьею,
Был вашею теплою кровлей храним,
И рад я,
что крепко успел подружиться
С тобою, Иншар, и с Азатом твоим.

Как много трудов
в этом маленьком доме
Прошло через ловкие руки твои!
Не просто стихи —
я роман написал бы
Об этом упорстве, усердье, любви.

А если свободный часок выдается,
Хорошую книгу ты сразу берешь...
Дивлюсь, дорогая Иншар:
как ты можешь
Так много работать — и не устаешь?!

На днях я глядел на тебя —
и смешная,
Наивная мысль мне внезапно пришла:
Пусть будет такой, как Иншар, моя дочка —
Проворна в работе,
скромна и мила.

Как будто на дивный цветок,
я любуюсь
На нежно цветущую юность твою.
Огнем этой юности —
молнией яркой —
Хотел бы сверкать я в родимом краю.

25 ноября 1941
Мензелинск

122. МЕНЗЕЛИНСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Прощай, Мензелинск!
Уезжаю. Пора!
Гостил я недолго. Умчусь не на сутки.
Прими эти строки мои,
что вчера
Я, вдруг загрустив, написал ради шутки.

Пусть здравствуют улицы эти, дома
И серая, снежная даль горизонта!
И пусть лейтенанты, что прибыли с фронта,
Красивейших девушек сводят с ума!

Пусть здравствуют долго старушки твои,
Что с давней поры к веретенам прильнули!
Им плакать приходится ныне: бои
Солдат молодых призывают под пули!

Пусть здравствуют также мальчишки!
Они,
Сражаясь на улицах, «ходят в атаку»
И «Гитлером» метко зовут в эти дни
От злобы охрипшую чью-то собаку.

Завод пивоваренный здравствует пусть!
На площади встал он девицею модной.
Я должен признаться, что чувствую грусть:
Расстаться приходится с пеной холодной.

Шункар твой пусть здравствует лет еще сто!
Актерскою славой греметь не устал он.

Но черт бы побрал твой театр за то,
Что нынче спектаклей играет он мало.

Пусть здравствует каждый твой шумный базар!
Вкусней твоих семечек сыщешь едва ли.
Пусть здравствует баня, но только бы пар,
Но только бы воду почаще пускали!

Пусть здравствует клуб твой! Он был бы не плох,
Да белых медведей теплее берлога.
Собрать бы туда всех молоденьких снох,
Чтоб клуб они этот согрели немного.

Невесты пусть здравствуют! Жаль их до слез.
Помады отсутствие их не смущает.
Но как разрешишь их важнейший вопрос,
Когда женихов в Мензелях не хватает?

О девушках надо подумать всерьез,
Ведь каждый бухгалтер, что любит конкретность,
В расчет не берет «жениховский вопрос»
И с них вычитает налог за бездетность.

Прощайте, друзья!
                                        И простите вы мне
Шутливые строки.
                                        Я еду сражаться.
Вернусь, коль останусь живым на войне.
Счастливо тебе, Мензелинск, оставаться.

Ноябрь 1941

123. ЧТО СДЕЛАЛ ТЫ?

Сейчас один только долг у нас:
Ускорить разгром фашистской орды,
Изгнать супостатов...
                                        Ответь же, товарищ:
Что сделал для фронта сегодня ты?

Один только долг:
броневым ударом
Дивизиям вражьим сломать хребты,
Клыки им повышибить!..
Так ответь же:
Что сделал для фронта сегодня ты?

Чернеют над родиной
тяжкие тучи,
Кровавые лапы нависли над ней, —
Подумал ли ты,
как лапы фашизма
Отсечь да вышвырнуть поскорей?

Побольше танков, орудий, снарядов
Нужно сейчас на передовой, —
А смог ли ты, друг,
трудясь на заводе,
Добиться выработки такой?

Побольше хлеба, мяса, одежды
Нужно бойцам,
Чтоб врага побеждать, —
А смог ли ты, друг,
работая в поле,
Вдоволь продуктов на фронт послать?

Конечно, ты хочешь победы,
ты веришь
В нее всею силой души и ума,
Но если сидеть —
только ждать да верить,
Подумай: придет ли победа сама?

Упорным трудом
приближать ты должен
Победу в жестокой этой войне.
Весь труд — для фронта!
Лишь так докажешь
Любовь и верность родной стране.

Сейчас один только долг у нас:
Ускорить разгром фашистской орды!
А ты, товарищ?
Скажи нам честно:
Что сделал для фронта сегодня ты?

25 декабря 1941

124. БАХВАЛУ УРОК

«Москву в бинокль уже видать,
А значит, сами вскоре
Мы будем по Москве гулять!» —
Так Гитлер тараторил.

Гул орудийный не смолкал,
Кружила танков стая.
И фюрер лаял, как шакал,
Взять на испуг желая.

Полк знаменитый брошен в бой —
«Великая Германия», —
А после битвы под Москвой
Осталось лишь название.

Бахвал конец себе нашел,
Свой медный лоб расквасил,
Дорогой той же, что пришел,
Убрался восвояси.

Один позор от похвальбы!
Всем ясно быть должно ведь:
Не хватит леса, чтоб гробы
Фашистам изготовить.

Где знаменитые полки,
Где чудо-генералы?
Подохни, Гитлер, от тоски:
Ведь это лишь начало!

Собрать не сможешь и костей,
Наш правый гнев неистов.
В башку себе покрепче вбей:
Всех выметем фашистов!

26 декабря 1941
Мензелинск

125. СЛЕЗА

Покидая город в тихий час,
Долго я глядел в твои глаза.
Помню, как из этих черных глаз
Покатилась светлая слеза.

И любви и ненависти в ней
Был неиссякаемый родник.
Но к щеке зардевшейся твоей
Я губами жаркими приник.

Я приник к святому роднику,
Чтобы грусть слезы твоей испить
И за всё жестокому врагу
Полной мерой гнева отомстить.

И отныне светлая слеза
Стала для врага страшнее гроз,
Чтобы никогда твои глаза
Больше не туманились от слез.

Февраль 1942
Волховский фронт

126. АЗИМУТ

Немец, немец! По компасу
Ты проверил свой путь?
Как начнешь улепетывать,
Так штаны не забудь!
Мы теперь новый азимут
Вам, бродяги, даем:
270° —
И на запад бегом!

Цель забудь свою прежнюю,
Задом к ней повернись
И беги... А догоним вас —
Влепим так, что держись!..

Гитлер банде приказывал:
«Бей! Вперед! Напролом!..»
Но громил обучили мы
И команде «кругом».
Поглядите, как драпают,
И ни птица, ни зверь
Офицера немецкого
Не догонят теперь.

Немец, немец!.. По компасу
Без ошибки беги!
Право-лево не спутаешь?
Не свернулись мозги?
Получай новый азимут
Вместе с фюрером-псом:
270° —
И в могилу
бегом!

Февраль 1942
Волховский фронт

127. СЛАВА

Разбив проклятых гитлеровцев,
Мы
Деревню на горе освободили.
Огнем победы
Посреди зимы
Мы жителей ее воспламенили.

И вся деревня радостью кипит,
Дымки над каждой крышей забелели.
Одна старуха древняя
Навзрыд
Заплакала, припав к моей шинели.

И сердце переполнилось в ответ,
И слезы навернулись на глаза мне:
Я самым гордым был!
Прекрасней нет
Для воина
Ни славы, ни призванья:

В тяжелый
Для родного края
Час
Страдающему своему народу,
Солдатской красной звездочкой лучась,
На острие штыка
Нести свободу!

Февраль 1942
Волховский фронт

128. ПЕРЕД АТАКОЙ

Выпьем, друг! За боевое счастье!
За бесстрашье юности живой!
Только б жить! И храбрости и страсти
На сто жизней хватит в нас с лихвой.

Наполняй, дружок, шампанским чарку,
Девушки прислали нам вино.
Потому ли, что я рад подарку,
Только полюбилось мне оно.

Пусть ярится пеною шипучей,
Льется в жилы волнами огня...
Может быть, от смерти неминучей
Ты из боя вынесешь меня.

Может быть, случится что похуже.
Только с кем из нас? С тобой? Со мной?
Что гадать?
Хлебнем из медных кружек
Влагу нашей радости земной!

Вы, землячки, выдумщицы, право, —
Или просто путает весна? —
Ваш румянец светится лукаво
В каждой капле алого вина.

Мы идем в атаку на рассвете...
А пока в молчании ночном,
Милые землячки, кружки эти
Мы за ваше счастье разопьем.

Поразит ли сердце пуля злая
Или я останусь невредим,
Всё равно — одно я твердо знаю:
Мы в атаке этой победим!

Всей душой к победе мы стремимся.
Что грустить, когда она в душе?
Пей, земляк! Подарком насладимся
При коптилке в тесном блиндаже...

Кружку осуши в одно мгновенье,
Алым током обжигая рот.
Как любимых губ прикосновенье,
Пусть она огонь в тебе зажжет.

Жар любви народной, жар заветный,
К нам дошел в том пламени живом.
И его в атаку в час рассветный
Мы дорогой славы понесем!

Февраль 1942
Волховский фронт

129. МОСТ

Стоял тот мост большой и величавый
Там, где и днем и ночью шли бои.
Под ним река, овеянная славой,
Катила воды грозные свои.

В такую темь, когда не спят дозоры
И тихо-тихо шепчутся кусты,

Послышался вблизи тревожный шорох,
И дрогнули немецкие посты.

Над берегом деревья зашумели,
И в воздухе повеяло грозой.
Спешил к мосту боец в простой шинели,
С открытою и светлою душой.

Река, тяжелым наливаясь гневом,
Стонала грозно: «Воин, отомсти!»
Зарницами зажглось ночное небо,
Лишь до моста успел он доползти.

В последний раз на мост железный глянул
И двинулся во весь высокий рост.
И сильный взрыв, как гром великий, грянул, —
И над водой взлетает этот мост.

Под мощный грохот камня и железа
К реке стремится вражеский отряд.
Но тут уже обратный путь отрезан —
Гвардейцы подоспевшие не спят.

И лишь боец, обняв прибрежный камень,
Не видит, как друзья идут в поход
И как над золотыми берегами
Заря освобождения встает.

Затихнет бой, и вздыбится в тумане
Над шумною рекою новый мост.
И над мостом герой бессмертный встанет
Во весь свой богатырский рост.

Февраль 1942
Волховский фронт

130. ПОБЕДА

(Этюд)

С земли встает туман голубоватый,
Грохочут танки, вытянувшись в ряд.
Как соколы отважные, крылаты,
Над крышей флаги красные парят.

Старушка обняла бойца за шею,
От радости заплакала она,
И, улыбаясь, свежие трофеи
Подсчитывает строгий старшина.

Как тень судьбы Германии фашистской,
На всех путях, куда ни кинешь взгляд,
На глине развороченной и склизкой
Чернеют трупы вражеских солдат.

Февраль 1942

131. СЛЕД

Над деревней
Зарево дрожит,
Места не находят погорельцы.
На развилке увидал джигит
Детское растерзанное тельце.
Увидал —
И брызнула слеза,
И ребенка на руках дрожащих
Поднял
И поцеловал в глаза,
Как детей целуют спящих.
Опустил на землю,
Сам не свой,
Зубы стиснул,
Ненависть во взгляде:
«Ты, фашист, заплатишь нам с лихвой!
Ты еще попросишь о пощаде!»

И за лютым хищником
Джигит
По следу, забрызганному кровью,
Гонится...
И меч в руке горит
Ненавистью и любовью!

Февраль 1942
Волховский фронт

132. В ЕВРОПЕ ВЕСНА

Вы в крови утонули, под снегом заснули,
Оживайте же, страны, народы, края!
Вас враги истязали, пытали, топтали,
Так вставайте ж навстречу весне бытия!

Нет, подобной зимы никогда не бывало
Ни в истории мира, ни в сказке любой!
Никогда так глубоко ты не промерзала,
Грудь земли, окровавленной, полуживой.

Там, где ветер фашистский пронесся мертвящий,
Там завяли цветы и иссякли ключи,
Смолкли певчие птицы, осыпались чащи,
Оскудели и выцвели солнца лучи.

В тех краях, где врага сапожищи шагали,
Смолкла жизнь, из горящих жилищ уходя,
По ночам лишь пожары вдали полыхали,
Но не пало на пашню ни капли дождя.

В дом фашист заходил — мертвеца выносили.
Шел дорогой фашист — кровь дорогой текла.
Стариков и старух палачи не щадили,
И детей людоедская печь пожрала.

О таком исступленье гонителей злобных
В страшных сказках, в преданьях не сказано слов.
И в истории мира страданий подобных
Человек не испытывал за сто веков.

Как бы ночь ни темна была — всё же светает.
Как зима ни морозна — приходит весна.
Эй, Европа! Весна для тебя наступает,
Ярко светит на наших знаменах она.

Под пятою фашистскою полуживые,
К жизни, страны-сироты, вставайте! Пора!
Вам грядущей свободы лучи заревые
Солнце нашей земли простирает с утра.

Этой солнечной, новой весны приближенье
Каждый чувствует — чех, и поляк, и француз.
Вам несет долгожданное освобожденье
Победитель могучий — Советский Союз.

Словно птицы, на север летящие снова,
Словно волны Дуная, взломавшие лед,
Из Москвы к вам летит ободрения слово,
Сея свет по дороге. Победа идет!

Скоро будет весна...
В бездне ночи фашистской,
Словно тени, на бой партизаны встают...
И под солнцем весны —
это время уж близко! —
Зиму горя дунайские льды унесут.

Пусть же радости жаркие слезы прорвутся
В эти вешние дни из мильонов очей!
Пусть в мильонах сердец истомленных
зажгутся
Месть и жажда свободы еще горячей!..

И живая надежда разбудит мильоны
На великий подъем, небывалый в веках,
И грядущей весны заревые знамена
Заалеют у вольных народов в руках.

Февраль 1942
Волховский фронт

133. ВЕСНА

Палата утром проснулась,
Дыханьем весны полна.
Сестра вошла в палату,
Как ласковая весна.

В руках у нее мимозы,
Свежие, в росе.
С улыбкою ожиданья
На девушку смотрят все.

«Ребята! — она сказала. —
Весна вам подарок шлет,
И жаворонок серый
О вас сегодня поет.

С утра поет сегодня
Ручьев и птиц перезвон
О том, что весна прилетела
На крыльях наших знамен.

На землях освобожденных
Шумит весенний поток,
Мимоза над ним, улыбаясь,
Раскрыла первый цветок.

Летят журавли на север,
Веселье в их голосах,
Вернулись старый и малый,
Скрывавшиеся в лесах.

А вести какие, ребята!
Везде отступает враг.
Земля молодеет под солнцем,
Рассеивается мрак...»

Глядят на сестру джигиты
И, радостью полны,
Смеются, дыша глубоко
Дыханьем чистым весны.

И девушки теплую нежность
Почувствовал каждый в груди,
И счастье близкой победы,
И новую жизнь впереди.

Февраль 1942
Волховский фронт

134. «ЯЗЫК»

Чтобы только не слышали уши
Оголтелый фашистский язык,
Мы бы с радостью отдали души
На войне, в боях грозовых;

Чтоб нигде у нас не звучали
Гоготание их и брань,
Чтоб собаки, взбесясь, не рычали
Ни в ночи, ни в раннюю рань...
Только вот что случилось, братцы, —
Вызвал нас в блиндаж капитан:
«„Языка“ раздобудьте, братцы! —
Был приказ нам секретный дан. —
«„Языка“ раздобудьте, братцы! —
Чтобы вражеский план сорвать,
До фашистской ставки добраться
И гнездо их к черту взорвать!»
Что ж! Приказанное капитаном —
Это честный солдатский долг.
И в ответственном деле данном
Наш боец понимает толк.
Три джигита взялись за дело
И пошли за рубеж втроем.
Лишь бы ночь скорей потемнела,
Остальное — там разберем!
Ночь пришла. И, собрав, как надо,
Для лихой охоты припас,
Осмотрясь и взведя гранаты,
Мы на холм взошли торопясь.
Слышим говор глухой фашистский,
Пригляделись: фашисты близко!
«Unsere Tat ist die Sachen
Abnehmen und den Besitzer
Zu der Wand stellen... ist...»[1]
Так и есть! На наших глазах он
И ругается и грозится,
Этот грязный бандит-фашист!
Лопотали бродяги гладко.
Похвальбу мы слышали их,
И рванулись, и плащ-палаткой
В тот же миг накрыли двоих.
Только выстрел сухой нарушил
Тишину вокруг, и, когда
Один враг нашу пулю скушал,

[1] «Наше дело отобрать пожитки, а владельца поставить к стенке» (нем.). — *Ред.*

Мы другого берем и айда!
Мы связали его и тащим
До КП своего ползком,
Чтобы наш капитан с настоящим
Познакомился «языком».
Привели его, и, как кошка,
Задрожал и молчок милок.
Как и ждали мы, понемножку
Развязал язычок милок.
Сколько их еще не скосило,
Сколько пушек видел в пути,
Всё он выложил через силу,
Чтоб жизненку свою спасти...
Чтобы только не слышали уши
Оголтелый фашистский язык,
Мы бы с радостью отдали души
На войне, в боях грозовых;
Чтоб нигде у нас не звучали
Гоготание их и брань,
Чтоб собаки, взбесясь, не рычали
Ни в ночи, ни в раннюю рань...
Только знай, боец, что, бывает,
Доберется джигит ползком
И фашистов-псов убивает
Их же собственным «языком»!

Февраль 1942

135. БРАТСТВО

Наш братский союз, Украина,
Как сталь, закалился в огне,
Ты видела кровь и руины,
Тебя пригвождали к стене.

Твои плодородные степи
Фашисты топтали и жгли.
Как горек, как страшен был пепел
Огнем опаленной земли.

Запомнили братья и сестры
Те мрачные годы, когда
Печаль нелюдимых погостов
Легла на твои города.

Враг ринулся темною силой
На всё, что так свято для нас.
Дерзнул осквернить он могилу,
Где спит твой великий Тарас.

Ты вынесла пыток немало.
Дни были друг друга черней.
Но ты и в плену воевала,
И гнев твой горел всё сильней.

Ничем наших сил не измерить,
Коль в дружбе народы живут.
И разве могла ты не верить,
Что братья на помощь придут.

Пришли они с волей единой
К сестре, изнывавшей от ран.
И был среди них, Украина,
Надежный твой брат — Татарстан.

Велел сыновьям он бесстрашным
Лавиной пройти над Днепром,
Чтоб вызволить нивы и пашни
И счастьем согреть каждый дом.

Ты знала: лихие джигиты
В сраженьях не знают преград.
Клялись они встать на защиту
И встанут — тебя защитят.

Нас много в большой и единой,
Могучей советской семье.
Наш братский союз, Украина,
Как сталь, закалился в огне.

Март 1942
Волховский фронт

136. СОН

1

Всё о тебе я думаю, родная,
В далекой незнакомой стороне.
И где-нибудь в пути, глаза смыкая,
С тобой встречаюсь лишь в недолгом сне.

Ко мне идешь ты в платье снежно-белом,
Как утренний туман родных полей.
И, наклоняясь, голосом несмелым
Мне шепчешь тихо о любви своей.

С какой тревогой ты мне гладишь щеки
И поправляешь волосы опять.
«К чему, родная, этот вздох глубокий?»
В ответ ты начинаешь мне шептать:

«А я ждала, я так ждала, мой милый.
Ждала, когда придет конец войне.
В бою сразившись с грозной вражьей силой,
С победою примчишься ли ко мне?

Подарков приготовила я много.
Но всё ж подарка не нашла ценней,
Чем сердце, что, объятое тревогой,
Бессонных столько видело ночей».

2

Глаза открыл я. Что это со мною?
Весь полон странным сновиденьем я —
Мне волосы тревожною рукою
Погладила любимая моя.

Как горько мне и сладко пробужденье.
Любимая, ты знаешь ли о том? —
Была ты мне не только на мгновенье
И светлою мечтой, и сладким сном.

Я позабыть не в силах, как впервые
Ты напоила пламенем меня.
В глазах сверкали искры озорные
От радостного, скрытого огня.

А нежности в тебе так много было,
Меня ласкала ты, как малыша...
Любить весну ты друга научила,
Чтобы рвалась в полет его душа!

Я в смертный бой иду с винтовкой новой
За жизнь, что вечно сердцу дорога.
Нас ненависть зовет, и мы готовы
Взойти к победе по костям врага.

3

Жди, умница, мы встретимся с тобою,
Вернусь, сметя всю нечисть за порог.
Заря займется над родной страною,
Как нашего бессмертия исток.

Меня прижмешь ты к сердцу, как бывало,
И скажешь: «Всё тебе я отдаю.
Подарков много, но прими сначала
Любовь мою!»

За эту вот любовь, за наше счастье
Иду навстречу ярости войны.
Поверь, мой друг:
мне бури и ненастья
И никакие битвы не страшны.

Март 1942
Волховский фронт

137. ТВОЯ ДОЛЯ

Мы наступаем. Всюду груды лома,
Винтовок, пушек — признаки разгрома.
Вот каска, неказистая на вид,
С кокардой на боку в траве лежит.

Заржавела. Владелец сгнил... Могила
На перекрестке высится уныло.
Слепили крест, сломав какой-то шест,
И каску нахлобучили на крест,
Стервятники и тощие вороны
Над ним ясин читают похоронный...

Тот, кто зарыт здесь, будучи живым,
Был множеством желаний одержим:
На этих землях властвовать хотел он
Помещиком, сатрапом оголтелым.
В его воображении тупом
Народ наш гордый жалким был рабом.
Но горьким был фашист застигнут крахом —
Он сам под землю лег холодным прахом.

Да, так, фашист, задумал ты хитро.
Но не тебе делить страны добро!
Аршин земли да крест дубовый в поле —
Вот, — как гласит присловье, — серебро,
Которое пришлось тебе на долю!

Март 1942

138. СМЕРТЬ ДЕВУШКИ

Сто раненых она спасла одна
И вынесла из огневого шквала,
Водою напоила их она
И раны их сама забинтовала.

Под ливнем раскаленного свинца
Она ползла, ползла без остановки
И, раненого подобрав бойца,
Не забывала о его винтовке.

Когда ж она ползла в сто первый раз,
Ее сразил осколок мины лютой...
Склонился шелк знамен в печальный час,
И кровь ее пылала в них как будто.

Вот на носилках девушка лежит.
Играет ветер прядкой золотистой.
Как облачко, что солнце скрыть спешит,
Ресницы затенили взор лучистый.

Спокойная улыбка на ее
Губах, изогнуты спокойно брови.
Она как будто впала в забытье,
Беседу оборвав на полуслове.

Сто жизней молодая жизнь зажгла
И вдруг сама погасла в час кровавый...
Но сто сердец на славные дела
Ее посмертной вдохновятся славой.

Погасла, не успев расцвесть, весна.
Но, как заря рождает день, сгорая,
Врагу погибель принеся, она
Бессмертною осталась, умирая.

Апрель 1942

139. РАДОСТЬ ВЕСНЫ

Весна придет, улыбкой озаряя
Просторы зеленеющих полей.
Раскинет ветви роща молодая,
В саду рассыплет трели соловей.

Тогда пойдешь ты по лесной дороге,
Взовьются две косы на ветерке.
Холодная роса обрызжет ноги,
И ты взгрустнешь — твой милый вдалеке.

Я там, где поле в ржавчине колючей,
Где свищет смерть по просекам лесным,
Скворцы и тут на небе кружат тучей,
Но эти — с оперением стальным.

Тут бомбы рвутся, солнце застилая.
Тут слышен запах крови, но не роз,
Не от росы сыра трава густая,
От крови человеческой и слез.

Сквозь дым за солнцем я слежу порою,
Крадется в сердце острая тоска.
Я волосы себе краплю росою,
Поймав росинку в чашечке цветка.

Тогда я слышу аромат весенний,
Тогда душа цветением полна.
И ты стоишь с улыбкой в отдаленье,
Моя любимая, моя весна!

Враги пришли разбойною оравой,
Расстались мы, беда была близка.
Оружье сжав, иду я в бой кровавый
Развеять нечисть острием штыка.

И нет в душе желания сильнее,
И все мои мечтанья об одном —
Увидеться бы с милою моею,
Покончив с темным вражеским гнездом.

Как я гордился б, что от силы вражьей
Смог защитить родную и весну, —
Не будет солнце в копоти и саже,
И больше недруг не войдет в страну.

Пройдя через стремнину огневую,
Хочу вернуться, чтоб в родном краю
Тебя увидеть и весну большую,
Спасенную от недруга в бою.

Весна 1942

140. ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Милый мой, радость жизни моей,
За отчизну уходит в поход.
Милый мой, солнце жизни моей,
Сердце друга с собой унесет.
Я расстанусь с любимым моим,
Нелегко провожать на войну.
Пусть он будет в боях невредим
И в родную придет сторону.
Весть о том, что и жду, и люблю,
Я джигиту пошлю своему.
Весть о том, что я жду и люблю,
Всех подарков дороже ему.

Июнь 1942

141. ПИСЬМО

(Песня)

1

Я в затишье меж боями
Говорить задумал с вами,
Вам письмо бы написал.
Эх вы, девушки-сестренки,
Вам письмо бы написал!
В песню вы письмо включите,
И меня вы помяните
На гулянье и в избе.
Эх вы, девушки-сестренки! —
На гулянье и в избе.

2

Не прогнав орды кровавой,
Не поправ врага со славой,
Не вернемся мы домой.

Эх вы, девушки-сестренки! —
Не вернемся мы домой.
Если к вам не возвратимся,
В ваших песнях возродимся, —
Это счастьем будем нам.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Это счастьем будет нам.

3

Если мы необходимы
Нашей родине любимой,
Мы становимся сильней.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Мы становимся сильней.
Скоро счастье сменит беды,
Так желайте ж нам победы!
Вечно в наших вы сердцах.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Вечно в наших вы сердцах!

Июнь (?) 1942

142. ПЛАТОЧЕК

Простились мы, и с вышитой каймою
Платок родные руки дали мне.
Подарок милой! Он всегда со мною.
Ведь им закрыл я рану на войне.

Окрасился платочек теплой кровью,
Поведав мне о чем-то о родном.
Как будто наклонилась к изголовью
Моя подруга в поле под огнем.

Перед врагом колен не преклонял я,
Не отступил в сраженьях ни на пядь.
О том, как наше счастье отстоял я,
Платочек этот вправе рассказать.

Июль 1942

143. ПРОСТИ, РОДИНА!

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.

Кто посмеет сказать, что я тебя предал?
Кто хоть в чем-нибудь бросит упрек?
Волхов — свидетель: я не струсил,
Пылинку жизни моей не берег.

В содрогающемся под бомбами,
Обреченном на гибель кольце,
Видя раны и смерть товарищей,
Я не изменился в лице.

Слезинки не выронил, понимая:
Дороги отрезаны. Слышал я:
Беспощадная смерть считала
Секунды моего бытия.

Я не ждал ни спасенья, ни чуда.
К смерти взывал: «Приди! Добей!..»
Просил: «Избавь от жестокого рабства!»
Молил медлительную: «Скорей!..»

Не я ли писал спутнику жизни:
«Не беспокойся, — писал, — жена.
Последняя капля крови капнет —
На клятве моей не будет пятна».

Не я ли стихом присягал и клялся,
Идя на кровавую войну:
«Смерть улыбку мою увидит,
Когда последним дыханьем вздохну».

О том, что твоя любовь, подруга,
Смертный огонь гасила во мне,
Что родину и тебя люблю я,
Кровью моей напишу на земле.

Еще о том, что буду спокоен,
Если за родину смерть приму.
Живой водой эта клятва будет
Сердцу смолкающему моему.

Судьба посмеялась надо мной:
Смерть обошла — прошла стороной.
Последний миг — и выстрела нет!
Мне изменил
мой пистолет...

Скорпион себя убивает жалом,
Орел разбивается о скалу.
Разве орлом я не был, чтобы
Умереть, как подобает орлу?

Поверь мне, родина, был орлом я, —
Горела во мне орлиная страсть!
Уж я и крылья сложил, готовый
Камнем в бездну смерти упасть.

Что делать?
Отказался от слова,
От последнего слова друг-пистолет.
Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль занесла мой кровавый след...

...Я вижу зарю над колючим забором.
Я жив, и поэзия не умерла:
Пламенем ненависти исходит
Раненое сердце орла.

Вновь заря над колючим забором,
Будто подняли знамя друзья!
Кровавой ненавистью рдеет
Душа полоненная моя!

Только одна у меня надежда:
Будет август. Во мгле ночной
Гнев мой к врагу и любовь к отчизне
Выйдут из плена вместе со мной.

Есть одна у меня надежда —
Сердце стремится к одному:
В ваших рядах идти на битву.
Дайте, товарищи, место ему!

Июль 1942

144. ВОЛЯ

И в час, когда мне сон глаза смыкает,
И в час, когда зовет меня восход,
Мне кажется, чего-то не хватает,
Чего-то остро мне недостает.

Есть руки, ноги — всё как будто цело,
Есть у меня и тело и душа.
И только нет свободы! Вот в чем дело!
Мне тяжко жить, неволею дыша.

Когда в темнице речь твоя немеет,
Нет жизни в теле — отняли ее,
Какое там значение имеет
Небытие твое иль бытие?

Что мне с того, что не без ног я вроде:
Они — что есть, что нету у меня,
Ведь не ступить мне шагу на свободе,
Раскованными песнями звеня.

Я вырос без родителей, и всё же
Не чувствовал себя я сиротой.
Но то, что для меня стократ дороже,
Я потерял: отчизну, край родной!

В стране врагов я раб тут, я невольник,
Без родины, без воли — сирота.
Но для врагов я всё равно — крамольник,
И жизнь моя в бетоне заперта.

Моя свобода, воля золотая,
Ты птицей улетела навсегда.
Взяла б меня с собою, улетая,
Зачем я сразу не погиб тогда?

Не передать, не высказать всей боли,
Свобода невозвратная моя.
Я разве знал на воле цену воле!
Узнал в неволе цену воли я!

Но коль судьба разрушит эти своды
И здесь найдет меня еще в живых, —
Святой борьбе за волю, за свободу
Я посвящу остаток дней своих.

Июль 1942

145. ЛЕС

Закат давно сгорел, — а я стою, гляжу,
Душа полна тяжелой думой,
Гляжу поверх оград — туда, где ближний лес
Вздымается стеной угрюмой.

Там старый партизан, наверно, в этот час
В костер подбрасывает ветки,
Лесного «Дедушки» бесстрашные бойцы
Вернулись только что с разведки.

Товарищ Т. не спит — обдумывает он
План дерзостной ночной атаки,
И словно точат сталь — клинка протяжный звон
Мне чудится в тревожном мраке.

О лес, дремучий лес, пусть меж тобой и мной
Ряды колючих заграждений,
Лишь плоть моя в плену, а гордая душа
Полна безудержных стремлений.

К тебе летит душа — по тропкам потайным
Крадется в полумрак сосновый...
Ложусь ли я во тьме, встаю ли на заре —
Всё чудится твой зов суровый.

О лес, дремучий лес, как ты поешь-зовешь,
Деревья на ветру качая,
Напевам мужества, надежды и борьбы
Меня ночами обучая.

О лес, свободный лес, как для меня тяжел
Позор неволи, гнет мертвящий!
Где прячешь ты моих неведомых друзей —
В какой непроходимой чаще?

О лес, могучий лес, к ним отведи меня,
Дай мне оружье боевое!
Умру — но долг святой исполню до конца
В разгаре яростного боя.

Июль 1942

146. КРАСНАЯ РОМАШКА

Поутру ромашки в поле,
Будто стайка юных дев,
Пробудились, улыбнулись,
Друг на друга поглядев.

Ветерок ласкать их начал,
Лепестками стал играть,
А заря росой прозрачной
Принялась их осыпать.

Плавно кружатся ромашки
На душистом ветерке,
Вдруг глядят — и видят что-то
Странное невдалеке:

Чуть поодаль их подружка,
Будто девочка, грустит,
А на платье лепестковом
Краска алая блестит.

Все ромашки белоснежны,
Одинаков их наряд, —
Почему ж у их подружки
Лепестки огнем горят?

Зашептали: «Эй, сестрица,
Что случилось? Что с тобой?
Что с твоей одеждой стало?
Что за красный цвет такой? ..»

Им ромашка отвечает,
Им подружка говорит:
«Здесь лежал сегодня ночью,
По врагам стрелял джигит.

Он один, а их пятнадцать!
Но сражался горячо
Храбрый воин — лишь под утро
Пулей ранен был в плечо.

Кровь отважная омыла
Лепестки мои тогда,
Вот и стала я багряной,
Яркой, как Чулпан-звезда.

Он ушел... С тех пор тоскую
О моем богатыре —
Кровью чистою, геройской
Пламенею на заре!»

Июль 1942

147. СОЛОВЕЙ И РОДНИК

(Баллада)

1

Чуть заря разгорится,
Чуть забрезжут лучи,
Лес дремучий целуя,
И поля, и ручьи,

Соловей встрепенется,
Бьет крылами, дрожит
И в лесное безмолвье
С нетерпеньем спешит.

Там любимого друга
Ждет, волнуясь, родник —
С чародеем пернатым
Он встречаться привык.

Жизнь волшебной казалась
Для влюбленных друзей:
Неразлучными стали
Соловей и ручей.

Были юны их души,
И чисты, и нежны, —
Пред святыней их чувства
Все склониться должны.

Чуть заря, устремлялся
К роднику соловей —
В хризолитовых струях
Искупаться скорей.

Сладким было свиданье
Двух друзей дорогих, —
Кто не стал бы, скажите,
Любоваться на них?

2

Вот опять на рассвете
Наш певец-чародей
Встрепенулся, проснулся
Под навесом ветвей.

И, вспорхнув, устремился
К роднику...
Что же с ним?
Стал печальным и мрачным,
Будто скорбью томим.

Не смеется, не скачет
Средь цветущих лугов,
Звонко брызги не пляшут
Меж седых валунов.

Серебристые струйки
Стали мутны, черны, —
Видно, сердце в тревоге
И раздумья мрачны.

Начал друга в испуге
Вопрошать соловей,
И ответил сквозь слезы
Безутешный ручей:

«Недруг родины нашей
Здесь вчера проходил —
И целебную воду
Он тайком отравил.

Знает враг-кровопийца,
Что бесстрашный джигит
След его обнаружил
И в погоню спешит.

Знает гнусный убийца,
Что, увидев ручей,
Выпить воин захочет
Чистой влаги моей.

Выпьет вместе с отравой
И сейчас же умрет,
А разбойник спасется —
От возмездья уйдет.

Молви, друг мой, что делать?
Молви, милый, как быть?
Как борца за Отчизну
От беды оградить?»

Помолчал — и воскликнул,
Оживясь, соловей:

«Я придумал, не бойся,
Друг мой, радость очей!

Если вздумает жажду
Здесь батыр утолить,
Храбреца сберегу я —
Знаю, как поступить!»

3

Вот с винтовкой и саблей
Мчится храбрый джигит.
Словно сталь его сердце —
Свято клятву хранит.

И, в Отчизну влюбленный,
Полный гневным огнем,
Одного лишь он хочет —
Рассчитаться с врагом.

Но устал он, измучен,
Гнаться нет уже сил...
Ах, воды бы хоть каплю —
Он бы губы смочил!

Вдруг ручей он заметил,
Сразу спрыгнул с коня, —
Видно, жгла его жажда
Беспощадней огня.

К роднику подбегает,
Чтоб напиться скорей,
И тотчас где-то рядом
Начал петь соловей.

Сев на ближнюю ветку,
Чтоб заметил джигит,
Он поет — он о чем-то
Всё тревожней твердит.

Он поет про святое
Пламя чистой любви,

Что волненье и радость
Разжигает в крови.

Он поет про бесстрашье,
Что на подвиг идет —
До последнего вздоха
Жизнь борьбе отдает.

Он поет про влюбленных
Неразлучных друзей,
Ибо верность влюбленных
Даже смерти сильней.

Дружбу он воспевает,
Что сплавляет сердца, —
Дышит пламенной силой
Песнь лесного певца!

Но батыру неведом
Звонкий птичий язык,
До сих пор он не понял,
Что отравлен родник.

Хоть волшебная песня
В струнах сердца звенит,
О грозящем не может
Догадаться джигит.

4

Вот к отравленной влаге
Наклонился герой,
Ртом сухим прикоснулся
Он к струе ключевой.

Но к губам его с криком
Птица ринулась вмиг —
Каплю яда схватила,
Пала мертвой в родник.

Так, с любимым обнявшись
Перед смертью своей,

Смело, радостно, гордо
Отдал жизнь соловей.

А родник бьет о берег
Всё безумней, шумней...
Глядь — лишь камни чернеют,
Где струился ручей!

Постоял юный воин
Перед руслом сухим,
Потрясен этим чудом
И спасеньем своим.

Страшный берег покинув,
На коня он вскочил
И, как тигр разъяренный,
За врагом поспешил.

Новой силою тело
И душа налились,
Все извечные чувства
В нем волной поднялись.

Сын свободной Отчизны
И народа-отца,
Пламя сердца готов он
Им отдать до конца,

Любит жизнь, но погибнет
За страну, за друзей,
Как погибли бесстрашно
Соловей и ручей.

Июль 1942

148. ПТАШКА

Бараков цепи и песок сыпучий
Колючкой огорожены кругом.
Как будто мы жуки в навозной куче:
Здесь копошимся. Здесь мы и живем.

Чужое солнце всходит над холмами,
Но почему нахмурилось оно? —
Не греет, не ласкает нас лучами, —
Безжизненное, бледное пятно...

За лагерем простерлось к лесу поле,
Отбивка кос там по утрам слышна.
Вчера с забора, залетев в неволю,
Нам пела пташка добрая одна.

Ты, пташка, не на этом пой заборе,
Ведь в лагерь наш опасно залетать.
Ты видела сама — тут кровь и горе,
Тут слезы заставляют нас глотать.

Ой, гостья легкокрылая, скорее
Мне отвечай: когда в мою страну
Ты снова полетишь, свободно рея?
Хочу я просьбу высказать одну.

В душе непокоренной просьба эта
Жилицею была немало дней.
Мой быстрокрылый друг! Как песнь поэта,
Мчись на простор моих родных полей.

По крыльям-стрелам и по звонким песням
Тебя легко узнает мой народ.
И пусть он скажет: «О поэте весть нам
Вот эта пташка издали несет.

Враги надели на него оковы,
Но не сумели волю в нем сломить.
Пусть в заточенье он, поэта слово
Никто не в силах заковать, убить...»

Свободной песней пленного поэта
Спеши, моя крылатая, домой.
Коль сам погибну на чужбине где-то,
То будет песня жить в стране родной!

Август 1942

149. БЫЛЫЕ НЕВЗГОДЫ

Боль минувших невзгод
И мучений былых —
Всё в забвенье уйдет,
Словно не было их...

Ночь промчится, а там —
С днем встречаемся мы,
Любо, весело нам,
Словно не было тьмы...

Жизнь, однако, есть жизнь —
Оттого-то сильней
Память радостных дней
Сохраняется в ней.

Тем сердца и живут —
Не смолкает в них зов
Драгоценных минут
И счастливых часов.

Сентябрь 1942

150. НЕОТВЯЗНЫЕ МЫСЛИ

Нелепой смертью, видно, я умру:
Меня задавят стужа, голод, вши.
Как нищая старуха, я умру,
Замерзнув на нетопленной печи.

Мечтал я как мужчина умереть
В разгуле ураганного огня.
Но нет! Как лампа, синим огоньком
Мерцаю, тлею... Миг — и нет меня.

Осуществления моих надежд,
Победы нашей не дождался я.
Напрасно я писал: «Умру смеясь».
Нет! Умирать не хочется, друзья!

Уж так ли много дел я совершил?
Уж так ли много я на свете жил?..
Но если бы продлилась жизнь моя,
Прошла б она полезней, чем была.

Я прежде и не думал, не гадал,
Что сердце может рваться на куски,
Такого гнева я в себе не знал,
Не знал такой любви, такой тоски.

Я лишь теперь почувствовал вполне,
Что может сердце так пылать во мне, —
Не мог его я родине отдать.
Обидно, горько это сознавать!

Не страшно знать, что смерть к тебе идет,
Коль умираешь ты за свой народ.
Но смерть от голода?! Мои друзья,
Позорной смерти не желаю я.

Я жить хочу, чтоб родине отдать
Последний сердца гневного толчок,
Чтоб я, и умирая, мог сказать,
Что умираю за отчизну-мать.

Сентябрь 1942

151. В ПИВНОМ ЗАЛЕ

Ушел я рано из родного дома,
Нигде, друзья, пристроиться не смог.
Уж то-то честь мне, парню слободскому, —
На службу я попал в пивной ларек.

И пиво пью теперь без проволочки,
А прежде отдавал последний грош.
Из донца каждой опустевшей бочки,
Чуть наклоняя, все остатки пьешь.

В уме прикину и даюсь я диву:
Сто бочек ежедневный наш расход.
Но разве в людях уместиться пиву?
А пиво в кружки всё течет, течет...

Мой нос картошкой, на лице румянец,
А голова, раздувшись от паров,
Танцует на плечах веселый танец.
Порой от пива лопнуть я готов.

Артисты и поэты в нашем зале.
И продавцы угля! Любой народ!
Бухгалтеры! Иные прибегали
В надежде, что авось перепадет.

Почетного клиента провожая,
Уж так я рассыпаюсь в похвалах.
Иных гостей за воротник хватаю,
Слегка коленом поддаю в дверях.

Сам черт не страшен мне, как говорится.
Но сам себе я страшен той порой.
Бутылки, люди — всё вокруг кружится,
И, как котел, кипит наш зал пивной.

Чинуша за столом сидит, хмелея,
Десятую уже бутылку пьет.
Его карманы что ни час худее,
Полней зато час от часу живот.

А вот актер. Вчера себе на горе
Сидел у нас, затем, не сняв чалму,
На сцене появился в «Ревизоре»!
И зрители зашикали ему.

Но вдохновенно трудится недаром
Поэт зеленоглазый и рябой.
У нас же он творит — а гонораром
Он покрывает свой расход пивной.

Вчера опару опере поставил
Известный композитор, а теперь
Опару пивом литров в пять заправил.
И вот опара всходит — верь не верь!

Кассир Гимай зашел на кружку пива,
Когда из банка следовал домой.

А нынче он в милиции. Вот диво!
Повесил нос. Унылый. Сам не свой.

Я крепко тряс, но захмелел он тяжко, —
Не добудился гостя одного.
Он моментально протрезвел, бедняжка,
Когда жена взглянула на него!

И что там загс! Все загсы превзошли мы —
Судьбу людей вершим мы день-деньской.
У нас джигит встречается с любимой
Или супруг разводится с женой.

Цирюльнику сосед, сидевший близко,
Так приглянулся, — бритвою своей
Тому соседу, говоря «сосиска!»,
Отрезал нос и ухо брадобрей.

И в тот же день такое чудо было —
Безносого привел цирюльник к нам.
«Я поздно оценил тебя, мой милый!» —
Сказал безносый, волю дав слезам.

Как будто одолжение как другу
Цирюльник оказал, отрезав нос.
Как будто брадобрей своей услугой
Бедняжке избавление принес.

Однажды пекарь из пивного зала
Пришел в пекарню — чуть не падал с ног.
И трубка в тесто у него упала,
Теперь ее из хлеба он извлек!

Пожарника на вахте в сон свалило.
Напившись пива, крепко спал старик.
И некому в набат ударить было,
Когда пожар на каланче возник.

Сгорела вышка! Вот дела какие!
Уволен был пожарник в тот же день.
Да и со мной, друзья мои родные,
Случилась вот какая дребедень.

Откупорил я бочку, пью досыта,
Решил я, братцы, душу отвести.
Из бочки той, что мной была открыта,
Я выпил кружек больше десяти.

Как лоцман тонущего парохода,
Спасаюсь в бочке, сплю спокойно в ней,
Вокруг просторы моря пивзавода,
Я плаваю во сне среди зыбей.

Меня нашли и ну трясти упорно.
На лучшем месте прерван был мой сон.
Сначала допросили для проформы,
Потом из бара вышвырнули вон.

Теперь, друзья, одну мечту лелею —
Податься я хочу на пивзавод.
На новом месте буду поумнее,
Вести себя начну наоборот.

Не стану бочку открывать, что толку!
Я лучше снизу просверлю гвоздем.
И научусь, родные, втихомолку
Тянуть через соломинку тайком.

Сентябрь 1942

152. ПОЭТ

Всю ночь не спал поэт, писал стихи,
Слезу роняя за слезою.
Ревела буря за окном,
и дом
Дрожал, охваченный грозою.

С налету ветер двери распахнул,
Бумажные листы швыряя,
Рванулся прочь и яростно завыл,
Тоскою сердце надрывая.

Идут горами волны по реке,
И молниями дуб расколот.

Смолкает гром.
В томительной тиши
К селенью подползает холод.

А в комнате поэта до утра
Клубились грозовые тучи
И падали на белые листы
Живые молнии созвучий.

В рассветный час поэт умолк и встал,
Собрал и сжег свои творенья
И дом покинул.
Ветер стих. Заря
Алела нежно в отдаленье.

О чем всю ночь слагал стихи поэт?
Что в этом сердце бушевало?
Какие чувства высказав, он шел,
Обласканный зарею алой?

Пускай о нем расскажет бури шум,
Ваш сон вечерний прерывая,
Рожденный бурей чистый луч зари
Да в небе тучка огневая...

Октябрь 1942

153. РАССТАВАНЬЕ

Как трудно, трудно расставаться, зная,
Что никогда не встретишь друга вновь.
А у тебя всего-то и богатства —
Одна лишь эта дружба да любовь!
Когда душа с душой настолько слиты,
Что раздели их — и они умрут,
Когда существование земное
В разлуке с другом — непосильный труд, —
Вдруг от тебя навек уносит друга
Судьбы неумолимая гроза.
В последний раз к губам прижались губы,
И жжет лицо последняя слеза...

Как много было у меня когда-то
Товарищей любимых и друзей!
Теперь я одинок... Но все их слезы
Не высыхают на щеке моей.
Какие бури ждут меня — не знаю,
Пускай мне кожу высушат года,
Но едкий след слезы последней друга
На ней я буду чувствовать всегда.
Немало горя я узнал на свете,
Уже давно я выплакал глаза,
Но у меня б нашлась слеза для друга —
Свидания счастливая слеза.
Не дни, не месяцы, а годы горя
Лежат горою на моей груди...
Судьба, так мало у тебя прошу я:
Меня ты счастьем встречи награди!

Октябрь 1942

154. ЛЕКАРСТВО

Девочка тихой свечой угасала.
Доктор ничем уж не мог помочь.
Мать прижималась лицом к одеялу —
Жаром дышала бредовая ночь.

В час, когда всех утомили тревоги,
Мать прошептала: «Неужто — конец?..»
Дверь распахнулась — и прямо с дороги
В комнату шумно вошел отец.

В складках шинели — ветры похода,
Шрам на лице, на груди ремни...
Долго он шел, пробиваясь сквозь годы,
К дочке своей по дорогам войны.

В сердце гудели военные трубы.
Смерть отодвинул рукой фронтовик.
«Папа...» — шепнули иссохшие губы.
Жесткой щекою он к дочке приник.

Девочка слабо отцу улыбалась.
Руки худые отец целовал.
Звезды глядели, как жизнь возвращалась.
Жар в эту ночь неожиданно спал.

Что же ты, доктор, разводишь руками,
Перебирая рецепты свои?
Просто живет наравне с чудесами
Неодолимая сила любви.

Октябрь — ноябрь (?) 1942

155. МЕЧ

Кто с мечом к нам придет,
от меча и погибнет.

Александр Невский

«Клинок с чеканной рукоятью
Тяжел на поясе твоем,
И сапоги покрыты пылью, —
Ты утомлен, войди в мой дом.

И шелковое одеяло
Я постелю, желанный мой,
Омыть и кровью и слезами
Успеешь грудь земли сырой».

И голос молодой хозяйки
Немецкий услыхал майор,
Он в дом вошел, дверями хлопнул
И смотрит на нее в упор.

«Кто ты, красавица, не знаю,
Но ты годишься для любви.
Обед готовь, достань мне водки
И поскорей в постель зови».

Сварила курицу хозяйка
И водку льет ему в стакан.
Глазами масляными глядя,
Майор ложится, сыт и пьян.

Тогда она, покорна с виду,
Сняв сапоги с «господских» ног,
Берет мундир серо-зеленый
И разукрашенный клинок.

И, развалившись кверху брюхом,
Объятий сладких ждет майор,
Но вдруг он видит над собою
Блеск стали и горящий взор..

«Ты осквернил мой край родимый,
Ты мужа моего убил —
И раскрываешь мне объятья,
Чтоб утолить свой подлый пыл!

Ты пожелал, чтоб я ласкала
Моей отчизны палача?
О, нет! Кто к нам с мечом приходит,
Тот погибает от меча».

И до чеканной рукояти
Клинок ему вонзился в грудь.
Майор, головорез отпетый,
Окончил свой бесславный путь.

Он угощеньем сыт по горло.
Кровь заструилась, клокоча.
«Умри! Кто к нам с мечом приходит,
Тот погибает от меча».

Октябрь — ноябрь (?) 1942

156. ЗВОНОК

Однажды на крыльце особняка
Стоял мальчишка возле самой двери,
А дотянуться пальцем до звонка
Никак не мог — и явно был растерян.

Я подошел и говорю ему:
«Что, мальчик, плохо? Не хватает роста?..
Ну, так и быть, я за тебя нажму.
Один звонок иль два? Мне это просто».

«Нет, пять!»
Пять раз нажал я кнопку.
А мальчик мне:
«Ну, дяденька, айда!
Бежим! Хоть ты большой смельчак, а трепку
Такую нам хозяин даст — беда!»

Декабрь 1942

157. ЛИШЬ БЫЛА БЫ ВОЛЮШКА

1

Если б ласточкой я был,
Если б крыльями я бил,
В час, как солнышко зайдет
И Чулпан-звезда взойдет,
Дом родной, страна моя,
Прилетел к тебе бы я,
Только свет заря прольет.

2

Был бы рыбкой золотой,
В час, когда волной крутой
Белая кипит река,
Затопляя берега,
Тонкобедрая моя,
Верь, приплыл к тебе бы я,
Лишь туман падет в луга.

3

Был бы быстрым я конем,
В час, когда живым огнем
На траве роса блеснет,
Ветер гриву разовьет,
Дочь моя, звезда моя,
Прибежал к тебе бы я,
Лишь цветами ночь дохнет.

4

Нет, лишь воля мне мила,
Лишь бы воля мне была —
Я бы саблю в руки взял,
Карабин свой верный взял,
Край любимый мой, тебя
Защитил бы я, любя,
В славной битве храбро пал!

1942

158. РАБ

Поднял руки он, бросив винтовку,
В смертном ужасе перед врагом.
Враг скрутил ему руки веревкой
И погнал его в тыл под бичом,
Нагрузив его груза горою,
И — зачеркнут он с этой поры.
Над его головой молодою
Палачи занесли топоры.
Словно рабским клеймом ненавистным,
Он отмечен ударом бича,
И согнулось уже коромыслом
Тело, стройное, как свеча.
Разве в скрюченном этом бедняге
Сходство с воином в чем-нибудь есть?
У него ни души, ни отваги.
Он во власти хозяина весь.
Поднял руки ты перед врагами —
И закрыл себе жизненный путь,
Оказавшись навек под бичами.
То, что ты человек, — позабудь!
Только раз поднял руки ты вверх —
И навек себя в рабство ты вверг.
Смело бейся за правое дело,
В битве жизни своей не жалей.
Быть героем — нет выше удела!
Быть рабом — нет позора черней!

Январь 1943

159. ХАДИЧА

Хадича тонка, как ветка.
И с гуляния нередко
За полночь она приходит:
Любит погулять соседка.

Старый сторож рано что-то
Затворил вчера ворота
И заснул к ее приходу.
Как же быть ей? Вот забота!

Ночевать под лунным светом
У забора даже летом
Нелегко, будь даже совесть,
Как лицо, чиста при этом.

Хадича, уняв досаду,
Стала лезть через ограду
И о гвоздь внезапно юбку
Порвала, беря преграду.

Девушка, войдя в светелку,
Поступила б не без толку,
Если бы не поленилась
Ниткою взнуздать иголку.

Но она сказала: «Поздно.
Ишь как небо нынче звездно».
И, отдавшись сну безвольно,
Поступила несерьезно.

Утром, скинув одеяло,
Потянулась, еле встала
И помчалась на работу:
Времени осталось мало.

А в дороге, эка жалость,
Ножка слишком обнажалась,
Но ужасно модной юбка
Встречным женщинам казалась,

День прошел. И вот потеха:
Юбки, чтоб достичь успеха,
Женский пол разрезал сбоку.
Чуть не плачу я от смеха.

Изменяясь, как погода,
День живет порою мода.
Если б юбку в час прихода
Хадича вчера зашила,
Не испортилась бы мода.

Девушки, весной и летом,
Внемля дружеским советам,
Не гуляйте слишком поздно,
Очень вас прошу об этом.

В час, когда луна в зените,
Вы преграды не берите
И, порвав еще что-либо,
Модным это не зовите!

12 февраля 1943

160. ЛЮБОВЬ И НАСМОРК

Я помню юности года,
Свидания и ссоры.
Любил смертельно я тогда
Красотку из конторы.

И, как поведал бы о том
Поэт, чуждаясь прозы,
Моя любовь, горя огнем,
Цветы дала в морозы.

Схватил в ту пору насморк я
И, словно в наказанье,
Платок свой позабыл, друзья,
Отправясь на свиданье.

Прощай, любовь! Погиб успех!
Сижу. Из носа льется.

И нос, как будто бы на грех,
Бездоннее колодца.

Что делать мне? Что предпринять?
Не насморк, а стихия.
«Душа моя» — хочу сказать,
А говорю: «Апчхи!» — я.

За что страдания терплю?
Робеть я начал, каюсь.
Хочу произнести «люблю»,
Но не могу — сморкаюсь.

И вот, расстроенный до слез,
Вздохнул я очень страстно,
Но мой неумолимый нос
Тут свистнул безобразно.

Любовь и насморк не хотят
Между собой ужиться.
И хоть я в том не виноват,
Мне впору удавиться.

Такой не ждал я чепухи!
Опять щекочет в глотке.
«Я... я... апчхи... тебя... апчхи...»
Что скажешь тут красотке?

Я за руку подругу взял,
Я осмелел, признаться,
Но стал пузырь — чтоб он пропал! —
Под носом надуваться.

Смотрю: девчонка хмурит бровь.
И понял я, конечно,
Что, как пузырь, ее любовь
Тут лопнула навечно.

И слышу, сжавшись от стыда:
«В любви ты смыслишь мало.
Ты, прежде чем идти сюда,
Нос вытер бы сначала».

Она ушла. Какой позор!
И я с печальным взглядом
Пошел (подписан приговор)
К аптекарю за ядом.

«Прольешь, красотка, вдоволь слез
Ты за мои мытарства!» —
Я в пузырьке домой принес...
От насморка лекарство.

И не встречал уж я, друзья,
С тех пор ее ни разу.
Так излечился в жизни я
От двух болезней сразу...

В сырой темнице стынет кровь.
И горе сердце ранит.
Нет, даже с насморком любовь
Ко мне уж не заглянет.

Март 1943

161. ВОЛКИ

Идет кровавый пир войны.
Дымят леса, горят поселки.
Среди полночной тишины,
Принюхиваясь, бродят волки.

Зеленый луг железом смят.
Поля пустые — смертью дышат.
Глаза волков во тьме горят.
Их ноздри — запах крови слышат.

Вот у леска — полузарыт
Землей — в ночном неверном свете
Боец израненный лежит.
Над ним береза клонит ветви.

Он стонет, жаждою томим.
Каленой пулей грудь пробита.
Береза стонет вместе с ним,
Жалея храброго джигита.

Трава печально шелестит,
Внимая шорохам березы.
То не роса в траве блестит —
Живых цветов искрятся слезы...

Волк низко голову пригнул,
В глаза темнеющие глянул.
Во тьме случайно шевельнул
Боец рукою — волк отпрянул.

Стон прокатился — и замолк.
Белел восток зарей далекой.
Не тронул раненого волк.
Вдаль затрусил своей дорогой.

...Явились люди поутру.
Нашли распластанное тело.
Как будто искра на ветру,
В нем жизнь еще, мерцая, тлела.

Они его кололи, жгли —
Уверенно, со знаньем дела
Терзали. И потом ушли —
Повесив на березе белой.

Идет кровавый пир войны.
Дымят леса, горят поселки.
Среди полночной тишины,
Принюхиваясь, бродят волки,
Живую чуя кровь...
Но волки —
Не так страшны.

Март 1943

162. ВЛЮБЛЕННЫЙ И КОРОВА

Мне без любимой белый свет не мил,
В ее руках — любовь моя и счастье.
Букет цветов я милой подарил —
Пусть примет он в моей судьбе участье.

Но бросила в окно она букет, —
Наверно, я не дорог чернобровой.
Смотрю — мои цветы жует корова.
Мне от стыда теперь спасенья нет.

...Корова ест цветы. А той порою
Парнишка весь досадою кипит.
И вот,
        качая головою,
Корова человеку говорит:

«Напрасно горячишься. Толку мало.
Присядь-ка ты. Подумай не спеша.
Когда бы молока я не давала,
Она была б так разве хороша?

Она кругла, свежа с моей сметаны.
Какие ручки пухлые у ней!
Как вешняя заря, она румяна,
А зубы молока белей».

Притихшему влюбленному сдается:
Права корова. Разве ей легко?
Ведь на лугу весь день она пасется,
Чтоб принести на ужин молоко.

Утешился парнишка. Этим летом
Цветы он близ речушки собирал.
А после к девушке спешил с букетом,
Но все цветы корове отдавал.

Ну, так и быть. Буренку угощаю.
Иной любви, нет, не желаю сам.
Я счастлив оттого, что дорогая
Пьет молоко с любовью пополам!

Май 1943

163. ОДНОЙ ДЕВУШКЕ

Нежданна, необычна наша встреча,
Ведь ты издалека, и я издалека,
А словно мы давным-давно знакомы —
Сердечно руку жмет твоя рука.

Как звать меня, еще не знаешь толком,
А мне в глаза глядишь с любовью ты, —
Знать, догадалась, чуткая, что чувства
Во мне всегда открыты и чисты.

Немало в жизни мелочей докучных,
Сердящих нас никчемностью пустой,
Но что сравнится с дружбой настоящей —
Такою пылкой, искренней такой?

И что с сияньем глаз твоих сравнится?
Они мне сердце разожгли огнем, —
Всю жизнь, твой взор чудесный вспоминая,
Отныне буду тосковать о нем.

Я сам не понимаю: что за сила
Так глубоко смогла нас породнить?!
Мы не словами — взглядами сумели
Друг другу нашу тайну объяснить.

Ужель твой взор, доверчивый и нежный,
Поэт не смог бы сердцем разгадать?
Язык-то без костей — солжет порою,
А взор, душа моя, не может лгать.

Года пройдут, — с тобою снова встретясь,
Счастливых слез, наверно, не сдержу,
Тебе с волненьем руку пожимая,
«Любимый друг!» — от всей души скажу.

А если разлучат нас ветры жизни —
Тебя опять забросят в дальний край,
Вот мой совет: бесценно чувство дружбы,
Смотри, его, родная, не теряй.

Одна теперь мечта: любовью вспыхнув,
Пусть наши души крылья обретут,
Единым корнем сок любви впивая,
Пусть наши жизни ярче расцветут.

Хочу, чтоб годы молодости нашей
В кипенье чувств пылающих прошли.
Любимая, скажи: чудесней счастье
С тобой мы в жизни разве обрели?

Май 1943

164. САДОВОД

Наш садовод — неугомонный дед.
Ему, пожалуй, девяносто лет,
А он, восход засветится едва,
Уж на ногах; засучит рукава
И в сад с лопатою... Цветы сажать,
Или верхушки яблонь подстригать,
Иль грядки рыть...
Как густо там и тут
Фиалки, маки, ягоды растут!
С весною дружно прилетают в сад
Друзья крылатые, — старик им рад.
А в мае, в первых числах, юн и чист,
Березовый зазеленеет лист.
И молодеет дед и со слезой
Глядит на низкий ивнячок косой.
Пройдут года — здесь ивы прошумят,
И молодежь придет, похвалит сад.
А если и умрет он, садовод,
Сад будет жить, цвести из года в год.
И счастлив старый: лиственница-друг
О нем споет, печалясь, на ветру.

Май — июль (?) 1943

165. ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Земля!.. Отдохнуть бы от плена,
На вольном побыть сквозняке...
Но стынут над стонами стены,
Тяжелая дверь — на замке.

О, небо с душою крылатой!
Я столько бы отдал за взмах!..
Но тело на дне каземата
И пленные руки — в цепях.

Как плещет дождями свобода
В счастливые лица цветов!
Но гаснет под каменным сводом
Дыханье слабеющих слов.

Я знаю — в объятиях света
Так сладостен миг бытия!
Но я умираю...
И это —
Последняя песня моя.

Август 1943

166. КАПРИЗНАЯ ЛЮБОВНИЦА

Красотка говорила молодая
Царевичу: «Ты ждешь моей любви,
Но чтоб поверить в страсть твою могла я,
Эй, шахский сын, ты брата умертви».

И шахзаде, ослушаться не смея,
Пошел и брату голову отсек.
И вот он появился перед нею
И череп положил у милых ног.

Красотка в череп наливает яду,
Любимому его подносит: «Пей!»
Тот яд царевич выпил как отраду...
Любовь слепа и тем стократ сильней.

Любил я жизнь всем сердцем, и награды
Я наконец дождался, но какой?
Коварная дает мне чашу яда,
Та чаша — череп юности былой!

Август (?) 1943

167. КЛОП

Холодна тюрьма и мышей полна,
И постель узка, вся в клопах доска!
Я клопов давлю, бью по одному
И опять ловлю — довела тоска.

Всех бы извести, разгромить тюрьму,
Стены разнести, всё перетрясти,
Чтоб хозяина отыскать в дому —
Как клопа словить, да и раздавить.

Сентябрь 1943

168. ЛЮБИМОЙ

Тоскливых много дней пройдет,
И много долгих лет...
Глухой, высокой зарастет
Травой — мой давний след.

Уляжется тоска по мне,
Притихнет, не томя.
И, может быть, тебе во сне
Приснюсь весь в черном я.

Наступит день — устанешь ждать
Среди ночей пустых.
Себя ты станешь убеждать:
Его уж нет в живых.

И вот — приблизится беда,
Что всех других страшней:
Уйду неслышно навсегда
Из памяти твоей.

Hәr kөn anь soƣьşqa
ʙulƣьjm min taŋ nurьnda".

Tөrmә saqcьsь (1911— Jamaj)

Tөrmәm işegen saqlap saqcь jөri,
Çiŋnәrendә „Ә. Ә." ʙilgese.
Jөrәgemә qadaq qaqqan kebek
anьŋ salmaq atlap jөrese,
qurqьp anьŋ jortqьc kyzlәrennәn,
tonьp qalƣan tirә- ƶirlәr.
Çir sөjrәlgәn kebek ul ʙasqanda,
qojaş aŋa artьn ƶilәr.

Keşelekkә jәmsez ʙyrek ʙulьp,
qullarьna totьp qamcьsьn,
ul utьra mina tөrmә saqlap,
qoelsьq. Vәxşәt, ylem jalcьsь!

totqьnnarnьŋ jөrәk iten cuqьp
ytә anьŋ qorsaƣьn tөrmәse
aŋa ikmәk - qan hәm kyz jәşlәre.
Mәxkumnәrneŋ soŋƣь sulьşь
Belsә ide şajsь ʙu qullarnьŋ,
Kyrme ƣomerlәrne ʙuьjanьn,
Çir kytәrmәs ide ʙu keşene,
qojaş ʙirmәs ide nurlarьn!

Soŋƣь syz

Çir jөze şundьj kiŋ,
Kyŋelle ʙәm jaqtь!
Tik tөrmәm qaraŋƣь,
işege jozaqlь!
Kyktә ʙer qoş oca,
juƣarь, juƣarь!
Min aŋьm idәndә.

Не вспомнишь на закате дня,
Ни рано поутру...
И вот тогда-то, друг мой, я
Действительно — умру.

Последних не теряя сил,
В огне, среди смертей,
Я до сих пор, родная, жил
Лишь верою твоей.

Пусть я лежу в крови, в пыли,
Пусть я дышу едва,
Но сила матери-земли
В душе моей жива.

Прошел сквозь гром, сквозь едкий дым,
Сквозь чуждые края.
Из этой тьмы вернет живым
Меня — любовь твоя!

Сентябрь 1943

169. СТАЛЬ

Так закалялась сталь.
Н. Островский

Ведь я еще безусым был юнцом,
Когда ушел бойцом, покинул дом;
А ныне так устал, как будто стал
Шестидесятилетним стариком.

За этот год — страданьям счета нет,
В мозолях сердце, пухнет голова.
Мое лицо в морщинах — в двадцать лет,
И в двадцать лет я сед, хожу едва!

Пороховой, кровавый этот год
Меня загнал... Иссякла сила вся —
Потом я миной свален был, и вот
Я в двадцать лет на палку оперся.

И озорством мальчишеским давно
Не полнится мой потускневший взор —
Бровям взлетать, как прежде, не дано,
Забыло сердце юный свой задор!

Душа окаменела. На лице
Серьезность, горечь, думы без числа...
Сгорела юность в огненном кольце —
Она всего-то месяцы жила.

Ах, юность!
                    Нет уж «Лунных вечеров»,
«Глаз голубых»... Страна в кольце беды.
В донских окопах, у ночных костров
Твои остались жаркие следы.

Не соловьиный розовый рассвет
Тебя зажег... Я, раненный уже,
Кровавым стягом, символом побед
Тебя вознес на взятом рубеже!

Я сожалеть вовек бы не посмел,
Что грудью — заслонил Отчизны грудь...
Когда бы я сто юностей имел —
Их отдал бы я все за этот путь!

Вы говорите, юность... Широки,
Даны ей крылья. Трасса — высока!
О ней, дивясь, расскажут старики,
Легендами войдет она в века!

Пройдя огонь и воду, силы зла
Разбили мы! Открыта правде даль!
Так, в битвах, наша молодость прошла,
Вот так она и закалялась, сталь!

30 сентября 1943

170. МОГИЛА ЦВЕТКА

Умолк прощальный птичий крик.
И неба синий цвет поблек.
И обессиленно поник —
Под ветром северным — цветок.

И белый снег его замел.
И он в снегу лежит без сил.
Березы белый, гладкий ствол
Надгробьем мраморным застыл.

Метель напориста, жестка.
То слышен рев ее, то стон.
Спокоен крепкий сон цветка.
Глубокий, сладкий, вечный сон.

Но грянет срок — придет весна.
Воды промчится чистый ток.
Земли проснется глубина.
И новый вскинется цветок.

Зимы холодной жду — и я.
Она придет ко мне вот-вот.
Не возродится жизнь моя.
Пусть песнь моя — цветком взойдет.

Сентябрь 1943

171. ЧАСЫ

Я с любимою сижу,
На лицо ее гляжу,
Мы щебечем и поем
И толкуем о своем.

Я любимою моей
Не обижен — дорог ей.
Лепестки ее ресниц
От смущенья смотрят вниз.

У любимой бровь дугой,
Льются волосы волной,

Но меня разит сильней
Взгляд красавицы моей.

Предо мной сидит она,
Улыбаясь, как весна,
Лишь одно меня томит —
Вечно милая спешит.

Торопясь уйти назад,
Всё глядит на циферблат.
Молвит: «Нагулялась тут»,
Или молвит: «Дома ждут».

А часы ведут свой счет.
(Кто их к черту разберет!)
Мерный стук — несносен он,
Как церковный скучный звон.

«Не прощайся, — говорю. —
Очень рано», — говорю.
Верит милая часам:
«Мне пора! Ты видишь сам!»

Мне терпеть не стало сил —
За язык часы схватил,
Пусть научатся молчать,
Нас не станут разлучать.

«Чтобы нам счастливей быть,
Ты должна часы забыть! . .»
И не видели мы, нет,
Как зарозовел рассвет.

Сентябрь 1943

172. МИЛАЯ

Милая в нарядном платье,
Забежав ко мне домой,
Так сказала:
«Погулять я
Вечерком непрочь с тобой!»

Медленно спускался вечер,
Но как только тьма легла,
К речке, к месту нашей встречи,
Я помчался вдоль села.

Говорит моя смуглянка:
«Сколько я тебя учу!..
Приноси с собой тальянку,
Слушать музыку хочу!»

Я на лоб надвинул шапку,
Повернулся — и бежать,
Я тальянку сгреб в охапку
И к реке пришел опять.

Милая недобрым глазом
Посмотрела:
мол, хорош.
«Почему сапог не смазал,
Зная, что ко мне идешь?»

Был упрек мне брошен веский;
Снова я пошел домой,
Сапоги натер до блеска
Черной ваксой городской.

Милая опять бранится:
«Что ж ты, человек чудной,
Не сообразил побриться
Перед встречею со мной?»

Я, уже теряя силы,
Побежал, нагрел воды
И посредством бритвы с мылом
Сбрил остатки бороды.

Но бритье мне вышло боком,
Был наказан я вдвойне.
«Ты никак порезал щеку, —
Милая сказала мне. —

Не судьба, гулять не будем,
Разойдемся мы с тобой,
Чтобы не сказали люди,
Что деремся мы с тобой!»

Я пошел домой унылый.
«Ты откуда?» — друг спросил.
— «С речки только что, от милой!» —
Похвалясь, я пробасил.

Я любовью озабочен.
Как мне быть, что делать с ней?
С милою мне трудно очень,
Без нее еще трудней.

Сентябрь 1943

173. БЕДА

«Есть женщина в мире одна.
Мне больше, чем все, она нравится,
Весь мир бы пленила она,
Да замужем эта красавица».

«А в мужа она влюблена?»
— «Как в черта», — скажу я уверенно.
— «Ну, ежели так, старина,
Надежда твоя не потеряна!

Пускай поспешит развестись,
Пока ее жизнь не загублена,
А ты, если холост, женись
И будь неразлучен с возлюбленной».

«Ах, братец, на месте твоем
Я мог бы сказать то же самое...
Но, знаешь, беда моя в том,
Что эта злодейка — жена моя!»

Сентябрь 1943

174. ПРАЗДНИК МАТЕРИ

«Трех детей, как птенцов,
Я пустила летать...
Расскажите мне всё,
Я их старая мать...
Где мои сыновья?
В даль какую глядеть?
Что готовит им рок —
Победить, умереть?»
С юга голубь летел,
Сел на крышу ее.
«Голубок, всё в крови
Уже сердце мое.
Расскажи, не скрывай,
Где мой старший сынок?»
— «Горе, мать... Он в Крыму...
Бой был слишком жесток...»
Ничего не сказав,
Поседела она...
Чаша горя ее
Была слишком полна.
«Трех детей, как птенцов,
Я пустила летать...
Расскажите мне всё,
Я их старая мать...
Спит мой старший сынок,
Крылья честно сложив.
Ветер, правду скажи, —
Может, средний мой жив?»
Ветер ночью в окно
Старой ставней стучал.
«Ветер, ветер, скажи,
Где ты сына встречал?»
— «Горе, мать... Там, в степи,
Бой был слишком жесток,
Средний сын твой погиб,
Не бросая клинок».
И упала тогда
Навзничь мать у окна.
И от слез, и от слез
Вдруг ослепла она.

«Трех детей, как птенцов,
Я пустила летать...
Расскажите мне всё,
Я их старая мать.

Спят два сына моих,
Крылья гордо сложив..
Не увижу я их...
Может, младший мой жив?»
Не летит голубок...
Ветра нет у окна...
Но вдруг цокот копыт
Услыхала она.
Горю нету конца...
Сквозь рассветную мглу
Смотрит бледная мать,
Лбом припала к стеклу.
Конь подковами бьет,
Мчится всадник один.
На коне, в орденах,
Возвращается сын.
На погонах — заря!
Травы падают ниц!
И встречает его
Пенье радостных птиц.
«Я не вижу тебя,
Богатырь, подойди...
Сын мой! —
Плакала мать,
Прижимаясь к груди. —
Ты вернулся, мой свет,
Сокол ласковый мой...»
Серебро ее кос
Парень гладил рукой.
— «Ну, не плачь, мать, не плачь,
Нам достаточно слез.
На алмазном клинке
Я победу принес.
Ради наших побед
За Отчизну свою,
Гордо крылья сложив,
Братья пали в бою.

Не тревожь ты их снов,
Не тоскуй, не зови...
Я на знамени нес
Алый цвет их крови...»
Алым шелком глаза свои
Вытерла мать.
И прозрела она,
Чтобы сына видать!
«Трех детей, как птенцов,
Я пустила летать.
Приходите ко мне,
Я их старая мать.
Молоком из груди
Их кормила своей.
Научила парить
Над простором полей!
Двое пали в бою,
В поле кони их ржут...
В этот дом никогда
Сыновья не войдут...
Кровь, что я им дала,
Нет, не пролита зря.
Над страной на древке
Бьется наша заря!
Младший сын мой пришел
И принес ту зарю.
Я горюю порой
И от счастья горю!
Сын обрадовал мать
Своим ратным трудом.
И джигитами полн
Незавидный наш дом.
И как будто мои
Это все сыновья...
И как будто бы в сборе
Вся наша семья...»

Сентябрь 1943

175. ПУТЬ ДЖИГИТА

Вернулся б джигит, да дорога кружит,
Дорога б открылась, да горы встают.
Не горы — преграда, а орды врага,
Несметные орды пройти не дают.

На камень встает он и точит свой меч,
Пасется оседланный конь на лугу,
И ржет, и как будто зовет седока
Отмстить, отплатить, не остаться в долгу.

«Джигит, торопись, скоро солнце зайдет,
Туманом покроется луг голубой,
Тогда заблудиться недолго в лесу,
Тогда и пути не найти нам с тобой».

«Не бойся, мой конь, неизвестен мне страх.
Ночь — верный помощник — бежит по кустам,
И враг не узнает, что гонимся мы
В глубоких потемках за ним по пятам.

Скакун мой, недаром в туманной дали
Тоскливая песня любимой слышна:
К родному порогу победным путем
На ранней заре приведет нас она».

Сентябрь 1943

176. ОСУЖДЕННЫЙ

Приговор сегодня объявили:
К смертной казни он приговорен.
Только слезы, что в груди кипели,
Все иссякли... И не плачет он.

Тихо в камере... С ночного неба
Полная луна глядит, грустя.
А бедняга думает, что будет
Сиротой расти его дитя.

Сентябрь 1943

177. СОН В ТЮРЬМЕ

Дочурка мне привиделась во сне.
Пришла, пригладила мне чуб ручонкой.
«Ой, долго ты ходил!» — сказала мне,
И прямо в душу глянул взор ребенка.

От радости кружилась голова,
Я крошку обнимал, и сердце пело.
И думал я: так вот ты какова,
Любовь, тоска, достигшая предела!

Потом мы с ней цветочные моря
Переплывали, по лугам блуждая;
Светло и вольно разлилась заря,
И сладость жизни вновь познал тогда я...

Проснулся я. Как прежде, я в тюрьме,
И камера угрюмая всё та же,
И те же кандалы, и в полутьме
Всё то же горе ждет, стоит на страже.

Зачем я жизнью сны свои зову?
Зачем так мир уродует темница,
Что боль и горе мучат наяву,
А радость только снится?

Сентябрь 1943

178. ТЫ ЗАБУДЕШЬ

Жизнь моя перед тобою наземь
Упадет надломленным цветком.
Ты пройдешь, застигнута ненастьем,
Торопясь в уютный, теплый дом.

Ты забудешь, как под небом жарким
Тот цветок, что смяла на ходу, —
Так легко, так радостно, так ярко,
Так душисто цвел в твоем саду.

Ты забудешь, как на зорьке ранней
Он в окно твое глядел тайком,

Посылал тебе благоуханье
И кивал тебе под ветерком.

Ты забудешь, как в чудесный праздник,
В светлый день рожденья твоего,
На столе букет цветов прекрасных
Радужно возглавил торжество.

В день осенний с кем-то на свиданье
Ты пойдешь, тревожна и легка,
Не узнав, как велико страданье
Хрустнувшего под ногой цветка.

В теплом доме спрячешься от стужи
И окно закроешь на крючок.
А цветок лежит в холодной луже,
Навсегда забыт и одинок...

Чье-то сердце сгинет в день осенний,
Отпылав, исчезнет без следа.
А любовь,
признанья,
уверенья... —
Всё как есть забудешь навсегда.

Сентябрь 1943

179. ТЮРЕМНЫЙ СТРАЖ

У двери он моей шагает.
На рукаве — колючий знак.
Как будто в сердце гвоздь вбивает
Его тяжелый, мерный шаг.

Шаги стучат бездушно, сухо.
На всё — гнетущий сумрак лег.
Земля постанывает глухо
Под стуком кованых сапог.

Шагов размеренные звуки...
Как бука — сказочный урод,
Он ходит, взявши плетку в руки,
Здесь дни и ночи напролет,

Он видит наслажденье — в стонах.
И кровь — ему милей всего.
Страданья, слезы обреченных,
Их смерть — насущный хлеб его.

Живых он душ сгубил немало,
Мечтой кровавой одержим.
Когда б земля про всё узнала,
Она — разверзлась бы под ним.

Сентябрь 1943

180. ПЕРЕД СУДОМ

Черчетский хан

Нас вывели — и казнь настанет скоро.
На пустыре нас выстроил конвой...
И чтоб не быть свидетелем позора,
Внезапно солнце скрылось за горой.

Не от росы влажна трава густая,
То, верно, слезы скорбные земли.
Расправы лютой видеть не желая,
Леса в туман клубящийся ушли.

Как холодно! Но ощутили ноги
Дыхание земли, что снизу шло;
Земля, как мать, за жизнь мою в тревоге
Дарила мне знакомое тепло.

Земля, не бойся: сердцем я спокоен,
Твое тепло я чувствую, храню.
Родное имя повторив, как воин
Я здесь умру за родину свою.

Вокруг стоят прислужники Черчета.
И кровь щекочет обонянье им!
Они не верят, что их песня спета,
Что не они, а мы их обвиним!

Пусть палачи с кровавыми глазами
Сейчас свои заносят топоры,

Мы знаем: правда всё равно за нами,
Враги лютуют только до поры.

Придет, придет день торжества свободы,
Меч правосудья покарает их.
Суровым будет приговор народа,
В него войдет и мой последний стих.

Сентябрь (?) 1943

181. КОСТЯНИКА

С поля милая пришла,
Спелых ягод принесла,
Я ж сказать ей не решаюсь,
Как любовь моя светла.

Угощает цветик мой
Костяникой в летний зной.
Но любимой губы слаще
Костяники полевой.

8 октября 1943

182. СОЛЕНАЯ РЫБА

Ты зачем к реке меня отправила,
Раз самой прийти желанья нет?
Ты зачем «люблю» сказать заставила,
Коль не говоришь «и я» в ответ?

Ты зачем вздыхала, как влюбленная,
Если и не думаешь гулять?
Рыбой кормишь ты зачем соленою,
Если мне воды не хочешь дать?

8 октября 1943

183. ГОРНАЯ РЕКА

Что так шумна, бурна,
Стремительна река,

Хоть здесь ее волна
В раскате широка?

О чем ревут валы
В кипенье седины?
То ль яростью полны,
То ль чем устрашены?

Утихнет вдруг, зальет
Окрестные луга
И ласково поет,
Плеща о берега.

То вновь среди теснин
Гремит о валуны,
Спеша в простор долин,
Бросает падуны.

Иль чьею волей злой
Встревожена вода,
Изменчива порой,
Стремительна всегда?

Не удержался я
И у реки спросил:
«Что ты шумишь, кипишь,
Поток смятенных сил?»

Ответила река:
«Свободою одной
Я грезила века
В темницах под землей.

В глубоких тайниках
Ждала я сотни лет
И вырвалась в горах
На волю, в мир, на свет.

Накопленную страсть,
И ненависть мою,
И счастье каждый час
Всей мощью волн пою.

Теперь свободна я,
Привольно дышит грудь, —
Прекрасна жизнь моя,
Надежен дальний путь.

Я солнцу песнь пою,
Над рабством я смеюсь, —
Вот почему шумлю
И бурно вдаль стремлюсь».

28 октября 1943

184. ДОРОГИ

Амине

Дороги! Дороги! От отчего дома
Довольно гостил я вдали.
Верните меня из страны незнакомой
Полям моей милой земли.

Забыть не могу я Замостье родное
И ширь наших желтых полей.
Мне кажется часто — зовут за собою
Глаза чернобровой моей.

Когда уходил я, дожди бушевали;
Подруга осталась одна.
Не капли дождя на ресницах дрожали —
Слезу вытирала она.

С тревогой родные края покидая,
Полсердца оставил я там...
Но, вместе с любовью, и воля стальная
В дороге сопутствует нам.

Дороги, дороги! Людские мученья
На вас оставляли следы.
Скажите, кому принесли огорченье,
Кого довели до беды?

Дороги! Чье смелое сердце впервые
Над вами стремилось вперед?

Надежда крылатая в дали чужие
Кого, как меня, занесет?

Мы странствуем смело. Так юность велела.
И гонят нас волны страстей.
В далеких краях проторили дороги
Не ноги, а чувства людей.

Я с детства, бывало, пускался в дорогу,
Бродягой считая себя.
Тот юный «бродяга» к родному порогу
Вернулся, отчизну любя.

И снова, дороги, в сторонку родную
Ведите из дальних краев.
Я в думах тревожных, по милой тоскуя,
Лечу под отеческий кров.

Октябрь 1943

185. РУБАШКА

Дильбар поет — она рубашку шьет,
Серебряной иглой рубашку шьет.
Куда там песня! — ветер не дойдет
Туда, где милый ту рубашку ждет.

Бежит по шелку девичья рука,
На девичье лицо тоска легла.
Сердечной тайны шелковый узор
Ведет по следу быстрая игла.

Атласом оторочен воротник,
И позумент на рукавах, как жар.
Как будто всё сердечное тепло
Простой рубашке отдает Дильбар.

В любом узоре слез не сосчитать.
За каждой складкой прячется тоска, —
Пусть носит тайну девичью джигит
У сердца, возле левого соска.

Дильбар поет — она рубашку шьет:
Пускай рубашка милого найдет!
Пускай ее наденет удалец,
С победою вернувшись наконец!

Рубашка сшита. Может быть, вот тут
Еще один узор и бахрома.
Глядит Дильбар с улыбкой на шитье,
Глядит и восхищается сама.

Вдруг заглянул закат в ее окно
И на шелку зарделся горячо,
И кажется Дильбар, что сквозь рукав
Просвечивает смуглое плечо.

Но тут вошел какой-то человек,
Вручил письмо и сразу убежал.
Две строчки на листочке:
«Твой джигит
На поле битвы мужественно пал».

Стоит Дильбар, стоит окаменев.
Ее лицо белее полотна,
Лишь часто-часто задышала грудь,
Как на ветру озерная волна.

«Нет! — говорит. — Не верю!» — говорит.
И замолчала, тяжело вздохнув.
Лишь две слезинки показались вдруг,
На бахроме ресниц ее блеснув.

Затем рубашку тщательно свернув,
Дильбар идет, торопится, бежит.
В почтовом отделении она:
«Отправьте мой подарок», — говорит.

«Но он погиб! Не может получить. . .»
— «Пускай погиб! Везите всё равно.
Пускай убит, пускай землей прикрыт,
Наденьте мой подарок на него.

В моей рубашке оживет джигит —
Сердечный жар в нем должен запылать.

Ведь я его любила всей душой,
Не уставала ждать и тосковать».

На почте люди слушали Дильбар
И согласились: девушка права.
Его нашли, одели —
он воскрес.
Сбылись любви правдивые слова.

Восходит солнце. У окна Дильбар
Волнуется, возлюбленного ждет.
Джигит вернулся, ясный, как восход,
И в голубой рубашке к ней идет.

Ведь это сказка?
Да.
Но ты скажи,
Любовь моя, цветок моей души, —
Не ты ль меня зажгла лучом любви,
Как будто приказала мне: «Живи!»

Плясала смерть передо мной сто раз
На бруствере окопа моего.
Чистейшая любовь твоя сто раз
Меня спасла от гроба моего.

От ста смертей спасла. Из ста смертей
Сто раз я к жизни возвращался вновь.
И вновь в рубашке, вышитой тобой,
Встречал твою горячую любовь.

Октябрь 1943

186. ПОСЛЕДНЯЯ ОБИДА

С обидой я из жизни ухожу,
Проклятья рвутся из души моей.
Напрасно, мать, растила ты меня,
Напрасно изливала свет очей.

Зачем кормила грудью ты меня?
Зачем ты песню пела надо мной?

Проклятьем обернулась эта песнь.
Свою судьбу я проклял всей душой.

Ответь мне, жизнь: пока хватило сил,
Кто все твои мученья выносил?
Не я ли столько горя перенес,
Пока в моих глазах хватало слез?

Любая тварь вольна нырять и плыть,
Когда захочет жажду утолить.
А мне на смертном ложе не судьба
Запекшиеся губы увлажнить.

Не знал я дружбы. . . Мне сжимали руки
Оковы — не пожатия друзей.
И солнце в миг моей предсмертной муки
Мне отказало в теплоте лучей.

Пускай умру, но как перед концом
Я не увижу дочери моей?
Как умереть и не припасть лицом
К родной земле, к могиле матери моей?

Зачем в тюрьме я должен умирать,
Своею кровью раны обагрять?
Уж не за то ль, что землю так любил,
Ее тепла совсем лишен я был?

О жизнь! А я-то думал — ты Лейла.
Любил чистосердечно, как Меджнун,
Ты сердца моего не приняла
И псам на растерзанье отдала.

От матери-отчизны отлучен,
В какую даль заброшен я тобой!
Я горько плачу, но моим слезам
Не оросить земли моей родной.

Отчизна, безутешным сиротой
Я умираю тут, в стране чужой.
Пусть горьких слез бежит к тебе поток!
Пусть кровь моя зардеет, как цветок!

Октябрь 1943

187. ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В мае опять состоится сбор,
Съедутся все друзья.
Звучно ударит в дно хрусталя
Алой дугой струя.
И перебьет застольный хор
Смех, словно шум ручья.

Это о девушках говорится,
О баловницах, конечно:
Ловко умеют они притвориться,
Будто целуют нежно,
А на деле красавицы
Только губами касаются...

Будут свободны чьи-то места,
Кто-то не сможет быть, —
Надо в честь неприбывших друзей
Первый бокал налить:
После таких тяжелых дней
Нам еще жить да жить!

Мы, захмелев чуть-чуть от встречи,
Стулья свои отодвинем,
Встанем, друзья, и, расправив плечи,
Радостный пир покинем.

Пойдем туда, где кровь лилась.
К разрушенным городам!
Ждут на шоссе не дождутся нас
Пятна фугасных ям.

Пусть в тумане рассветной поры
Тракторы загудят!
Пусть играют в лучах топоры!
Пусть хлеба шелестят!
Пусть на улицах городов
Дом за домом встает!
Пусть после битв от наших трудов
Родина вся цветет!

Октябрь 1943

188. СЕРЖАНТ

Шел с фронта состав,
По рельсам стуча,
Ведя с ними спор.
С сержантом одним
Под грохот колес
Я вел разговор.

Он всё потерял:
И мать, и отца,
И дом, где он рос.
«Куда же, мой друг,
Ты едешь сейчас?» —
Я задал вопрос.

Он молча полез
В нагрудный карман,
Достал письмецо.
И вижу: в слезах —
От радости, что ль? —
Сержанта лицо.

«Два года подряд
Шли письма ее
Сквозь вьюги, снега.
Из писем узнал:
С Урала она,
Зовут — Лямига.

И в каждом письме
Всегда находил
Я ласку, тепло, —
И чувство любви,
Как солнечный луч,
Мне в сердце вошло.

И письма ее
У сердца храня,
Я шел на врага.
Я думал: «Пускай
За счастье твое
Умру, Лямига!»

Ты знаешь, мой друг,
Что значит письмо
На фронте для нас?
И вот повидать
Хозяйку письма
Я еду сейчас.

Два года она
Хранила меня
Любовью своей.
Откажет ли мне,
Когда я приду
С победою к ней?!»

...Наш поезд спешит,
Как будто узнал,
Кого он везет.
С улыбкой сержант
Ладонь на карман
Нет-нет, да кладет.

Смущен мой сержант,
Хоть горд, как дитя,
Что с нею знаком.
Как много тепла,
Любви, красоты
В свиданье таком!

«Джигит, — говорю. —
Героя любовь
И ей дорога!
Поверь мне, браток:
Волнуется, ждет
Тебя Лямига!..»

В годину войны
Из писем простых
Любовь родилась.
Как много подруг
Тоскуют вдали
О милых сейчас!..

О девушки! Вы
В родимом краю
Гордиться должны,
Что верой своей
Храните в бою
Героев страны!

Октябрь 1943

189. ПОМОЩЬ ВЕСНЕ

На помощь солнцу мы пришли,
Чтоб снять с земли и снег и лед,
Уже пора зиме уйти,
Пускай скорей весна идет!
С тех пор как к нам
Пришла зима,
Видали мы немало зла.
Ломай лопатой, бей багром,
Чтобы скорей она ушла.
Она сковала русла рек,
Сковала сильную волну,
Замуровала родники,
Загромоздила всю страну
И исковеркала цветы,
Птиц прогнала из всех садов.
И потому я поднял лом,
Крушить «врага» весны готов.
Пусть реки сбросят шкуру льда,
Пускай свободно потекут,
Пускай, курлыча, журавли
Над нами крылья пронесут.
Пускай вздохнет моя земля,
Освободившись от снегов,
Подымет голову трава.
Трудись, мой друг, без лишних слов,
Оружье есть, и сила есть.
И солнце пикой бьет врага,
Земля устала от зимы,
Нам не нужна ее пурга.
Пусть ручейки, журча, бегут.
Айда-ка, зиму с улиц вон!

Уже она побеждена,
Я слышу скрип ее и стон,
Побеждена!
Клади теперь
Лом и лопату на плечо
И марш по молодой траве,
Влюбленный в землю горячо!
Пусть ветки плещут нам в лицо,
Подснежник пусть свой кажет глаз,
Сама ведь это мать-земля
Сейчас цветами дарит нас.

Октябрь 1943

190. СТРОИТЕЛЬ

Небо в ярких узорах
Кучевых облаков,
К облакам протянулись
Кровли новых домов.

Каждый камень их кладки
Мощь труда отразил.
Сколько сил в человеке —
Созидательных сил!

Из бесчувственной глины,
Бесполезных камней
Новый дом вырастает
Средь глухих пустырей.

Молодой и красивый,
Он встает на глазах,
Как ребенок в пеленках —
Весь в рабочих лесах.

Пусть мертвы еще стены,
Окон в них еще нет,
Подожди — скоро мясом
Обрастет их скелет.

Воплотит это зданье
Наших рук мастерство,
И взирать с восхищеньем
Будешь, друг, на него.

Кто б ты ни был, хочу я,
Чтоб, вселившись сюда,
День рождения дома
Отмечал ты всегда.

Будь доволен и счастлив
Вместе с милой семьей.
В новый дом переехав,
Пир веселый устрой.

И одна только просьба:
Подними свой бокал
За того, кто упорно
Этот дом воздвигал.

Скоро вырастут всюду
Сотни новых домов,
Порожденные мощью
Наших рук и умов.

Октябрь 1943

191. К ДВИНЕ

Тоска моя, Двина...
Где взять мне столько силы,
Чтоб повернула вспять
Упругая вода,
Чтоб Родине своей
Ты сына возвратила,
Блеснула чтоб слезой
Падучая звезда...

Мечтал я, в вихрях бурь,
Не ведая предела,
Раскинув руки, плыть
Грозе наперекор...
Но в рабстве день и ночь

Горят душа и тело.
Как мне дышать и жить,
Как вынести позор!

О, если бы я мог,
Не только эти воды —
Всю прожитую жизнь
Я повернул бы вспять,
Чтоб каждый шаг и вздох
Отдать земле свободы,
Чтоб снова жизнь и песнь
Родной земле отдать.

А сердце до конца
Всё вытерпеть согласно,
Ему бы только жить
В родимой стороне,
Где можно петь и плыть,
Захлебываясь счастьем,
По песенной реке
На вспененной волне.

О, если б ты, земля,
Укрыла прах сыновий, —
Была бы смерть легка,
Где сладок отчий дым.
И пусть не обелиск,
А песня в изголовье
Осталась бы мерцать
Над холмиком моим.

Не в силах больше я
Дышать в ярме неволи.
Мой мозг спален дотла,
Одна душа без дна...
Возьми меня к себе,
Спаси от этой боли,
В объятья быстрых вод
Возьми меня, Двина...

Быть может, в смертный час
Найду я утешенье,

Качаясь на твоих
Разбуженных волнах;
Увидит мой народ,
Как, торопя теченье,
На родину плывет
Мой беспокойный прах.

Тоска моя, Двина...
О, если б можно было
Мне вспять поворотить
Хотя б одну струю, —
Земле б моей родной
Ты тело возвратила
И песню опаленную мою!

Октябрь 1943

192. МОЛОДАЯ МАТЬ

Горит деревня. Как в часы заката,
Густой багрянец по небу разлит.
Раскинув руки, на пороге хаты
Застреленная женщина лежит.

Малыш озябший, полугодовалый,
Прижался к ней, чтоб грудь ее достать.
То плачет он надрывно и устало,
То смотрит с удивлением на мать.

А сам палач при зареве пожара,
Губя живое на своем пути,
Спешит на запад, чтоб спастись от кары,
Хотя ему, конечно, не уйти!

Сарвар украдкой вышла из подвала,
Поблизости услышав детский крик,
К крыльцу своих соседей подбежала —
И замерла от ужаса на миг.

Ребенка подняла: «Не плачь, мой милый,
Не плачь, тебя я унесу в наш дом».
Она его согрела, и умыла,
И теплым напоила молоком,

Сарвар ласкала малыша впервые,
Впервые в ней заговорила мать.
А он к ней руки протянул худые
И начал нежно что-то лепетать.

Всего семнадцать ей, скажи на милость!
Еще вся жизнь, всё счастье впереди.
Но радость материнства пробудилась
Уже сейчас у девушки в груди.

Родные звуки песенки знакомой
Польются в предвечерней тишине...
Мне в этот час пройти бы мимо дома
И заглянуть бы в то окошко мне!

Сарвар малышку вырастит, я знаю,
В ее упорство верю до конца.
Ведь дочерям страна моя родная
Дарует материнские сердца.

Октябрь 1943

193. ПОСЛЕДНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

У милого взгляда
Волшебная сила.
Ты нежной улыбкой
Меня покорила.

Но я ведь не молод.
Зачем старикану
Волнения, страсти?..
Я сохну, я вяну.

К тебе на свиданье
Спешу я украдкой.
Меня, словно юношу,
Бьет лихорадка:

То пламя сжигает,
То холод по коже.
А ты всех красивей,
А ты всех дороже.

Для счастья довольно
Улыбок лучистых
И чтоб ты коснулась
Седин серебристых.

Далекая юность
Тебя мне послала.
Засмейся, родная!
Я счастлив немало,
Я счастлив немало.

Октябрь 1943

194. БЕЗ НОГИ

Вернулся я! Встречай, любовь моя!
Порадуйся, пускай безногий я:
Перед врагом колен не преклонял,
Он ногу мне за это оторвал.

Ударил миной, наземь повалил.
«Ты поклонился!» — враг торжествовал.
Но тотчас дикий страх его сковал:
Я без ноги поднялся и стоял.

За кровь мою разгневалась земля.
Вокруг в слезах склонились тополя.
И мать-земля упасть мне не дала,
А под руку взяла и повела.

И раненый любой из нас — таков:
Один против пятнадцати врагов.
Пусть этот без руки, тот — без ноги,
Наш дух не сломят подлые враги.

Сто ног бы отдал, а родной земли
И полвершка не отдал бы врагу.
Ценою рабства ноги сохранить?!
Как ими по земле ходить смогу?

Вернулся я! .. Встречай, любовь моя!
Не огорчайся, что безногий я,
Зато чисты душа моя и честь.
А человек — не в этом ли он весь?

Октябрь 1943

195. ВАРВАРСТВО

Они их собрали,
Спокойно до боли,
Детишек и женщин...
И выгнали в поле.
И яму себе
Эти женщины рыли.
Фашисты стояли,
Смотрели, шутили...
Затем возле ямы
Поставили в ряд
Измученных женщин
И хилых ребят.
Поднялся наверх
Хищноносый майор,
На этих людей
Посмотрел он в упор.
А день был дождливый,
Касалися луга
Свинцовые тучи,
Толкая друг друга.
Своими ушами
Я слышал тогда,
Как реки рыдали,
Как выла вода...
Кричали ручьи,
Словно малые дети...
Я этого дня
Не забуду до смерти.
И солнце сквозь тучи
(Я видел всё это!),
Рыдая, ласкало детей
Своим светом.
Как ветер ревел,

Как, сердечен и груб,
С корнями тот ветер
Вдруг вывернул дуб.
Дуб рухнул огромный
Со вздохом тяжелым.
И в ужасе дети
Вцепились в подолы.
Но звук автомата
Сумел вдруг прервать
Проклятье, что бросила
Извергам мать!
У сына дрожали
Ручонки и губки.
Он плакал в подол
Ее выцветшей юбки.
Всю душу ее
На куски разрывая,
Сын будто кричал,
Уже всё понимая:
«Стреляют! Укрой!
Не хочу умирать!»
Нагнувшись, взяла его
На руки мать,
Прижала к груди:
«Ну не бойся, сейчас
Не будет на свете,
Мой маленький, нас...
Нет, больно не будет...
Мгновенная смерть...
Закрой только глазки,
Не надо смотреть.
А то палачи закопают живьем.
Нет, лучше от пули
Мы вместе умрем».
Он глазки закрыл,
Пуля в шею вошла...
Вдруг молния
Два осветила ствола
И лица упавших,
Белее, чем мел...
И ветер вдруг взвизгнул,
И гром загремел.

Пусть стонет земля,
Пусть рыдает крича;
Как магма, слеза
Будет пусть горяча!
Планета!
Живешь миллионы ты лет,
Садам и озерам
Числа твоим нет.
Но видела ль ты
Хоть единственный раз
Позорнее случай,
Чем тот, что сейчас?
Страна моя,
Правда на знамени алом!
Омыто то знамя
Слезами немало.
Огнями той правды
Громи палачей
За детскую кровь
И за кровь матерей!

Октябрь 1943

196. ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ

Я вновь здоров. И мозг усталый мой
Очистился от мглы гнетущей.
Мой влажен лоб. Он будто бы росой
Покрылся в час зари цветущей.
Я вижу вновь, как светом мир богат,
Я слышу счастья веянья живые.
Так дивно мне и так я жизни рад,
Как будто в эту жизнь вхожу впервые.
И вижу я в чудесном полусне
Лучистой юности сиянье, —
Сиделка наклоняется ко мне,
И нежно рук ее касанье.

Октябрь 1943

197. УХОДИ, ГОРЕ

Горе, день окончился твой!
Не гости, порасти травой.
Как подумаю — никогда
Так не гнула меня беда.

Заслоняя в окошке свет,
Реял черный твой силуэт —
Ты мне душу терзало, зло,
Хищно дни мои стерегло.

Щеки впали. Счастье гоня,
Ты одело в траур меня...
Ныне ж — радость: любимый мой
Победил и пришел домой!

Это, верно, чудится мне:
Милый — в доме, солнце — в окне.
Отступили беда и тьма,
Тьма горюет теперь сама!

Я забыла боль и печаль,
Убрала я черную шаль.
На щеках — румянец зари,
Как я счастлива, посмотри!

Открываю окно: где тень?
Солнце — новое, новый — день.
Всюду радость, не видно слез —
Ты, любимый, счастье принес!

В доме всюду цветы теперь!
Отворяем для счастья дверь.
Ты нам, горе, не засти свет —
Для тебя у нас места нет!

Октябрь 1943

198. БЛОХА

Взял милую я за руки и с ней
Пошел к реке, где так светла вода...
Теснее с каждым шагом и нежней
Друг к другу прижимались мы тогда.

Когда же ручкой пухленькой она
Вдруг обняла меня — попал я в рай!
Слепого счастья чаша, ты полна,
Оно вот-вот польется через край.

Лицом я груб, как скалка для белья,
Красавцем мне вовеки не бывать...
«Наверно, любит», — так подумал я
И девушку решил поцеловать.

Но вдруг укол, а может быть, щипок
Я ощутил... Прервался чудный сон.
Схватился я рукой за левый бок —
В чудесный миг так горько потрясен.

«Но что же это?» — думаю. Тиха,
Рука моя за пазуху ползет.
Да это ведь проклятая блоха
Мне счастьем насладиться не дает!

Ну что тут скажешь? Грустные дела!
Раз в жизни сон увидел я такой —
И вот блоха несчастная со зла
Вдруг отнимает радость и покой!

Блоху ловлю, давлю, осатанев,
Ничто не помешает мне уже...
Мой понемногу испарился гнев,
Я даже каюсь чуточку в душе.

Слаба любовь такая и плоха,
Которую, про всё велев забыть,
Какая-то случайная блоха
Одним укусом может погубить!

Но если счастьем полнится душа —
Остерегись досадных мелочей:
Без них любовь светла и хороша,
Без них она прекрасней и полней.

Октябрь 1943

199. ДРУГУ

А. А.

Друг!
Не горюй, что рано умираем...
Мы не из тех, кто мог с пути свернуть!
Мы умираем — на переднем крае,
Нас перед смертью не в чем упрекнуть.

Ведь жизнь не измеряется годами,
А в списках смерти — мало ли имен?
Но, может быть, и нашей крови пламя
Еще взойдет бессмертием знамен.

Я клятву дал — служить своей Отчизне,
Пока живая кровь гудит во мне.
Да если б ты имел и сотню жизней,
Ты разве их не отдал бы стране!..

Когда сквозь гул фронтов доходят вести,
Ты знаешь, друг, я становлюсь сильней.
Как будто я дышу со всеми вместе
Могучей грудью Родины своей.

Но если, шкуру бренную спасая,
Я отступлю, когда земля в огне, —
Мне каждый будет вправе крикнуть:
«Каин!» —
И пусть в лицо Отчизна плюнет мне.

Такой не надо «жизни» и вовеки,
Где под тобой огнем горят следы..,

На всей земле ни родники, ни реки
Тебе ни капли не дадут воды...

Не хмурься, друг, — мы только искры жизни,
Мы звездочки, летящие во мгле...
Погаснем мы, но светлый день Отчизны
Взойдет на нашей солнечной земле.

И мужество, и верность — рядом с нами,
И всё — чем наша молодость сильна...
Ну что ж, мой друг,
не робкими сердцами
Мы встретим смерть. Она нам не страшна.

Нет, без следа ничто не исчезает,
Не вечен мрак за стенами тюрьмы.
И юные — когда-нибудь — узнают,
Как жили мы
И умирали мы!

Октябрь 1943

200. К СМЕРТИ

Из твоих когтистых, цепких лап
Сколько раз спасался я!.. Бывало,
Чуть скажу: «Всё кончено... я слаб!» —
Жизнь мне тотчас руку подавала.

Нет, отказываться никогда
Я не думал от борьбы с тобою:
Побежденным смертью нет стыда,
Стыдно тем, кто сдался ей без боя.

Ты ворчала:
«Ну, теперь держись,
Хватит мне играть с тобой, строптивец!»
Я же всё упрямее за жизнь
Драться продолжал, тебе противясь.

Знаю, знаю, смерть, с тобой игра
Вовсе не веселая забава.

Только не пришла еще пора
На земной покой иметь нам право.

Иль мне жизнь пришлась не по плечу?
Иль так сладок смертный риск бунтарства?
Нет, не умирать — я жить хочу,
Всё пройдя: тревоги и мытарства.

Стать бы в стороне от бурь и гроз —
Можно тихо жить, не зная горя.
Я шагал сквозь грозы, в бурях рос,
В них с тобой за жизнь, за счастье споря...

Но теперь, надежда, не маячь —
Не помогут прошлые уроки.
В кандалы уж заковал палач
Руки, пишущие эти строки.

Скоро, скоро, может быть к утру,
Смерть навек уймет мою строптивость.
Я умру — за наш народ умру,
За святую правду, справедливость.

Иль не ради них я столько раз
Был уже тобой, костлявой, мечен?
Словно сам я — что ни день и час —
Роковой искал с тобою встречи.

Путь великой правды труден, крут,
Но борца на путь иной не тянет.
Иль с победой встретится он тут,
Или смерть в попутчицы нагрянет.

Скоро, как звезда, угасну я...
Силы жизни я совсем теряю...
За тебя, о родина моя,
За большую правду умираю!

Октябрь (?) 1943

201

Нагрянул Иоганн — и, клокоча,
Суровый гнев вскипел в душе народа.
Лиши нас солнце своего луча, —
И то бы большей не было невзгоды!

Громя невежества и варварства оплот,
Идя к победе трудною стезею,
Спас солнце человечества народ —
Он это солнце заслонил собою!

Октябрь (?) 1943

202. УТЕШЕНИЕ

Когда с победой мы придем домой,
Изведаем почет и славу,
И, ношу горя сбросив со спины,
Мы радость обретем по праву.

О нашей трудной, длительной борьбе
Живую быль расскажем детям,
И мы, волнуя юные сердца,
Сочувствие и пониманье встретим.

Мы скажем: «Ни подарков, ни цветов,
Ни славословий нам не надо.
Победы всенародной светлый день —
Вот наша общая награда».

Когда домой вернемся мы, друзья, —
Как прежде, для беседы жаркой
Мы встретимся, и будем пить кумыс,
И наши песни петь за чаркой.

Друг, не печалься, этот день взойдет,
Должны надежды наши сбыться,
Увидим мы казанский кремль, когда
Падет германская темница.

Придет Москва и нас освободит,
Казань избавит нас от муки,
Мы выйдем, как «Челюскин» изо льда,
Пожмем протянутые руки.

Победу мы отпразднуем, друзья,
Мы это право заслужили, —
До смерти — твердостью и чистотой
Священной клятвы дорожили...

Октябрь (?) 1943

203. БУРЯ

Взыграла буря, нам глаза слепя;
С дороги сбившись, кони стали.
За снежной пеленой, невдалеке,
Огни деревни засверкали.

Застыли ноги. Средь сугробов нас
Жестокий ветер гнал с налета,
И, до избы какой-то добредя,
Мы принялись стучать в ворота.

Казалось: не согреться нам...
И вот
В избе гостеприимной этой
Теплом нежданным нас встречает печь
И лампа — целым морем света!

Хотелось нам добраться через час
До станции, но вьюга в поле
Дорогу мигом замела, а мы
Сюда попали поневоле.

В избу мы вносим холод, и в сердцах
Мы проклинаем ветер жгучий.
И тут, улыбку нам даря,
она
Выходит, как луна из тучи.

Взглянул и замер я.
Глаз отвести
Не в состоянье.
Что со мною?
Казалось мне: я встретился с Зухрой.
Казалось мне: я встретился с Лейлою.

Не описать мне красоты такой.
Что́ стройный тополь перед нею?
А брови серповидные ее?
А губы — лепестков нежнее?

Не описать мне этих нежных щек,
Ни этих ямок, ни румянца,
Ни темно-карих глаз... Не описать
Ресниц порхающего танца.

Нет, всё не то...
Здороваясь, она
Нам взгляд глубокий подарила,
И вдруг согрелся я, и сердце вновь
Наполнилось кипучей силой.

Снег застил нам луну, и долго мы,
С дороги сбившись, шли по кругу.
Нас вьюга чудом привела к луне,
А мы бранили эту вьюгу!

И девушка за стол сажает нас
И медом потчует и чаем.
Пускай тяжелый путь нам предстоит, —
Сидим и юность вспоминаем.

Утихла вьюга. На дворе — луна.
Мой друг накинул свой тулуп на плечи,
Заторопился, точно протрезвев,
Прервал взволнованные речи.

Мы тронулись.
Как тихо! И плывет
Луна в мерцающей лазури.

Ах, для чего мне тихая луна!
Душа моя желает бури!

И сердце ноет, что-то потеряв,
Встают виденья пред глазами,
Клубится пламя в сердце у меня —
Ветров и ураганов пламя.

Зачем ты, вьюга, завела меня
В поля бескрайние, чужие,
Свалила с ног и бросила меня
В ее ресницы колдовские?

Моя луна осталась позади,
В снегу летучем потонула,
И слишком быстро молодость моя,
Так быстро в бурях промелькнула.

Пускай тебя швырнет то в жар, то в лед,
Закружит в поле...
                    Разве наши
Стремительные бури во сто крат
Застоя тихого не краше?

2 ноября 1943

204. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Я болел, уже совсем был плох,
Истощил аптеку по соседству,
Но бледнел, худел всё больше, сох, —
Мне не помогали эти средства.

Время шло. Пришлось в больницу лечь,
Но и здесь я чах в тоске недужной.
Не о той болезни, видно, речь:
Тут лечить не тело — душу нужно.

Это-то и поняла одна
Девушка, мой новый врач палатный:

Укрепляла сердце мне она
Взглядами, улыбкою приятной.

Ну, конечно, был тогда я хвор,
Верно, и физической болезнью,
Но определил врачебный взор
Главную — и чем лечить полезней...

И теперь, во вражьем заточенье,
Вспоминаю благодарно я
Твой диагноз и твое леченье,
Лекарша прекрасная моя.

2 ноября 1943

205. СОСЕДИ

У нас с соседом нелады,
Живем с соседом плохо.
В любое время жди беды,
Нежданного подвоха.

Белье развешу — как на грех,
Сосед золу выносит,
Сгребу ли я к забору снег —
Он по двору разбросит.

Капусту нынешней весной
Я посадил за домом
И жду, что скажет недруг мой,
Каким грозит разгромом?

Моя капуста между тем
Цветет, растет, как надо.
Мечтаю: «Пироги поем», —
И на душе отрада...

Не зря предвидел я грозу:
Однажды в день базарный
Сосед привел домой козу...
О, замысел коварный!

«Да поглотит, — я возопил, —
Земля скотину эту!»

Козу я смертным боем бил,
Но сжить не смог со света.

Чуть утро — гостья под окном,
Стучат копытца смело.
И так, кочан за кочаном,
Весь огород объела.

Похож мой бедный огород,
Истоптанный плутовкой,
На город, взятый в оборот
Ночной бомбардировкой.

Прощусь с капустой — так и быть! —
Решил я втихомолку,
А чтоб соседу досадить,
Завел в отместку... волка.

Мораль рассказа

Козу зарезал мой сосед,
Он задал пир на диво,
И первым я на тот обед
Был приглашен учтиво.

Сосед умен, приятен, мил,
Он так хорош со мною...
Я, видно, зря его винил —
Я сам всему виною.

Беда, коль ближнему сосед
Не скажет слова толком,
Из пустяка плетет навет,
На друга смотрит волком.

Я подозренья заглушу,
Конец вражде и злости!
Сниму капусту — приглашу
К себе соседа в гости.

4 ноября 1943

وا سیباح نشرل!

ئوسا ده لیل

Xadis دنده 1943 ـ

ئانامی ده سلهئین. تو [illegible] ـ یکطه د

خامف نشابایف ـ تورنه کستانناو.
تونسا لیلر.
ئوسا ده لیل ـ شاییر ، قازان
ئوچم حسیبای ـ م ، ز ، زوزر یانس
عه و للا باتال ـ قازان.
تحه ماش. ح. ـ قازان.
ن. شامیش ـ سایح قازان
سولانف خرشاد ـ قازان.
سه یفلسولوکل. نه ه بهسقانده
صبما سند سف ـ تو ریش
حده مه جو ل ـ یره فسح مر. س. ن

ثبایرف ـ قازان
سه ریبن ...

حیبا له تنجی ـ ترزیرکی.
جیله لیندیسی. ترزیرکی.

[illegible]

206. ЦВЕТЫ

Жизнь снова входит в берега,
И, улыбаясь, смотрят мамы,
Как дети их бегут в луга,
Где стебли трав сочны и прямы.

Бегите, дети! Там и тут
Для вас цветов раскрыты чаши.
Пусть на просторе отдохнут
Сердчишки маленькие ваши!

А ветерок нежданно стих.
И сто стрекоз затрепетало
Над сказкой маков и гвоздик,
Что, будто ваши губы, алы.

И колыбельную шмели
Цветам поют о добром лете.
Цветы, они ведь тоже дети.
И как их много у Земли!

...Совсем недавно здесь нога
В немецком сапоге топтала
Вот эти чистые луга
Под мертвый лязг и гром металла.

Темнели избы сел от слез,
Репейник цвел на горькой тризне.
Ах, сколько здесь оборвалось
Прекрасных, мужественных жизней!

Но через слезы, пепел, кровь
Страна к победе шла великой,
И вот земля оделась вновь
В цветы и просветлела ликом.

И там, где серый рос бурьян,
Чтобы глазам детей согреться,
Цветы проклюнулись из ран,
Кровавых ран земного сердца.

Играйте, дети! Светел час
Земли, что повернулась к лету.
Но, может, кто-то и у вас
В семье погиб за землю эту? . .

Тогда к доверчивым цветам,
Игрой веселою насытясь,
Вы, взрослые не по летам,
Губами теплыми прижмитесь.

Земные истины просты,
Едина жизнь на белом свете:
Цветы, они ведь тоже дети,
А дети разве не цветы?!

И луг, лучами напоен,
Порхает в бабочках и птицах,
И отсвет будущих времен
На детских пламенеет лицах.

9 ноября 1943

207. СИЛА ДЖИГИТА

Воин сердцем соколиным горячо
Клятву верности народу произнес,
Автомат легко он вскинул на плечо,
Быстрый конь его в сражение понес.

Он врагов сметал, крушил он их металл,
Пушки падали, и трескалась броня. . .
Где джигит такие силы обретал?
В чем секрет победоносного огня?

Верность Родине, как знамя, поднял он,
Шел под пулями с отвагою джигит.
Не конем, не автоматом — нет, силен
Клятвой верности земле своей джигит.

19 ноября 1943

208. НЕ ВЕРЬ

Если вдруг до тебя донесется молва,
Что упал я, устал, не хватило огня, —
Ты не верь, дорогая!
Такие слова
Ведь не скажут друзья, если любят меня.

Клятву кровью на знамени я начертал —
В бой под знаменем этим идти я готов!
Я не вправе отстать, если даже устал,
Только смерть меня вырвет из наших рядов!

Если вдруг до тебя донесется молва:
«Предал Родину он, к ней любви не храня...» —
Ты не верь, дорогая!
Такие слова
Ведь не скажут друзья, если любят меня.

За тебя и за Родину — дом свой родной
Я покинул, чтоб вскинуть в бою автомат...
Если жизнь я спасал бы позорной ценой —
Боль и стыд эту жизнь превратили бы в ад.

Если вдруг до тебя донесется молва:
«Он погиб, не увидев победного дня...» —
Ты не верь, дорогая!
Такие слова
Ведь не скажут друзья, если любят тебя.

Можно тело засыпать землей. Но душа,
Что исполнена пламенных песен, — жива,
И летит она, верой в Победу дыша, —
Тут не смерть, а бессмертье вступает в права!

20 ноября 1943

209. ПЕСНИ МОИ

Песни, дети солнечного дара,
Расцветайте на земле моей!
Сколько будет силы в вас и жара —
Столько права жить среди людей.

Вы — мой свет, незамутненный, ранний.
Вы — слеза чистейшая моя.
Вы умрете — и меня не станет.
Не умрете — буду жив и я.

Слов родных кружащаяся вьюга,
Ты мне больше жизни дорога.
Нежной песней — утешал я друга.
Грозной песней — побеждал врага.

Не обманет маленькое счастье,
Мирное, уютное житье.
В бедах мира кровное участье —
Вечное призвание мое.

И пред смертью — никому в угоду
Не нарушу клятву я свою.
Песнь свою я посвятил народу.
Жизнь свою народу отдаю.

С жаркой песней по родному краю
Шел я, травы росные топча.
Песнь свою последнюю слагаю —
Под нависшей сталью палача.

Брезжится заря полоской алой.
Скоро хлынут белые лучи.
Жизнь моя — как песня прозвучала.
Смерть моя — как песня прозвучи!

26 ноября 1943

210. ДВУЛИЧНОМУ

Пускай моя одежда в ста заплатах,
Но нет в душе прорех и нет заплат.
А ты в нарядах щеголя богатых, —
Душа твоя залатана стократ.

28 ноября 1943

211. ИЗБРАННИК

Много к девушке-зорьке спешит женихов
Из заморской чужой стороны,
Все в парче да в атласе, и грузом даров
Их ладьи золотые полны.

Этот — жемчуг принес, тот — бесценный алмаз.
Кто ж, красавица, суженый твой?
Каждый слышит в ответ непреклонный отказ
И ни с чем уплывает домой.

Но пришел между ними однажды поэт
И принес он ей сердце свое,
Только сердце, где песни, где пламя и свет...
Вот счастливый избранник ее!

29 ноября 1943

212. ЛЮБОВЬ

Любовь так долго юношу томила,
Что как-то раз, дыханье затая,
«Люблю» шепнул он робко. Но от милой
Капризницы не услыхал: «И я!»

Была ли то уловка страсти скрытой,
Иль вправду был он безразличен ей, —
Не всё ль равно? Любовь в душе джигита
Всё ярче разгоралась, всё сильней.

Пришла война и увела нежданно
Джигита в пламя и водоворот.
Любовь жила и заживляла раны
И за руку вела его вперед.

Сражался на переднем крае воин
За дом родной, за девушку свою.
Ведь имени джигита недостоин
Тот, кто не дышит мужеством в бою.

Любовь была и силой и опорой, —
Со страстной верой в битву шел боец.
Когда зажглась заря победы скорой,
Свалил джигита вражеский свинец.

Последнее дыханье в нем боролось
С угаром смерти. Бредил он, хрипя.
«Люблю. . .» — сказал он и услышал голос
Своей возлюбленной: «И я! . .»

30 ноября 1943

213. МЕЧТА

Неволя, заточение, тюрьма:
Что день, что ночь — различья нету.
Стараются свести меня с ума,
Убить во мне стремленье к свету.

Сдавил дыханье каменный мешок,
Бьет кашель, немощна походка.
Я к двери подхожу, а там — замок,
В окно гляжу, а там — решетка.

И каждым утром виселица ждет.
Душа безмолвствует, тоскуя.
И радость лишь в глубоком сне живет,
И лишь в мечтах теперь живу я.

Когда сквозь прутья алая заря
Лучами камеру обводит,
Мне кажется: косынкою горя,
Ко мне любимая приходит.

Целует, улыбается и вот,
Тюремные раздвинув своды,
Берет меня за плечи и ведет
На праздник солнечной свободы.

В глаза глядит, как будто говоря:
«Напрасно ты не верил, милый,

Как видишь, я пришла, твоя заря,
И жизнь навеки озарила!»

Мечта, мечта! .. Но что бы без мечты
Я делал в каменной могиле?
Как хорошо, что есть хотя бы ты:
Мечту во мне не погасили!

Пусть мне не жить — мечта моя со мной!
Чтó все страдания и беды, —
Я чувствую: светлеет над страной,
Она близка, заря победы!

Ноябрь 1943

214. СЛУЧАЕТСЯ ПОРОЙ

Порой душа бывает так тверда,
Что поразить ее ничто не может.
Пусть ветер смерти холоднее льда,
Он лепестков души не потревожит.

Улыбкой гордою опять сияет взгляд.
И, суету мирскую забывая,
Я вновь хочу, не ведая преград,
Писать, писать, писать, не уставая.

Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждет меня палач и вырыта могила, —
Я ко всему готов. Но мне еще нужны
Бумага белая и черные чернила!

Ноябрь 1943

215. ПАЛАЧУ

Нет, врешь, палач, не встану на колени,
Хоть брось в застенки, хоть продай в рабы!
Умру я стоя, не прося прощенья,
Хоть голову мне топором руби!

Мне жаль, что я тех, кто с тобою сроден,
Не тысячу — лишь сотню истребил.
За это бы у своего народа
Прощенья на коленях я просил.

Ноябрь 1943

216. ВОДОВОРОТ

Купалась девушка при лунном свете —
Совсем одна, средь быстрых волн речных,
То плавным лебедем скользила в струях,
То резвой рыбкой исчезала в них.

Вились колечки серебристой пены —
Спешили гибкий стан ее облечь,
Как черный шелк, расшитый жемчугами,
Густые волосы спадали с плеч.

Блестела кожа мраморным отливом,
Игривый смех носился вдоль реки.
Соперницей луны тайком любуясь,
Застыли ивы, стихли тростники.

Но слишком далеко, с волной играя,
Она, увлекшись, заплыла... И вот
Схватил ее и жадно, с грозным шумом
Стал втягивать тугой водоворот.

«Тону! Спасите!» — руки простирая,
Она взывала... И на помощь ей
Случайный путник — юноша, зашедший
В рыбачий домик, — бросился скорей.

В поток нырнул джигит,
Из черной глуби
Ей к берегу помог добраться он,
Девичий стан увидел в блеске лунном,
В лицо взглянул — и замер, восхищен!

Зачем в глаза с улыбкой ты взглянула —
Мне душу этот взор прожег огнем,
Зачем меня в водоворот безумья
Ты увлекла — и потопила в нем?

Всё я забыл в потоке этой страсти:
Печаль и радость, дружбу и вражду, —
И впрямь русалкой, гибкой и коварной,
Ты оказалась на мою беду!

А помнишь ли, когда сама тонула,
Я руку протянул тебе — и спас!
Сказала ты «спасибо» мне, но душу
Стрелой пронзила своенравных глаз.

Теперь и я тону... Подай же руку,
Хоть искру милосердья прояви:
Спаси, спаси влюбленного — он гибнет
В водовороте колдовской любви!

Ноябрь (?) 1943

217. УГОЩЕНИЕ ПОЭТА

Толпой пришли к поэту стар и млад,
Уже гостями полон дом его.
Поэт повел их в тот роскошный сад,
Что вырастил близ сердца своего.

Потом, чтоб было весело гостям,
Бокалы песней он наполнил сам;
Искрится это жгучее вино —
В душе певца рождается оно.

И молодые, и бородачи
В огне той песни сделались хмельны.
В сердцах гостей веселые лучи
Надеждами и радостью полны.

Из-за стола поднялся старый дед.
Старик сказал взволнованно:
«Друзья!

Я очень стар. Мне девяносто лет.
Но лучше пира не знавал и я.

Судьба мне посылала много бед.
Всю жизнь я шел по трудному пути.
Мне удалось в твоем саду, поэт,
Утраченную молодость найти».

Ноябрь (?) 1943

218. КАМЕННЫЙ МЕШОК

Цепи каменного мешка
Пусть твоя разорвет рука!
А не сможешь, так смерть предстанет —
Ведь она здесь всегда близка!

Положили тебя в мешок,
Завязали под злой смешок.
Ставят в очередь твое тело,
Чтоб смолоть его в порошок.

Мелет мельница жизнь людей —
Громоздятся мешки костей.
Жернова ее из железа,
С каждым днем они всё лютей.

Мельник злится, от крови пьян:
Не мука — кровь течет из ран.
Жадно пьет ее клоп проклятый —
Бесноватый, слепой тиран.

Пусть умолкнет мельницы рев!
Пусть не вертит сила ветров
Крылья черные! Пусть не льется
Дорогая родине кровь!

Развяжите горы мешков!
Раздавите дом пауков!
Развалите мельницу пыток
Остриями гневных штыков!

Ноябрь (?) 1943

219. СНЕЖНАЯ ДЕВУШКА

В сияющий день на исходе зимы,
Когда оседает подточенный влагой
Рыхлеющий снег, от рассвета до тьмы
На горке Серебряной шумной ватагой
Крестьянские дети играли в снежки.
В тумане алмазной сверкающей пыли
Они кувыркались, ловки и легки,
Потом они снежную деву слепили.
Стемнело. Морозило. В твердой коре
Застыли сугробы, дремотой объяты.
И, девушку бросив одну на горе,
По светлым домам разбежались ребята.

А ночью повеяло с юга теплом.
И ветер, лаская дыханием влажным,
Нашептывал девушке сказку о том,
Как много прекрасного в солнце отважном:
«Ты солнца не знаешь. Могуч и велик
Наш витязь блистающий, с огненным телом,
Глаза ослепляет пылающий лик,
И землю он жжет своим пламенем белым!»

Но девушка только смеялась: «К чему
Мне солнце твое и весна молодая?
Я ваших страстей никогда не пойму:
Из белого снега, из синего льда я,
И в сердце холодном не сыщешь огня.
Дружу я с морозом и с ветром студеным,
А с солнцем простой разговор у меня:
Захочет — само пусть приходит с поклоном».

Светало. За лесом горел небосвод.
Могучее солнце взошло на пригорок,
Красавицу снежную манит, зовет,
Дарит ей лучей ослепительный ворох.
И девушка вздрогнула. Ранней зарей
В ней душу весна пробудила впервые...
Любовь задает нам загадки порой,
И жар ее плавит сердца ледяные.

И снежная девушка к речке плывет,
Влюбленная в солнце, совсем как живая,
Туда, где под ветром ломается лед
И льдины грохочут, друг друга сжимая.
И солнце пленилось ее красотой
И, сняв ледяное ее покрывало,
В объятиях сжало рукой золотой
И снежную девушку поцеловало.

Ее опалило волшебным огнем...
Охвачена неодолимым порывом
И вся растворяясь в любимом своем,
Она зажурчала ручьем говорливым.

Прозрачные капли блестят на лице —
То слезы любви. Не узнать недотроги.
Где гордая девушка в снежном венце?
Где сердце, что было так чуждо тревоге?

В объятьях любимого тает она,
Течет, и поет, и горит, и сжигает,
Пока не затихла, как моря волна,
Когда она берега вдруг достигает.

Лишь в землю последняя слезка ушла...
Где снежная девушка с песней бежала,
Там выросла роза, как солнце светла,
Как солнце горящая пламенем алым.

Любовь, так и ты разливайся, горя!..
Мы с милой сольемся, как вешние воды,
Чтоб там, где любил я, где жил я все годы,
Багряные розы цвели, как заря.

4 декабря 1943

220. ОДИН СОВЕТ

(О человечности)

Людей-слонов нередко я встречал,
Дивился их чудовищным телам.
Но ведь судить о людях, я считал,
Должны мы не по виду — по делам.

Вот, говорят, силач — железо гнет,
Вода проступит там, где он пройдет.
Но будь ты слон, а я не признаю,
Коль дел твоих — по горло воробью.

Пускай на всем, что совершаешь ты,
Проступит след душевной чистоты:
Ведь сила не во внешности твоей,
А только в человечности твоей.

В твоих делах проявится сама
И справедливость твоего ума,
И то, что сильным сердцем наделен,
Что ты любовью к родине силен.

Жить бесполезно — лучше уж не жить:
На ровном месте кочкою служить.
Свети потомкам нашим, как маяк,
Свети как человек, а не светляк.

Железо не ржавеет от труда,
И глина обожженная тверда,
Оценит мужа по делам народ,
Героя не забудет никогда.

9 декабря 1943

221. ДУБ

При дороге одиноко
Дуб растет тысячелетний,
На траве зеленой стоя,
До земли склоняя ветви.

Легкий ветер на рассвете
Между листьев пробегает,
Будто время молодое
Старику напоминает.

И поет он о минувшем,
Про безвестного кого-то,
Кто вскопал впервые землю,
Проливая капли пота.

Кто зажег в нем искру жизни?
Кто такой? Откуда родом?
Государем был великим,
Полеводом, садоводом?

Кем он был — не в этом дело:
Пот его в земле — от века,
Труд его — в стволе могучем:
Дуб живет за человека!

Сколько здесь прошло народу —
Проходившим счета нету!
Каждый слышал песню дуба,
Каждый знает песню эту.

Путник прячется в ненастье
Под навес зеленолистый;
В зной работников усталых
Дуб зовет во мрак тенистый;

И недаром лунной ночью
Он влечет к себе влюбленных,
Под шатром соединяя
Тайной страстью опаленных;

Заблудившимся в буране
Путь укажет самый краткий;
Тех, кто жнет, горячим летом
Напоит прохладой сладкой...

Преклонюсь перед тобою,
Счастлив ты, земляк далекий.
Памятник тебе достойный
Этот старый дуб высокий.

Стоит жить, чтоб в землю врезать
След поглубже, позаметней,
Чтоб твое осталось дело
Словно дуб тысячелетний.

10 декабря 1943

222. СПЯЩИЙ РЕБЕНОК

До чего же малыш
Этот спящий хорош!
На него поглядишь —
От восторга умрешь!

Как спокойно сопит,
Как подушка сладка, —
Даже рот приоткрыт
Увлажненный слегка.

Прелесть — яблочки щек,
И ресниц лепестки,
И кудрей завиток —
Что нежны и легки.

Оттолкнула нога
Одеяльце долой!
Бровки в три волоска
Принахмурил герой.

Ни анис, ни нарцисс
(Нет нежней ничего)
Так не будет душист,
Как дыханье его.

И, конечно, кругом
Ходят все не дыша,
Говорят шепотком
Все вокруг малыша.

Дальней двери ли стук,
Половицы ли скрип, —
Сразу общий испуг,
Каждый к полу прилип!

Все за мухой одной
Будут гнаться стремглав —
Только спал бы герой,
Крепко куклу обняв.

Посмотрите, как мать
В этот миг хороша:
Любо ей наблюдать
Мирный сон малыша!

11 декабря 1943

223. ВОЛШЕБНЫЙ КЛУБОК

Как в сказке клубок волшебный
Бежит до лесов и морей,
Так доля моя докатилась
До этих мрачных дверей.

Как в сказке, див-душегубец
Вышел ко мне во двор.
Над лбом когтистый стервятник,
За пояс заткнут топор.

Как в сказке, железные двери,
В них дырка, и каждый час
К ней див припадает глазом,
По пальцам считает нас.

Жарят, варят и парят
Диву из нас обед.
Отсюда нам, горемыкам,
На волюшку хода нет.

Полно было страшных сказок
У старой бабки моей,
А быль — и не скажешь словом,
Насколько она страшней.

Кругом силки и капканы,
На каждой двери замок,
Повсюду смерть караулит,
Чтоб жив ты уйти не мог.

Здесь лучшим головы рубят,
А младенцев и стариков
Сжигают в печах железных,
Затем что приказ таков.

Юных, сильных, красивых
Согнав, в тюрьму посадив,
Трудом непосильным ломят,
Чтобы доволен был див.

Я вижу — они увядают,
И в сердце моем лишь стон.
И это быль, а не сказка,
И это явь, а не сон.

Умру я, черед мой скоро,
Но песня моя жива,
Помнят ее и шепчут
Деревья, цветы, трава,
Что я приласкал рукою
В пути за долей такою.
Мой след вы ищите в песне.
Я там, за последней строкою.

12 декабря 1943

224. В СТРАНЕ АЛМАН

Здесь ли родился великий Маркс
И Шиллер, бунтуя, стихи писал?
Здесь немец бросил в лицо мне: «Раб!» —
И руки мне за спиной связал.

Здесь ли валами вздымал Рот-Фронт
Алых знамен бурлящую новь?
Я сын Клары Цеткин. Скажи, за что
Меня здесь в застенке избили в кровь?

Иной я видел эту страну,
Когда стремился Гёте постичь.
Скажи, почему в ее залах смолк
Симфоний бетховенских смелый клич?

Как брата, я вольного Гейне любил,
И вот, закованный в кандалы,
В тюрьме, где томились Роза и Карл,
Я тычусь в каменные углы.

Страна, ты ушла в кровавый туман,
Гасящий солнечные лучи.
Я вижу только темный подвал,
Где Тельмана мучили палачи.

И буду я, как Роза и Карл,
Когда совсем придет темнота,
Избитый, выведен из тюрьмы,
Застрелен и сброшен в воду с моста.

Где же ты, гордая молодежь?
Сам Маркс тебе указывал цель,
А Гейне видел тебя в мечтах
Неукротимой, как лучник Телль!

Кто из вас Тельмана ученик?
Кто из вас Цеткин отважный внук?
Слушай свободы стальной язык:
Сорвите наручники с наших рук!

Сомкните ряды, как ваши отцы,
Запойте хором про красный флаг,
«Рот-Фронт!» отвечайте на наш призыв,
Поднявши сжатый правый кулак!

Зажгите свет над землей Алман,
Верните солнце в страну свою!
Пусть Гейне и Маркс вернутся домой
И Тельман первым станет в строю!

Кто из вас Тельмана ученик?
Кто из вас Цеткин отважный внук?
Слушай великой правды слова:
Сорвите наручники с наших рук!

Декабрь 1943

225. О ГЕРОИЗМЕ

Знаю, в песне есть твоей, джигит,
Пламя и любовь к родной стране.
Но боец не песней знаменит:
Что, скажи, ты сделал на войне?

Встал ли ты за родину свою
В час, когда пылал великий бой?
Смелых узнают всегда в бою,
В горе проверяется герой.

Бой отваги требует, джигит,
В бой с надеждою идет, кто храбр.
С мужеством свобода, что гранит,
Кто не знает мужества — тот раб.

Не спастись мольбою, если враг
Нас возьмет в железный плен оков.
Но не быть оковам на руках,
Саблей поражающих врагов.

Если жизнь проходит без следа,
В низости, в неволе, что за честь?
Лишь в свободе жизни красота!
Лишь в отважном сердце вечность есть!

Если кровь твоя за родину лилась,
Ты в народе не умрешь, джигит.
Кровь предателя струится в грязь,
Кровь отважного в сердцах горит.

Умирая, не умрет герой —
Мужество останется в веках.
Имя прославляй свое борьбой,
Чтоб оно не молкло на устах!

Декабрь 1913

226

Придет и нас освободит Москва,
На палачей обрушив гнев народа!
Горят на алом знамени слова:
«Жизнь и свобода».

Декабрь (?) 1943

Юность, юность, сердце обжигая,
За собой меня ты не зови:
Дочка у меня уже большая.
Старикан я. Мне не до любви.

Декабрь (?) 1943

228. МОЙ ПОДАРОК

Моему бельгийскому другу Андре,
с которым познакомился в неволе

Когда б вернуть те дни, что проводил
Среди цветов, в кипенье бурной жизни,
Дружище мой, тебе б я подарил
Чудесные цветы моей отчизны.

Но ничего тут из былого нет —
Ни сада, ни жилья, ни даже воли.
Здесь и цветы — увядший пустоцвет,
Здесь и земля у палачей в неволе.

Лишь, не запятнанное мыслью злой,
Есть сердце у меня с порывом жарким,
Пусть песня сердца, как цветы весной,
И будет от меня тебе подарком.

Коль сам умру, так песня не умрет,
Она, звеня, свою сослужит службу,
Поведав родине, как здесь цветет
В плененных душах цвет прекрасной дружбы.

Декабрь (?) 1943

229. ЧЕТЫРЕ ЦВЕТКА

Преграждая путь гремящим «тиграм»,
Ждут в овраге пятеро солдат;
Разложив гранаты и бутылки,
Зорко за противником следят.

Вот один из гадов стальногрудых,
Остановленный, пройти не смог
И свалился набок у кювета,
К облакам задрав свой черный рог.

Рвутся «тигры», изрыгают пламя,
Всё теснее их зловещий круг.
И средь пятерых солдат нашелся
Жалкий трус, он руки поднял вдруг.

Но сосед-боец, приятель прежний,
Гневно в спину штык ему вонзил:
«Смерть прими от земляка, предатель,
Если ты насквозь душой прогнил!»

Бой закончен. Вражеские танки
Не смогли пробиться под огнем.
Пятеро солдат лежат в овраге,
Успокоившись последним сном.

И четыре алые гвоздики
Славные могилы осенят,
Но репейник вырастет на пятой,
Где схоронен трус, а не солдат.

Вы придите, девушки, к могилам,
Вырвите репей, что вырос там,
И отдайте всю любовь и ласку
Алым, незапятнанным цветам!

Декабрь (?) 1943

230. РЫБАКИ

Над песчаным обрывом рыбачья артель
У своих шалашей запалила костер.
Брызги-искры и страстные песни рекой
Потекли по-над степью в пустынный простор.
Пламя занавес ночи раскрыло,
и вот
Стал открытою сценой прибрежный обрыв.
Вышел стройный джигит и по кругу поплыл.

Ярко вспыхнул огонь, плясуна озарив.
Парень пляшет,
и ветви склонившихся ив,
И шуршащие глухо в вечернем дыму
Тростники,
и свои же друзья-рыбаки
Прославляют его, рукоплещут ему.
Триста центнеров рыбы — улов рыбаков!
Наградил их Байкал, — и сегодня они
Воротились и празднуют у шалашей
И на радостях жгут на привале огни.
Их сердца не размякли от стылой воды,
Их отвагу и ветер развеять не смог.
Настоящий рыбак не устанет вовек,
Триста центнеров рыбы добыв за денек.
Лишь один на серебряный месяц глядит,
Опустившись в сторонке на груду песка,
И тоскует его молодая душа
О любимой, что так от него далека.
Триста центнеров рыбы ему нипочем,
Коль стотонною тяжестью давит тоска.
Он не в силах заснуть, он мечтает всю ночь
О любимой, что так от него далека.

Декабрь (?) 1943

231. РАНЫ

Вы с нами, сестры нежные, так долго
Делили бремя тяжкое войны!
Глаза у вас от дыма почернели
И кровью рукава обагрены.

Вы раненых из боя выносили,
Не вспоминая, что такое страх,
Под вашими руками засыпали
Уставшие в походах и боях.

Мы помним ваши светлые улыбки
И брови соболиные дугой.
Спасибо вам за добрую заботу,
Любимицы отчизны дорогой!

И в день победы, отогнав печали,
Обняв букеты полевых цветов,
Вы свет несете душам утомленным
На пепелища отчих городов.

Немало ран, красавицы родные,
В краю родном придется врачевать.
Враг побежден, но каждый город — ранен,
В слезах ребенок, потерявший мать.

Пусть ваши руки, маленькие руки,
Подымут бремя радостных забот:
Вы города немые оживите!
Родными станьте тысячам сирот!

Вы на поля, пропитанные кровью,
Как вешний дождь, пролейте мирный пот!
Идите, сестры!
                    Вас на подвиг новый
Израненная родина зовет!

Декабрь (?) 1943

232. ГРОБ

Девяносто Фаруку
Стукнуло лет.
Голову на руки
Уронил мой дед.
Сидит на кровати
Нечесаный, босой,
Думает: «Хватит!
Пора на покой.
Под солнцем человеку
Как ни хорошо,
Всё же не навеки
На землю я пришел.
Пожито вдоволь,
Надо совесть знать,
Давненько я вдовый,
Время помирать».
Дед оделся наскоро

И поплелся, чтоб
Приглядеть у мастера
Подходящий гроб.
Гробовщик, как надо,
Сбивал доску с доской,
Парикмахерская рядом
Была с мастерской.
И навстречу Фаруку —
Девушка-весна.
Вышла в белом фартуке
На крыльцо она.
Алые щечки,
Юность-красота!
Веселые щелочки —
Черные глаза.
«Ты куда направился,
Старый бабай?
Если гроб понадобился,
Там выбирай!..»
Девушка смеется.
И ротик так уж мил!
Дед на месте мнется.
Вдруг спину распрямил:
«На что мне гроб-могила?
Меня за воротник
Смерть не схватила.
Шутить я не привык.
И как вам только нравится
Такое говорить?!
Я к вам иду, красавица,
Бороду побрить».

Декабрь (?) 1943

233. НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Андре Тиммермансу

Здесь нет вина. Так пусть напитком
Нам служит наших слез вино!
Нальем! У нас его с избытком.
Сердца насквозь прожжет оно.

Быть может, с горечью и солью
И боль сердечных ран пройдет...
Нальем! Так пусть же с этой болью
Уходит сорок третий год.

Уходишь, борода седая,
Навеки землю покидая?
Ты крепко запер нас в подвал.
Прощай! На счастье уповая,
Я поднимаю мой бокал.

Довольно жизням обрываться!
Довольно крови утекло!
Пусть наши муки утолятся!
Пусть станет на душе светло!

Да принесет грядущий Новый
Свободу сладкую для нас!
Да снимет с наших рук оковы!
Да вытрет слезы с наших глаз!
Согрев целебными лучами,
Тюремный кашель унесет!
И в час победы пусть с друзьями
Соединит нас Новый год!

Пусть будут жаркие объятья
И слезы счастья на очах!
Пускай в честь нас печет оладьи
В родном дому родной очаг!
Да встретятся жена и дети
С любимым мужем и отцом!
И чтобы в радостной беседе,
Стихи читая о победе
И запивая их вином,
Истекший год мы провожали
И наступающий встречали
За пышным праздничным столом!..

1 января 1944

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМА ДЛЯ ДЕТЕЙ

234. ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ

Смотри — на дворе наступила весна!
Смотри — пробудился и лес ото сна!
На плечи — лопаты
И в поле, ребята!
Работе мы рады
И солнышку рады!

Земля так тепла — чуть дымится она!
И пашня готова взрастить семена.
Мы грядки копаем,
Мы сеем, сажаем
И знаем, что наша
Работа нужна!

Нельзя оторваться от теплой земли —
До сумерек в поле мы день провели,
Работой и песней
Мы встретили вместе
Весну на приволье,
Где небо да поле!

Апрель 1924

235. ПЕСНЯ ЮНЫХ МОРЯКОВ

Туман окутал океан,
Но только что для нас туман?
Мы верим лишь себе да парусам, —
Матросы, по местам!

Эх, дорога моряка,
Право слово, — нелегка,
Матросы, по местам!

Совсем волна сошла с ума,
Но только что для нас шторма?
Трещит корма, встает девятый вал, —
Но не бросай штурвал!
Эх, дорога моряка,
Право слово, — нелегка,
Но не бросай штурвал!

Чужой линкор в ночи, как вор,
Но только что для нас линкор?
Трепещет флаг, команда на постах, —
И нам неведом страх!
Эх, дорога моряка,
Право слово, — нелегка,
И нам неведом страх!

25 ноября 1924

236. ОСЕНЬ ПРИШЛА

И в ельнике грустно,
И в поле так пусто,
От ярких цветов
Не осталось следа...
Видите?

Покрылись озера
Морозным узором,
И лужи покрылись
Скорлупками льда.
Видите?

Ручей не искрится,
И в сумерках птицы
Курлычут: «Прощайте!»
Курлычут: «Прощайте!»
Слышите?

И улицей длинной,
Как клин журавлиный,
Летит прямо к школьным дверям
Детвора.
Слышите?

1929

237. КОГО ШАКИР ПЕРЕХИТРИЛ

Шел за приятелем Шакир
По узенькой тропе.
«Нет, первым я приду домой!» —
Сказал Шакир себе.

Перебежав через ручей,
Он так доску приладил,
Чтоб, на нее ступив ногой,
В ручей упал приятель.

«Я первым буду!» — крикнул он.
Но лишь поднял глаза —
Увидел вдруг на берегу
Огромнейшего пса!

Назад попятился Шакир,
Встал на доску ногою,
Бултых! — доска,
Бултых! — Шакир
Под воду с головою!

Да хорошо —
На этот раз
Его в беде
Приятель спас!

1929

238. В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Всё лето было нам всем раздолье
У тихой речки, средь рощ и в поле.
Играли вместе, трудились вместе
На щедрых нивах, где солнца вволю.

С зарею горны аул будили
И на работу мы выходили.
Всему, что знаем о травополье,
Крестьян окрестных мы обучили.

Никто не скажет из деревенских,
Что городские труда боялись.
Лишь кончив дело, мы шли купаться,
В воде шалили и кувыркались.

Зерна литого в амбарах горы.
Прощай, деревня, и здравствуй, город!
Пускай встречает родная школа
Своих окрепших птенцов веселых!

1929

239. КУКУШКА

В предвечерний час,
В тишине лесной
Птичий голос нам
Слышится весной.
    Ку-ку, ку-ку,
    Ку-ку, ку-ку!

Вновь и вновь поет
Про свою тоску —
Отдается звук
По всему леску.
    Ку-ку, ку-ку,
    Ку-ку, ку-ку!

Потому-то вот
Слышен этот зов,

Что гнезда не вьет,
Не растит птенцов!
Ку-ку, ку-ку,
Ку-ку, ку-ку!

1 марта 1936

240. РОДНИК

Под горою, у болота,
Не смолкая ни на миг,
День и ночь лопочет что-то
Разговорчивый родник.

То ли — песенку поет,
То ли — воду пить зовет,
Что, как будто лед, студена
И сладка, как будто мед...

Вот, подъехав к роднику,
Соскочил на всем скаку
И склонился над волною
Всадник с саблей на боку.

А за ним к воде приник
Утомившийся старик,
И ватага ребятишек
Подняла веселый крик.

А родник тому и рад —
Дарит воду всем подряд,
Словно знает: то, что отдал,
То — твое, как говорят...

2 марта 1936

241. МОЙ ПЕС

Я знаю,
Что пес мой
Пока еще мал.
Ну что же,

Зато он —
И смел, и удал.
Любую команду,
Какую ни дай,
Послушно и точно
Исполнит Акбай.

Не зря же —
упрямо,
И в зной, и в мороз,
Военному делу
Учился мой пес.
Он может и ползать,
И смирно лежать,
И ров перепрыгнуть,
И голос подать.

Ты ранен —
тебе он
Доставит воды,
Он может солдата
Спасти от беды.
А нужно —
он важный
Пакет отнесет:
Недаром с портфелем
Ходил он весь год...

Пусть будет скорее
Акбай мой большим —
Служить на границу
Уедем мы с ним;
Хотя и сегодня
Акбай мой готов
Бесстрашно страну
Защищать от врагов!

Март 1936

242. ПЕСНЯ О ХРАБРОМ ДЖИГИТЕ

Мчался храбрый джигит
На гнедом скакуне,
В чистом поле
Он с вражеской ратью схлестнулся,
Но без всадника конь
Проскакал в тишине
По родному селу,
А джигит не вернулся.

В чистом поле погиб он
В неравном бою,
И окрасилась кровью
Трава молодая.
Но простреленный стяг
Он, как клятву свою,
Младшим братьям своим
Завещал, умирая.

Над могилой
Бессмертное знамя горит...
В каждом доме тебя
Поминают любовью,
В каждом сердце живет
Твое имя, джигит,
И склонилась страна
К твоему изголовью.

Март 1936

243. ПЕТУШОК

Лишь пришла пора рассвета,
Как сейчас же подал где-то:
    Ку-ка-ре-ку!
    Ку-ка-ре-ку!
Чей-то чуткий петушок
Чистый, звонкий голосок:
    Ку-ка-ре-ку!
    Ку-ка-ре-ку!

Встрепенулся старый кочет
И вовсю как загрохочет:
Ку-ка-ре-ку!
Ку-ка-ре-ку!
А за ним — и здесь, и там —
Понеслось по всем дворам:
Ку-ка-ре-ку!
Ку-ка-ре-ку!
Услыхав весь этот крик,
Мы проснулись в тот же миг.
Ку-ка-ре-ку!
Ку-ка-ре-ку!
И скорей, скорей, скорей
В сад бежать гурьбою всей.
Ку-ка-ре-ку!
Ку-ка-ре-ку!

Март 1936

244. МАЙ

Ночью теплый дождик пролился на город
И унес последний снег и зимний холод.
Вся земля покрылась яркими коврами —
Молодой травою, первыми цветами.

Убралась береза зеленью веселой:
«Не стоять же в мае, говорит, мне голой».
Босиком лугами молодость несется —
Кувыркаться в травах, загорать на солнце!

Май 1936

245. ЧАСЫ

Динь, динь, динь! Опять с утра
В то же время, что вчера,
Громко бьют часы в квартире:
«В детский сад идти пора!»

Просыпается Марат,
На часы бросает взгляд:

«Опоздал!» Не я, а сон мой
В этом снова виноват.

Говорят часы: «Тук, тук!
Поторапливайся, друг!»
— «Обождите! Неужели
Постоять вам недосуг?»

«Тик, так-так! Стоять на месте
Мы не можем: мало чести.
И почаще всякий раз
Ты поглядывай на нас!»

1936

246. ЗВЕЗДЫ

В небе тихо. Ночь ясна.
Ничего, что поздно, —
Мне не спится. Не до сна.
Я считаю звезды.

Солнце спряталось в леса.
Скрылся день куда-то.
Остывает полоса
Летнего заката.

Укрывает землю ночь
Синим покрывалом.
Добрых снов желает ночь
Всем глазам усталым.

Даже яблоню в цвету
Ночь не позабыла,
Даже яблоню — и ту
Тьма ночная скрыла.

Даже нива не слышна,
И река притихла.
В темной чаще тишина
Осыпает иглы.

Но выходят на посты
Звездные дозоры,
И видны им с высоты
Все леса, и горы,
И курганы, и поля,
И в лесах поляны,
Перед ними — вся земля,
Все моря и страны.
Тих и светел сон земли.
Небосвод искрится,
Светят звезды до зари,
И не спит граница.

...Может, звезды — отблеск тех,
Маленьких и алых,
Что мерцают в темноте
На ночных заставах?

...Далеко у синих гор,
Полночью безлунной,
В тишине несет дозор
Пограничник юный,
Пограничник молодой,
В новенькой пилотке,
С алой маленькой звездой
Ровно посередке.

Устремил во тьму он взгляд:
Там, у горной кручи,
Словно вороны, летят
Грозовые тучи.

Но ночной, притихший мрак
Звездочки боится!
Не пройдет границу враг —
Заперта граница!

...Тихо в небе. Ночь темна.
Ничего, что поздно, —
Мне не спится. Не до сна.
Я гляжу на звезды.

Ярче их в ночи горят
Звезды на границе.
Пусть спокойно дети спят,
Рощи, звери, птицы.

1936

247. ВОРОВАТЫЙ КОТЕНОК

1

Однажды,
узнав,
Что у нас из чулана
Куда-то
Бесследно
Пропала сметана,
Тихонько сказал
Своему я котенку,
Уйдя от чулана
Подальше в сторонку:
«Послушай, — шепнул я, —
В чулане — разбой:
Там — мыши,
И дело теперь — за тобой.
Ты должен, котенок,
Всех этих мышей
Прогнать из чулана
Как можно скорей».

2

Конечно,
все мыши,
Едва увидав
Котенка,
Спасаться помчались
Стремглав:
Забились —
Кто в норы,
Кто в дыры,
Кто в щели,

И там,
Еле живы от страха,
Сидели.
А котик мой смелый,
Косясь на сметану,
Неспешно,
Как сторож,
Ходил по чулану...

3

Но утром,
когда я
За маслом полез
В чулан,
Я увидел,
Что котик — исчез!
А с ним и сметана
Куда-то пропала,
Как будто ее
Никогда не бывало...
Ах, котик мой, котик,
Каких же мышей
Пошел прогонять ты
Из дыр и щелей,
Когда
Ты один лишь
Во всем виноват:
Ведь это
Не мыши,
А ты — вороват!..

1936

248. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, звезда ночей,
Свет моих очей,
Луч зари самой.
Засыпай скорей,
Ясный месяц мой.

Ветер песенкой
Уважит,
Сказку яблоня
Расскажет.

Спи, дочурка,
Засыпай.
Алли-балли,
Балли-бай!

Ты скорей — расти,
Как цветок цвети,
Взор тобой согрет.
Знай, твоей страны
В мире лучше нет!

Глянет солнце
С высоты,
Прибегут к тебе
Цветы.

Спи, дочурка,
Засыпай.
Алли-балли,
Балли-бай!

Апрель 1937

249. ЧУЛПАН

Летите, голубые ветры лета,
Уже заря забрезжила в окне.
Когда взойдет Чулпан — звезда рассвета,—
Ей весточку подайте обо мне.

В ее лицо вы заглянуть спешите —
И вы зарю увидите на нем.
А волосы, как рощи, расчешите
Невидимым и нежным гребешком.

Я так по ней, по звездочке, скучаю!
Да как же не соскучиться по ней —
Ее глаза смеются, излучая
Любовь и свет. И на душе теплей.

Мне за нее отдать не жалко жизни —
Жила б она средь мира и весны.
И все мы — очень дороги Отчизне,
И все мы — дети солнечной страны.

Летите, голубые ветры лета,
Уже заря забрезжила в окне.
Когда взойдет Чулпан — звезда рассвета, —
Ей весточку подайте обо мне.

Май 1937

250. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДОЧЕРИ

Элли-бэлли, озорница,
Пусть тебе спокойно спится,
Звездочка моя, певунья,
Птица счастья, песня-птица!

Час придет — и эта песня
Полетит над всей страною,
В синем-синем поднебесье
Станет звездочка звездою.

Элли-бэлли, спи, дочурка,
За день очень ты устала,
Дремлет сад, где ты играла.
Спишь ли, звездочка моя?

Элли-бэлли-бэлли-бэу,
Элли-бэлли-бэлли-бэу...

24 февраля 1938

251. ВОЛЬНЫЕ ВЕТРЫ

Вольные ветры,
Вольные ветры,
Тучи вы гоните,
С бурями споря,

И белогривый табун
За собою
Водите вы
По свирепому морю!

Гладите вы то пшеницу,
То клевер,
То, развернувшись,
Летите на Север,
Чтобы прогнать
На пути каравана
Айсберг, что спрятался
В клочьях тумана.

Вольные ветры,
Вольные ветры,
Всюду вы были,
По свету летая:
Есть ли страна,
Что похожа на нашу,
Есть ли еще
На планете такая?

Чтобы она была
Так же свободна,
Недра — богаты,
Земля — плодородна,
Лес — полон ягод,
А поле — пшеницы
И необъятны
Морские границы,
Счастливы взрослые,
Веселы дети, —
Есть ли такая
Другая
На свете?

И отвечали
Вольные ветры:
«Много мы видели,
Много летали,

Только отчизны,
Похожей на нашу,
Нет, не видали,
Нет, не видали...»

Сентябрь 1938

252. ПЕСНЯ ПАРАШЮТИСТОК

1

Белым облакам землю не застлать,
Белым облакам нас не испугать.
Всё равно сквозь них мы летим стремглав,
Всё равно земных мы коснемся трав!

2

Злобные ветра бешено ревут,
Злобные ветра лица нам секут.
Всё равно в груди не задуть огня,
Всё равно с пути не столкнуть меня!

3

Родина моя, вся тебе любовь!
Родина моя, встречу нам готовь!
Мой широкий плес, мой дремучий лес,
Принимай салям от родных небес!

4

С именем твоим, родина, живем,
С именем твоим сквозь тайгу идем.
Принимай, страна, дочерей своих:
Нет сильнее их, нет вернее их!

1938

253. ДЕВОЧКЕ ИЗ МЕНЗЕЛИНСКА

Ты прощай, моя умница.
Погрусти обо мне.
Перейду через улицу —
Окажусь на войне.

Если пуля достанется —
Тогда не до встреч.
Ну а песня останется —
Постарайся сберечь...

25 ноября 1941

254. ПЕСНЯ ЕЛОЧКИ

Елку-тетушку встречайте,
Посмотрите, как пышна!
Приоделась — да из леса
В гости к нам пришла она.

Здравствуй, елочка, входи-ка,
Отряхни-ка снег густой,
А чуть-чуть оттаешь — песню
Нам о Новом годе спой.

Стройным станом колыхаясь,
Стала елочка плясать,
Песню новую ребятам
Стала звонко напевать:

«Новый год настанет скоро,
Будет радость вам дарить, —
Этот год к большой победе
Должен славный путь открыть.

В этот вечер новогодний
Вы в тепле, в родном дому,
А отцы и братья встретят
Этот день в огне, в дыму.

Слава подвигам батыров —
Ваших братьев и отцов:
Край родимый защищая,
Крепко бьют они врагов.

А в лесу густые ели
Заслоняют их в бою —
Помогают им сражаться,
Мстить за Родину свою.

Я прошу вас: мне не нужно
Украшений и даров —
Ни красивых свеч зажженных,
Ни сверкающих шаров.

Лучше к празднику подарки
Приготовьте для отцов —
Для воюющих на фронте
Беззаветных храбрецов.

А в письме им напишите
Пожеланье всех детей:
Чтобы, с Гитлером покончив,
Возвращались поскорей!..»

Сразу детям полюбился
Доброй елочки совет,
И на фронт, собрав подарки,
Шлют ребята свой привет:

«С Новым годом поздравляем
Мы вас, дяденьки-бойцы,
Вам больших побед желаем,
Наши братья и отцы!

Вам подарки посылаем,
Пусть победным будет год, —
День за днем, громя фашистов,
Смело двигайтесь вперед!..»

15 декабря 1941

255. ДЖИМ

Поэма

> В 1935 году в фашистской Германии принят закон, по которому всем истинно немецким детям, потомкам арийцев, запрещается иметь игрушки, изображающие чернокожих, и запрещается играть такими игрушками.
>
> *Из газет*

1

У печальной тихой Эммы
Горестей не счесть.
Но сегодня будет праздник —
Ей ведь нынче шесть.
Вот придет с завода папа,
Как настанет ночь,
Он обнимет, приголубит
Маленькую дочь.
Дяди-гости вместе с папой
Нынче к ним придут,
Свечи в честь малютки Эммы
На столе зажгут.
Ах, какой веселый праздник!
Хоть разок в году
Можно позабыть про голод,
Холод и нужду.

На цветок похожа Эмма,
Но и я, и ты
Знаем: без тепла и света
Не цветут цветы.
Эмма хочет жить иначе,
Танцевать и петь,
Хочет в небо голубое
Облачком взлететь,
Хочет, чтоб еда в тарелке
Вкусная была,
Хочет ласкового взгляда,
Солнца и тепла,
Хочет выйти в новом платье,

Быть красивей всех,
Хочет слышать птичий щебет
И веселый смех.
Только в той стране, где эта
Девочка живет,
Флаг со свастикой, как туча,
За́стит небосвод.
Там фашист — всему хозяин.
На расправу скор,
Черноперый злой стервятник
Крылья распростер,
Он забрал в кривые когти
Всё, чем жив народ,
И вокруг поля и рощи
Хищным взглядом жжет.

Эмме он велит в подвале
Жить и умереть.
Даже из окна на небо
Ей не посмотреть.
Всё забрал проклятый хищник
Под свое крыло:
Радость, волю, миску супа,
Солнце и тепло.
Сыро и темно в подвале,
Слишком он глубок,
А в окошко виден только
Кованый сапог.
Это ходит толстый шупо,
Караулит дом,
И его боится Эмма,
Прячась за окном.
Ей бы хоть платок на плечи,
Но ведь нет платка —
И она дрожит от страха
И от сквозняка.
А отец чуть свет уходит,
Затемно придет.
Девочка в постель ложится
И тихонько ждет.
Стонет бабушка слепая.
Трудно тем, кто слеп.

Скучно тут. Как скучно Эмме,
И как снится хлеб!

2

Но сегодня будет праздник
Раз за целый год,
Будет вечером веселье,
Вся печаль уйдет.
Шум в дверях — и входит папа!
И с улыбкой — к ней!
Он привел с собой с завода
Дяденек-гостей.
И все добрые такие,
Встали все в кружок.
Веселись и прыгай, Эмма,
Маленький дружок!
Самый славный, самый умный
Речь проговорил,
Куклу — пупса-негритенка —
Эмме подарил.
«Пупсик-пупсик, мой любимый», —
Эмма говорит.
«Назову тебя я Джимом», —
Эмма говорит.
Разрумянилась, смеется,
Села в уголок.
Нет, сегодня вправду-вправду
Праздничный денек!
Замечательная кукла —
Чернокожий Джим!
Всё забыв, играет Эмма
С пупсиком своим.
А собравшиеся гости
Сели вкруг стола,
О свободе и о счастье
Речь у них пошла.
Как им справиться с фашизмом —
Обсуждают план.
А по улице несется
Снежный вихрь-буран,
А бурану громким свистом

Отозвалась ночь...
Гости-дяденьки вскочили,
Выбежали прочь.
Эмма бросилась за ними,
Плача в три ручья.
Папа обернулся, молвил:
«Доченька моя!
Ты не плачь. Вернусь я скоро.
Ты ступай в постель».
Обнял дочку и за всеми
Выбежал в метель.

3

Ветер нес неутомимо
Ледяную мглу.
Эмма, обнимая Джима,
Плакала в углу.
Папа так и не вернулся,
Хлеба — ни куска.
Поутру в подвал вломились
Два штурмовика.

Стонет бабушка слепая.
Леденящий страх
Загоняет в угол Эмму
С Джимом на руках.
Всё порвали, перерыли,
Затоптали в грязь, —
Ничего не отыскали,
Унялись, плюясь.
Но обвел большой усатый
Рухлядь взглядом злым,
Глядь — а что в руках у Эммы?
Негритенок Джим!

И сказал большой усатый:
«Это что за дрянь!»
И сказал большой усатый:
«Вот улика! Глянь!

Беззаконная игрушка!
Рожа что мазут!

Отобрать и опечатать!
И представить в суд!»
Эмма, обнимая Джима,
Съежилась в комок,
От штурмовиков забилась
В самый уголок.
«Нет! Неправда! Джим красивый!
Я не верю вам!
Дяденьки, не троньте Джима!
Я его не дам!»

Но могучи кулачища
У штурмовика,
Отняли они у Эммы
Черного дружка.
Что-то там большой усатый
На листке черкнул,
С хрустом смял красавца Джима
И в мешок швырнул.

4

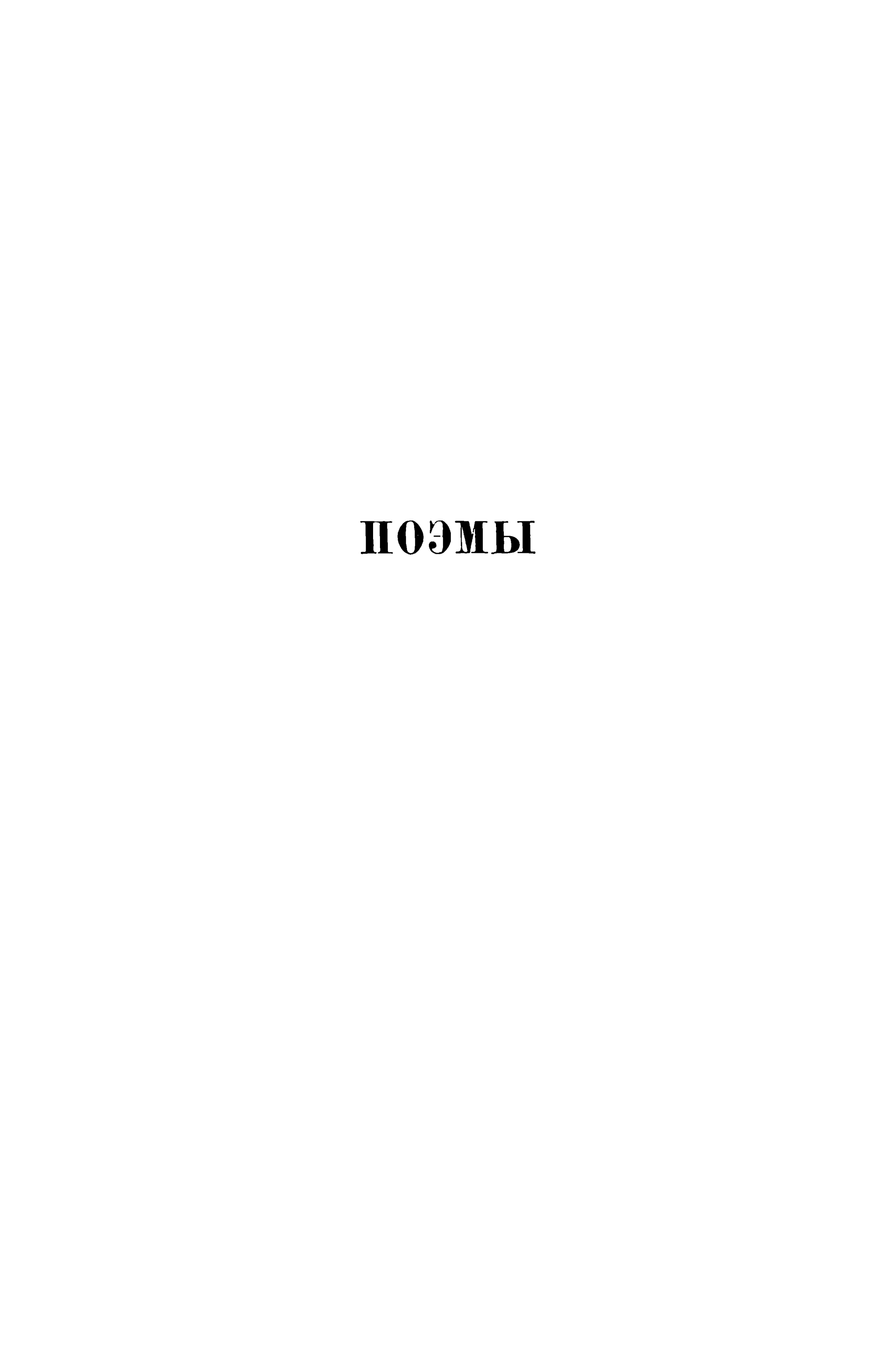
Вышли, двери не закрыли
Два штурмовика.
Мигом завладел подвалом
Холод сквозняка.
Эмма мерзнет,
Эмме голод
Начал горло жечь,
Но никто не даст ей хлеба,
Не затопит печь.

Эмма плачет, утирая
Слезы рукавом,
Ждет отца, в комочек съежась
Прямо под окном.
«Приходи скорее, папа!
Я устала ждать.
Ты забыл сегодня Эмме
Ломтик хлеба дать.
Обними меня покрепче
И в руках согрей,

А усатого большого
Прогони скорей!
Почему они забрали
Джима в свой мешок?
Он ведь был такой хороший,
Черный мой дружок!
Папочка, а дяди-гости
К нам еще придут?
Папа, а другого Джима
Мне они дадут?»

Холод, голод.
День проходит,
Наступает ночь,
Но напрасно кличет папу
Маленькая дочь.
Из тех мест отцы не ходят
К дочерям своим.
Где ты, праздник? Где ты, папа?
Где ты, милый Джим?

1935, 1937

ПОЭМЫ

256. СИРОТЫ

— «Зимний буран...»
Ночь настает.
Ветер свистит,
Вьюга ревет...
Ревет и...
    Сразу встает
        Перед глазами
            Образ «сирот».
«Зимний буран...» —
    И сразу идет:
«Замерз...
    сирота...
        у самых ворот...»
«Зимний буран...» —
    И вот уже, вот —
        Длинная сказка
            Начало берет.

А кто же они — сироты?

Словно стая голодных волков,
    Буран завывает...
        На один тоскливый мотив.
Слушай, читаю:
    «Дети-сироты умирают,
        Не дождавшись теплых деньков,
            Жизни радостей не вкусив...»

Какие сироты?
Что это значит?
Кого отпевают?
О ком это плачут?
. . . .

Зимний буран...
Близится ночь.
Ветер свистит —
Как в сказке точь-в-точь.
В два этажа
Каменный дом.
Окна горят
Яркие в нем.
И в этом свете —
Дети, дети...
— «Ты сирота?»
— «Я? Сирота...»
— «А ты сирота?»
— «Сирота, говорят...»
Не помнит
    Ни матери, ни отца
        Никто
            Из здешних ребят.
Даже не знают —
    Откуда им знать! —
        Были ль на свете
            Отец и мать?
. . . .

Слушай, читаю:
«Морозная ночь...
Буран слепит.
Село у тракта
В сугробах лежит.
Снегом завалено,
Спит село.
Тропинки к воротам
Перемело...

Рядом тесовые —
А не подойти!
И снова сбивается
Мальчик с пути...
Из сил выбивается.
Злей мороз...
Щеки бураном
Исхлещет до слез...
Свалит мальчонку
У чьих-то ворот,
Гнусавым голосом
    Отпоет...

Он совсем еще маленький...
    Участь зла...
Скоро год, как без матери,
    Без угла.
Он по селам скитается
    Сиротой...
Никогда не встречается
    С добротой...
Счастье жизни потеряно
    Для таких...
Сто дорог перемеряно
    Горевых!
Жжет жарою и холодом,
    Вьюгой бьет,
Вдоль домов гонит голодом
    Всё вперед...
Плачет он, убивается,
    Сирота.
Но плотней запираются
    Ворота.
Просит хлеба хоть сколечко
    Да тепла.
Света б малая щелочка
    Где была!
Ни руки помогающей,
    Ни словца.
Лишь буран завывающий
    Без конца...

Люди сытые, черствые
Крепко спят...
Разве мальчик, сиротствуя,
Виноват?..»
. . . .
«Ну а конец?»
— «Конец плохой...»
Затихли ребята
На миг-другой.
Как же это?
Как?
Почему?
И не объяснишь
Никому.
— Зимний буран...
Улица,
Где
В холодном сугробе —
Смерть сироте...
Улица...
Ночь...
Буран
Ревет...

Сугроб окрестили —
«Могила сирот».
Раньше считали:
Сиротство — смерть...
А мы говорим:
Как еще посмотреть!..
Эй... сироты!
Ну-ка
Сыграем, споем
Песню
О детстве
Счастливом своем:
«Дети-пионеры, становитесь в круг,
Так, чтоб рядом с другом был надежный друг.
Пусть сильнее бьются смелые сердца,
Пионер Коммуне верен до конца.
Пионер, как птица, в алый мир летит,
Прямо к коммунизму путь его лежит».

«Сирота» — устаревшее слово.
Зачеркнем и напишем:
«Долой!»
Белоголовы и черноголовы,
Все мы —
Дети страны родной.
Мы — пионеры,
Нам родина —
Мать,
Отца пионеров —
Лениным
Звать.
Мы старшим братом —
Зовем комсомол. . .
Пусть зимний буран
Будет лют и зол,
Пусть с воем голодным
Ищет сирот, —
Нигде
        Сегодня
            Сирот
                Не найдет. . .

А «сирот»
Из теплого дома большого
Выведут строем. . .
Буран, свисти!
Лишь улыбнутся дети
И снова
Будут снежками
Кидаться в пути. . .
Зимний буран. . .
Не пугай детей. . .
Приходит конец
Власти твоей. . .
Зимний буран. . .
Не студи сердец. . .
Песенка спета твоя
Наконец! . .

Зимний буран. . .
. . . .

Мусор старой жизни —
Сирота.
А у нас — отчизны
Широта.
Брошенных
Отыщем
Мы детей,
Воспитаем
Стоящих людей.
Без отца, без матери
Живут.
К коммунизму —
Вырастут —
Придут.
Над сиротским детством
Навсегда
Загорится
Алая звезда!

Октябрь 1925
Орск

257. НА ЗАВОДЕ «ОРЛЕС»

Впервые весь день на «Орлесе»
Под кровом просторных цехов
Я слушал веселые песни
Могучего хора станков.

И сердце мое веселело,
Когда, окрыляя меня,
В цехах неумолчно гремела
Симфония этого дня.

Движенья здесь быстры и ровны,
Здесь гул над станками парит.
Я вижу: тяжелые бревна
Танцуют гудению в ритм.

А девушки шутят друг с дружкой
За быстрым и ладным трудом.
Взлетают опилки и стружки
И на пол ложатся потом.

Сколь-зит дос-ка
Во-след дос-ке.
Дос-ка — в тис-ках.
Дос-ка — в стан-ке.

Злясь, зубами вгрызлась быстро
В доску острая пила.
И со скрежетом, со свистом
Доску режет пополам.

Доски тонки,
Стружки клейки.
В клетки
На узкоколейке
За доской легла доска.
По узкоколейной ветке
Цокот, клекот
Вагонетки,
Тарахтящей в такт станкам.

Вижу: бревно, накренившись неровно,
С грохотом грозным разгон берет,
Грузною массой огромные бревна
Катятся в груды вперед.

Тогда на завод я впервые
Из тихой деревни попал.
И вот, поражен и взволнован,
Я ночь до рассвета не спал.

Я за полночь из дому вышел,
И в ясной ночной тишине
Казалось гуденье «Орлеса»
Бодрящею музыкой мне.

Как будто утроились силы,
Как будто сквозь дремную тишь
Под эту могучую песню
Уже не идешь, а летишь.
К нам тракторы едут в деревню,
И скоро и мы средь лугов
Услышим машинное пенье,
Подобное пенью станков.

Эти грохот и гул
Средь ночной тишины
Мне напомнили
Годы гражданской войны.
Снова темная ночь.
Винтовка в руке.
Вспышки выстрелов вражьих
Видны вдалеке.

Но всё ближе к нам
Яростный кашель орудий.
По траншеям к атаке
Готовятся люди.
Вот шрапнель
Разрывается над головой,
Вот винтовочный залп,
Как сигнал штурмовой,
Вот горячая, дробная
Речь пулемета...
И в атаку, в атаку
Идет пехота.
Это бой!
Это тот девятнадцатый год,
Что прошел
Чередою больших непогод,
Что, гремя боевыми громами
Над нами,
Научил нас бесстрашью
И сделал бойцами.
Ободрил нас тогда
Орудийный гром,
Звал в атаку
Бесстрашно идти напролом.
Словно музыка,
Пела в ушах канонада,
Призывая, уча нас
Сражаться, как надо.
И под музыку боя —
И смелы и стойки —
Мы с врагами
В сражениях бились тогда.
А сейчас по цехам нашим
Музыка стройки
Ободряет в работе
Героев труда.

Одного из таких героев
Я увидел сегодня днем.
Это старый рабочий завода,
Машинист, —
мне сказали о нем.

Словно копоть пороховая —
Так ресницы черны у него.
Отблеск схваток пятого года
Я увидел в глазах его.

Он умеет работать на славу,
Был им враг не один сражен.
Всю историю классовых схваток
Сохраняет в памяти он.

Да, бригады рабочих «Орлеса»
За трудом у могучих станков —
Это те же могучие звенья
Славных красногвардейских полков.

Петушиное пенье
В деревне нас
Призывает к работе
В утренний час.
На «Орлесе» ж
В предутренний холодок,
Как петух голосистый,
Запел гудок.
Как он рано проснулся!
Как звонко поет,
Призывая рабочих
Идти на завод!
Заря встает.
Гудит гудок,
Гудок зовет:
Вставай, браток!
Гудок гудит:
Кончай еду!
Гудок гудит:
Пора к труду!
Гудок гудит:
Пускай станок!
Гудит гудок:
Обедать срок!
Гудит гудок:
За труд опять!

Гудок гудит:
Пора кончать!
И рабочий,
Как друга, гудок полюбя,
На него стал надеяться,
Как на себя.
По гудку
Начинались у нас забастовки
И рабочий бросал
На заводе труд.
По гудку пролетарии,
Взяв винтовки,
Для защиты Советов
На фронт идут.
Воедино сплотясь
Под гудки заводские,
Приготовив
Порох, и сталь, и свинец,
Мы господству
Отъевшейся буржуазии
Положили в Октябрьские дни конец.
А когда скончался
Владимир Ильич
И огромное горе
Нам горло сдавило, —
Не гудков ли
Печальный, но пламенный клич
Нас призвал к единенью
С могучею силой?!
И гудок
Потому стал родным для рабочих,
Что воспитывал их
В многотрудные дни,
Чтоб, единство свое
Укрепив и упрочив,
Коллективом
Себя осознали они.

Не сразу я понял значенье
Речей заводского гудка.
Рабочие же понимают
Язык его наверняка.

Летят его песни в просторы,
Взвиваются под облака,
И в нашей деревне порою
Мы отзвуки слышим гудка.

И смысл его речи могучей
Для чуткого уха открыт:
О смычке рабочих с крестьянством
Гудок заводской говорит.

До свиданья, друзья! Пишите!
Я, вернувшись в деревню свою,
Расскажу о строительстве вашем
И победах в бескровном бою.

Мы живем от вас недалеко.
Приезжайте же к нам налегке,
Чтобы песни полей услышать,
Чтоб селу рассказать о гудке.

1926
Оренбург

258. МИНУВШИЕ ГОДЫ

1

Судьба моя, песня,
Я слышу твой зов, —
И память спешит по горячему следу,
И годы гудят голосами шагов,
И дали сдаются подковам победы.

Во мне эти ритмы
И ночью и днем.
И сердце мое — словно эхо живое.
На кровью пропитанном шаре земном
И сам я — как песня последнего боя.

Откройте,
Откройте пошире окно!
Вы слышите... слышите...
Это сквозь годы
Идут комсомольцы...
И сердце должно
Пролиться на улицу
Маршем свободы.

«Смело мы в бой пойдем
За власть Советов.
И, как один, умрем
В борьбе за это...»
Идут...
Я стою, прислонившись к окну.
Идут, опаленные яростным боем,

Идут, заслоняя сердцами страну,
И небо над ними поет голубое.

А я...
Погодите,
Воды мне глоток...
Известна мне слова могучая сила.
«Идем!» — это слово так много вместило.
В потоке и капля — не капля, поток.
Я вам расскажу, как слова восстают,
Как насмерть встают
И песню поют...

2

Лена, Лена — река-красавица!
Солнце-золото в Лене плавится.
По весне — река разольется,
Схлынет — золото остается.
Солнце-золото мы искали,
А нужду на горбу таскали.

Мы пели редко,
Чаще плакали,
Вдоль берегов песок гребли,
И наши слезы в Лену капали
И в Море Лаптевых текли.
Не оттого ли так задумчиво
Качались баржи на реке,
Не оттого ль звезда падучая
Катилась по ее щеке...
Одним — купаться в блеске злата,
Другим — проклятья слать судьбе.
О, если б знало, сколько зла ты
Таило, золото, в себе!
Но ты ли в этом виновато...

По пояс брат в песке сыром
Весь день породу бьет кайлом.
Он с детских лет — встает чуть свет
И спину гнет, — а хлеба нет.

Хибара наша холодна,
А мать голодная больна, —
В худом тряпье живой скелет. . .
Поесть бы ей — а хлеба нет.

Из года в год не жгучий пот,
А золото со спин течет.
Под ношей лет трещит хребет,
А хлеба нет. . .
А хлеба — нет! . .

Не слаще каторги работа,
Но брат мой выгнан за ворота,
И сотня с ним таких, как он.
Кого-то в кандалы за что-то,
Кого-то в ссылку на болота,
Под колокольный звон —
Закон. . .

А ночью. . .
Лил дождь оголтелый,
И, крадучись возле оград,
Провел через двор запустелый
Десяток товарищей брат.
Я понял,
Что им не до песен.
Но брат мне шепнул:
«Не робей!»
Окошко тряпьем занавесил,
Поставил меня у дверей.

Гудела на прииске драга,
А Лена крушила причал,
И слышался клекот оврага,
И ветер заборы качал.
И капель холодные слитки
Хлестали меня по спине.
У двери я вымок до нитки,
Но не было холодно мне.
Слова приглушенные слышу,

А тело от злости знобит,
За дверью то громче,
то тише:
«Зарублен. . .»
— «Повешен. . .»
— «Убит. . .»
— «На верхнюю шахту — листовку. . .»
— «Ведь ты большевик, Искандер. . .»
— «Рабочие ждут. . .»
— «Забастовка. . .»
— «Оружие. . .»
— «Есть револьвер. . .»

И вдруг —
В темноте ослепительный свет,
И топот сапог,
И свистки у забора.
Я к двери бросаюсь —
а голоса нет.
Хриплю, словно пальцы хватают за горло. . .

Задами ушли,
Растворились во тьме. . .
Ворвались жандармы,
хватились — да поздно,
Не схвачен никто и никто не опознан. . .
Грозятся жандармы:
«Подохнешь в тюрьме. . .»
— «Всё знаешь, гаденыш! . .»
Но я был упрям.
И мокрая лопнула тут же рубаха,
И вспух под нагайкой алеющий шрам, —
Но не было в теле ни боли, ни страха.
За мать мою взялись:
«А ну, говори! . .»
— «Больной притворяется, старая ведьма! . .»
— «Тряхнуть бы ее, да помрет до зари. . .»
Ушли матерясь и шарахнули дверью.

Запомнился мне этот день,
Он в сердце живет и поныне.
Он первая в жизни ступень,
Моя боевая святыня.
Нас время хлестало свинцом,
Железная ненависть зрела.
Я в детстве поклялся — борцом
Стоять за рабочее дело.

3

Прищурясь, Двенадцатый год
Прицелился в сердце Апреля —
И охнул над ним небосвод,
И кровью окрасился лед,
Прошитый свинцовой капелью.

О Лена, родная река,
Под тяжким Двенадцатым годом
Стонали твои берега,
Кровавым гремя ледоходом.

Какую за Ленский расстрел
Ты выберешь, сердце, расплату!
Среди окровавленных тел
Нашел я любимого брата.
И, с телом его на руках,
Кричал палачам я:
«Стреляйте! ..
Хоть шахты в кровавых телах,
Вы золото здесь добывайте!»
Как солнце убитого дня,
Под дулами вставшего насмерть,
Мой брат на руках у меня
Хрипел,
И глаза его гасли...

«Будь крепким, братишка,
Вперед...» —
Успел он шепнуть, умирая.
Я помню Двенадцатый год
И голос переднего края.

А после —
Железо тюремных ворот,
Глухие подвалы,
Кандальные цепи. . .
И долгие годы я жил, словно крот,
Без света и воздуха,
Но не без цели.
А не было мне и пятнадцати лет.
Гнилое зловонье,
Промозглая сырость —
В пылающих легких оставили след,
Свистят и клокочут кровавые дыры.
Забыть бы. . .
Да кашель забыть не дает,
Он легкие рвет настигающим шквалом —
До смерти мне с кровью выплевывать лед
И липкую плесень тюремных подвалов.

4

Когда наш Октябрь победил на фронтах,
Зарницы боев еще пели на лицах,
В прожженных кожанках,
В суровых бинтах
Шагал комсомол площадями столицы.

Тогда делегатов встречала Москва, —
Мы были посланцами племени юных, —
В поющих сердцах пламенели слова;
Пылали знамена на громких трибунах.

Он был как стихия — бушующий зал —
Разбужен внезапным ЕГО появленьем.
Еще он пока ничего не сказал,
Но это был — Ленин. . .
И грянуло: «Ленин! . .»

В глубокой наставшей потом тишине
Мы слушали голос свободы и правды,
И не было, не было выше награды
За годы крутые в крови и в огне.

Он словом с трибуны взрывал тишину,
Качалось «ура! . .» над овацией зала,
И в окна выплескивало волну,
И новая следом волна нарастала.

Мы были доверьем его смущены,
Но креп его голос, торжествен и весок,
Что мы — это будущее страны,
Великой и первой отчизны Советов.

Был ленинский мир удивительно нов
И молод,
Как пламя его молодое.
Дыханье захватывало от слов,
Горели глаза и пылали ладони.

А он говорил нам о новых делах,
О новых боях,
О грядущей эпохе. . .
И виделся нам небывалый размах,
И жадным сердцам открывались истоки.

Мы знали,
Чего наша молодость стоит,
И, слушая ленинские слова,
Мы были готовы грядущее строить,
Для новой борьбы засучив рукава.

Какой же ты будешь, Россия-разруха? . .
В тифозных бараках — больные вповал. . .
Ни угля. . .
Ни хлеба. . .
Раздета, разута. . .
Под ржавой трухой умирает металл.

Но мы на фронтах не такое видали.
В окопной грязи,
По колена в крови,
С последней затяжкой махорки
Мечтали
О жизни —
К которой ведут нас бои.

Вокруг нас сжимались смертельные кольца,
Нас ставили к стенке,
Пытали огнем. . .
Но партия знала, что мы — комсомольцы,
А значит, не струсим и не подведем.

Я помню торжество момента,
Когда вдруг словно вырос зал, —
В кипящий шторм аплодисментов
Поплыл «Интернационал». . .

О, вещее значенье слов!
Несли слова мы — как знамена:
«Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов. . .»

Товарищи. . .
Братья. . .
Не только бои,
Не только тюремные долгие годы
На светлый наш праздник меня привели,
На праздник всего трудового народа. . .
Не только. . .
Не только. . .
Воды мне глоток. . .
Не сердце в груди — а валун раскаленный. . .
Как будто не воду я пью — кипяток,
Как будто не воздух вдыхаю — песок,
И сыплется он, как в колодец бездонный,
Колодец бездонный,
С пылающим ртом
И с вечною жаждой, —
Воды мне. . .
Воды мне! . .
Я помню окоп,
Опаленный огнем,
Под Нарвой,
Окоп, задохнувшийся в дыме. . .

5

Дымится окоп.
Кипит пулемет.
Снаряд —
недолет...
Шрапнель —
перелет...
Прет на окопы свинцовый град —
Юденич рвется на Петроград.
Встречный ветер шинели рвет.
«Сколько до Гатчины?»
— «Сорок верст...»
— «Белая сволочь!»
— «Добавь огня!»
Пуля —
мимо,
Пуля —
в меня...
Был я без памяти десять часов,
Брошена жизнь на качели весов.
В легких застрял разрывной свинец,
Кровью задушит — песне конец.
Черная пуля меня нашла,
В сердце Советов она не прошла.
Выжил я,
Выжил!
Вернулся в отряд.
Кто еще хочет на Петроград!

Дайте воды...
Я не всё рассказал...
В седлах качал нас
Огненный шквал.
Песня смыкала
Наши ряды.
Дайте воды мне,
Дайте воды...

6

Банда Махно — словно снежный ком,
Бандитов две тысячи,
Все — верхом,

Тачанки стелются по степи,
Как псы, сорвавшиеся с цепи.
Хутор,
станица —
спалит и уйдет,
Сто километров в день — переход,
Лови ветра в поле,
Пали по кустам,
Сегодня — здесь он,
а завтра — там...
Анархия-мама!..
День погостят —
Бабы над дочками голосят,
Хлопцы на грушах в саду висят —
Ветер раскачивает тела...
«Комсомолец?!»
— «Повесить — и все дела!..»
Рыскают кони... В намет!
Налет...
Полдеревни — под пулемет...

В степи за рекой гуляет пальба.
Общий сбор играет труба.
К строю выходит наш комполка.
Воздух горячий сечет рука:
«Бойцы революции! Сердце горит!
Рабочую кровь проливает бандит!
Бесится пламя над воплем сел...
Слово свое скажи — комсомол!..»

«Нашим ли саблям в ножнах скучать!..»
— «Ясное дело!..»
— «Пора кончать!..»
— «Даешь Гуляй-Поле!..»
— «Время не ждет!..»
— «Кто добровольцы?
Шаг вперед!»

Дрогнул на знамени алый шелк —
Шагнул, как выдохнул, красный полк.
Юное сердце в пекле огня.

«Меня запишите. . .»
— «Меня! . .»
— «Меня! . .»

В степи за рекой гуляет пальба.
Марш походный играет труба. . .

«Все пушки, пушки грохотали,
Трещал наш пу-у-лемет. . .»
Мы молодость в песнях купали,
И песни вели нас вперед.

А пальцы то нежили планки,
То снова взводили курок. . .
И сипло дышали тальянки
Над пылью и дымом дорог. . .

Ты с нами, походная песня,
Походная наша гармонь. . .
Недаром ходили мы вместе
В свинцовый смертельный огонь. . .

Огонь! . .
Неожиданный, справа
И слева кинжальный огонь. . .
И, брызгая кровью по травам,
Тачанки несутся в разгон.
И песня оборвана сразу —
В тальянке четырнадцать дыр. . .
«Чего же мы ждем! . .»
— «Нет приказа! . .»
— «В атаку бы. . .»
— «Где командир?!»

Тяжелое солнце полудня
Сочится по граням штыка,
И сердце колотится глухо,
И раненный в грудь комполка
Хрипит:
«На махновцев. . . в атаку! . .

Прижмите тачанки к реке,
Не выбраться им из оврагов,
Увязнуть в прибрежном песке...
Вперед!..—
Покачнулся и замер...—
Вперед!»—
И упал на бугор...
Но наше багряное знамя
Уже обжигало простор.

Вперед, коммунары!
Целься верней!
Приказ командира — в залпах цепей.
Отходит Махно к берегам реки,
С флангов — овраги,
С тыла — пески.
Куда девалась былая прыть —
Тачанки топчутся, не прикрыть...
Махно занимает последний рубеж,
Заря набухла, как алый рубец.
Быстро темнеет южная степь.
Роет окопы первая цепь.
Сумерки...
Темень.
Хоть выколи глаз.
В бреду командир повторяет приказ...
Стынут окопы — ждать до утра.
«Уйдут бандиты!..»
— «Река быстра...»
— «Ночью не очень кинешься вплавь...»
— «Эй, братишка, курнуть оставь».
— «В оба гляди, враг впереди».
— «Стой, кто идет?!»
— «Пароль».
— «Проходи...»

Рано светает.
Играет горн...
«По бандитам... Беглый огонь!»

Утро победы предрешено,
Бросив тачанки, уходит Махно.
По следу с клинками летит «ура! ..».
Не дожил наш командир до утра...

Песню сложили бойцы о нем,
С нами песня была под огнем.
Погиб комполка, а песня — живет!
Спел бы...
Да кашель петь не дает.
То среди ночи, то среди дня
Кашель проклятый душит меня.
Снятся мне стены душной тюрьмы,
Снятся застенки крови и тьмы.
Снова залпы над грудами тел,
И снова меня ведут на расстрел.
И кто-то ставит меня к стене,
Холодное дуло прижав к спине.
Выстрел.
Соленая кровь во рту...
И я просыпаюсь в холодном поту.
А наяву...
Карабинов клац...
В тюрьмах Европы рабочий класс...
Грязь по колена,
Зловещий смрад,
Обнявшись, в камере стоя спят.
В склепе подвала под потолком
Грязные капли —
Высохшим ртом,
Запрокинув голову, можешь ловить,
Если очень хочется пить,
Если очень хочется жить...
Гады! ..
Под полом тюрем — лед
Ноги высохшие грызет,
Холод по телу к сердцу ползет...
В клетках
Держат, словно зверей.
Дулами смотрят
Зрачки дверей...

Солдаты вымуштрованы —
власть!
Ты не сдавайся,
Рабочий класс!
Есть дорога к грядущему дню —
Я никогда ей не изменю!

Я желт уже, как высохшая кость.
Выплевывая гниль сгоревших легких,
Считаю я рубцы боев далеких
И ярость дней, простреленных насквозь. .
Вы ждете слов — мне трудно говорить. . .
Не спрашивайте, воздуха не хватит. . .
Писал я за столом, теперь — в кровати,
Но я пишу, покуда буду жить.

В окно мое врывается простор,
И я его приветствую, покуда
Во мне еще гнездится жизнь, как чудо,
И смерть встречает яростный отпор.

Приветствую я новый день и жизнь,
Приветствую и праздники и будни,
И солнечность золотоносных жил
Колосьев на ликующей трибуне.

Мне радостно, что заводской гудок
Подхватит поезд, пролетевший мимо,
И солнцу улыбнется мой значок
Багряным флагом боевого КИМа.

Я чувствую, от легкого в груди
Теперь уже осталась только четверть.
Я знаю, что всей жизни не исчерпать,
А смерть придет — не скажешь «погоди!».

Дорога кровью вся обожжена,
И каждый день, вскипающий над нею, —
История. . .
Но так она длинна,
Что я ее закончить не успею. . .

Пойте, пойте...
Стальные ряды...
Пусть не знает душа отступленья.
Пусть шаги твои будут тверды,
Молодое мое поколенье!

. . . .
. . . .

Будет путь наш и крут и суров,
Но, в упрямо идущих колоннах,
Пусть бессмертные песни отцов
Развернут боевые знамена!

1924, 1929

259. ДИРЕКТОР И СОЛНЦЕ

Озорная поэма

БИБИ-СОЛНЦЕ

Солнце пробудилось ныне рано,
В облака оделось, как в шелка,
И ресницы тянет из тумана,
Из-за синих гор, издалека.

На рассвете за холмом зеленым
Спят еще совхозные дворы.
Смотрит взглядом Солнышко влюбленным,
Радуется, прячась до поры.

Притаившись, смотрит, как в долине
Новый день ступает на порог. . .
Поморгало. . . Встало на вершине —
Золотой в прическе гребешок.

Засмеялась радостно, игриво
Рябь озер в рассветном серебре.
Гибкие
обрадовались ивы
Солнышку, красавице заре.

Крыльями легко взмахнули птицы,
На ветвях запели от души. . .
Ручейки с камнями сговориться
Шепотом пытаются в тиши.
Наступило время росам чистым
Умывать и травы, и цветы.

Солнце,
полотенцем став пушистым,
Розам лица сушит с высоты.
Всё ему привычно тут, знакомо,
Сделалось над пашнями светло. . .
Солнышко
к директорскому дому
По совхозной улице прошло.
Вот он, дом.
Распахнутые окна. . .
Разбудить директора пора.
Руку —
золотистые волокна
Солнце протянуло со двора.
Ищет,
а его — как не бывало. . .
Солнышко струит к постели свет,
Водит по узорам одеяла —
Только вот директора-то нет!
Всё напрасно. . .
Солнце опоздало,
Хоть оно и пробудилось в срок, —
Но директор спал сегодня мало,
Он уже в полях, он спать не мог. . .

Видимо, обидевшись немножко,
«Девушкой чужой» уязвлена,
Выставила Солнце за окошко
Гневная
директора жена.
Заслонила Солнце шалью плотной —
В комнату опять вернулась мгла. . .
А жена,
зевая беззаботно,
Снова на постель свою легла.

Биби-Солнце улицей просторной
Шло в поля, в необозримый край.
Жаворонок звонкий и проворный
В небе пел про новый урожай.

Как поля совхозные огромны!
Рожь на них, пшеница и овсы. . .
Посмотри,
как крупные колосья
Задирают, хвастаясь, носы!
Ночью под туманным покрывалом
Спят посевы в чуткой тишине —
Но не спит директор,
а заснет он —
Те колосья видит и во сне.
На заре край неба выцветает
И редеет тьма над головой,
А директор по полям совхозным
Искоркой проносится живой.

Солнце прихорашивалось только —
Он же переделал столько дел!
Всё сумел проверить, всё к работе
Приготовить засветло успел.

Биби-Солнце снова опоздало. . .
Ах, директор! — обманулось в нем.
А потом
ко ржи приревновало,
Эта ревность
жжет его огнем.

НЕБРИТЫЙ ДИРЕКТОР

Урожай хорош, без края нивы —
Взглядом не охватишь никогда.
Ты, земля,
как великан из сказки,
Рожь — твоя большая борода.

И глядит директор в эти дали:
Сколько у тебя земель, совхоз!
Не узнать директора сегодня —
Бородою жесткой он оброс.
Он лица касается: щетина!

«Знаю сам,
давно не брился я,
Урожай и на щеках обилен,
Только есть ли время для бритья?
Этот урожай ни сгнить не может,
Ни сгореть. . .
А урожай с полей
Не дает покоя мне, тревожит —
Хорошо бы сбрить его скорей!

Рожь, пшеница — нежные созданья,
Если их убрать не сможешь в срок,
Будут зерна падать, укоряя:
Как нерасторопен ты, дружок!

Ветер, как степняк лихой и дерзкий,
Силою
порой целует рожь,
Рвет колосья, осыпает зерна —
Не найдешь потом, не соберешь.

Он людей заставит поклониться,
Собирать вручную их, как встарь. . .
На дорогу спелая пшеница
Осыпает розовый янтарь».

И во все глаза глядит директор —
Даль пред ним ясна и широка. . .
А со лба стекает пот горячий,
Обмывает щеки, как река.
Он глядит, не замечая зноя:
Каждое упавшее зерно,
Труженика душу беспокоя,
Ценности невиданной полно.

Биби-Солнце
красненький платочек
Повязало, смотрит с высоты:
«Ты угомонишься ли, проклятый,
Может, отдохнуть присядешь ты?»

Друг от друга полевые станы
Далеко раскинулись. . .
Не раз
К ним директор на коне поскачет —
Ведь хозяйский всюду нужен глаз. . .
У жнецов не ладится работа —
Скачет к ним, минута дорога.
По дороге окликает кто-то —
Смотришь: недометаны стога.
Объяснит, что надо, он, покажет,
Сам за труд возьмется заодно.
«Это кто снопы так вяжет, — скажет, —
Густо наземь падает зерно!»
Молотьбу худую видит око:
Вот блеснул в соломе колосок!
Плуги землю пашут неглубоко,
Сев озимых не закончен в срок. . .
И душа директора, как пламя,
Мечется: повсюду интерес,
То, глядишь, толкует с плугарями,
То, глядишь, на стог уже залез. . .

Он ведет
О жатве речи,
Сам покажет, объяснит,
Сам поднимет
Сноп на плечи,
Сам похвалит, сам бранит.
«Торопись, длиннее тени,
Холоднее станет день —
Дождь нас высечет осенний
За медлительность и лень!»

Биби-Солнце
с нежностью большою
Смотрит на директора с небес.
Он же — словно с каменной душою —
К Солнышку утратил интерес.
Фетровую шляпу сверху видно —
Взор его, попробуй, улови!
Очень это Солнышку обидно,
Солнышко сгорает от любви!

Только раз в глаза взглянуть хотело,
Только раз, шутя, пощекотать,
Ласковым лучом коснуться тела —
Да отверг он эту благодать...

Он опять куда-то скачет в поле,
Теплым ветром радостно дыша, —
И летит к колосьям поневоле,
И на них качается — душа!

ЛОДЫРЬ КЕРИМ

В тихое обеденное время
В стог высокий спрятался Керим.
Он лежал, лениво растянувшись,
И дремал — спокоен и незрим.
Сонной пропитались тишиною
Мускулы его...
Удивлено
Было Солнце странным человеком —
С любопытством глянуло оно.

Ведь ему на небе одиноко,
Хоть играй во что-то, хоть кричи...
«Это что еще за лежебока?» —
Протянуло пальчики-лучи.
Лодыря оно пощекотало:
Ну-ка, мол, давай поговорим!
До того Кериму сладко стало —
Тянется и нежится Керим!
Округлился рот его в зевоте,
Видно: жиром щеки затекли.
...В поле бьют в набат —
зовут к работе,
Трактор громко фыркает вдали,
Все за дело стали приниматься —
Без труда
убрать возможно ль рожь...
Только вот Кериму — не подняться,
Место лучше —
где еще найдешь?

Блики Солнца нежно обнимая,
Снова он уснул и захрапел...
Спал он много, мало ли —
не знаю,
Только тут директор подоспел!
«Спишь, Керим?
Да что ж это такое?
Можно ли дремать, когда страна,
Не страшась ни холода, ни зноя,
Хлеб убрать до зернышка должна?
Даже в ночь идет работа...
Ты же
В ясный день всё тянешься к стогам...
Леностью своею ты,
бесстыжий,
Помогаешь классовым врагам!»

Биби-Солнце молвило сердито:
«Больше не могу терпеть обид,
Думалось: нашла себе джигита —
Только мой джигит
всё время спит!
Ну а председатель той порою,
Яростно за лень его браня,
Взял да и увел его с собою —
И не смотрят оба на меня!»

Счастлив был Керим в тот день едва ли —
Он не заработал ничего,
На собранье — лодырем назвали,
Из совхоза выгнали его.
А наутро
брел Керим по тропке,
Голову понуро опустив.
Солнца луч его касался робко,
Грустный он
насвистывал мотив.

Песня о полыни

Вспоминаю, как весной
Просо сеяли с тобой.
Только — взгляд куда ни кинь —
Там не просо —
Там полынь.
Некрасива и густа,
Липнет к просу неспроста.
В бой идем мы на полынь —
Вырви с корнем, дальше кинь,
Запах по ветру развей —
Станет просо здоровей. . .
То, что просом мы зовем, —
Наш совхоз, наш добрый дом!
Есть у нас лентяй Керим —
Мы полынь сравнили с ним!
Хорошо живется ныне
Без Керима, без полыни!

КРАСАВИЦА ЗЯМИЛЯ

Биби-Солнце
красненький платочек
Повязало, смотрит с высоты:
«Ты угомонишься ли, директор?
Может, отдохнуть присядешь ты?»

А директор в поле скачет снова —
Над простором пахотной земли
Слышится:
рокочет на Куктау
Трактор знаменитой Зямили.

Песня о Зямиле

Рано бойкий трактор вышел ныне
Покорять совхозные поля.
На своей прославленной машине
До чего красива Зямиля!

Волны ржи вздымаются, как горы,
Молодую душу веселя...
Озирая хлебные просторы,
Смело трактор водит Зямиля.

Тронет ветер платье голубое —
И помчит, колосья шевеля...
Весь совхоз любуется тобою,
Славит эти руки, Зямиля!

Полнится твой взор веселым светом,
Добрая улыбка широка...
Знаем мы: не зря твоим портретом
Красная украшена доска!

...Зямиля усердно трактор водит,
Мягкою любуется землей...
А директор с лошади не сходит —
Он залюбовался Зямилей.
Целый день
лицо ее пылится —
Но зубов сверкает белизна;
Легкий ветер трогает ресницы,
Смотрит так приветливо она.
По щекам
стекает пот горячий —
Наступила трудная пора...
Старики
желают ей удачи,
Бригадиры —
счастья и добра.
А джигиты песнями своими
Славят этой труженицы имя:
«Рано бойкий трактор вышел ныне
Покорять совхозные поля.
На своей прославленной машине
До чего красива Зямиля!»

Конь идет по тракторному следу,
Трактор замедляет ход — и вот
С девушкой директор наш беседу
Под лучами жаркими ведет...

Покрывалом шелковым
от дыма
Голубеет конская спина...
Зямиля в труде неутомима:
«Много сделать я еще должна...»
— «Вижу, перевыполнила норму,
Молодец! — сказал он. — Нажимай!»
— «Сделали немало до сих пор мы —
Сделаем и больше,
так и знай!»
Ну а Биби-Солнце той порою,
За день находившись тяжело,
За далекой пряталось горою,
За леса сосновые ушло.
Но его не проводили взглядом
Ни директор наш,
ни Зямиля —
Он опять поехал по бригадам,
Трактор — снова двинулся в поля.

...Солнышку луна пришла на смену,
Чистым светом
залила тока.
Люди там трудились вдохновенно,
Ночь им показалась коротка.
Зямиля любимый мыла трактор —
Смазывала, чистила, скребла,
И на три часа
заснул директор —
Пахота и в снах его жила...
Ветерки
в тиши прошелестели,
В дальнюю скользнули темноту,
Но куда б они
ни поглядели —
Всюду люди были на посту!

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Вот и сбрили с поля рыжий волос,
Бороду побрили и усы...
Взвешен на ладони
каждый колос,

Убран хлеб с последней полосы.
Снова трактор
в поле тянет плуги,
Снова ходит, пашни бороня, —
Чтоб всходила озимь по округе,
Радостно сверкали зеленя.
На токах
зерна сложились горы,
Цвет их темен, густо-красноват. . .
Радует зерно
рабочих взоры,
А директор — он ли уж не рад?

Каждый колос
всасывая жадно,
Молотилка доедает сноп. . .
Всё идет размеренно и ладно —
И директор вытирает лоб:
Это — пот его, его заботы,
Это — недосмотренные сны. . .
Он подумал:
всё-таки хоть что-то
Для родимой сделано страны.
Эти зерна, как дитя во чреве
Носит мать, — он выносил в душе. . .
Об уборке думая, о севе,
Словно вновь родился он уже!

Улыбнулся: не легка работа,
Весь оброс я, борода страшна, —
Но ведь из таких крупинок пота
Эти тонны сложены зерна!

«Эх, земля родная!
Отстояли
Мы тебя от бар и от вельмож,
На тебе мы кровью записали
Наше право —
сеять эту рожь!
В перестрелках
дым клубился горький
И свистел так яростно свинец. . .

В каждом поле,
на любом пригорке
Похоронен доблестный боец.
Под багровым знаменем
упорно
Шли отцы вперед, к победе шли, —
Капли крови жаркой, словно зерна,
В эту землю милую легли!

Пронеслись года.
И там, где кровью
Засевались пашни, — ты взгляни —
Небывалой прорастают новью
Наши замечательные дни.

Ну а этот пот,
зерно вот это
Для себя мы сеем, знаешь ты, —
Чтоб всходили новые рассветы,
Алые прекрасные цветы!»

Песня о земле

Белый свой чекмень сняла —
И теперь земля гола...
Умывается весной
Чистой влагой дождевой.
В свете солнечных лучей
Загорает всё черней —
Шьем тогда ей миром всем
Платье новое совсем:
Зеленеющий сатин,
Вышит нами каждый клин!
Этим платьицем гордясь,
Раззадорясь, веселясь,
Ветерком освежена,
С нами трудится она!
Ты — напарница, земля,
Ты — ударница, земля!

Так и мы, весной трудясь,
Раззадорясь, веселясь,

В свете солнечных лучей
Землю славим горячей!
Мы идем к тебе, земля,
Силы поровну деля,
Ведь любовь к тебе и труд
Урожай большой дадут.
Наши полнятся поля —
Ты колхозница, земля!
Пусть культурен и богат
Твой чудесный станет сад:
Мы тебя омолодим,
Силы новые дадим!

ОБИДА БИБИ-СОЛНЦА

Что-то рано стало темновато,
И поздней светает на лугах,
А туман и серый, и горбатый
Виснет на домах и на стогах...
Биби-Солнце поздно смотрит в стекла,
Как-то неулыбчиво, всерьез.
Алое лицо чуть-чуть поблекло,
Вроде даже сморщился и нос!
Горькую обиду не скрывает —
Это не какой-нибудь каприз,
В ясном небе долго не бывает,
С полпути сворачивает вниз.

Если так,
обидишься, конечно, —
Ведь, когда на землю ни взгляни, —
Твой любимый
не глядит сердечно,
Он в трудах свои проводит дни.

Солнце так однажды рассердилось,
Что не вышло к людям до поры:
Небо злыми тучами покрылось,
Словно дым из огненной горы...
Грянул гром,
и между облаками
Молния метнулась, грозный дух,

Будто стадо с черными быками
Гнал хлыстом сверкающим пастух!

А потом
ударил дождь колючий,
Ветры шли над травами, низки,
Струйками отточенными тучи
Взяли землю стылую в штыки.

Но уже неубранного хлеба
Нет в полях, и не грозит беда, —
Не пугаясь пасмурного неба,
Хлеб
машины возят в города.

Дождь осенний,
злобный и холодный,
Он надолго, верно, зарядил.
Но последний грузовик сегодня
Ты, директор, в город снарядил.
Смелые, улыбчивые лица
Говорят шоферу:
«В добрый путь!»
То, что осень морщится и злится,
Право, их не трогает ничуть!

Не сама ль земля
вчера подарок
Принесла — веселую гармонь,
От нее — и праздничен и ярок —
Заискрился песенный огонь...

Вот меха гармони
всколыхнулись,
Песня вдохновенная звенит.
Люди подошли, вокруг сомкнулись —
Эта песня
тянет, как магнит.
Сколько в ней веселья и раздолья —
Озаренней
чувства не найдешь!
Так волнами покрывает поле

Густо уродившаяся рожь.
Быстро пробежали пальцы молний
По блестящим струнам дождевым,
И раскат громовый, страсти полный,
Слился с песней,
с гулом ветровым.

И уже симфония звучала
Над землей, что вечно молода,
Прославляя
новых дней начало,
Доблесть коллективного труда.

А директор
в роли дирижера
Управляет,
встав на грузовик, —
Не сводя сияющего взора
С золотого хлеба...
Напрямик
К городу —
дорога от совхоза,
И по ней, погоде вопреки,
Хлебные торопятся обозы,
Полные зерном грузовики.

Знать, не зря и сеем мы
и пашем:
Этот хлеб, что солнышко, блестит,
О победе,
о единстве нашем
Пусть друзей и братьев известит!

Мы себя позором не покрыли —
Нам свершить великое дано,
О партийной стойкости и силе
Расскажи, добытое зерно!

Мы хотим, чтоб Родина узнала,
Что в борьбе суровой и в трудах
Люди большевистского закала
На совхозных выросли полях!

Песня о хлебных обозах

На ровной на дороге
Машины грузовые,
Машины грузовые —
В них зерна золотые!

Куда машина мчится?
Зачем ей торопиться?
«Рабочим людям нужен хлеб,
Она летит, как птица!»

Алеют на машинах
Ударников знамена,
Ударников знамена —
Всех знаем поименно!

Куда машина мчится?
Зачем ей торопиться?
«Красноармейцам нужен хлеб,
Она летит, как птица!»

Богаты урожаи —
Собрали их совхозы,
Собрали их совхозы —
И в город шлют обозы.

Куда машина мчится?
Зачем ей торопиться?
Встречают в городе ее —
Она летит, как птица!

В КРЫМУ

Поезд вылетает из тоннеля,
Оставляя ленточки дымков...
Проплывают видимые еле
Тени розоватых облаков.
Пал на кипарисы белый пояс —
Поезд мчит вперед, неутомим;

Гроздья винограда
пудрит поезд
Паровым дыханием своим.
«Прибыл я, — уже гудит с разгона, —
Жив-здоров, чуть-чуть устал в конце...»
А директор
вышел из вагона —
Светится улыбка на лице.

В белых брюках
и в рубашке белой,
Выбрит — ни усов, ни бороды.
Хорошо свое ты сделал дело —
Отдыхом сменяются труды!

Добрый Крым!
Сестрою милосердия
К нам склонись,
нас вылечи, прими!
Лучше нет борца
с болезнью, смертью —
Ты же наш, ты свой же, черт возьми!
Вот волна пугает белой гривой,
Под скалой гремит береговой,
А тебя узна́ет — не шумливой
Станет вдруг, совсем не штормовой.
Брюки засучив, забравшись в море,
Словно люди, встали валуны.
Смотрят, ветром дышат на просторе,
Не страшась бушующей волны.

...Обмакнув лучи в морскую воду,
Встало Солнце, разгоняя тьму,
А директор в сторону восхода
Посмотрел — и говорит ему:

«Биби-Солнце, протяни ладони,
Улыбнись, обиды позабудь...
Я тебя на мраморном балконе
Жду давно, и ветром дышит грудь.

Я работал днями и ночами,
И, пока своих не сделал дел, —
Под твоими добрыми лучами
Загорать я права не имел.
В середине лета трудового
Как бы мог
на твой смотреть я свет,
Если б Солнца самого большого —
Родины — не выполнил завет?»

Солнце поднялось, вздохнуло даже,
Тучки разогнало вдалеке,
А директор — ждет уже на пляже,
На горячем нежится песке:
«Биби-Солнце!
Добрым будь и милым,
Ты меня в объятье заключи!
Силу возврати усталым жилам,
Приласкай меня,
пощекочи!
Пусть твое тепло
моею кровью
Будет, как зерно, сохранено;
Пусть залогом крепкого здоровья
До весны продержится оно...
А когда по полевым просторам
В мае зашагает новый труд —
Пусть во мне и силой,
и задором
Эти зерна солнца прорастут!»

Тут совсем исчезли с пляжа тени,
Тут любви настало торжество —
И без всяких ссор и объяснений
Солнце с жаром обняло его.

Если, созидатели,
случится
Ослабеть вам
в яростной борьбе:
Озарит больной румянец лица

И усталость
скажет о себе,
Путь ваш — в Крым!
Тут ветер над садами
Пролетит,
чтоб руки вам пожать,
Кипарисы стройными рядами
Вас до пляжа будут провожать!
Столько будет жизни
в птичьих трелях,
Солнце вас согреет, словно мать,
И волна
на голубых качелях
Будет вас без устали качать...

Тут для вас магнолии раскроют
Белые молочные цветы,
Чайки перед взором вашим
взмоют,
Крыльями помашут с высоты.
Девушка пройдет на виноградник —
Сладким соком ягоды полны...
Этот виноград —
тебе, ударник,
Песни с виноградника слышны...
Кто болел —
здоровье здесь находит,
Свежий воздух
наполняет грудь...
Солнышко, обняв, тебя проводит
Так, как милых
провожают в путь...

Веселей, друзья!
Мы в песнях правы —
Где страну счастливее найдешь?
Делом чести,
доблести
и славы
Стал в ней труд.
И отдых в ней — хорош!

Декабрь 1934 — январь 1935

260. ДЖИГАН

1

Кончается лето. Плоды созрели —
Румяны, сочны.
Цыплята, что вылупились весною, —
Крупны и жирны.
У стройных берез опадают листья
И реют вокруг.
Готовятся дикие гуси и утки
К отлету на юг.
Ленивое и не жаркое солнце,
Осенняя тишь;
В тумане скрывается вечерами
Река Саилмыш.
Легли золотые колосья в поле
Тяжелым снопом,
И с песней течет в закрома пшеница
Отборным зерном.
Моркови нарыли на огородах —
Возами везли;
Багровые помидоры пылают,
Склонясь до земли.
С утра по дороге — обозы с хлебом, —
Весь край будет сыт.
И мост на реке Саилмыш от груза
Поет и кряхтит.
Земля награждает каждого щедро.
Кто славен в труде,
Кто сил не жалел, обливаясь потом
На борозде, —

Весь хлеб, что получит он за работу,
В амбар не войдет,
И ложка его будет в масле плавать
Всю зиму, весь год.

2

Джиган — бригадир-полевод в колхозе,
Почтенна, умна.
Кто трудолюбив — ей друг, а лентяя
Прочь гонит она.

За что ни возьмется — всю душу вложит,
Научит труду,
Покажет пример отсталым, про отдых
Забудет в страду.

На севе и на уборке бригада
Ее впереди.
И радостно ей, и сердцу от счастья
Тесно в груди.

Но счастье ее не полно, с щербинкой:
В бригаде у ней
Расходится с делом, с нормой не ладит
Колхозник Герей.

Жнивье или сев — у всех на работе
Сердца горячи.
А где же Герей? Кто видел Герея?
Он спит на печи.

Когда же к обеду жирную кашу
На стол подадут,
Почесываясь, он тянется к ложке,
Уж тут как тут.

«Лентяй-лежебока, не землероб он!» —
О нем говорят.
«Отару овца паршивая портит!» —
Кругом говорят.

Джиган упрекала его, стыдила —
Всё мимо ушей.
Был на посмешище «Ложкой» прозван
Лодырь Герей.

3

С утра молотила рожь, соревнуясь,
Бригада Джиган;
И голос Джиган, задорный, веселый,
Звенел на весь стан...

Обед наступил. Молотилка стихла.
В тени, на столе,
Горячая каша как будто дымилась
В огромном котле.

Герей, как всегда, к обеду явился,
Присел у стола.
Вот тут и вскипела Джиган, — знать, больше
Терпеть не могла:

«Как дело к обеду — первый за ложку!
До каши ловкач!
А почему ж на гумне ты не ловок?
Работа — хоть плачь!

Скажи: почему в снопах, нерадивый,
Сгноил нашу рожь?
И на молотьбу почему не вышел?
Обманом живешь?!

Не стал человеком Герей, колхозу
Приносит он вред.
Решим на собранье: в бригаде места
Прогульщику нет!..»

Безмолвный и жалкий, Герей, шатаясь,
Ушел по жнивью.
Лишь ложка его на столе осталась
На самом краю.

4

Джиган еще девушкой — лет минуло
    Не мало с тех пор —
Герея встретила и полюбила
    И, наперекор
Отцу и матери, вышла замуж,
    Покинув семью.
И дружно они, молодые, стали
    Жизнь строить свою.

Герей батраком был, Джиган — батрачкой,
    Нужда с нуждой.
Работали оба тогда на бая
    За хлеб с водой.
Всесильна любовь: забыть и страданья
    Заставит она;
И в жизни была им спутницей верной
    Она лишь одна.

Когда же, бывало, беда большая
    нахлынет на них —
Умели и слезы, и скудную радость
    Делить на двоих.
Привыкли они выходить на работу
    По ранней звезде.
При горестях разных они находили
    Забвенье в труде.

Все годы о жизни светлой мечтали.
    И вот в Октябре
Из мрака освобожденные вышли
    Навстречу заре.
Глаза не туманились, как бывало,
    От горестных слез.
В ауле они одними из первых
    Вступили в колхоз.
Их, обездоленных, долей счастливой
    Колхоз наделил,
Опорою был им, неистощимым
    Источником сил...

Прославилась вскоре Джиган как лучший
Из всех полевод.
Весною она бригадиром стала —
Ей верил народ.

Не по сердцу было только Герею,
И с этой весны
Ему не давали покоя думы,
Как тучи черны.
«Забавно! — Герей размышлял с досадой. —
Где смысл? И какой?
Жена — командир, верховодит всюду,
А муж — рядовой».

С тех пор и пошло: прикинется хворым, —
Жена — бригадир.
Проспит, прогуляет полдня — жена, мол,
Не мне командир.

5

Склонялося солнце. Роща шумела
В багрянце лучей.
С гумна возвращался к дому понурый
И мрачный Герей.
Как будто взвалили грузную ношу
На плечи ему.
Измучили думы, и нету мочи
Рассеять их тьму.

«Положим, ленив я... Порой — прогулы...
Могла же она
Меня защитить и не опозорить?
Джиган — мне жена.
А может, меня не считает и мужем,
Нашелся другой?
Ей ближе бригада, люди роднее,
А я — чужой...

Теперь ни с того ни с сего — начальство.
Знать, мы не равны!
Уж где человеку простому почесть, —
Не вышли чины...

Но двадцать лет с нею прожили вместе —
    Ни ссор, ни обид.
Джиган, что наделала ты? Неужели
    Тобой я забыт? ..»

6

Закат полыхал, и в окне пожаром
    Полнеба зажгло.
Томился Герей и ждал с нетерпеньем:
    «Вот солнце зашло.
Придет ли Джиган, как прежде когда-то, —
    Родною женой?
Что скажет она? .. Иль вернется снова
    Недоброй, чужой?»

Лишь к ночи Джиган, усталая за день,
    С работы пришла.
«Кого полюбила? — спросил он. — На смену
    Кого ты нашла?
Мы двадцать лет прожили вместе, рядом,
    И что ж — не любя?
Не знал я, что сердце такое будет
    В груди у тебя!»

Поникнул Герей и заплакал, слезы
    Свои не сдержав.
Задумчиво, грустно Джиган сказала:
    «Герей! Ты не прав.
Припомни, как спины гнули у бая —
    Батрачка, батрак.
Мы юность свою в слезах утопили
    На байских полях.
Припомни тот первый день, как вступили
    С тобою в колхоз.
Навеки тогда глаза осушили
    От горестных слез.
Здесь радость нашли мы, счастья основу, —
    Пойми же теперь!
Как душу свою, ни на что не сменяю
    Колхоз наш, поверь!»

7

На пост по безлюдной улице тихой
Шел сторож Мингаз.
Шел, трубку посасывая, старый,
В полуночный час.

Герей у ворот сидел одиноко,
Смотрел на луну.
Луной озаренный, он думал думу,
Всё ту же, одну.
«Эй, старый Мингаз! — он окликнул деда. —
Присядь в тишине.
Как жизнь? Что болтает-судачит в поле
Народ обо мне?
Герей, мол, растяпа, теленок, баба —
Мне ложка в укор.
Я двадцать лет прожил с женой в согласье —
Ни жалоб, ни ссор.
И вот опозорила перед всеми,
И муж ей не в счет.
Осталось идти мне лишь в загс районный:
„Пишите развод!“»

Мингаз постоял и сурово молвил:
«Послушай, Герей!
Джиган — бригадиром, а ты в бригаде
В ответе пред ней.
Ты сам виноват. И свою обиду
Оставь в стороне.
Ну, как ты работал? В снопах пшеницу
Сгноил на гумне.
Ты брал от земли колхозной, а что ты
Земле своей дал?
Колхозники в поле пот проливали,
Ты — шпалы считал.
Что могут сказать о тебе? Такие
Слова говорят:
Не стала Джиган на защиту мужа, —
Права, говорят.
Джиган-бригадир — как хозяйка в поле,
Умна, говорят.

Бороться за наш колхоз научила
Она, говорят...
А ложки застольной достоин каждый,
Кто сеял и жал.
«Не ест — не работающий!» — запомни:
Так Ленин сказал...»

Ушел торопливо Мингаз. Остался
Герей у ворот.
Что делать? И сердце его глухая
Тревога скребет.
Луна в облаках плыла. На дороге —
То тень, то светло.
Как тени вдоль улицы длинной, думы
Ползли тяжело.

Он — в избу, — и думы, не отставая,
С ним вместе идут.
Он всё еще слышит слова Мингаза,
Колхозников суд.

«Не место в бригаде тому, кто лодырь!» —
Джиган говорит.
У ней не расходится слово с делом, —
Крепка как гранит.

«Навеки колхозу верна, — сказала, —
Он — счастья залог.
Он к радостной новой жизни привел нас,
На светлый порог».

«Что правда, то правда. В колхоз вступили,
И с первого дня,
Себя не щадя, с любовью трудились,
Присягу храня.
А я — что любил, и крепил, и строил —
Всему изменил.
Запнулся вдруг сослепу и упал я, —
Встать не было сил».

И ночь без конца, и думы тягучи —
Теряется след:
«Идти ли в бригаду, иль в загс податься? —
И „да“ и „нет“».

8

Едва рассветает. Но шум и гомон
Стоит на току.
Как хищный голодный зверь, молотилка
Рычит на току.

Джиган по наряду заданье на день
Дает звеньевым.
Но кто это? Кто, по жнивью шагая,
Торопится к ним?

И вот подошел к бригадиру прямо:
«Я не отвлеку?
Есть время?» — спросил, потупясь. И гомон
Затих на току.

Ни слова — Джиган. А он заявленье
Протягивал ей:
«Зачислить прошу обратно в бригаду.
Низам Шан-Герей».

9

В то утро Герей перевыполнил норму, —
Как зверь молотил.
Во время обеда смешным рассказом
Он всех уморил:

«Вчера, на женку свою в обиде, —
Позорит меня! —
Надумал я в загс бежать за разводом,
Себя не виня.
Чуть свет — выхожу. А загс — в районе:
Идти да идти.
Бреду, проверяю: паспорт на месте.
Прошел полпути.

«А душу проверил?» — подумал. И что же?
Одна пустота
Осталась от всей обиды: душа-то —
Другая, не та.
„С ума не сходи! — душа говорит мне. —
Ведь как ни толкуй,
А загс не в районе, Герей: сегодня
Загс — на току“».

«Как загс на току? — удивился кто-то. —
Хватил через край!»
— «Ты не подгоняй! — Герей отмахнулся. —
Не перебивай!..
И вот повернул я на ток: в бригаду,
Как в загс, иду,
И не на развод — на женитьбу снова
У всех на виду».
Тут грянула добрым смехом бригада:
«Жених — так жених!
Пусть сватовство это будет крепким
Для нас и для них!»

Джиган ему ложку дала большую:
«Тому, кто мил,
За то, что бригаду ты, как родную,
Опять полюбил!»

Ой, каша была в тот день за обедом
На диво вкусна!
Шла молотьба до заката, и легкой
Казалась она.

Я слышал об этой осенней свадьбе.
Их радостен труд:
Они, молодея, первыми сеют
И первыми жнут.

Кто против колхоза, кто лежебока —
Заклятый их враг.

Примерной семьею слывут в ауле, —
    Бывал в тех краях.

Дом — полная чаша. Трудолюбивый,
    В почете Герей:
Кленовая ложка плавает в масле
    От трудодней.

1935—1938

261. ПИСЬМОНОСЕЦ

1

Почтальон — Тимербулат,
Истомлен Тимербулат.
В бригадиршу Файрузу
Так влюблен, что сам не рад.

Раннеутренней порой
Ветерки в траве снуют.
Вышли девушки гурьбой,
Песню девушки поют:
«Прежде жили мы вразброс,
Но крестьян спаял колхоз.
В одиночку трудно жить,
Нас колхоз сумел сплотить.
Песней душу веселя,
Мы выходим на поля.
Разве дома усидят
Асия и Василя?
Чтоб наполнить закрома,
Шевелитесь поживей.
Насима и Карима,
Песней радуйте своей.
Зорька-зоренька встает,
Ждет колхозная земля,
Ветерок нам подпоет,
Асия и Василя!»

Солнце в небе не взошло,
Розов ласковый рассвет.
А Булат спешит в село,
Оседлав велосипед.
С полной сумкой за спиной
Выезжает на большак.
Справа — ельник встал стеной,
Слева — ровный березняк.
На полях туман залег,
Он еще жемчужно-сер.
Над кустами — ветерок.
Он шуршит:
               жилбер-жилбер.
То рубашку вздует он,
То волос пригладит прядь.
Пунцовеет небосклон,
Время солнышку вставать.
Но...
        печален почтальон,
Он не смотрит на восход,
Чем-то парень удручен.
Что, скажи, тебя гнетет?
Он не видит красоты,
Не поднимет грустный взгляд.
Отчего горюешь ты,
Молодой Тимербулат?
Понапрасну ветерок
Теребил шутя кусты.
Он тоски прогнать не смог,
Не развеял маеты.

По дороге спицы блестят,
Птицей мчится Тимербулат.
В сумке кожаной за спиной,
Как обычно, письма лежат.

То он горку мягко берет,
То нырнет в сухой буерак.
Над простором волнистых вод
Белый парус взлетает так.

Если парус — велосипед,
Что зовется бурной волной?
В девятнадцать неполных лет
Юной крови ток огневой!
Может, спросим у седока:
Он печалится потому ль,
Что устала его рука
За рогатый держаться руль?
Нет, загвоздка, видно, в другом,
И усталость здесь ни при чем, —
Если милая не верна,
Полыхает сердце огнем.

2

Ежедневно, утром ранним,
Почтальон спешит в район.
Из Москвы и из Казани
Получает почту он.
Пишут многие в колхоз, —
Посчитать, так целый воз.
Получить давно желал
Письмецо одно Жамал.
Тракторист ответа ждет,
Ждет привета коневод.
Поварихе Шамсеруй
Кто-то часто письма шлет.
Вот пакет, еще пакет,
Вот газеты в сельсовет,
Письма с марками и без
В МТФ и МТС.
Словом, вся большая почта
В сумку втиснулась с трудом.
Рад почтарь наш, оттого что
Письма пишут в каждый дом.

Так-то так!
Да только «но» —
Затесалось здесь оно.
Среди писем почтальон
Увидал письмо одно.

Старики не зря твердят:
«Не идут дела на лад —
Так бери-ка, друг, курай,
На курае заиграй!»

———

И клубится и плывет
Пред его глазами тьма.
Он никак не отведет
Глаз от толстого письма.
Отчего же так, постой,
Ведь конверт совсем простой,
Одинаковый, как все,
Цветом светло-голубой.
Только почерк кудреват —
Кудреват-витиеват.
Шлет посланье из Москвы
Неизвестный адресат.
Буквы пляшут и рябят.
Грустно думает Булат:
«Файрузе письмо опять
Я обязан доставлять.
Кто же этот адресат?
Имя мне не разобрать».

Кто ей пишет аккуратно
Трижды в месяц?
Непонятно!
Но смотреть на эти письма
Почтальону неприятно!

Им владеет ревность, гнев...
По вискам струится пот;
Зубы сжав и побледнев,
Как змею, письмо берет.

А на почте говорят:
«Что с тобой, Тимербулат?
Стал белей бумаги вдруг,
Может, ты хвораешь, друг?»

— «Заболел я», —
почтальон
Отвечает, хмуря бровь.
И считает письма он,
Ошибаясь вновь и вновь.

Файруза, души частица,
Так, подружка, не годится.
Сердце парня молодого
На кусочки разлетится.

Он, бывает, весь день-деньской
Утешает себя с тоской:
«Может, пишет знакомый ей,
Не возлюбленный никакой...»
Нет...
Подумай!
Очнись!
Не так —
Возвращаясь в «Красный маяк»,
Поскорей он в поле спешит.
«Нет ли писем мне?» —
Файруза
Издалёка еще кричит.
А когда схватила пакет
(Пережить такого нельзя!), —
То в глазах ее вспыхнул свет,
Разрумянилась, расцвела,
Сразу всех подруг созвала:
«От него, — кричит, — от него!»
Слышно в голосе торжество,
Так довольна она сейчас,
Что готова пуститься в пляс,
Словно знамя вручили ей.
«Ну, скажите, чего ясней:
Получив письмо, адресат
Под собою не чует ног.
Письма, каждые десять дней, —
Неспроста!» — подумал Булат,
Подавляя тяжелый вздох.

В тот же день, едва закат
Вспыхнул в розовом дыму,
Увидал Тимербулат:
Файруза спешит к нему.
И когда смогла успеть
(Или дел важнее нет?),
Что знакомцу своему
Настрочить смогла ответ?
И от этого письма,
Что несет ему сама,
Побледнел наш почтальон,
Он готов сойти с ума.
Помутился зоркий взгляд,
Молодца колотит дрожь.
«Что с тобой, Тимербулат,
На себя ты не похож?
Ты с лица белей, чем мел,
Неужели заболел?» —
Удивилась Файруза.
«Я сегодня нездоров...»
Не поднимет он глаза,
Отыскать не может слов.
Ей как будто ни к чему,
Взгляд сияет и цветет.
И письмо она ему
Осторожно подает:
«На, гляди не потеряй!
Это очень важно, знай!»
И уходит егоза,
И довольна Файруза.
Сердце ранила она,
Ах, как больно, Файруза!..

3

Не хочу быть виноватым
Пред тобой, читатель мой.
Ты знаком с Тимербулатом —
Познакомься с Файрузой.
Разве много — двадцать лет?
Это — юности расцвет.

Как тростинка, строен стан,
Цвет лица ее румян,
Будто свет заря зажгла,
И улыбка весела,
Правду вымолвить, она,
Словно яблоко, спела.
Ярче вишни алый рот,
А слова — как сладкий мед.
Вдоль по улице пройдет,
Черной бровью поведет, —
На лугах и на полях
Молодежь о ней поет.
«Поднимает синий взгляд,
И цветы с ресниц летят», —
И на почте, и в пути
Так поет Тимербулат.
Но не только красотой,
И умом она взяла.
Файруза в деревне той
Первой девушкой слыла.

В этом правда заключена,
Сельхозкурсы кончив, она
Вновь в колхозе живет родном.
С той поры, без малого год,
Свой у нас теперь полевод,
А по званию — агроном.
Записалось в бригаду к ней
Много девушек и парней.
И они прошедшей зимой
Не дремали, как было встарь, —
Починили в срок инвентарь,
Фонд проверили семенной.
И правленье сошлось на том,
Что отдельный ей нужен дом, —
По заслугам выпала честь.
Чуть рассвет, на месте она,
Там работает дотемна,
Видно, дел колхозных не счесть.
То замочит в воде зерно,
Чтоб узнать, что всхоже оно,

На весы пинцетом кладет,
Не заметит, как ночь пройдет.

Словно шелк, скрипит снежок,
Кован медью сапожок,
Сыплет снежная крупа.
В окнах светится огонь,
Гомонит вдали гармонь,
Вдоль села идет толпа.
Лица радостны у всех;
Вдруг смолкает разом смех:
Из замка торчат ключи,
Сапогов не слышен скрип —
И гармони замер всхлип.
«Тсс...
          ребята,
                    помолчи!
Неужели не ушла?
Значит, важные дела!»
Позабыть никак нельзя,
Им сказала Файруза:
«Этим летом урожай
Больше втрое нужно снять.
Мы родной прославим край,
Только, чур, мне помогать!»

Вся округа, бывало, спит —
Файруза при лампе сидит.
Собирает бригаду днем,
О делах-трудах говорит.
Потому на улице той
Шум не слышится в час ночной.
«Тише!
          Думает Файруза!» —
Люди шепчутся меж собой.
«Нынче вновь сидит допоздна,
Отдыхать домой не идет...
Что-то вновь решает она!» —
С уваженьем шепчет народ.

«Ах, зачем вдруг встали вы,
Что же замолчали вы?
Открывайте смело дверь,
Вы мне все нужны теперь.
Поскорей, друзья, айда,
Заходите-ка сюда.
Посмотрите, что нашла я
После долгого труда!»
На крыльце, оттопав снег,
Парни в дом спешат гурьбой.
Мой читатель, прежде всех
Мы войдем туда с тобой.
Торопясь, кто здесь, кто там,
Все расселись по местам.
Смолкли смех и голоса,
И гармонь не гомонит —
Бригадирша Файруза
С молодежью говорит.
Сбросив теплый малахай,
За столом сидит Исмай,
Возле печки на полу
Сел на корточки Ибрай.
Утверждают план работ,
Совещание идет.
Всем заданье раздала,
Быстро кончены дела.
И немедля, в тот же миг
Смех и шум кругом возник.
Речь тальянка обрела:
Колокольцы-голоса,
Серебристый перебор.
Запевает Файруза,
Песнь подхватывает хор
(Как, скажите, утерпеть,
Чтобы с нею не запеть?):
«Ветви старый вяз простер,
По воде плывет бобер.
Не пугайся темноты,
В небе звезд горит костер.
Слышит шепот старый вяз:
„Я дружочка заждалась!..“»

Песнь прекрасна, Файруза,
Слушать можно без конца.
Но напрасно, Файруза,
Истерзала молодца.

4

Из района в наш колхоз
И зимой проложен тракт.
Щиплет щеки злой мороз —
Почтальонов лютый враг.
Он Булату нипочем,
Грудь его полна огнем,
Потому что Файруза
С ним нежнее с каждым днем.
Он газеты ей вручал,
И, когда касался рук,
То робел и замирал,
Сердце билось:
                    тук-тук-тук...
Это длилось пять минут, —
Мы должны его понять,
Что за эти пять минут
Можно жизнь легко отдать.
В сердце пламень возрастал,
С каждым днем сильнее жег.
По дорогам он шагал,
Под собой не чуя ног.

Вы же знаете,
                    как жжет
Тайный сладостный костер!
Нам сиянье сотни солнц
Заменяет ясный взор.
А вдобавок нежный взгляд
Был улыбкой подкреплен, —
Этим всем Тимербулат
Вдохновлен и окрылен.
Он, мечтою обуян,
Милой образ в сердце нес.
Не собьет его буран,

Не страшит его мороз.
Файруза о том одна
Догадаться не должна.

Быстро лето промелькнуло,
Гонит зиму прочь весна.
Озорным, веселым гулом
Стала улица полна.
Снеговых ручьев раздолье
С улиц кличет нас в поля.
И водою талой вволю
Напивается земля.
На лужайках шелк зеленый,
Ровной щеткой встала рожь.
На березках и на кленах
Золотых росинок дрожь.
Месяц май взрывает почки,
Розов яблоневый сад...
Как обычно, прямо с почты
К Файрузе пошел Булат.
Путь не близкий и не долгий, —
Почтальон шагать привык.
Прямо в руки первым долгом
Дал ей пачку заказных.
Расписавшись для порядка
В разлинованной тетрадке,
Что Булат с собой принес,
Файруза с улыбкой милой
Неожиданно спросила
Больше в шутку, чем всерьез:
«Говорят, частенько тайны
Поверяются письму,
И, выходит, не случайно
Ты способствуешь тому.
Ты сердца соединяешь,
Людям ты необходим,
Ну, а сам ты получаешь,
Письма шлешь друзьям своим?»

Услыхав вопрос непростой,
Озадачен был наш герой.
Он опешил и онемел,
Даже лоб немного вспотел.
Писем вовсе он не писал
И не думал об этом сам.
Почту только он доставлял,
По чужим носил адресам.
Потому на хитрый вопрос
Резко: «Нет!» —
Булат произнес.
Файруза:
«Не может быть так,
Иль не пишут тебе, бедняк? —
От души смеется она. —
Не пойму я это никак!
У сапожника нет сапог,
У ичижника нет ичиг.
Кто бы в это поверить мог:
Почтальон — без писем своих!»

Попрощался накоротке
Разобиженный почтальон.
Долго смех звенел вдалеке, —
Неужели он так смешон?

Грустно думает Булат:
«Почту честно разношу,
Может, впрямь я виноват,
Что посланий не пишу.
Я живу, как в полусне,
Не большая это честь.
Улыбались люди мне,
Получив от друга весть.
Не письмо, а пару крыл
Будто я им подарил.
Каждый, радуясь письму,
Так меня благодарил!
К Файрузе я подхожу,
Нужных слов не нахожу.
Если робок мой язык,

Дай письмо ей напишу.
Чтоб понять она смогла,
Что таится на уме,
Я, была иль не была,
Всё открою ей в письме».

5

Не простое время года,
Ты с волненьем опиши
Пробуждение природы,
Состояние души.
Что твердить об этом долго, —
Погляди, весна не ждет:
Подо льдом томилась Волга,
Но весна разбила лед.
И река течет вольготно,
Поиграть решила всласть, —
Волны катятся бессчетно,
Берегам суля напасть.
И бурлив посередине,
И широк речной разбег.
На лугу подснежник синий
Проломил головкой снег.
Знает он, что жизнь мгновенна:
У цветов недолог срок!
Но сверканию Вселенной
Рад проснувшийся цветок.

Ты, весна, и ты, подснежник, —
Дети призрачной судьбы.
В изумрудной дымке нежной
И березы и дубы.
И, в цветенье торопливы,
Над прибрежной гладью всей
Наклонили низко ивы
Пряди тоненьких ветвей.
Скоро всходам станет тесно,
Пар восходит от земли.
...Вновь дорогою небесной
Возвратились журавли.

Прошлой осенью собрали
Мы богатый урожай.
С легкой грустью провожали
Журавлей в далекий край.
Пусть цветы в садах пестрят,
Урожайный год сулят,
Тех, кто честно поработал,
За труды вознаградят.
Если вёсны зелены,
Ароматами полны,
Будет осенью достаток
Вплоть до будущей весны.
По весне ручей течет,
Дождик осенью сечет.
Коль весною в поле жарко,
Зимний холод не в зачет.
Коль весною полюбил,
В сердце пламень ощутил, —
Даже лютые морозы
Не остудят вешний пыл.
Осень холодом пахнет,
Мелкий дождик завернет,
Но тепло тому на свете,
В чьей груди любовь живет.
Осень хмурою бывает,
На лугах туман витает.
Пусть рожденное весною
Чувство душу согревает.

Распускается жасмин,
Окружил кольцом крыльцо.
Наш герой сидит один,
Сочиняет письмецо.
И в душе царит весна,
И блестят его глаза, —
Вспоминает, как ему
Улыбнулась Файруза.
Тихо листья шелестят,
В каплях рос лучи блестят.
Говорят, что для влюбленных
Солнце ярче во сто крат.

Веет ветер с высоты,
Чуть колеблются цветы.
Те слова, что на бумаге,
Вдохновенны и просты.
Черных строчек ровный ряд
Мелко стелется подряд.
Как дорожки, строчки эти
К сердцу путь найти велят.
«Файруза, мой свет зари,
Я всю зиму промолчал.
Жег огонь меня внутри,
Тайны я не открывал.
Жгучим чувством был томим,
Но в молчании терпел.
Я боялся быть смешным
И от этого немел.
Прятал я свои глаза
От твоих лукавых глаз,
Глянуть в сторону твою
Опасался лишний раз.
И в метели и в буран
Людям письма разнося,
Был я чувством обуян,
Скрыть которое нельзя.
Думал только о тебе,
Больше силы нет молчать.
Я доверился судьбе,
Я решился написать.
Без тебя не жить мне дня,
За признанье не вини.
Прочитав, прости меня
Иль презрением казни.
Письмоносец я простой,
До тебя мне далеко.
Но люблю я всей душой
Горячо и глубоко».

Был Булат немного поэт,
Впрочем, в этом странного нет.
Кто влюблен, тот пишет стихи,
Это знаем мы с давних лет.

Вдохновенье пришло к нему,
Он сдержать порыва не смог.
И добавил он посему
Стихотворных несколько строк.

Стихотворение

Почтальон не пишет писем, разве так заведено?
Оттого голубке белой сразу сделалось смешно.
В этих строчках письмоносец изливает душу, знай.
И письмо мое простое, коль не скучно, прочитай.
Без сапог ходил сапожник, брел ичижник босиком,
Но любовь сжигала сердце полыхающим огнем.
Письмоносец от любимой ждет ответного письма,
А когда его получит, от любви сойдет с ума!

Кончил он, поставил точку,
Положил письмо в конверт,
Но, случайно иль нарочно,
У конверта красный цвет.
Вывел адрес без помарки
И, как водится, потом
В уголке приклеил марку
На конверте красном том.
Тут взяло его сомненье:
«Как письмо мне отправлять,
Ведь оно без промедленья
Попадет ко мне опять?»
Почтальон, мол, поспеши ты,
Сам письмо ей в руки дай.
Может, в этом смысл сокрытый:
Сам пиши и сам вручай!
Но нескладно получиться
Может это всё, друзья:
Он стишок в конце страницы
Приписал, себя дразня:
«Вот работа так работа —
Почтальон не оплошал.
Отдает тебе с охотой
То письмо, что сам писал. . .»

6

Вышли девушки в поля.
Веет ранний ветерок.
Он проносится, пыля,
Над просторами дорог.
Первой смело Файруза
Начинает песню петь.
Коль запела Файруза,
Кто тут может утерпеть?
«Я писала не ленясь,
Почтальона заждалась.
Разобрать сумей, любимый,
Торопливых строчек вязь.
Птице надо полетать,
Чтобы пару подобрать.
Носит письма мой любимый, —
Самому их лень писать.
И приветы и поклон
Напишу в письме ему.
Коль догадлив почтальон, —
Значит, адрес ни к чему.
Я в письмо любовь вложу,
Но его не подпишу.
Пусть узнает мой любимый,
Чем живу я и дышу!»

Чуть забрезжит ранний рассвет,
По дороге спицы блестят.
Это мчится велосипед,
Это едет Тимербулат.
В сумке кожаной за спиной,
Как обычно, письма лежат.
Все он письма пересчитал.
«Их сто десять ровно», —
сказал.
Люди шлют друг другу привет,
Письма пишут издалека.
Сто десятый, красный, конверт
Задержала его рука.
И слегка неловко ему,
Постарайтесь парня понять, —
Он доверил тайну письму

И письмо обязан отдать.
Долго он в раздумье стоит,
Как тут быть, и сам не решит.
«Может, лучше письмо порвать
И по ветру пустить клочки?
Но... постой!
Ведь так поступать
Почтарю никак не с руки!»
Расписался за письма он,
Их — сто десять, — проверен счет,
И ответственность почтальон
В полной мере за них несет.
За три года службы Булат
Не замечен ни в чем дурном:
Как дыханием дорожат,
Дорожил он каждым письмом.
Не терял он ни одного,
Не порвал он ни одного.
С полной сумкою за спиной
Каждый день видали его.
Он ни разу не опоздал,
Аккуратно почту вручал,
И в районе, наш почтальон,
Ты недаром известным стал.
Кто-то сердце свое раскрыл,
Кто-то душу в строчки вложил.
А, извольте-ка, почтальон
Счастье любящих погубил:

«Перерезал он пути,
Разорвал двойную нить.
Им друг друга не найти,
Чтоб сердца соединить.
Нет, друзья, невероятно
И преступно в свой черед.
Без помехи адресату
Пусть послание дойдет!»

Сердца выслушав совет,
Он перечить не посмел.
В силу этого конверт
Сто десятый уцелел.

В дом вернувшись по пути,
Стал он почту разбирать —
Чтобы знать, кому нести,
Чтобы время не терять.
Почему в глазах испуг,
Письма валятся из рук?
Снова адрес Файрузы
Увидал наш юный друг.
Письмоносец, что с тобой?
Нам джигита не узнать, —
Ненавистный, голубой
Видит он конверт опять.
Два письма пред ним лежат, —
Файруза их адресат.
То, что справа-то, — его,
Но вопрос сейчас не в том.
А второе от кого,
Что в конверте голубом?
И письмо его рука
То положит, то возьмет.
Это кто издалека
Файрузе посланье шлет?
Как кинжалы, письма те
Ищут сердце в темноте.
Оба вышли на порог,
Чей короче к сердцу путь?
Чей быстрей вонзится в грудь
Победительный клинок?
Кто познает торжество,
Кто зажечь сумеет кровь;
И наградой для кого
Будет верная любовь?

Но, вздыхая тяжело,
Почтальон не отступил.
Он письмо свое — назло —
Первым в сумку положил.

Аккуратно письма потом
Сосчитал он и подобрал.

Как обычно, входил он в дом,
Адресатам почту вручал.

В небе жаворонок вьется,
Песнь звенит над головой.
Почтальон, тебе придется
В стан поехать полевой.

Трудовые наши будни,
Словно праздники, идут.
Почтальона в поле люди,
Как возлюбленную, ждут.
В час обеденный газеты
Им прочтет Тимербулат.
И колхозники за это
Почтаря благодарят.

Но сегодня, как же это?
Быстро почту он раздал,
Никому статей газетных
Почтальон не прочитал.
И когда поворотил он
К дому свой велосипед,
Файруза его спросила:
«Мне письма неужто нет?»
Тот вопрос ожег Булата,
Охватила парня дрожь.
Ощутил он виновато
В том вопросе непредвзятом:
«Почему не отдаешь?»
Он хотел промолвить: «Пишут,
В срок получишь, не спеши!»
Но ответил ей чуть слышно:
«Есть как будто бы, держи!»
Из сумы своей несчастный,
Недовольный сам собой,
Протянул конверт ей красный
И злосчастный голубой.

Ах, как быстро адреса
Прочитала Файруза!
Уж не знаю, как Булат
Смог пройти сквозь этот ад.
Голубой конверт взяла,
Торопясь надорвала,
Белый вынула листок
И, когда письмо прочла,
Заалела, как цветок.
И улыбка на устах,
И сияние в глазах.
Красный, скомканный конверт
В фартук сунут второпях.
И, отвергнут, позабыт,
Почтальон грустя стоит.
Подступает к горлу ком,
Парня будто кто-то злой
Обольет — то кипятком,
То водою ледяной.
Из-под ног земля плывет;
Сердце выскочит вот-вот
Из растерзанной груди,
Оборвется, упадет.

И ушел, потупив взгляд,
Почтальон Тимербулат,
Ничего не говоря,
Одного себя коря,
Направлялся он в село,
Но сдержать порой не мог —
Видно, парню тяжело —
Раздиравший душу вздох:
«Проучила, ну и пусть,
Видно, так тому и быть.
Впредь писать я зарекусь,
Лучше письма разносить!»

7

Сев весенний отошел,
Поднялись в полях овсы:
Как зеленый нежный шелк —
Все посевы Файрузы.
Дали в солнечном огне,
На лугах цветы пестрят.
Но...
сияющей весне
Почтальон один не рад.
На душе его темно,
Не до шуточек ему.
Он причину всё равно
Не откроет никому.
Равнодушьем оскорблен,
Будет он теперь молчать.
И не станет почтальон
Письма девушкам писать.

Ну а что же Файруза?
Будто зорька, весела.
Лишь протрет она глаза,
Вмиг берется за дела.
С нетерпеньем ждет письма,
Что приносит почта ей,
И ответ строчит сама,
Как всегда, раз в десять дней.
Занята, не занята —
Накатает два листа.

8

Чуть восход зажжется алый
Ярче майских пышных роз,
Почтальон наш, как бывало,
Едет с почтою в колхоз.
Но берет его истома,
Он не властен над собой,
Видя вновь конверт знакомый,
Цветом темно-голубой.

А ведь прежде, поначалу,
Утешал себя он сам:
«Разве люди пишут мало
И знакомым и друзьям?»
Не найти покой Булату,
Ночью виделся и днем
Почерк тот витиеватый
На конверте голубом.
Неподвластное рассудку
Сердце лучше не учи —
Ни всерьез ему, ни в шутку
Не прикажешь: «Замолчи!»
Тут напрасны утешенья,
Не укрыться от забот.
Жизни бурное кипенье
Мимо сердца не пройдет.
И понять Булата надо,
Осуждать его не след, —
Знает он, что раз в декаду
К Файрузе придет пакет.
И, терзаясь мрачной думой,
Целый день Тимербулат
Бродит грустный и угрюмый,
Тяжкой ревностью объят.
Над собою он не властен...
Кто же этот недруг злой?
Оттого Булат несчастен,
Что отвергнут Файрузой!

Мудрый некогда сказал,
Что любовь таит секрет...
Для Булата тайной стал
Вновь полученный конверт.
Синий, будничный на вид,
Что конверт в себе таит?
Он письмо берет дрожа:
«Как узнать бы, что внутри?»
Мысль, опаснее ножа:
«Расхрабрись и посмотри!..»
Может, кто-то скажет так:
«Зря колеблешься, чудак!

Вскрой конверт и прочитай,
Не считай грехом пустяк!»
Он — ударник-почтальон,
Он доверьем облечен,
И, письмо чужое вскрыв,
Потеряет совесть он.
Нет, такого не дано, —
Воровства нельзя простить.
И позорное пятно
Никогда ему не смыть.

Нелегко тебе, Булат.
Парню места нет нигде,
Тот поймет тебя, мой брат,
Кто в подобной был беде.

Ох, как трудно остудить
Сердца трепетного пыл!
Наш герой хотел забыть
Ту, которую любил.
Жар любви избыть нельзя,
Погасить его нельзя, —
Чем скорей хотел забыть,
Тем сильнее стал любить.
Так за днями дни летят,
Терпит, мучаясь, Булат.
Файруза, любовь к тебе
Повергает душу в ад!

9

Дует ветер с высоты,
Обрывающий цветы.
Отнеси привет любимой,
Если, ветер, добрый ты!
Ветер, ветер, трудно ждать,
Мне волос распутай прядь.
Передай привет от милой,
Дай мне счастье испытать.
Ветерок, звени, играй!

Хорошеет отчий край.
Ненаглядная тоскует,
К ней на родину слетай.

Коль услышу ветра трепет,
Запою, не утерплю,
Всех прекраснее на свете
Та, которую люблю.
Ветер мимо пролетает,
Ветер петь мне помогает.
И единственную в мире
Вспоминать мне помогает!..
Ветры веют, ветры веют,
Дружно пашни зеленеют.
И ласкает ветерок
В поле каждый колосок.

Ветер, полный зрелых сил,
Песню новую сложил.
Неустанный труд народа
Нашу землю оживил.
В небе жаворонка трель
Не звенела так досель,
У счастливого народа
В жизни есть и смысл и цель.
Погляди, во ржи густой
Кони скрылись с головой.
Кто засеял это поле,
Урожай взрастил такой?

Зеленеет поле вокруг,
Душу радуя и глаза.
Не жалея в работе рук,
Потрудилась здесь Файруза.
Год недаром прошел в трудах —
Созревают дружно хлеба.
Воплотилась в этих хлебах
Наша молодость и судьба.

Зиму всю трудилась она.
Ожидая весенний сев,
Проверяла вновь семена,
Их заботливо просмотрев.
Очищала от сорняков
Семена с бригадой своей.
Был до срока к севу готов
Инвентарь, порученный ей.
Из журналов, газет и книг
Извлекала она урок,
Много нового ум постиг,
Наблюдений долгих итог.
Труд упорный не пропадет,
По заслугам будет почет.
Пусть на зреющем поле ржи
Урожай стеною встает.

Каждый день Тимербулат
В стан колхозный приезжал,
Почту лучшей из бригад
Письмоносец доставлял.
Отводил Булат глаза,
Но уверен был в одном,
Что в работе Файруза,
Как всегда, горит огнем.

Раз он видел вдалеке:
В ярко-красном Файруза.
В этом огненном платке
Ты прекрасна, Файруза.
В поле страдная пора;
В платье белом Файруза.
Словно молния быстра,
Ты умела, Файруза.
В синем небе грянул гром,
Надвигается гроза.
Ты в халате голубом,
Как голубка, Файруза.
Нарукавники черны,
Ленты в косу вплетены.

Наша гордость — Файруза,
Украшение страны.
Колокольчиковый смех
Завораживает всех;
Белый фартук Файрузы
Словно первый зимний снег.
Кто ее увидит раз,
Благодарен тот судьбе.
Свет ее лучистых глаз
Всех людей влечет к себе.

10

Урожай — не надивиться!
На гумне скирды стоят;
В поле сбросила пшеница
Золотистый свой наряд.
Наливаясь спелым жаром,
Как река, она сама
Переполнила амбары,
Заструилась в закрома.
Лето с честью провожая,
Файруза не зря горда:
«Мы такого урожая
Не видали никогда!»
Изумлен народ недаром,
Поздравляют наш колхоз:
Много центнеров с гектара
Урожайный год принес.
Все хотят сюда приехать,
Интерес у всех возник:
«Как подобного успеха
Молодой колхоз достиг?»

Пусть в газетах подвиг тот
Отражение найдет.
И не сходит с полосы
Имя славной Файрузы.
Посвятят ей песни скоро,
Воспоют ее в стихах. . .
К нам приходят репортеры
С «фотокорами» в руках.

Файрузой колхоз гордится:
Ей в газете областной
Не заметка,
а страница
Посвящается одной.
И Булат не наглядится:
Репортера торжество —
На портрете озорница
Смотрит прямо на него.
Улыбается с портрета
С милой радостью живой.
Но зачем же снова это?
Одновременно с газетой
Вновь конверт того же цвета,
Ненавистный, голубой.
И опять Булату плохо,
И не мил весь белый свет.
Отдает опять со вздохом
Файрузе своей пакет.
Погляди, как торопливо
Тот конверт она взяла!
Хорошо ей быть счастливой,
На душе Булата мгла...

———

С полной сумкой он шагает,
Письма людям раздает.
Мысль одна не оставляет,
И печаль его гнетет:
«Файрузе не до меня,
Файрузе я не ровня.
Если б я не полюбил,
То теперь спокойным был.
Не писал бы, что «люблю», —
По заслугам боль терплю.
И красива, и умна,
И прославлена она,
И везде трубят о ней.
Люди ценят честный труд
И стахановкой зовут
Наших пашен и полей.

И награда ей и честь,
Говорит о ней район.
Ну, а я?
Я был и есть
Деревенский почтальон.
Чем я милость заслужу,
Что во мне она найдет?
Почтальоном я служу,
Людям письма разношу,
Не великий в том почет.
Тот, кто ей посланья шлет,
Надо думать, например:
Иль прославленный пилот,
Иль московский инженер,
Или, может быть, актер,
Получивший сто наград...
С кем вступить решился в спор?
Безрассуден ты, Булат!
Понапрасну ты живешь —
Людям почту раздаешь».

«Баста! —
гневно он прервал
Эту мысленную речь. —
Ехать надобно в район,
Чтобы сумку сбросить с плеч.
По-пустому жизнь пройдет,
Надо брать скорей расчет.
Письмоносцем стыдно быть,
Хватит почту разносить!»

Наш герой шагает споро
И в своем решенье скор.
Он с начальником конторы
Затевает разговор.
Емельянов глянул строго,
Не дает согласья он.
«Друг, работы слишком много,
Твой участок оголен, —

И шутливо Емельянов
Погрозил:
— Мне слушать странно.
Ты не выспался сегодня
Или, может быть, влюблен?
Если с девушкою в ссоре —
И такое может быть! —
Не большое это горе,
Я сумею пособить.
Надо девушек коварных
Проучить, я так скажу!..»
— «Нет, товарищ Емельянов,
Я взаправду ухожу...»
Емельянов вежлив очень —
Предложил Булату стул.
«Если ты жениться хочешь,
То бери, мой друг, отгул.
Или отпуск, срок настал —
Ты, наверное, устал!»
Тут решил Булат с начала
С ним затеять разговор,
Но начальник тот бывалый
Был умен или хитер.
Говорит:
«Я сам, Булат,
Часто думаю, как ты.
В мыслях чувствую разлад,
Кружат голову мечты,
Хоть порой на стенку лезь!
И у многих это так, —
Проходящая болезнь —
Вроде насморка, пустяк.
Но давай пример возьмем,
Чтобы всё понять вполне:
Орудийный грянул гром;
Мы с тобою на войне.
Мы ответственны за связь,
Пост доверен нам с тобой,
И скажу я не хвалясь —
От нее зависит бой.
Ты — связист и фронтовик,
Отвечай мне напрямик:

Сможешь, бросив всё, уйти,
Коль каприз такой возник?
К командиру обратясь,
Что услышишь ты в ответ?
За нарушенную связь
Понесешь сполна ответ!»

Бесполезны были споры,
Возражать Булат не стал.
Он начальника конторы
И любил и уважал.
Трудно с местом расставаться,
Если службой дорожат.
Всё же надо постараться
Жизнь кроить на новый лад.
И Булат решил с налета,
Как ударил топором:
«По душе найду работу,
Чтоб гордиться мог потом!»

И, в своем решенье тверд,
Дошагал он до ворот.
Перед ними, как на праздник,
Собирается народ.
На стене доска висит,
С фотографиями щит.
Тех, кто трудится ударно,
Знать народу надлежит.
На доске Почета там,
Издалёка видно нам, —
Показатели работы,
Стрелы красных диаграмм.
И ударников парад —
Фотографий длинный ряд.
Там большой посередине
Твой портрет висит, Булат!

Нелегко Тимербулату,
К торжеству подмешан стыд.

Улыбаясь виновато,
Он на свой портрет глядит.
Емельянов тут как тут:
«План квартальный завершен,
И тебя на вечер ждут,
Дорогой наш почтальон.
В клубе празднество у нас,
Поскорее, друг, пойдем...
За старание сейчас
Наградит тебя местком.
Ты на почте первым был,
Ты свой честный труд любил.
От души тебе — спасибо!» —
Так начальник возгласил.
Руку дружески пожал
И к груди его прижал.
Будто самого родного,
Он Булата обнимал.
Не забыть тебе, Булат,
Этот полный ласки взгляд.
Гордость, верность и участье —
Всё светилось в нем подряд.
Оправданье, приговор,
Одобренье и укор,
И душевное величье
Передать способен взор.
И почувствовал Булат,
Что для дружбы нет преград.
Стал он равным среди славных,
Сердце бьется мыслям в лад.
Про «уйду» забыл он вдруг,
Счастлив стал наш юный друг.
Но начальнику об этом
Не решился молвить вслух.

Емельянов подошел:
«Ну пойдем!»
Рука в руке,
В клуб они пошли вдвоем,
Что стоял невдалеке.
Клубный зал битком набит,

Там народ шмелем гудит.
О почтовом отделенье
Говорить нам предстоит.

В клубном зале мы собрались,
Был тот вечер лучше всех:
То и дело раздавались
Прибаутки, шутки, смех.
Но когда на сцене клубной
Почтальон явился наш,
То оркестр золототрубый
Заиграл победный марш.
При всеобщем одобренье,
От смущения румян,
Получил он от правленья
В знак любви и одобренья
С колокольцами баян.
Оглядев гудящий зал,
Емельянов так сказал:
«Почтальон своей работой
Нам трудиться помогал.
Был в уборочной страде
Наш Булат на высоте.
Не опаздывал с доставкой,
Раньше всех бывал везде.
Из района, чуть рассвет,
Мчался с кипою газет.
И на ниве просвещенья
Сеял правды яркий свет.
Наш боец передовой —
И ударник и герой.
Получай баян в награду,
Радуй нас своей игрой!»

Не грохочущий обвал
С гор стремительно упал,
Это гром рукоплесканий
Зал взволнованный взорвал.
Вдруг, совсем нежданно это,
Словно вешняя гроза,

С ослепительным букетом
Появилась Файруза.
Пламенеют жарко розы,
Как знамен победный цвет.
Почтальону от колхоза
Благодарность и привет.

И, смущением объята,
В озаренье красоты,
Файруза сама Булату
Протянула те цветы.
Видно, трудно поначалу
Побороть смущенье ей,
Но она сказала залу
Те слова, что всех нужней:
«Не мечтая о награде,
Хоть никто не заставлял,
Почтальон моей бригаде
Почту в поле доставлял.
И работе помогало,
Что колхозникам в обед
За столом статьи читал он
Из журналов и газет.
Но особенно отлично
Помогал, замечу, мне,
И Булату самолично
Я признательна вдвойне:
Приносил раз в десять дней
Письма — нету их важней!»

От последних этих слов
Охватила парня дрожь.
Бедняку не до цветов:
Ревность в грудь вонзила нож.
Радость вмиг сошла на нет,
Незнакомец этот злой
Беспощадной тенью встал
Между ним и Файрузой...

11

Вечер кончился давно.
Ночь. На улице темно,
И притихший сад кругом
Лунным залит серебром.
Поздно — время по домам,
Гаснут окна здесь и там.
Не спешит Тимербулат,
Ждет чего? Не знает сам.
Вдруг он слышит:
«Милый мой,
Проводи меня домой, —
Встала рядом Файруза, —
Далеко идти одной.
Ночь ясна, но холодна,
Мы пойдем в село пешком», —
Говорит ему она.
И они пошли лужком.
«Только правильно пойми,
Крепче за руку возьми,
Чтобы стало нам теплей!»
— «Шепчет нежно, а сама...
Знаю, знаю, ждет письма.
Я не верю больше ей!
Нет, меня не провести, —
Эти фокусы стары.
Хочет время провести,
Я ей нужен для игры!» —
Так он грустно размышлял,
С Файрузой домой идя.
Тайны он не открывал,
Речь о ней не заводя.

Тихий сон на луг сошел.
Всё покрыл зеленый шелк.
В лунном свете голубом
Сад забылся легким сном.
И дневному не в пример,

Ветер ласковый, ночной
Шелестит:
жилбер-жилбер,—
Над осокою речной.

В небеса уходят сосны —
Прямоствольны и стройны.
Берега и луг покосный
Лунным таинством полны.
И кузнечик не стрекочет,
Не вспугнет дремоты трав.
Спит спокойно мир полночный,
Молча тени распластав.
Над протокою озерной
Присмирел густой тростник,
Словно он от думы черной,
От глухой тоски поник.

Но цветы кувшинок белых,
Тех, что спят во тьме ночей,
Приоткрыли вдруг несмело
Чаши, полные лучей.

Лепестки затрепетали
В свете звездного огня,
С небом озеро и дали
Навсегда соединя.

Лес, и озеро, и небо
Погрузились в странный сон —
И бесшумный, и волшебный
До скончания времен.

Даль сиянием объята,
Ночь росистая свежа.
И свободна и крылата
Вдохновенная душа.

Оттого, что так безмолвно
Стал слышнее крови ток,
Лунной тайной полон словно
Каждый куст и тополек.

И печаль свою друг другу
Поверяют камыши, —
Оказать хотят услугу,
Успокоить боль души.

А луна, иль это небыль,
Не дано такому быть,
Хочет взять тебя на небо,
Чтоб над сонным миром плыть.

В этот час родятся чувства
В душах тех, кто влюблены,
При томительном и грустном
Свете тающей луны.

От таинственного света,
От шептанья камыша
Сердце требует ответа,
Крыльев требует душа.

По тропинке идут вдвоем;
Спит озерная синева.
Каждый думает о своем,
Бесполезны будут слова.
По волнам мелькают, скользя,
Сотни лунных лучистых спиц.
И глядит порой Файруза
Сквозь завесу длинных ресниц.
На Булата бросает взгляд,
Но не дрогнет ответно он.
Молча смотрит Тимербулат
В серебрящийся небосклон.
Усмехается он слегка,
Чем-то мысль его занята.
Только глянет исподтишка,
Если в сторону смотрит та,
О которой его мечты,
От которой сердцу светло...
Файруза срывает цветы
И вздыхает,
ей тяжело,

Оттого, что Булат молчит.
Смотрит тот на поле в росе,
На луну упорно глядит.
Сердцем тянется к Файрузе,
Неприступно-гордый на вид.

Так они шагают рядом
В росных травах луговых,
Но ни жестом и ни взглядом
Чувств не выдадут своих.

Эх! Гори сильнее, сердце,
Вспыхни яростным огнем!
Никуда тебе не деться:
И беда и радость в том.
Но молчат сердца сурово,
Час томительно идет...
Кто же первый молвит слово
И завесу разорвет?

Файруза сказала тогда,
Замедляя слегка шаги:
«Ты обиделся, знаю, да?!
Я, наверное, в том виной:
На письмо твое и стихи
Не ответила этой весной.
Рассердился ты, милый мой!
Но ведь я не гуляла, нет,
От рассвета до темноты —
Всё на пашне...
Писать ответ
Не могла красиво, как ты.
Не владею я так пером
И тебе завидую в том...
Может, нынче достанет сил,
Всё открыть смогу на словах...»
— «Знаю, знаю! — тут перебил
Файрузу он резко в сердцах. —
Пусть молчаньем скован язык —
Не скрывают правду глаза...

Коли так, скажу напрямик,
Не таясь, тебе, Файруза:
Можешь смело поверить мне:
Я не лил в отчаянье слез
И гореть в любовном огне,
Слава богу, мне не пришлось.
Не вздыхал я и не страдал...
Ради шутки я накатал,
Между делом, этот стишок.
Ты дразнила, помнишь, меня,
Что «сапожник, мол, без сапог»,
И ответно, тоже дразня,
Сочинил я несколько строк...
Их послал тебе, как на грех!»

...Но не весело прозвучал
Торжествующий этот смех,
Почтальон безмерно страдал.
    Опечалилась Файруза,
    Взор девичий сразу погас.
    И предательница слеза
    Из прелестных скатилась глаз.

Вот деревня невдалеке.
Руку выдернув из руки,
Чуть кивнула — и сразу прочь...
Попрощались, как чужаки,
Двое любящих в эту ночь.

Эх, ушла ты, Файруза,
Как смогла ты, Файруза,
Истерзала парню душу,
В плен взяла ты, Файруза!..

Мысль дальнейшая ясна,
Что еще добавить мне?
Ночь Булат провел без сна,
Весь пылая, как в огне.

Зря светился лунный луг, —
Счастье вырвалось из рук.
Для него рассвет не радость,
А начало новых мук.

12

Над просторами горит
Огневой зари костер.
Над просторами звенит
Молодой девичий хор:
«Я письмо сейчас пишу,
Уж в который раз пишу.
Этой осенью приехать
В гости милого прошу.
Извела конвертов тьму,
Что не едешь — не прощу,
До Москвы билет возьму
И приеду — навещу.
Я заполнила страницу,
Больше ждать я не хочу
И сама в Москву-столицу
По чугунке прикачу...»

Вновь мы видим почтальона.
С полной сумкой за спиной
Едет парень из района
По дороженьке степной.
Оглашают ранней ранью
Песни утренний простор,
Но Булата в сердце ранит
Беспечальный этот хор.

Файрузе, он увидал,
Из Москвы пришел журнал.
Он обязан ей опять
Телеграмму доставлять.

А в колхозе разговоры:
«Не в мечтах, а наяву
Файруза поедет скоро
В краснозвездную Москву!»

И назло, должно быть, это —
Песня девичья звенит,
По дороге, в час рассвета,
Больно душу бередит:
«Я письмо сейчас пишу
(Если любишь, ну и пусть!),
Уж в который раз пишу.
(Разрывает сердце грусть!)
До Москвы билет возьму,
Скорый поезд даст гудок,
Еду к другу своему —
Оставайся одинок!»

К Файрузе Булат спешит,
У нее печальный вид.
Так вздыхает тяжело,
Видно, грусть ее томит.
Телеграмму прочитав,
Сразу стала весела
И, едва не заплясав,
Песнь такую завела:
«Можешь мною ты гордиться.
Ходит кругом голова.
Ждет, Булат, меня столица,
Позвала меня Москва. . .»
— «Уезжай, когда зовут. . .» —
Оборвал ее он тут.
«Стой, Булат, ну дай мне руку,
Задержись на пять минут!
Не смогла того сказать,
Что сумела написать.
Не суди меня сурово —
Трудно с чувством совладать.
Не сдержала крик души. . .
Вот
письмо тебе,
держи! . .»

Слез не может удержать,
Даже вспыхнуло лицо!
И герой наш стал читать
Дорогое письмецо.
«Я люблю, —
писала она, —
Всей душою к тебе стремлюсь.
От рассвета и дотемна
И страдаю я и томлюсь.
Ночью видишься ты во сне.
Днем не встречу —
и грустно мне.
Пожелала бы, может быть, —
Не сумею тебя забыть.
Ты писал о любви не тая,
От душевной той теплоты
Стала самой счастливой я,
Закружили меня мечты...
Я всё лето счастьем жила,
Под собой не чуяла ног.
Но напрасно...
Я не ждала,
Что возлюбленный так жесток.
...Ты домой тогда провожал,
Первый раз мы остались вдвоем,
И насмешки острый кинжал
Ранил грудь мою острием.
Посмотри мне прямо в глаза,
Только взора не отводи.
Пусть почувствует Файруза
Всё, что ждет ее впереди.
Отвечай мне «нет» или «да»!
Всё я выдержу и стерплю,
Неужели ты лгал тогда,
Написав мне слово «люблю»?»

Он читает...
Файруза
Шелест слушает страниц.
Скрыла грустные глаза
Тень опущенных ресниц.

Встала около окна,
Как струна напряжена,
От своих нелегких дум
Разрумянилась она.

———

Прочитал Тимербулат.
У него готов ответ.
Устремил пытливый взгляд:
«Это правда или нет?
Отвечай, Файрузакай,
Чтобы я поверить мог.
Не скрывай, Файрузакай,
Что таит глубокий вздох?
Лучше честно мне скажи,
Нет ли хитрости и лжи?
Перестань, молю, терзать,
Головы мне не кружи!
Ну, а как же будет тот,
Кто исправно письма шлет?
Этот парень из Москвы
Мне покоя не дает!»
— «Письма?
Милый, что с тобой?»
— «А конвертик голубой?
Десять дней пройдет едва,
Вновь посланье шлет Москва.
Ты хватаешь то письмо,
Не скрывая торжества.
«От него!» — хвалилась ты.
«От него!» — гордилась ты.
Был твой смех неповторим,
Видно, он тобой любим.
Не напрасно счастья ждет, —
Может, жить в Москву зовет. . .»

Передать в словах нельзя,
Так смеялась Файруза!
«Ах, когда бы только знать,
Что ты вздумал ревновать!»
— «О знакомце из Москвы
Ты должна мне рассказать!

Нетерпением горя,
Всё я должен знать о нем!..»
— «Ах, Булат, ревнуешь зря,
Всё откроется потом...»

Разговор идет счастливый,
Взор ответный ищет взгляд.
Тут подружки торопливо
Дверь открыли невпопад:
«Файруза, иди скорей!
С нетерпеньем ждет народ.
Об ударниках полей
На собранье речь пойдет.

Из райкома представитель
Попросил тебя позвать.
Говорит: «Поторопите,
Без нее нельзя начать».
Рассказать о важном хочет!..»
Окружив ее толпой,
Быстро девушки лопочут,
Файрузу зовут с собой.

13

Споро выполнив заданье,
Обойдя дома подряд,
На колхозное собранье
Поспешил Тимербулат.
Отворил он двери зала,
Сумку снял с усталых плеч.
Файруза в тот миг держала
Заключительную речь.

Говорила энергично,
Чтоб слова до всех дошли:
«Мы работали отлично,
Мы ответственность несли.
Все подарки, поздравленья,
Адресованные мне,

Умножали наше рвенье
И старание вдвойне.
Наша Партия родная
Неуклонно нас вела.
Помогала,
вдохновляя
На победные дела.
Благодарность выражая,
Говорим сегодня ей:
Что основа урожая? —
Коллективный труд людей.
На колхозном поле нашем
Тракторов не молкнет гром,
И стальных коней на пашне
Мы используем с умом.

Шлют нам многие вопросы,
С каждой почтой больше их.
Нет ли, скажем, у колхоза
Тайн особенных каких?

Есть секрет, признаться надо.
Им охотно поделюсь:
С молодежною бригадой
Неустанно я учусь.
И бригада — важно тоже —
Вся была увлечена
Тем, как мы зимой на всхожесть
Проверяли семена.
Землю мы оздоровляли,
Сорняки искореняли;
Результаты наблюдений
Непрерывно проверяли.
Потрудились мы немало,
Не жалея сил и рук.
Нам советом помогала
Академия наук.
Наш указчик верный, строгий
Рядом с нами был всегда.
Смелых опытов итоги
Отсылали мы туда.

Вроде главного отчета
В начинаньях и трудах...
Интерес к моей работе
Проявлял товарищ Бах.
Академик он, ученый,
Сединою убеленный,
Чей совет всего ценней.
Он, чтоб было мне подсобно,
Разбирая всё подробно,
Письма слал
Раз в десять дней.
Академика
Бригада,
Получившая награду,
От души благодарит!»

Посмотрите на Булата —
Всё поняв, как виноватый,
Стиснув зубы, он стоит.

———

Академик Бах...
Одно
Из прославленных имен.
Ты читал о нем давно,
Много слышал, почтальон!
«Академик Бах...
Герой, —
Стал прикидывать Булат, —
Почитаемый страной,
Самый старый депутат.
Помнишь, сессию не раз
Академик открывал.
Это он зачел Указ,
Это он тогда сказал:
„Мы — великий коллектив,
Крепче не было досель.
Ленин, путь для нас открыв
Указал народам цель.
С той поры моя страна

На просторе вольных нив
Сеет счастья семена,
В явь надежды претворив“».

Историческую речь
Академик произнес.
Слово каждое сберечь
Навсегда решил колхоз.
На страницах всех газет
Всюду видел наш герой
Академика портрет —
С бородой, как лунь седой.
Где укрыться от стыда?!
Прячь лицо или не прячь,
Покраснел Булат тогда,
Уши ярче, чем кумач.
Хорошо бы скрыться с глаз,
Пережить позор нельзя.
Встал в углу он...
Свой рассказ
Продолжала Файруза:
«Помогал во всех делах
Дорогой товарищ Бах.
Я, колхозница простая,
С ним была в одних рядах.
Он известен, он велик,
Все науки он постиг.
Подружила нас работа
Словно близких и родных —
Ведь у нас одни дела.
И теперь я поняла:
Дополняли мы друг друга... —
Речь она тут прервала,
Замолчала Файруза,
Оглядела полный зал.
Здесь ей бросилось в глаза,
Что Булат грустя стоял,
У него смущенный вид... —
Я забыла, — говорит, —
Что работу почтальона
Нам отметить надлежит.

Полевода первый друг,
Хорошо нас выручал:
С Академией наук
Быстро связь осуществлял.
И с Москвою связь всегда
Непрерывною была!
Славься, армия труда,
Почте доблестной хвала!»

Все ладони плещут в лад,
Поднялись и стар и млад.
Все глядят на почтальона
И его благодарят.
Дополняет торжество
Нежным взглядом Файруза.
Лучше нету ничего,
Если рядом Файруза.

Секретарь райкома встал,
Руку девушке пожал.
«Файруза, прими спасибо!» —
Он приветливо сказал.
«Это вам поклон от всех,
Указал нам путь райком.
И поэтому успех
Был на фронте трудовом.
Нам во всем райком помог,
Мне б не справиться одной.
Выполняла я свой долг
Пред Отчизною родной!»

«Ты ведь скромница у нас! —
Я тебя за это чту,
Но письмо одно сейчас,
Вы позвольте, я зачту!»
Секретарь в притихший зал
Вслух с трибуны прочитал:
«Пишет нам товарищ Бах:
,,Трудовой у вас размах,

Урожай собрал колхоз
Небывалый на полях.
Бригадиром Файрузой
Метод новый был введен.
И в культуре семенной
Новый сдвиг произведен.
Интересен опыт всем —
Надо ехать ей в Москву.
Для решения проблем
В Академию зову.
Мы заслушаем доклад!“»
Секретарь письмо прочел,
Каждый сразу горд и рад:
Молодец какая, мол!
Кто по-братски подмигнет,
Кто-то руку крепко жмет...
«Надо ехать! —
клуб гудит —
По заслугам ей почет!
Пусть себя покажет там.
Обо всем расскажет там —
В Академии наук
Побывает даже там!
Молодец, Файрузакай!
Ты прославила наш край.
Ты в Кремле от нас привет
Руководству передай!»

———

Файруза стоит в толпе,
Слыша добрые слова:
«Ну, счастливый путь тебе,
Будь здорова и жива!»

———

Коль окончен обмолот,
Хлеба высится гора
И зерно рекой течет, —
Значит, праздновать пора!
В честь пшеницы золотой,
Нынче вечером для нас
Закатить колхозный той
Мы решили в добрый час.

Пляской всех расшевелить,
Песней душу веселить,
И в столицу Файрузу,
Как пристало, проводить.

14

Встали девушки чуть свет,
Дружно по воду идут.
Песню девушки поют,
Если по воду идут:
«Файруза, спеши к реке,
Наша гордость и краса!
Милый встал невдалеке —
Он заждался, Файруза!
Путь-дорожка под уклон,
Истомился, видно, он.
Что ж, подружка, о ведре
Позабыла второпях?
Тают сладко на заре
Поцелуи на устах.
Ах, дорожка, долгий путь,
Если любишь, не забудь. . .»

Свет восхода занялся,
Первый луч блеснул в реке.
И с Булатом Файруза
Вновь идут — рука в руке. . .
В нежном пламени зари
Хорошо им вместе быть. . .
Всё ж. . .
                сомнение в груди
Тяжело ему избыть.
Над самим собой труня,
Произнес Булат слова:
«Ревность мучила меня,
Я сходил с ума сперва.
Сердце я не зря терзал,
Знай, ни строчки из письма
Я тайком не прочитал.

Но однако голубой
Я держал конверт в руках.
Человек писал любой,
Но в одном клянусь — не Бах».
Файруза ему в ответ:
«Здесь особенный секрет, —
Видно, чем-то смущена! —
Я ведь в русском не сильна,
Вдруг не сможет он понять...
Чтоб посмешищем не стать,
На татарском языке
Я решила написать.
Повезло — удача в том,
Что татарин-агроном
Академику помог
Познакомиться с письмом.
Чтобы время не терять,
Чтоб советы получать,
Агроному я тому
Стала их адресовать.
Никакой здесь тайны нет,
Ты узнал теперь секрет!»
Посветлел Тимербулат,
Услыхав простой ответ:
«Извини,
                я виноват!» —
И обнять хотел шутя,
Но она метнулась в сад,
Шаловлива, как дитя,
«Догони-ка, догони!» —
Убежала Файруза.
Ты джигита не дразни,
Ох, опасно, егоза!
Будто спряталась за ствол,
Будто он ее нашел.
Будто он решил обнять,
Будто вздумал целовать.
Будто...
                Будто бы потом
Вдруг закрылась рукавом.
Но не будем им мешать,
Хорошо побыть вдвоем!

Над водой речных стрекоз
Разноцветная слюда.
Шутка это иль всерьез,
То не нам решать...
Айда!

По дороженьке степной
Едет к дому наш герой.
Дразнит издали его
Хор девичий озорной:
«Завтра снова в свой черед
Он газеты заберет.
Коль любимая уедет,
Неужели не вздохнет?»

Усмехнулся парень в ответ,
Не поедет он вновь в район.
Разносить не станет газет —
Распрощался с конторой он.
Он в правлении был вчера,
Нечто новое он привез...
Емельянов вызвал:
«Пора
Говорить с тобою всерьез.
Ты работал честно, Булат,
Оценили мы труд давно.
В школе связи место, Булат,
За тобою закреплено.
Инженером ты можешь стать,
Если хочешь, то поезжай.
Но замену, друг, подыскать
Обязательно должен, знай!»

Полетел бы он, наверно,
Если б сделался крылат.
Доброй новостью безмерно
Был обрадован Булат.
Жмет начальнику он руку,
Взор сияет и блестит:

«Я хочу постичь науку,
Еду, еду! .. —
говорит. —
Я, товарищ Емельянов,
Беспокоить вас не стал,
Об ученье непрестанно
Я и думал и мечтал.
Подыщу я вмиг замену,
Но прошу вас об одном:
Пребывайте неизменно
Вы в решении таком. . .»

В тот же день, работу сдав,
Взбудоражен, возбужден,
Направленье в школу взяв,
Возвратился почтальон.
Сам смеется над собой:
«Недоволен был судьбой,
Мол, почтарь не человек,
Обойдет его любой.
Как посмел я говорить,
Что работать не могу:
Почтарем, мол, стыдно быть,
Брошу сумку, убегу!
Значит, я не понял суть
Наших жизненных идей.
Вздумал лист перечеркнуть
Биографии своей.
Я себя стеснялся сам,
Как могло такое быть?
Думал я: по адресам
Стыдно почту разносить.
Уваженье, посчитав,
Заработать нелегко.
Честный труд свой оболгав,
Я ошибся глубоко.
Говорю начистоту:
Недостойных нет работ!
На порученном посту
Заслужить сумей почет!

Пред тобой широкий путь,
Легкий воздух полнит грудь.
Письмоносцем был вчера —
Инженером завтра будь! ..»

15

Ветер мчится, замечай,
Гнет пшеницу невзначай.
Отчего так бурно сердце
Стало биться, отвечай!
«Оттого, — гласил ответ, —
Что любимой рядом нет!
Спеют яблоки кругом,
Собираю их бегом.
Вдруг неполное ведерко
Полетело кувырком.
Ты явилась невпопад,
Наземь яблоки летят!»

Чуть восход блеснет, ответь,
Кто на луг идет, ответь.
О своей счастливой жизни
Кто вдвоем поет, ответь!
Не Булат ли с Файрузой
Косят росный луг косой?
Солнце, вскинь лучи, ответь,
Голоса там чьи, ответь.
Не шурши, волна, ответь,
Чья там песнь слышна, ответь!
Ах, Булат и Файруза,
Ваши слышу голоса!

И Булат и Файруза —
Дети солнечной земли.
И Булат и Файруза,
Вы друг другу подошли.
О прославленных двоих —
Эти песни, этот стих!

(Последнее слово)

Я долго водил вас по утренним склонам,
Мы вместе прошли луговиной весенней,
И мы помогали двум юным влюбленным,
Читая их письма и слушая пенье.
От песен перо мое не уставало,
Но хватит, унять его надо поэту,
Довольно!
Оно потрудилось немало,
Позвольте поэму закончить на этом!

Я в юности тоже
бродил здесь по росам,
По этим полям,
по зеленым покосам,
И песни слагал я,
вздыхая украдкой,
О первой любви, потаенной и сладкой.

На раннем рассвете
звездой негасимой
Рождается в сердце тоска по любимой.
Тебя вдохновляя,
твой дух будоража,
Но сам ты об этом не ведаешь даже!
И разве скажу я,
что юность промчалась,
Я разве скажу,
что иссякнула сила.
Высокое пламя, ты в сердце осталось,
Бессмертная юность тебя возносила!
Восход занимается,
день начиная.
Он будет сегодня погожий и длинный.
И молодость наша,
я верю и знаю,
С любовью навеки слилась воедино.

И в мыслях своих я на озере снова,
Туда, где мы вместе с любимой бродили.

Зарю моей жизни хранить там готовы
Цветы водяных распустившихся лилий.
Любуюсь покоем глубинным и чистым,
Лучащейся солнцем озерною синью.
И кажется мне, что на поле росистом
Следы наших ног сохранились поныне.
Но если осинки, чей ствол серебрится,
Ромашки, что дружно кивают, как сестры,
И этого леса певучие птицы
Тоской меня ранят внезапной и острой, —
Не стану жалеть о промчавшемся лете,
Гоняться за теми ушедшими днями:
Я знаю, что в каждом увядшем соцветье
Есть завязь
и стать ей дано семенами!
Цветки опадают, кружась в поднебесье,
Как белые отблески лунного круга.
Здесь юность оставила звонкие песни,
Они откликаются голосом друга.

Цветы осыпаются,
не исчезая,
Им вновь возродиться весеннею новью.
На этом прибрежии юность иная
Встречать свое счастье выходит с любовью.

Два родника.
Им слиться суждено.
Они поют в стремительном движенье.
Два факела
пылают заодно,
Два сердца
бьются в дивном упоенье.

Так расцветают вешние цветы,
На луговинах родины алея...
Сегодняшнее наше,
славно ты,
Но завтра стать должно еще светлее!

Желаю я героям молодым,
Чтоб не коснулась старость их седая.
На тех дорогах,
что открыты им,
Пускай цветы цветут не увядая!

А пока...
Мы поспешим,
Все на станцию, айда!
Паровозный дышит дым,
И гудок зовет:
«Сюда!»
Ожидая, паровоз
Белым паром изошел.
И кого-то весь колхоз
Провожать сюда пришел.
Полнят маленький перрон
Молодые голоса:
«Уезжает почтальон,
Уезжает Файруза.
В Академии наук
Надо сделать ей доклад,
Поглядеть на жизнь вокруг
Вознамерился Булат...»

Путь у них теперь один —
Жизни общая стезя;
Мчится поезд средь долин,
Их улыбки увозя.

Луч зари, багряно-ал,
Их цветами осыпал.
Вслед махали мы платками,
Каждый счастья им желал!

Распахнулась вдруг синева,
Поезд вдаль летит, тороплив.
Ждет героев юных Москва,
Словно мать, объятья раскрыв.

Режет взор зари полоса,
Треплет ветер пряди волос,
И сияют близко глаза
От счастливых и чистых слез.

Вот Москва...
И Кремль посреди...
Там, венчая Советов Дом,
Красный флаг на шпиле, гляди,
Огнецветным плещет крылом.
Развевается без помех,
Полный гордого торжества.
Знаменосец республик всех,
Ты надежда мира, Москва!
Знамя вспыхнуло, как восход
Над весенней ширью полей.
Нашей славы вечный оплот —
Возвышается Мавзолей.

Чтоб спокойною жизнь была б,
Чтобы мир царил на земле,
Революции Главный штаб,
Средоточье мысли в Кремле.

Из Москвы идут провода,
Свет немеркнущий миру шлют.
Об успехах наших всегда —
Самый первый рапорт Кремлю.

Гудя, лети по небу, самолет,
Преодолей теченье, пароход.
Взволнованно, как Волга в половодье,
Народ Кремлю привет передает!
Нас всех к Кремлю дорога привела,
Он вдохновляет мысли и дела.
Слова людей, чье имя — миллионы,
Исполнены надежды и тепла.

На башнях звезды светят с высоты,
Рубиновым сияньем налиты.

На площадях и улицах улыбки
Цветут светло, как майские цветы.

———

Ты, молодежь, вздымай над головой
Наш алый флаг, наш вымпел ветровой,
На основном, на главном направленье
Нам семафор открыт самой Москвой.

Октябрь 1938
Москва

262. АЛТЫНЧЕЧ

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СТАРУХА ТУГЗАК — вдова старейшины рода на одном из поселений, жители которого вели полукочевой образ жизни, мать девяти богатырям, бабушка девяноста внукам.

ШАБАЙ — старший сын Тугзак.

ЯНБУЛАТ — девятый, самый младший сын Тугзак.

КАРАКАШ — жена Янбулата.

ДЖИК — сын Каракаш.

МЕМЕД — казанский хан.

УРМАЙ — приближенный хана.

БУРАШ — старейшина одного из сел.

АЛТЫНЧЕЧ — его внучка.

ТАНСЫЛУ — подруга Алтынчеч.

УРАЗМЕТ — крепостной крестьянин.

АКДЖИГИТ — страж на кочевье рода Тугзак.

ГЛАВНЫЙ КУПЕЦ.

СТАРУХА.

Жители села (старики, мужья и жены, парни и девушки), стражи, войска, богатырь хана Колупай, везиры, дворцовые стражи, невольницы, купцы, рабы и др.

ПРОЛОГ

Кочевье на берегу Волги. Вдали горы. Справа берег, полого спускающийся к Волге. На воде лодка. Близится час заката. На переднем плане, в центре, кибитка старухи Тугзак. Вокруг этой кибитки, а также на заднем плане виднеются остальные кибитки. Возле жилища старухи Тугзак собрались женщины. Они окружили Каракаш Каракаш прижимает к груди ребенка.

Хор невесток

Словно солнце краснощекий,
Сын родился, Каракаш!
Плещут радости потоки
В каждом сердце, Каракаш!
Пусть он вырастет джигитом,
Но джигитом, крепко сбитым!
Пусть разит в бою открытом
Вражье войско, Каракаш!

Пусть он будет самый ловкий
На охоте, в джигитовке!
Разгадать врага уловки
Он сумеет, Каракаш!

Из кибитки выходит Тугзак.

Каракаш

Мой поклон, честной народ!
Вам за всё спасибо, мать!
Без тревог и без забот
Вырастет сынок родной.
Станет он, как дед, храбрец,
Станет мужем наконец!
К радости земли родной
Вырастет сыночек мой!

Тугзак

Отнеси, невестка, сына —
Пусть в кибитке спит спокойно.

Каракаш

Я тотчас, мама!

Тугзак

Сейчас сыны мои придут с охоты.
Поздравить Янбулата не забудьте,
Примите дар за радостную весть.

Маленькие девочки убегают вперегонки, чтоб получить с Янбулата подарок.
Издали слышен хор охотников.

Они уже вернулись.

Хор охотников
(издали)

К тебе идем с далеких гор Урала,
Шли день за днем с далеких гор Урала,
Встречай сынов, родная наша мать!
Когда б увидел мир добычу эту,

Молва бы разнеслась по белу свету.
Встречай сынов, родная наша мать!

Появляются охотники.

Янбулат

Мы наших копий острия омыли
В горячей барсовой крови сперва,
Потом явился лев в могучей силе,
Вонзились наши стрелы в тело льва!

Хор

Встречай сынов, родная наша мать!

Янбулат

Тебе укроем шкурой львиной плечи,
Положим шкуру барса на порог.
И слава рода пусть пойдет далече,
Из царства в царство сотнями дорог!

Хор

Встречай сынов, родная наша мать!
К тебе идем с далеких гор Урала.
Шли день за днем с далеких гор Урала.
Встречай сынов, родная наша мать!

Тугзак

О сыновья мои!
О внуки!
Орлы, парящие в небесной выси синей!
О тигры, рыскающие в пустыне!
Вернулись вы с добычей в край отцов,
В кровавых пятнах руки храбрецов.
Отчизне нашей радость принесли вы,
Затрепетал наш супостат спесивый.
О, слава вам, наследникам Тугзак!

Хор

Живи и здравствуй, ласковая мать!
Живи и здравствуй, дорогая мать!

Тугзак

(ария)

Вы, дети,
Звезды на небе широком,
Которое зовется «дом Тугзак».
Семья бобров на озере глубоком,
Которое зовется «дом Тугзак».
Чем больше звезд в ночных дозорах,
Тем краше небу зацвести;
Когда бобры живут в озерах,
Озера в славе и в чести́.
Наш дом звездою одарила новой
Девятая невестка Каракаш,
Светильник счастья засветила снова
Девятая невестка Каракаш!

Хор

Какое счастье в доме у Тугзак!
Какая радость в доме у Тугзак!
Тебя с рожденьем сына, Каракаш!
Пусть жить он будет долго, Каракаш!

При исполнении арии Тугзак из кибитки выбегает Каракаш и подходит к Янбулату. Каракаш с радостным видом что-то сообщает Янбулату, а к концу арии выносит из кибитки сына. Янбулат счастлив. Народ любуется новорожденным. Тугзак берет ребенка и поет песню, давая внуку имя.

Тугзак

У меньшого моего ты — меньшой сынок,
Ломтик сердца моего, темный мой зрачок,
Джиком называйся ты, дружен с луком будь!..

Хор

Джиком называйся ты, дружен с луком будь,
Чтобы вспять чужую рать мигом повернуть!

Тугзак

У меньшого моего ты — меньшой сынок,
Ломтик сердца моего, темный мой зрачок,
Метким будь стрелком, в бою бейся грудь на грудь!

Хор

Метким будь стрелком, в бою бейся грудь на грудь!
Родине служи щитом, утешеньем будь!

Тугзак передает ребенка в руки Каракаш. Сказав что-то старшему сыну Шабаю, она вместе с Каракаш исчезает в кибитке. После ее ухода парни и девушки, мужья и жены садятся в круг. Тут же приносят угощение — кумыс, мед, мясо. Начинается пир. Им руководит Шабай.

Шабай

(Янбулату)

Если в честь рожденья пир,
Угощай, дружок, весь мир.
Если пир задашь горячий,
Всюду встретишься с удачей!

Хор

Девушки, несите
Мясо, мед, кумыс!
Дружно заводите
Песню под кубыз!

Шабай

Сосунки играют в поле,
Юноши резвятся вволю.
Молодым не грех резвиться —
В честь рождения тем боле!

Хор

Девушки, несите
Мясо, мед, кумыс!
Дружно заводите
Песню под кубыз!

Начинается пляс. Девушки поют. Любоваться пляской выходят Тугзак и Каракаш. В это время, вне себя от ужаса, вбегает страж и сообщает страшную весть.

Страж

Беда! Беда!
На нас нагрянул хан!

Все поражены.

Хор

Беда? На нас нагрянул хан?

Страж

Послал он Колупая во главе...

Хор

Див-пехлеван у войска во главе!

Народ в страхе отступает к кибиткам.

Тугзак

Сыны мои, спокойно!

Шабай

Див-пехлеван ведет на нас войска.

Каракаш

И всех до одного погубит нас.

(Каракаш прижимается к груди Тугзак.)

Хор

Как шаг шагнет, пройдет сто верст, бывало,
Приспешник хана, грозный Колупай.
Сшибает сотню булавой удалой
Приспешник хана, грозный Колупай.
Пропали мы, и родина пропала!
Сметет сопротивленье Колупай.

Тугзак

Сыны мои! Пришел в наш край свободный
Из Золотой Орды захватчик хан.
На берегу Идели многоводной
Возвел он ханство, кровью нашей пьян.
Быть холуем у хана не желая,
Ушел отец ваш биться с пришлецом
И от меча дракона Колупая
Геройски пал на поле боевом.
Но рано хан торжествовал победу, —
Я вас укрыла от его когтей.
Теперь коварный враг идет по следу
Горючих слез вдовы, ее детей.

Я заповедь одну скажу вам, дети,
Ее вы помните и впредь:
Чем на коленях жить на свете,
Достойней стоя умереть!

(Выносит из кибитки меч.)

Я н б у л а т

Благослови, родная мать,
Дозволь мне с Колупаем бой держать.

Т у г з а к

Иди, сынок, иди, мой сокол.
Отцовский меч возьми, мой ненаглядный,
Яви же миру подвиг ратный!

(Подает ему меч.)

О сыновья мои, о внуки!
Идите вслед за ним на бой.

Я н б у л а т

Идем!
Пронзим мечами Колупая!
Прости, подруга Каракаш!
Прости, сыночек Джик!

(Целует на прощанье.)

Мужчины готовятся к бою, жены провожают их.

Х о р ж е н щ и н

Скорей, скорей на поле боя,
Пусть кони мчат во весь опор!
Уж лучше быть вдовой героя,
Чем видеть трусость и позор!..

Мужчины уходят. Жены некоторое время сопровождают их. Каракаш уходит в кибитку. Тугзак, заняв место на возвышенности, старается уследить за картиной далекого боя. В это время вбегает с т р а ж. Из кибитки с ребенком на руках выходит К а р а к а ш.

С т р а ж

Родная мать!

Тугзак

Рассказывай о битве, Акджигит!

Страж

Сражаясь, точно лев, пал Янбулат...

Каракаш

Ах!

Тугзак успевает поддержать ее.

Страж

Див-пехлеван, от злобы свирепея,
На части Янбулата разорвал.

Тугзак

Геройски пал мой сын... Рассказывай
о битве...

Страж

Джигиты наши головы сложили,
И только тридцать воинов в живых...

Тугзак

Вся наша жизнь теперь лишилась смысла.
Осталось умереть. Умрем мы стоя...

Страж помогает ей сесть.

Иди в сраженье, Акджигит!
И вместе с братьями своими
Ты в битве крови не жалей!

Страж уходит.

Каракаш

Родная, как нам быть?

(Плачет.)

Тугзак

Невестка, доченька,
Вон там на берегу
Есть лодка с парусом, —
Для Джика берегу.

Садись, плыви! Твой сын
Продолжит древний род,
Пусть хану голову
Гадючью он снесет!

(Подзывает старого лодочника.)

Плыви, старик, с невесткою моей,
Под парусом вези, да поскорей!

Каракаш

Садитесь с нами, дорогая мать,
Еще не поздно убежать!

Тугзак

Нет, Каракаш, должна я тут остаться,
С народом вместе я умру.
Тебе желаю доброго здоровья...

Лодочник поднимает парус.

Каракаш

(прижимая к груди ребенка)

Край отцовский, с детства сердцу милый,
Родина любимая, прости!
Ты меня вспоила и вскормила,
Родина любимая, прости!
Если пламя выжигает травы,
Что стелились шелковым ковром,
Что же будет с жеребенком белым?
Расстаемся, родина, прости!
Если превращен в поток кровавый
Ключ, что был медовым родником,
Что же будет с жеребенком белым?
Расстаемся, родина, прости!
Где слеза, чтоб увлажнить ресницы?
Не слеза потоками струится —
Кровью плачу в горький час разлуки.
Расстаемся, родина, прости!

К ней подходит лодочник.

Тугзак

Прощай, невестка, в добрый путь!

Каракаш

Прощай, любимая, родная мать!

(Плача, уходит.)

Тугзак провожает ее к лодке. Некоторое время сопровождает лодку, машет рукой и, наконец, исчезает за возвышенностью. Вбегают женщины, в суматохе ищут, где спрятаться, — исчезают в кибитках. Их настигают воины хана и берут в плен. Появляется Урмай и приказывает приготовить место для хана перед кибиткой Тугзак.

Урмай

Готовьте место нашему владыке.
Скорей, скорей!

Входит хан со своими телохранителями. Его встречает войско.

Хор

Слава великому хану,
Слава его пехлевану!
Слава великому хану,
Слава его пехлевану!

Хан

Всех убивайте из рода Тугзак,
Бейте и вешайте их, как собак.
Этого рода не будет на свете.
Я за пролитую кровь их в ответе!

Хор

Слава великому хану,
Слава его пехлевану!
Слава великому хану,
Слава его пехлевану!

Урмай

О повелитель мой!
Да будет на века
Тверда у вас рука!
В кровавом задохнулся враг ручье,
Орлята наши в злате и парче,
Была Тугзак —
И нет Тугзак!

Хан

Была Тугзак —
И нет Тугзак!

Урмай, полный подобострастья, указывает место хану.
Хан садится.

А где мой пехлеван, где Колупай?

Урмай

Вкушает отдых после битвы, хан мой.
Мы девять коз ему освежевали
И девять кошниц принесли кумыса...
Да кровь батыра Янбулата в чаше!..

Хан

Ха-ха-ха!
Ха-ха-ха!
Сильнее во сто крат
Тот пехлеван, что пьет людскую кровь...
Ну что ж, пусть тешится!

Хор

Слава великому хану,
Слава его пехлевану!
Слава великому хану,
Слава его пехлевану!

Хан

А где же старая карга Тугзак?
И почему я здесь ее не вижу?

Урмай

Сейчас найдут и приведут ее.

(Тут же посылает нескольких воинов искать Тугзак, уходит и сам.)

Хан

Старуха хану вздумала перечить:
Не платит дани,
Не шлет стрелков на службу
И не согласна быть моей рабой.

Забрав детей, спаслась старуха бегством,
Но дорого поплатится за это —
Построю крепость вон на той горе
И в основанье крепости той самой
Сынов Тугзак велю замуровать.
Ни одного в живых я не оставлю,
С лица земли весь род Тугзак сотру.

Хор

Слава великому хану,
Слава его пехлевану!

Приводят Тугзак.

Хан

Куда, смутьянка, убежала?

Тугзак

Напрасно в том меня подозревали —
С родной земли не убежит Тугзак!

Урмай

О повелитель мой!
Старуха постаралась
На лодке парусной внучонка переправить...

Хан

(вскакивает с места)

А это что за козни против хана?
Нет, род Тугзак существовать не будет...
Убейте внука!

Тугзак

Всевышний хан, да это же дитя!
Пусть он единственный останется хотя бы!
Весь род наш поголовно перебит,
Так пощади внучонка, он последний.

Хан

О, этот проклятый твой род!
Ему нет места на земле...
Убейте внука, он в роду последний.

По приказу Урмая стрелки стреляют в сторону лодки.

Тугзак

(в порыве гнева)

О, убийца!

(Бросается на хана, но ее останавливают.)

Стрелки продолжают стрелять, но попасть им не удается. Урмай приказывает стрелять еще и сам следит за результатами стрельбы.

Урмай

Стреляйте же! Пощады им не будет!

(Спустя некоторое время.)

Ага, стрела вонзилась в мать,
И вот она упала, но ребенка
На дно успела в лодку положить.

Хан

Довольно! Хватит! Думаю, ребенок
Подохнет с голоду.

(Подходит к Тугзак.)

А ты, смутьянка,
Какую кару предпочтешь?

Тугзак

Убей меня, чтоб я
Погибла стоя,
Но не рабой...

Хан

О, нет!
Я не убью тебя, старуха,
Хотела ты, чтоб род твой сохранился, —
Так вот, я просьбу выполню твою,
Тебя в живых оставлю я саму,
Чтоб видеть твой конец бесславный...
Мне веселит глаза твой вид.
Ты вызвала мой гнев державный,
Твой род за это перебит!

(Воинам.)

Смотрите, чтоб в чужие страны
Не убежала бунтовщица!
Ступни рассечь, обоих глаз
Лишить — и будет в самый раз!

Старую Тугзак связывают и уводят куда-то за кибитку. Воины приводят группу пленниц. Хан обводит их взглядом, полным недоброго интереса. Потом ведут обратно Тугзак с окровавленными глазами и ранеными ступнями.

Урмай

О мой султан, высокий хан!
Исполнен ваш приказ.

(Указывает ему на Тугзак.)

Хан

(с чувством брезгливости)

На волю отпустить ее.

Хор

На волю отпустить ее одну, —
Так наказали старую Тугзак.
Слава великому хану,
Слава его пехлевану!

Тугзак

(стоя перед ханом)

Ты ступни мне рассек, ну так что ж,
Всё равно от меня не уйдешь!
Проколол мне глаза, ну так что ж,
От свидетелей ты не уйдешь!
Мне бы внука найти своего,
Словно мать, я б взрастила его,
Взял бы в правую руку он меч,
Чтобы голову эту отсечь!..

Хан в замешательстве.

Женщины и девушки

У нее убили сыновей
И в полон забрали дочерей,

В старости осталась одинокой
Бедная несчастная Тугзак.
Для нее настал недобрый час:
Рассекли ступни, лишили глаз.
Что с ней будет — с бедной, одинокой?
Скоро, видимо, умрет Тугзак.

Тугзак медленно, спотыкаясь, удаляется, скрываясь за горой.

Занавес

Между прологом и первым актом проходит 20 лет.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дикий дремучий лес. Бежит ручей, поют птицы. Сельские девушки, рассыпавшись, собирают ягоды.

Хор девушек

Спелым соком налитые,
Всюду ягодки блестят,
Пташки малые лесные
Сердце песней веселят.
Мы от тополей кудрявых
Отвести не можем глаз.
Сколько ягод в сочных травах,
Столько будет и у нас.

Вбегает Тансылу. На ее лице растерянность и тревога.

Тансылу

Подруженьки мои!
Пропала Алтынчеч!
Я бросилась искать,
Но нет ее нигде,
Подруженьки, ко мне!

Девушки

(торопливо сходятся со всех сторон)

Подруженьки, о чем тут речь?
Пропала наша Алтынчеч?!

Ужель случилось что-то с ней?
Ну, так поищем поскорей!

Тансылу и девушки

Ау... ау... ау!
Ау... ау... ау!

Тансылу

В том лесу густом, без края,
Землянику собирая,
Видимо, с тропинки сбилась
Наша роза — Алтынчеч.
Выросла такой пригожей,
С круглою луною схожа,
Как бы впрямь не затерялась
Птица счастья — Алтынчеч!

Девушки

Эй, дремучий лес безбрежный!
Дай дорогу Алтынчеч.
Каратау с вершиной снежной!
Дай дорогу Алтынчеч.
Выросла такой пригожей,
С круглою луною схожа,
Как бы в сети не попала
Дочь Идели — Алтынчеч!

В это время входит Алтынчеч. Она сияет от радости. Ее окружают девушки.

Что с тобою,
Алтынчеч?
Где была ты,
Алтынчеч?
Что ж от нас ты убежала,
Алтынчеч?

Алтынчеч
(присаживаясь)

Девушки-подруженьки!
Расскажу такое вам!..
Сон ли это? Или явь?

Девушки

Что случилось? Поскорей
Расскажи нам, Алтынчеч!

Алтынчеч

(ария)

Близ горы я то и дело
Ягоды рвала.
Где-то песня прозвенела,
За сердце взяла.
Прозвенела, обжигая
Пламенем своим.
Вот и встретилась тогда я
С парнем молодым.
Он высокими плечами
Был мне очень люб,
Насурьмленными бровями
Был мне очень люб.
Если б парень мимоходом
Встретился опять,
Как зовут и чей он родом,
Я смогла б узнать.

Девушки

Парень статными плечами
Приглянулся ей,
Насурьмленными бровями
Приглянулся ей.
Если б парень мимоходом
Встретился опять,
Как зовут и чей он родом,
Мы смогли б узнать.

Тансылу

Алтынчеч, ты утомилась —
Сядь у речки, отдохни.
Золотые расчеши
Косы... Ключ бежит в тиши...
Вся ты легкая какая!
Вся ты солнышку сродни!

Блещут волосы, сверкая,
Золотым лучам сродни!

Алтынчеч моет лицо ключевой водой. Причесывает волосы, прихорашивается в зеркале ручья. Ей помогают девушки. Вдруг издали послышалось улюлюканье охотников и гиканье всадников. Девушки в страхе вскакивают с мест.

Девушки

Что за шум?

Тансылу

(прислушиваясь)

На охоте хан со свитой,
Девушки, бежим скорее,
А иначе пропадем!

Девушки убегают. Пауза. Появляется хан с Урмаем и воинами, сопровождающими его во время охоты.

Урмай

(войдя первым)

Мой великий повелитель,
Вам для отдыха я место
Приготовил.

Хан садится. Он мрачен и задумчив.

(Воинам)

Не в духе хан —
Развеселите пляской.

Воины начинают танец. Хан велит прекратить.

Хан

Не нужно.

Урмай

Ваша воля, повелитель.
(Приказывает воинам удалиться.)

Хан показывает рукой, чтобы Урмай сел рядом.

Хан

(ария)

Душа тревожным сумраком объята.
Я род Тугзак замыслил уничтожить,
И он раздавлен был моей пятою.
С земли башкирской и земли ногайской
Я дань сбираю, усмирив мятежных...
Но нет! Не тронул душу свет отрады,
Нигде себе покоя не найду я.
Душа тревожным сумраком объята.

Урмай

Повелитель, не хотите ль
Отдохнуть от ратных дел?
Прикажите — и красотку
Вам доставят во дворец!

Хан

Кажется, ты прав, Урмай.

Урмай

(радостно)

Этот лес приятен взору,
Есть ручей и скат высокий,
Лишь красотки нет для хана.

Хан

(заметив в ручье золотой волос)

Стой! А это что такое?

Урмай

Это волос, повелитель.

Хан

Алтынчеч...
Сбылись на деле
Вещие твои слова, —
Деву с золотой косою
Посылает мне господь.

Урмай

Да, великий повелитель,
Это дар самих небес.

Хан

Дар небес, оно конечно!
Только где его найдем?!
Отправляйся поживее
И красотку отыщи.

Урмай

(растерянно)

Ваша воля, повелитель!

Хан

Знать, она неподалеку,
Если тут, склонясь к потоку,
Причесалась и умылась.
Живо мне ее найти!

Урмай

(воинам)

Гей, отважные, по коням!
Поскорей ее догоним.
Вслед за ней мы устремимся,
Горяча коней в пути!

Воины хана быстро удаляются на поиски.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Тот же лес, но другое место. У подножья горы юноша Джик, прозванный мергеном, спит в тени деревьев, в дупле огромного дуба. Оберегая сон Джика, расхаживают и лежат вокруг дерева на земле разные дикие звери и зверьки. Птицы исполняют для Джика колыбельную.

Хор птиц

Не тревожься, спи, джигит!
Аромат цветов разлит
В чаще беспредельной.
Ты друзьями защищен,

На тебя навеют сон
Звуки колыбельной.
        Баю-баю-бай,
        Баю-баю-бай!
С Каратау ты к нам пришел,
С той поры спустился в дол,
Кров делил ты с нами.
Пролетели быстро дни,
Стал ты Каратау сродни
Статными плечами...
Мы с тобой одна семья,
Мы хорошие друзья
Навсегда, навечно.
Кров зеленый, край лесной
Нас связал одной судьбой,
Дружбой бесконечной.
Не тревожься, спи, джигит!
Аромат цветов разлит
В чаще беспредельной.
Ты друзьями защищен,
На тебя навеют сон
Звуки колыбельной.
        Баю-баю-бай,
        Баю-баю-бай!

Джик пробуждается, садится на камень, задумчивый и грустный.

Джик

Дремучий лес, мой дом, мой кров зеленый!
Ты укрывал меня от бурь и гроз,
Из родников поил водой студеной,
Ты дал мне силу, чтоб я крепким рос.
Смешные зайцы красную калину
Таскали мне в младенчестве моем,
Меня орлы, боясь, что я простыну,
От ветра укрывали под крылом.
Среди зверей твоих и певчей птицы
Друзей так много я нашел себе.
Мои тут братья, тут мои сестрицы.
Как много значишь ты в моей судьбе!

К Джику подходят и ластятся медведь, лиса, куница и разные птицы. Джик гладит их.

Но где же, где искать
Тебя мне, край родной?
Где мой отец, где мать,
Где род извечный мой?
Гора и лес густой
Остались за спиной,
И не один родник
Поил меня водой.
Пришел я из степей,
С горы спустился в дол
И лишь земли своей
На свете не нашел...

Звери и птицы уходят. Джик остается один. Вдруг слышится громкий крик Алтынчеч. Она бежит от преследующих ее воинов хана и появляется перед Джиком. От неожиданности Джик вздрагивает. Они смотрят друг на друга, не зная, что сказать. Появляется Урмай, вслед за ним несколько воинов хана, преследующих Алтынчеч.

Урмай

Вот она,
Скорее изловите!

Алтынчеч в страхе прячется за дерево.

Алтынчеч

Идут схватить!

Джик

(заступаясь за нее)

Не бойся, девушка-краса!
Ведь не о двух же головах
Они! Пусть только подойдут...

Урмай

(приближаясь)

Погоди! А кто ты сам?
Отпусти ее, ведь это —
Алтынчеч, красотка хана.

Алтынчеч

Неправда это!

Джик

(Урмаю)

Не подходи!
Прочь!

(Вынимает меч.)

Урмай от страха кубарем катится в овражек, поросший кустами. Джик закалывает трех воинов, которые сопровождали Урмая. В овраге под кустом лежит, дрожа как осиновый лист, Урмай. Джик подходит к Алтынчеч.

Дуэт

Джик

Ты величава, как луна,
Как лозы над водой, стройна!
Какая же тебя страна
Растила, девушка-краса?
Как луч светила золотой,
Сверкает каждый волос твой.
Ты свет предутренней звездой
На чьи бросаешь небеса?!

Алтынчеч

За Каратау — крутой обрыв,
Там лозы гнутся, опустив
Печально плечи над водой,
Там есть село, а в том селе
Живет народ в неволе наш.
Всех старше там старик Бураш.
И я, его звезда, ему
Дороже жизни на земле.

Джик

Твой гибкий стан — камыш морей,
Твой голос — звонкий соловей,
Твоя тоска — в душе моей,
Прошу, звездой моею будь.

Глаза твои — живой нарцисс,
Лишь глянула ты сверху вниз,
Все струны сердца порвались,
Прошу, судьбой моею будь!

Алтынчеч

Джигит отважный с Каратау!
Прошу, моей защитой будь.
В село, за скаты Каратау,
Лесной тропой пролег мой путь.
Но слуги хана вслед за мной
Бегут, преследуя меня.
Прошу, от всяких бед храня,
Моим могучим стражем будь!

Джик свистит. Появляется скачущий белый конь. Джик уводит за руку Алтынчеч. Урмай показывается из своего убежища и смотрит им вслед. Вбегает хан со своими воинами.

Хан

Где Алтынчеч?
Красотка где?

Урмай

О повелитель! Убежала вместе...

Хан

Как? Убежала вместе с кем-то?

Урмай

Заступился за красотку
Мне неведомый джигит.
На коня вскочил он смело
И умчал ее с собой.

Хан

Дуралей, болван! Такую
Упустил из рук красотку...
(Обнажает меч.)
Но за это тупоумье
Ты заплатишь головой!

Урмай падает к ногам хана, извивается, прося о милости. Хан заносит меч над головой Урмая.

Урмай

Погодите, о владыка,
Слово дайте мне сказать!

Хан

Ты умрешь собачьей смертью!

Урмай

Коль заколете меня,
Кто отыщет Алтынчеч?

(Занесенный над головой Урмая меч застывает в воздухе.)

Я из уст самой красотки
Услыхал всё то, что нужно,
Из какой она деревни,
Только я один и знаю.
Убивай меня, но ведай:
Кто найдет тогда красотку,
Кто отыщет Алтынчеч?

Хан, пораженный ответом, медленно убирает меч. Урмай лежит на земле с хитрой усмешкой.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

Село. Дом старика Бураша. Перед домом лежат обломки мечей и копий, разбитые щиты. Село подвергнуто опустошению. Возле ворот лежит обессилевший Бураш. Озираясь, входят Уразмет и несколько односельчан. Они ищут старого Бураша.

Уразмет

Вот он...

(Усаживают Бураша, перевязывают ему раны.)

Старуха

Ох, бедняга.
Пощады нет и древним старикам.
Избили так, что потерял он силы.

Уразмет

Родимый наш, не слишком ли ослаб?

Бураш

Ох, поясницу ломит, не подняться.

Старуха

Нет никого жесточе Колупая.

Уразмет

Бесчестит хан наш край любимый,
И дань ему платить должны мы,
Сынов угнал в неволю он,
Он оскверняет наших жен.
Но если мы пойдем на хана,
Всех перебьет нас Колупай.
Как воли нам достичь желанной?
Доколе жить в ярме, агай?

Хор

Как воли нам достичь желанной,
Доколе жить в ярме, агай?

Бураш

Родные, жить в ярме — ужасно!
Так вот, послушайте меня.

(Садится, его кольцом обступают односельчане.)

(ария)

Слух идет повсюду в мире,
И от странников рассказ
О прославленном батыре
Сам я слышал много раз.
Он рожден в лесу, на воле,
Он бродил по этой шири.
Девяти батыров силу
Он в крови хранит, бесстрашен.
Бабку этого джигита
Ослепил жестокий хан,

Малолетнего джигита
Умертвить пытался хан.
Тот джигит, тот воин смелый
Будет мстить за древний род,
На врага обрушив стрелы,
Вас на битву поведет.

Хор

Тот джигит, тот воин смелый
Будет мстить за древний род,
На врага обрушив стрелы,
Нас на битву поведет!

Уразмет

(припав к земле, прислушивается)

Стук копыт...

Все

Колупай, должно быть, едет,
Укрывайтесь кто где может!

Все расходятся. Бураша уводят, подхватив под мышки. Сцена пуста. Через некоторое время появляются Джик и Алтынчеч.

Алтынчеч

Это вот мой дом родимый,
Что же дедушки не видно?

(Поискав глазами.)

Нету дома...

Джик

Алтынчеч,
Я вольный беркут,
Должен в горы я лететь...

Алтынчеч

Ну, а если мне взгрустнется,
Что напомнит мне тогда
О тебе, мой беркут горный?

Джик

Подарю тебе на память
Три волшебные пера...

Летят лебеди. Джик прицеливается и стреляет из лука. Наземь падают три волшебные пера.

Алтынчеч

Ах, какой мерген! А перья
Чистым золотом блестят!

(Подбегает и поднимает перья.)

Джик

(вручая подарок)

Золотые перья эти
Пусть любовь мою скрепят:
Лишь тебя люблю на свете,
Лишь тебе одной я рад!

Дуэт Джика и Алтынчеч

Джик

На какой бы стороне
Ни пришлось скитаться мне,
Эти перышки тебе
О моем здоровье скажут,
Скажут о моей судьбе:
Если жив я, то лучиться
Будут перышки, как день;
Если что со мной случится,
Станут темными, как тень.
Распрощусь с тобой теперь я.
Если встретишься с бедой,
Пусть плывут ко мне те перья
По Идели по родной.

Алтынчеч

Где бы, по каким краям
Ни скитался бы ты сам,
Эти перья золотые
Мне расскажут о тебе,

Скажут о твоей судьбе:
Если жив ты, то лучиться
Будут перышки, как день;
А беда с тобой случится —
Станут темными, как тень.
Распрощусь с тобой теперь я.
Если встречусь я с бедой,
Поплывут к тебе те перья
По Идели по родной.

Обрадованная Алтынчеч принимает подарок. Джик обнимает ее.

Джик

Это был волшебный лебедь,
С ним делю печаль и радость.
Береги же перья эти!

Алтынчеч

Петь я буду в дни разлуки,
Призывая птицу-друга:
«Ты слети, мой лебедь белый,
Будь моей надеждой смелой.
Ты утешь меня в тоске,
Перья я держу в руке...»

Алтынчеч пошла было проводить Джика, но из своих укрытий вышли сельские жители. Бураша поддерживает Уразмет.

Алтынчеч

(заметив Бураша)

Дедушка!

(Подбегает.)

Бураш

(обнимает ее)

Доченька! Алтынчеч моя!
Рассказывай, где ты была...

Алтынчеч

Слуги ханские за мной
Погнались в глуши лесной.

И попала бы я в плен,
Если бы не он, мерген.

(Показывает на Джика.)

Бураш

Доброго тебе здоровья!

Джик

Привет вам, добрый старец!

Алтынчеч

(заметив раны Бураша)

Что с тобой случилось, дедушка?

Бураш

Что случилось? Ничего...

Старуха

(обращаясь к Алтынчеч)

Доченька,
С разбойным войском
К нам нагрянул Колупай...

Алтынчеч

Колупай?

(Ласкает Бураша.)

Бураш

(вглядываясь в Джика)

Ну а ты, сынок, откуда?
Из каких пришел краев?
Где земля твоих отцов?

Джик

(ария)

Как зовут меня, не знаю,
Не встречал своей родни.
Я дитя лесного края
И в лесах провел все дни.

Каратау с вершиной снежной
Послан мне в отцы судьбой;
Агидель — поток безбрежный —
Матерью была родной.
Алтынчеч — с сурьмою бровь —
Верная моя любовь.
Словно солнышко весной,
Взор ее живит поля;
Покрывается травой
Обожженная земля!
Если б стать могла мне другом
Вот такая Алтынчеч!

Бураш

Это он, он самый —
Младший внук Тугзак-старухи.

Джик

Как вы, дедушка, сказали?

Алтынчеч

Кто это Тугзак?
Скажи мне, дедушка.

В это время из-за горного отрога доносится песня, похожая на плач. Скоро появляется и сама Тугзак — слепая, со взъерошенными седыми волосами. Старая Тугзак поднимается на гребень горного отрога. На ее песню собирается народ.

Тугзак

(ария)

Потеряла верблюжонка, —
Как верблюдицу унять?
Блеет, потеряв ягненка,
Бедная овечка-мать.
А со мною внука нет,
Он глаза мои, мой свет.
Мой веселый верблюжонок,
Где же, где тебя найти?
Сероглазый мой ягненок,
Встречусь ли с тобой в пути?

Бураш

Бедная Тугзак...

Джик и Алтынчеч

Старая Тугзак,
Бедная Тугзак!

Тугзак

От волос его струится
Аромат, — таков мой внук.
Раскрываются ресницы,
Как цветы, — таков мой внук,
Черной родинкой украшен
Подбородок у него;
Джик-мерген — так в доме нашем
Звали внука моего.

Все обращают внимание на родинку Джика.

Бураш

(разглядывая родинку)

Джик, сыночек! Это ты...
Ты — пропавший внук Тугзак.

Джик

Бабушка моя Тугзак...
Джиком звать меня... Я Джик...

(Быстрыми шагами подходит к Тугзак, становится на колени и целует ей руку.)

Бабушка моя!
Тот, кого ты ищешь, жив,
Твой внучонок младший жив.
Это я.

Бураш, Алтынчеч и Уразмет

Не сойтись горе с другой горою,
Сак и Сок живут, полны тоскою.
Но отыщет сына или внука
Сердце материнское, родное...

Тугзак

(обнимает Джика и гладит его голову)

Сыночек мой, души моей частица,
Ты Джик?

Джик

Да, я твой Джик, твое дитя.

Тугзак

Ты живой. И как ты вырос!
Ты единственный остался
Из всего большого рода.
Так возьми железный щит,
Лук возьми с собой, —
Мстить врагам тебе велит
Честь страны родной.

Джик

Я пойду, родная, в бой,
Буду мстить за край родной!

Бураш

(народу)

Это младший внук Тугзак,
Он и есть мерген тот самый!

Уразмет

Он мерген?

Тугзак

Он мерген?

Бураш

Да, зовут его мергеном.
На охоте самый меткий,
В час сраженья самый смелый,
Потому-то он мерген.
Так зовут его в народе!

Уразмет
(подойдя к Джику)

Ты нас веди, батыр отважный,
Веди на ханские дворцы.
С тобой пойдем в огонь и в воду
За землю нашу, за свободу!

Бураш
(Джику)

Джигит отважный!
Нас обратил в рабов казанский хан,
С тобой пойдем и сокрушим его!

Джик
(обнажив меч, становится на колени перед стариком Бурашем и целует оружие)

Старейший рода! Я клянусь мечом
Сражаться до последней капли крови.

Бураш

Сыны мои! Вот предводитель ваш.
Ступайте с ним к горе Змеиной.

Тугзак

На той горе,
Мой внучек Джик,
Твой дед отважный пал, сражаясь.

Бураш

Теперь там высится курган,
Курганом шестиглавым он зовется.

Джик

Поведай нам о том кургане, дед.

Уразмет

Поведай нам, коль тайны в этом нет.

Бураш

Ну, так и быть, послушайте меня.
(Начинает рассказ.)

На горе на той высокой
В годы древности далекой
Жили змеи и удавы,
Все прожорливы, стоглавы.
Хан казанский целой тучей
Сжег в огне тот род змеиный.
И один лишь змей могучий
Для защиты властелина
Был оставлен. Год от года
Кровь сосал он из народа.
Люди сохли и худели,
Распухал живот урода.
Наши лучшие джигиты
От его погибли жала.
На майдане в час победы
Тот проклятый старый змей
Твоего родного деда
Разорвал на шесть частей.
И молва именовала
Шестиглавым тот курган.

Джик

Дедушка, скажи: а ныне
Жив ли тот заклятый змей?

Бураш

Во дворце живет у хана
Колупай — див-пехлеван...

Джик

Див-пехлеван?

Бураш

Все говорят, его вскормили змеи,
Еще никем он не был побежден,
Могучей силы полон!

Джик

(встает, обращаясь к Тугзак)

Моя родная!
Мне не знать покоя,
Пока в бою не испытаю силы,

Пока не встречусь с этим Колупаем!
Я жажду в поединке с ним сойтись!

Бураш

(некоторое время в недоумении)

Что ты, что ты, джигит!

Джик

Дозволь мне, дед, дозволь мне, бабушка!

Бураш

Да что ты говоришь! В своем ли ты уме?
Ведь это див... Ведь это...
(Горестно махнув рукой, отходит в сторону.)

Уразмет

Зря ты сам себя погубишь,
Не ходи один на бой,
Див расправится с тобой...
Он змеей рожден на свет,
Равных с ним батыров нет.
Равен силушкой своей
Он Салсалу. Он сильней
Целой дюжины слонов.
Меч у дива — в сто пудов!

Джик

Нет, не бойтесь, дорогие:
Я у солнца силу взял,
У земли я силу взял!
Мой оплот — народ родной,
Дивен конь крылатый мой.
Уничтожить Колупая
Я клянусь своей земле.
Бабушка, дозволь мне биться одному!
(На коленях склоняет голову перед Тугзак.)

Тугзак

(мягко коснувшись плеч Джика, поднимает его и спокойным голосом говорит)

Был от камских от зыбей
До Идели — край Тугзак,

И в семье богатырей
Матерью была Тугзак.
Но залил потоком слез
Нашу землю Колупай,
Смерть сынам моим принес
Кровожадный Колупай.
Самый младший внучек мой!
Кровь отца в тебе течет.
Мужество отцов с тобой,
Удаль их в тебе живет.
Ты возьми колчаны стрел,
В бой иди, упрям и смел,
Чтоб палач моих сынов
Пал в бою и околел!

Хор

Ты возьми колчаны стрел,
В бой иди, упрям и смел,
Чтоб насильник и палач
Пал в бою и околел!

Джик

Спасибо, бабушка!
Спасибо, друзья!
Прощай, Алтынчеч!

(Прощается с нею.)

Любимая! В надежде и тоске
Следить я буду за простором вод:
От Алтынчеч, грустящей вдалеке,
Сама волна мне вести принесет!

Алтынчеч

Любимый друг! В надежде и тоске
Следить ты будешь за простором вод:
От Алтынчеч, грустящей вдалеке,
Волна перо лебяжье принесет!

Тугзак

Мы будем ждать в надежде и тоске,
Когда победой завершишь поход.

От всех от нас, грустящих вдалеке,
Волна перо лебяжье принесет!

Джик надевает свои доспехи.

Джик

(Уразмету)

Я тебе вверяю войско!

Уразмет

Быть по-твоему, джигит!

Джик

Станет мне невмоготу —
Я серебряной стрелою
Извещу тебя об этом.

Уразмет

И как только серебрянку
Получу, с отважным войском
Я приду к тебе на помощь.

Джик

Бери перо!
Пиши письмо казанскому хану.

Уразмет готовится писать.

Джик

(диктует)

«О хан Мемед!
Я поднимаю меч,
Я мщу за гибель рода своего.
Чтоб кровь народа не лилась ручьем,
Мы с Колупаем встретимся вдвоем.
Я на горе Змеиной жду его».

Уразмет накручивает письмо на острие стрелы. Джик берет стрелу, поднимается на холм и стреляет из лука в сторону ханского дворца.

Хор

Стреляй! За той стрелою следом
Мы сами ринемся в поход.

Стрела прочертит путь к победам —
И сердце хана страх проймет!
За пролитую кровь расплата
Теперь настигнет подлеца.
Эй, выходи же, хан проклятый,
На поле сечи из дворца!

Джик садится на белого коня, прощается со всем народом. Бураш показывает ему дорогу. Джик направляется в путь. Провожающие идут следом.

Идель весною разольется —
Вода размоет берега.
Коль ополченье соберется,
Любого втопчет в грязь врага.
По коням, смелые джигиты.
По коням! Все пути открыты.
Идем мы в бой за честь страны —
Ее надежда и защита.

Все уходят. Пауза. Осторожно, крадучись, выходит Урмай с воинами.

Урмай

Никого не видно дома,
Прячьтесь, воины, в кусты.
Скоро соловей вернется!

Урмай и воины прячутся. Спустя некоторое время приходит Алтынчеч с подругами.

Девушки

Любимый твой в далекой стороне,
Врагу за кровь он отомстит в бою
И прилетит на том же скакуне...
Ах, Алтынчеч, развей печаль свою.

Алтынчеч

Девушки-подруженьки,
Я посижу одна...

Девушки уходят. Алтынчеч поет, перебирая перышки, которые ей подарил Джик.

Алтынчеч

(ария)

Не ты ли волосы чуть свет
Расчесываешь мне лучами?
    Не ты ли, солнышко?
Не ты ли ласковый привет
Мне шлешь, скрываясь за горами?
    Не ты ли, солнышко?
Не ты ли каплей серебра
На тело белое мне плещешь,
    Идель, не ты ли?
Настанет жаркая пора,
И ты заманчиво так блещешь,
    Идель, не ты ли?
В поход на белом скакуне
Уехал мой джигит любимый.
    А вы его поберегите!
Пускай вернется он ко мне,
И вами, и судьбой хранимый.
    А вы его поберегите!

Неожиданно к Алтынчеч подкрадывается сзади Урмай с воинами.

Алтынчеч

Ах, изверги!

Закутывают Алтынчеч в черное покрывало и уносят.

Тансылу

(прибежав)

Что это такое? Алтынчеч! Ее похитили...
Девушки, а девушки!

Входят девушки.

Девушки

Что случилось? Что случилось?

Тансылу

Алтынчеч похищена!

Девушки

О боже!

(Суетятся, не зная, что предпринять.)

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дворец. Хан восседает на троне. Рядом везиры. Хан угрюм. Вокруг дворцового водоема невольницы тихо поют песню.

Хор невольниц

Зерна в клетку золотую
Буду сыпать по утрам.
    Соловей мой, соловейко,
    Что ж ты песен не поешь?
Перстенек тебе дарю я,
Золото кладу к ногам.
    Соловей мой, соловейко,
    Что ж ты песен не поешь?
Пел бы... Воля золотая
Краше клетки золотой.
    И когда сижу в неволе,
    Песни мне нейдут на ум.
Пел над розой, замирая.
Что ей перстень золотой!
    А вдали от милой розы
    Песни мне нейдут на ум.

Урмай вместе с воинами приводят Алтынчеч.

Урмай

Повелитель, вашу волю
Мы исполнили!

Хан

(от радости вскакивая)

Алтынчеч! Она моя!
Рад я видеть.

Подойди же
И владыке поклонись!

Алтынчеч

Отпусти меня на волю!

Урмай

(замахнувшись плетью)

Что за взбалмошная девка!
Замолчи!

Хан

Оставь ее, Урмай.

(Взглядом показывает невольницам, что надо делать.)

Невольницы окружают Алтынчеч и усаживают ее возле хана.

(Вкрадчивым голосом)

Скажи мне, отчего ты так печальна,
Красавица?
Ведь ты отныне в золотом дворце...

Алтынчеч

Золотых лучей разливом
Солнышко меня ласкало, —
Я на воле родилась.
В дальний край, к лугам и нивам
Вместе с ветром улетала,
Улетала я не раз.
Для меня всего роднее
Каратау и степи дикой
Неоглядные края.
Видишь, не ровня тебе я,
Отпусти меня, владыка,
Отпусти, молю тебя.

Хан

Оценить тебя сумею,
Всех милей ты мне, поверь.

Самой первою моею
Будь наперсницей теперь!

Урмай сообщает хану о прибытии чужеземных купцов. Девушки уводят Алтынчеч на прежнее место.

Урмай

О повелитель!
Просят встречи с вами
Хозяева
Индийских караванов.

Хан

(неохотно соглашаясь)

Пусть войдут.

Входят купцы. Рабы, обслуживающие караваны купцов, вносят драгоценные товары. Главный купец отвешивает хану поклон.

Главный купец

Гусиной длинной стаей, вереницей,
Шел степью и песками караван.
Мы привезли в великую столицу
Сокровища из отдаленных стран:
Из Индии, из древнего Китая,
С Кавказских гор, где снег лежит, сверкая,
Из ханства всемогущего Мамая,
Из Самарканда в славную Казань
Мы щедрые подарки привезли
Властителю обширной сей земли.
Могучий хан! Купцы желают вам
Вовеки здравствовать и править благородно!

Хан

Благодарю. Да славится всевышний!

Главный купец

Позвольте нам вручить свои дары.

Хан кивает головой в знак согласия.

Главный купец, посоветовавшись с остальными купцами, отдает приказание рабам. Начинается балет.

I номер — показ разнообразных (шелковых, атласных, парчовых) материй и товаров, украшенных рисунками. II номер — танец невольниц и рабов. III номер — пляшут факир со змеей и другие. Плясками руководит главный купец. Рабы, невольницы, драгоценные камни, товары — все это его многочисленные дары, привезенные во дворец. Однако хан безразличен к пляскам: все его мысли прикованы к Алтынчеч. От нее он не может отвести глаз. Невольницы сопровождают свою пляску песней.

Песня невольниц

Что за дивные подарки!
Сукна, шелк и бархат яркий.
За подобные наряды
Жизнь отдать мы были б рады.
Позументов жар пылает,
Бриллиант перстней сверкает.
Вот калфак! Ведь, право слово,
Не найдешь нигде такого!
Ожерелье! Что за чудо!
Жемчуга и изумруды!
Со всего большого света
Притекло богатство это
В золотой дворец владыки.
Славься, славься, хан великий!

К концу песни главный купец, посоветовавшись с остальными купцами, берет жемчужное ожерелье и преподносит его хану.

Главный купец

Этот жемчуг драгоценный,
Жемчуг Индии далекой,
Мы для хана привезли!

Все поражены. Подарок хану по душе. Он принимает дар и, повернувшись к Алтынчеч, с показной щедростью и в нарочитой, излишне церемонной позе предлагает ей ожерелье.

Хан

Видишь, красная девица,
Как забочусь о тебе.

Этот жемчуг драгоценный
Ты прими как дар от хана!

Невольницы надевают ожерелье на Алтынчеч.

Алтынчеч

(отказываясь от подарка)

Нет, нет! Не купишь золотой казною,
Мне жемчуг драгоценный ни к чему.

Хан в сильном гневе. Везиры и невольницы поражены этим ответом

Не встану на колени пред тобою
И дорогих подарков не приму.
Всего дороже воля золотая,
Моя отчизна и любимый мой.
Тебе не дамся в руки никогда я.
Погибну, но не стану я рабой!

Хан

Ах, мятежница!
Смутьянка!
Ты не пала на колени!
Покажу тебе свободу
За такое поведенье!..
Лопнуло мое терпенье.

Везиры

Нет, вы только посмотрите:
Что за дерзкая девчонка!
Глупостью она набита!
Смотрит волк в лесную чащу,
Сколько волка ни корми ты!
Вздумала перечить хану.
Жить ей, что ли, надоело.
Ах ты, черная проказа,
Ты ослушаться посмела!

Невольницы

До чего храбра девчонка!
Пусть не ждет добра девчонка!

Что с ней, что с ней? Неужели
Ей не нужно ожерелье?
Жемчуга она срывает —
Гнев в глазах ее сверкает!

Алтынчеч, плача, бросает ожерелье.

Хан

(разъяренно)

Чернорожая дикарка!
Как ты смеешь, как ты смеешь!

Хан надвигается на Алтынчеч. В этот момент стремительно вбегает Урмай. У него в руке стрела, на которую Джик намотал свое письмо.

Урмай

О повелитель!
Идет на нас батыр
На белом скакуне.
Стрелу с письмом послал он во дворец.

(Подает стрелу хану.)

Алтынчеч

(радостно)

Это он, Джик-мерген.

Хан

(прочтя письмо, гневно)

Нечестивец!
Как посмел он
Дерзкий вызов бросить хану?!
Ну, прекрасно.
Проучу щенка за это.
Собери, Урмай, войска!
Колупаю сообщи.

Урмай

Ваша воля!

(Уходит.)

Трубит труба, бьют барабаны. Войско готовится к походу.

Хан

(дворцовому стражу)

Не спускать с девицы глаз!

Невольницы уводят Алтынчеч в сторону. Слуги надевают на хана доспехи. Хан и войско удаляются.

Алтынчеч

(медленно подходит и садится возле дворцового водоема; вынимает перья, которые ей подарил Джик; перья потемнели; от неожиданности Алтынчеч бледнеет)

Что случилось с милым другом?
Перья сразу потемнели...
Говорил недаром милый:
«Если что со мной случится,
Станут темными, как тень».
Где же мой заветный лебедь?

(Запрокидывает голову, машет перьями.)

Ты слети, мой лебедь белый,
Будь моей надеждой смелой.
Ты утешь меня в тоске,
Перья я держу в руке...

Летят стаи лебедей.

Милые мои, летите!
И меня с собой возьмите.
Словно веслами, крылами
Гладь речную расплещите!
Ваши шеи белоснежны,
Их, как парус, распрямите.
По родной реке Идели,
Как ладья, меня промчите!
И меня родному краю,
Другу милому верните!

По дворцовому водоему плывет лебедь необыкновенной величины. Алтынчеч садится на этого лебедя и отплывает. Входят стражи, ищут Алтынчеч, но она пропала. Стражи в недоумении.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Змеиная гора. Вдали видны крепостные стены Казани. Слева крутой обрыв. Посередине ровное место. Вдали скат горы. Джик сидит один, задумавшись, опершись о меч.

Джик

Лебедушки, в какой стране
Вы взмыли в высоту?
И песнь какого края мне
Поете на лету?
За лесом звездочка встает —
Она одна всю ночь.
За лесом девушка живет —
Лицом луна точь-в-точь.
Не в той ли дальней стороне
Вы начали полет?
Не ту ли песню спели мне,
Что милая поет?

Слышны звуки марша и боевой трубы. Джик приходит в себя и начинает готовиться к бою. Появляется войско хана, оно выстраивается у подножия горы. Воины ждут хана, готовятся его встретить.

Хор войска

Слава великому хану!
Слава его пехлевану!
Слава великому хану!
Слава его пехлевану!
Роскошь златого дворца,
Блеск золотого венца,
Девушки словно из сказки,
Кони породы кавказской,
Сотни отважных бойцов,
Тысячи верных рабов,
Лучшие яства и блюда,
Жемчуг, коралл, изумруды —
Всё для великого хана
И для его пехлевана!
Всё для великого хана
И для его пехлевана!

Появляется хан. Его приветствуют поклонами и восхвалениями. Хан садится на приготовленное место, подзывает Урмая.

Урмай

(подойдя, склонясь в поклоне)

Готов исполнить вашу волю!

Хан

Один ли вышел на борьбу смутьян?

Урмай

О да, один явился, повелитель!

Хан

А где ж его войска?

Урмай

У излучины Идели
Уразмет остался с войском —
Будет ждать вестей от Джика.

Хан

Если так, совсем неплохо!
Колупай — я верю — Джика
Быстро в чувство приведет.

Урмай

Осмелюсь вам сказать, о повелитель!
Не так легко сразиться с этим Джиком:
Наследник рода девяти батыров,
Всю мощь их он собрал в могучем теле.

Хан

А Колупай? Кто может с ним сравниться!

Урмай

Слыхали ль вы о том мергене славном,
Который вскормлен львицы молоком,
По снегу Каратау прошел еще юнцом?..

Хан

Слыхал...

Урмай

Вот этот Джик и есть мерген тот самый.

Хан

(ошеломленный, поднявшись)

Мергена Джиком звать?
Как быть, Урмай, как быть?

Урмай

Мой господин, не стоит волноваться:
Уж если Колупаю не под силу,
Тогда войсками окружим его
И быстро уничтожим.

Хан

Верно! Верно!
Ведь он сражаться вышел в одиночку!

Урмай

Потом нагрянем мы на Уразмета
И разгромим, опомниться не дав.

Хан

О, кажется, придумано неплохо.
Войска без предводителя — отáра
Без пастуха!

Урмай

О мой султан, могу ли я начать?

Хан

Да, начинай!

Урмай в сопровождении нескольких слуг водружает на кургане знамя. Это означает — вызов принят. Урмай возвращается обратно к хану. Джик, подняв меч, ждет своего соперника. Несколько слуг выволакивают огромную булаву Колупая, еще несколько слуг — его щит. Через некоторое время появляется необыкновенно толстый и огромный Колупай и, вооружившись булавой и щитом, остервенело набрасывается на Джика. Джик встречает его геройски. Начинается поединок между двумя батырами. Воины хана следят за единоборством.

Первая группа

Гляньте, люди, на вояку!
Зря бедняжка лезет в драку.

Размахнется Колупай
И прихлопнет забияку!
Ха-ха-ха-ха!
Ха-ха-ха-ха!

Вторая группа

Стойте, стойте, что такое?
Он как лев на поле боя.
Пехлеван теряет силы,
Слабо машет булавою.
Ой-ой-ой!
Ой-ой-ой!

Первая группа

Разве с нашим пехлеваном
Потягаться может кто-то?!
Погодите, с мальчуганом
Он расправится в два счета!
Ха-ха-ха-ха!
Ха-ха-ха-ха!

Вторая группа

Стойте, стойте! Побеждая,
Высшей славы он достоин —
Выбил щит у Колупая.
Ишь какой он храбрый воин!

Джик, с силой размахнувшись, выбивает из рук Колупая щит и булаву. Колупай отступает к обрыву. Джик пронзает его мечом. Колупай скатывается вниз. Хан вскакивает с места.

Хан

Ах, мерзавец! Колупая
Он посмел убить! Джигиты,
Что же вы окаменели!
Бейте, бейте нечестивца!

Войско хана под предводительством Урмая движется к Джику, сверкая копьями. Джик обороняется щитом, рубит мечом воинов, осмелившихся приблизиться. Однако вскоре войско хана окружает его. Джик, отступая, поднимается на гору. Достает свой лук и, как об этом уже договорился с Уразметом, стреляет серебряной стрелой. Из-за голенища достает лебединые перья и размахивает ими в воздухе.

Джик

Ты слети, мой лебедь белый,
Будь моей надеждой смелой!
Ты утешь меня в тоске,
Перышки держу в руке...

В небе слышится трубный голос лебедей. Они летят целыми стаями, застилая небо. От золотых перьев разливается яркое сияние. Наземь падает белый лебяжий пух. Войско хана в недоумении. Начинается паника. На склон горы садится лебедь необыкновенной величины, он привез Алтынчеч. Хана берет оторопь. Алтынчеч идет прямо к Джику. Джик обнимает ее.

Милая моя Алтынчеч!

Алтынчеч

Дорогой мой! Джигит отважный!

Огромный лебедь улетает. По приказу хана войско снова пытается окружить Джика. Неожиданно с громкими криками появляются воины Уразмета и начинают теснить врага. Войско хана отступает. Битва. Хан пытается бежать, но вдруг перед ним вырастает фигура Тугзак.

Тугзак

(остановившись перед ханом)

Хан, не спеши: к тебе пришла я,
К тебе на тризну собралась.
Тебя не вижу, но, слепая,
На запах крови шла сейчас...

Хан

(струсив)

А, это ты, Тугзак! Живая...
Уйди, уйди! Сокройся с глаз.

Тугзак

Старухе выколол глаза ты,
Ступни рассек, но никогда
Тебе не скрыться от расплаты,
От всенародного суда!

Смотри, вот я, а вот и внуки.
Нет, не загублен древний род,
И он тебе обрубит руки.
Народ вовеки не умрет!

Хан заносит руку для удара. Но его хватают, вяжут и уводят. Джик и Алтынчеч подходят к Тугзак и кланяются в пояс.

Джик

Родная ты моя!

Алтынчеч

Матушка моя!

Тугзак

Мой храбрый внучек!
Милая невестка!

(Ласкает их.)

Ваша слава двуединая
Пусть летит в степные дали!
Вашу волю лебединую
Сами вы отвоевали!

Народ окружает их. Веселье, торжество. Трубят трубы, бьют барабаны, бряцает оружие.

Хор

Над просторами Идели
Зори чистые зардели.
На просторе луговом
О прославленном народе,
Что пришел к своей свободе,
Нашу песню мы поем.
Если враг на нас нагрянет,
Весь народ за волю встанет,
Чтоб пронзить врага мечом.
Мы поем о том батыре,
Что повсюду славен в мире,
О мергене молодом.
Запестрят луга цветами,

Девушки пройдут с венками
По-над ясным бережком.
    О пригожей и счастливой
    Алтынчеч вольнолюбивой
Нашу песню мы поем.

Занавес

Ноябрь 1935 — сентябрь 1936, 1939

ПРИМЕЧАНИЯ

Джалиль издал при жизни шесть сборников стихотворений и поэм: «Мы идем» (1925), «Товарищу» (1929), «Орденоносные миллионы» (1934), «Стихи и поэмы» (1934), «Стихи» (1939), «Клятва артиллериста» (1942). Кроме того, отдельными изданиями вышли: альбом детских песен («Первый альбом для детей». Музыка Дж. Файзи, слова М. Джалиля, Казань, 1940), поэма «Письмоносец» (1940), драматическая поэма «Алтынчеч» (1941) и оперное либретто «Ильдар» («Соколы») (1941). Джалиль принимал участие и в работе над коллективными поэмами, вышедшими отдельными книгами: «Песня о Великом Октябре» (1937), «Дорога молодости» (1938), «Наша песня» (1941), «Вождю» (1941). В каждой из них ему принадлежат отдельные главы. Но в собрания своих сочинений Джалиль эти главы не включал. В настоящее издание они также не вошли.

Первое издание «Моабитских тетрадей» на родном языке (1953) подготовил к печати, снабдил предисловием и примечаниями татарский критик и литературовед Гази Кашшаф (см. о нем в примеч. 120). Под его редакцией вышло и первое посмертное Собрание сочинений Мусы Джалиля в трех томах (1955—1956). В это издание вошли не только стихи и поэмы, опубликованные при жизни поэта, но и значительная часть неопубликованного. Джалиль в своем завещании,[1] посланном с фронта на имя Г. Кашшафа, отмечал, что успел опубликовать при жизни лишь 30—35 процентов написанного им, то есть примерно одну треть. Сбор и издание своих рукописей он поручил своему близкому другу Г. Кашшафу, который впоследствии проделал огромную текстологическую работу по подготовке к печати произведений поэта.

В семидесятые годы сектор литературы Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР подготовил Собрание сочинений Джалиля в четырех томах (1975—1976). Г. Кашшаф успел составить и прокомментировать первые три тома. После смерти Г. Кашшафа четвертый том составил и прокомменти-

---

[1] Муса Джалиль, Завещание. — В кн.: М. Джалиль, Сочинения, Казань, 1962, с. 468.

ровал главный редактор четырехтомного издания татарский литературовед Н. Юзеев. Четырехтомное собрание сочинений Джалиля легло в основу и настоящего издания. Все новые переводы стихотворений и поэм поэта осуществлены по текстам этого издания.

В переводах на русский язык при жизни поэта вышло две книги: «Стихи» (М., 1935) и «Письмо из окопа» (Казань, 1944). Вторую из них Муса уже не увидел и даже не узнал о ней — он томился в это время в одной из берлинских тюрем в ожидании смертной казни. Первое издание «Моабитских тетрадей» на русском языке осуществлено в Москве в 1954 г. За прошедшие с тех пор годы стихи Джалиля издавались на русском языке десятки раз (более подробно см. об этом в библиографическом указателе: «Муса Джалиль», Казань, 1976). Самое полное среди этих изданий — казанское издание сочинений Джалиля, осуществленное в 1962 г. (составители В. Владимирцев и В. Ганиев).

Один из первых переводов стихов Джалиля на русский язык осуществил Эдуард Багрицкий (стихотворение «Весна», 1929, 1933). В непосредственном контакте с автором работал над переводом московский поэт и переводчик Александр Миних, который целиком перевел на русский язык сборник 1935 г. В годы Отечественной войны над переводом книги «Письмо из окопа» работал казанский поэт и переводчик Бруно Зернит. Первым переводчиком стихотворений из «Моабитских тетрадей» был поэт Илья Френкель. Многие его переводы выдержали десятки переизданий, некоторые включены и в настоящее издание. В дальнейшем в дело перевода произведений Джалиля включились такие известные русские поэты и переводчики, как А. Ахматова, П. Антокольский, Н. Гребнев, М. Исаковский, Я. Козловский, С. Маршак, Р. Моран, А. Тарковский и др.

Для настоящего издания отобраны лучшие переводы произведений Мусы Джалиля. Около двадцати стихотворений поэта и две поэмы («Сироты» и «Джим») переведены заново, более пятидесяти стихотворений, преимущественно довоенного периода, и две поэмы («Письмоносец» и «Директор и Солнце») — всего около шести тысяч стихотворных строк—переведены впервые. Таким образом, настоящее издание — самое полное из всех, что выходили на русском языке. В него вошло значительное количество стихотворений, не опубликованных при жизни поэта, в том числе и несколько лирических отрывков и набросков, впервые опубликованных в трех- и четырехтомных изданиях его сочинений на родном языке. Эти произведения открывают новые стороны поэтического дарования Джалиля, тонкого лирика, глубокого знатока духовного мира современника. Все публикуемые переводы были сверены с оригиналом и заново отредактированы.

Сборник состоит из двух основных разделов: стихотворения и поэмы. В отдельный подраздел выделены стихотворения для детей (сюда же вошла и поэма «Джим») и цикл «Моабитская тетрадь». В каждом из этих разделов произведения располагаются в хронологической последовательности. В соответствии с основными этапами творчества Джалиля стихи его сгруппированы по следующим периодам: 1918—1923 (начальный этап творчества), 1924—1932 (на пути к творческой зрелости), 1933—1940 (зрелый Джалиль довоенного

периода) и 1941—1944 (сюда вошла в основном фронтовая лирика и моабитские стихи).

В примечаниях истории публикации того или иного произведения на родном языке и указания на источники не сообщаются. Всех, кто заинтересуется этим, составитель отсылает к четырехтомному Собранию сочинений Джалиля. Даются лишь необходимые сведения историко-литературного характера, поясняются этнографические и бытовые реалии, незнакомые русскому читателю, и объясняются специфические татарские слова и термины.

Произведения Мусы Джалиля, переведенные на русский язык впервые, помечены в содержании одной звездочкой, переведенные заново — двумя.

МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Написано в 1939 г. по просьбе автора учебника по татарской советской литературе для десятого класса Х. Хисматуллина. Опубликовано впервые в трехтомном Собрании сочинений М. Джалиля на татарском языке (1955). *В семье Мустафы, сына Габдельджалила* — неточность. Отца Мустафы Залилова звали Абубакиром. Габдельджалил был прадедом Мусы. От него пошла семейная фамилия — Габдельджалиловы, впоследствии Жалиловы, или Залиловы. Джалиль — не псевдоним, а более близкое к татарскому написание той же фамилии (татарский звук «җ» может передаваться на русский и как «з» и как «дж»). *Мустафино* входило до революции в Исаево-Ледовский уезд Оренбургской губернии. Ныне — Шарлыкский район Оренбургской области. *Мектеб* — школа. *Медресе* — мусульманское учебное заведение типа духовной семинарии. *Нургали* Сибгатуллович *Надеев* (1882—1940) — прогрессивный татарский педагог, автор ряда учебников и методических пособий. До Октябрьской революции работал преподавателем медресе «Хусаиния», затем директором ТИНО (Татарского института народного образования), созданного на базе медресе, заведующим мусульманским отделом Оренбургского гороно. Был не только учителем, но и наставником Мусы. *Взяли в педагогическое учебное заведение.* Имеется в виду Татарский институт народного образования в Оренбурге. *Омар Хайям* — персидский и таджикский поэт, математик, философ второй половины XI — начала XII в. *Саади* — персидский писатель и мыслитель XIII в. *Хафиз* — персидский поэт XIV в. *Дердмэнд* (З. Рамиев, 1859—1921) — татарский поэт дооктябрьской эпохи, поэзия которого отличается изощренностью формы, тонким лиризмом и философской насыщенностью. *Газета «Татарстан»*, позднее «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан»), ныне «Социалистик Татарстан» («Социалистический Татарстан») — республиканская газета на татарском языке. Основана 12 марта 1918 г. *Татарский рабфак* — рабочий факультет при Восточном (ныне Казанском) педагогическом институте. *«Девушка Бибкай», «Гусиные крылья»* — ранние, неопубликованные пьесы Джалиля. *В 1927—1928 годы я продолжал комсомольскую работу.* С 1927 по 1930 г. (т. е. с первых дней в Москве до ликвидации национальных отделов в ЦК ВЛКСМ) Джалиль был членом Татаро-Башкирского бюро Центрального Комитета комсомола, в последнее время — ответственным секретарем бюро. *Закончил литературный факультет*

Московского... университета. В 1927 г. Джалиль поступил на первый курс литературного отделения этнографического факультета Первого МГУ и в 1931 г. закончил полный курс обучения по циклу литературной критики. *«Кечкенэ иптэшляр»* («Маленькие товарищи»), позднее (в новом оформлении) выходил под заглавием *«Октябрь баласы»* («Октябренок») — татарский детский журнал, орган ЦК ВЛКСМ, издававшийся в Москве. В 1932 г. журнал был переведен в Казань и ныне издается под названием «Ялкын» («Пламя»). *Газета «Коммунист»* — центральная татарская газета, орган Совета Национальностей ЦИК СССР, издававшаяся в первой половине тридцатых годов в Москве. Джалиль проработал в этой газете с марта 1933 по март 1935 г. *«Орденоносные миллионы», 1933*—неточность. Сборник вышел в Казани в 1934 г. *«Татаризировать» русские оперы.* Джалиль перевел на татарский язык с русского либретто опер «Евгений Онегин», «Свадьба Фигаро», отдельные арии и дуэты из других опер.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1918—1923

1. Записано в альбом школьного приятеля Мусы Джалиля В. Зайнигибдинова. Внизу дата — 15 октября 1918 г. Обнаружено в начале семидесятых годов оренбургским краеведом И. Таналиным. При жизни поэта не публиковалось. Первое дошедшее до нас стихотворение поэта.

3. Опубликовано в татарской воинской газете Туркестанского фронта «Кызыл юлдуз» («Красная звезда») в октябре 1919 г. (Оренбург). Подписано «Кечкенэ Джалиль» («Маленький Джалиль»). Первое опубликованное стихотворение поэта.

4. Стихотворение сохранилось в толстой тетради, датированной 1920 г. и озаглавленной «Сверток революционных песен». На внутренней стороне обложки нарисована лира на фоне красной звезды. Внизу, рассыпая огненные лучи, поднимается солнце. Стихи в тетради написаны красными чернилами с большой тщательностью. В 1922 г. поэт внес в тетрадку еще несколько стихотворений, сделал ряд исправлений и приписал: «Все, написанное Мусой Джалилем». *О народ, поднимись, меч надежды возьми — и вперед!* В оригинале перекличка со строками из стихотворения Габдуллы Тукая «К народу» (1906). В той же тетради помещены стихи «Слово поэта свободы», «На войне», «Если нет тебя. . .», «Торговец-спекулянт» и др.

9. *Масло, сахар, соль под сеном.* В 1920 г. комсомольский патруль с. Мустафино, в составе которого был и Муса, задержал крупного спекулянта, который вез в тайнике под сеном дефицитные продукты и мануфактуру на продажу (см. об этом в кн.: Р. Мустафин, Муса Джалиль. Очерк о детстве и юности поэта, М., 1977, с. 80—81).

10. *Пэри* — здесь: красавица неземной красоты.

14. *Тал* — ветла, ива.

15. Посвящено памяти татарского народного поэта Габдуллы *Тукая* (1886—1913) и опубликовано к десятой годовщине со дня его смерти.

20. *Быть может, он спешит в далекие края.* По татарскому обычаю, самым тяжким, непростительным грехом считается прогнать от дверей путника, идущего в далекие края. Существует поверье, что пророк аллаха Хозур Ильяс, приняв образ нищего бродяги, странствует по городам и весям. Прогоняя путника и бродягу, можно прогневить аллаха. Джалиль, обыгрывая в своем стихотворении это поверье, ставит на место Хозура Ильяса себя.

1924—1932

21. Стихотворение, посвященное рождению В. И. Ленина, написано Джалилем в год смерти вождя с тем, чтобы подчеркнуть бессмертие ленинского дела, величие его жизни, отданной народу.

23. С 26 января по 2 февраля 1924 г. в Москве проходил II съезд Советов, на котором выступил с речью М. И. Калинин. Съезд утвердил Конституцию СССР, Договор об образовании Союза ССР, поднял вопросы повышения культуры земледелия и борьбы с кулачеством. Возможно, что Джалиль имел в виду и другие мероприятия партии и правительства в помощь деревне.

25. В 1925—1927 гг. инструктор Орского, затем Оренбургского укомов комсомола, Муса Джалиль разъезжал по комсомольским делам по всей губернии (см. об этом в кн.: Р. Мустафин, Муса Джалиль. Очерк о детстве и юности поэта, М., 1977, с. 93—134).

26. Стихотворение написано с позиции комсомольца, глубоко возмущенного аморальным разгулом нэповского мещанства. *Намаз* — ежедневная пятикратная молитва мусульман. *Муэдзин* — служитель при мечети, призывающий в установленные часы мусульман к молитве. *«Азан»* — призыв к молитве, возглашаемый муэдзином с минарета мечети.

28. В оригинале стихотворение имеет подзаголовок «Товарищу-единомышленнику». Стихотворение дало название сборнику стихотворений Джалиля.

29. Стихотворение связано с учебой Мусы Джалиля на Казанском рабфаке (1923—1925).

34. *В зеленых юнгштурмах.* Так называлась популярная среди молодежи двадцатых—тридцатых годов униформа: хлопчато-бумажная блуза и такая же юбка или брюки.

40. Летом 1929 г. студент МГУ М. Джалиль отдыхал по профсоюзной путевке на Кавказе. *Воробьевы горы* — в Москве. Ныне Ле-

нинские горы. *Я часто в Цека комсомола твердил...* М. Джалиль в эти годы был членом бюро Татаро-Башкирской секции ЦК ВЛКСМ и часто бывал по делам в ЦК комсомола.

45. *Члены волостного комитета.* В 1920 г. Муса был избран членом волостного комитета и, несколько позднее, делегатом губернского съезда комсомола. *Комбеды* — комитеты бедноты.

46. *Восемнадцатому Всемирному дню молодежи.* Имеется в виду Международный юношеский день, интернациональный праздник боевой солидарности молодежи всех стран в борьбе за мир. В 1933 г. Международный юношеский день отмечался в восемнадцатый раз.

1933—1940

47. В годы первой пятилетки начался новый этап освоения Арктики. В 1932 г. ледокол «Сибиряков» впервые осуществил сквозное плавание за одну навигацию из Архангельска во Владивосток. 14 июля 1933 г. из Ленинградского порта вышел в первый ледовый поход ледокол «Челюскин», на борту которого находилась научная экспедиция во главе с О. Ю. Шмидтом. Огромных успехов добилась в эти годы и полярная авиация. В оригинале упоминается отважный полярный летчик Бабушкин.

49. *Мой друг Ахмет* — друг Джалиля, татарский поэт Ахмет Файзи (1903—1958). А. Файзи вспоминал, что Джалиль любил ходить в тир, метко стрелял и с детской непосредственностью хохотал, когда пули близорукого Ахмета уходили «за молоком». Разозленный насмешками, А. Файзи вызвал друга на творческое состязание: кто напишет лучшее стихотворение об оборонном спорте. А. Файзи написал на пари «Оптимистическую песню», М. Джалиль — стихотворение «В тир!». По единодушному признанию друзей, победителем и на этот раз вышел Джалиль (А. Файзи, Незабываемые встречи. — В кн.: Воспоминания о Мусе Джалиле, Казань, 1966, с. 63).

50. *Ланка* — лань, олениха.

53. Написано после посещения Астрахани и рыбаков Каспия летом 1933 г. Публикуя стихотворение в сборнике «Стихи и поэмы» (1934), автор снабдил его следующим примечанием: «В июле 1933 года кулак Некозырев из деревни Дурнаево утопил в море колхозницу-ударницу тов. Чураеву (Из письма колхозников)». В дальнейшем поэт снял это примечание, так как стихотворение, хотя и рожденное конкретным фактом, имеет более широкое, обобщающее значение. Тогда же поэт задумал либретто оперы «Девушка-рыбачка». «Песня девушки-рыбачки» является, по-видимому, одним из фрагментов этой оперы.

55. *Лэйсан* — первый весенний ливень.

57. Весной и летом 1933 г. Джалиль работал редактором выездной редакции газеты «Коммунист» в Дергачевском районе Нижне-Волжского края. Стихотворение написано им на основе личных впечатлений и приурочено к началу посевной кампании. *Мотый* — усеченное татарское имя Мотыгулла, употребляется с ироническим оттенком.

61. Один из фрагментов задуманного поэтом либретто оперы «Девушка-рыбачка» (см. примеч. 53).

62. Одно из первых стихотворений Джалиля, переведенных на русский язык. Впервые перевод Багрицкого был опубликован в 1930 г. *Челтыр-челтыр* (звукоподражание) — треск льдин. *В днепровский яростный поход.* Имеется в виду строительство Днепровской гидроэлектростанции, давшей первый ток в 1932 г. Строки эти дописаны позднее. В первом варианте стихотворения (1929) их нет.

68. Посвящено заслуженной артистке Башкирской АССР *Зайтуне* Ильбаевой. *Дёма* — приток Белой, река в Башкирии, текущая по очень красивым, живописным местам. На берегу Демы находится санаторий Юматово, где поэт отдыхал летом 1935 г. и где познакомился с З. Ильбаевой. При жизни поэта не печаталось. Сохранилось в «Лирическом дневнике» поэта — толстой тетради, куда поэт вписывал многие стихи, оставшиеся неопубликованными при его жизни.

70. Об истории этого стихотворения см. примеч. 53.

74. В 1920—1921 гг. Муса Джалиль в составе отрядов ЧОН (части особого назначения) принимал участие в схватках с белыми бандами. Очевидно, в основу стихотворения положено одно из реальных событий тех лет.

75. Из тетради лирических стихотворений, оставшихся неопубликованными. Посвящено московской знакомой поэта А. Абузяровой. *Латифа* — в переводе с арабского: любимая, прекрасная. В оригинале это значение имени обыгрывается.

76. Является частью задуманного поэтом цикла «Молодая Испания», посвященного героической борьбе испанского народа против реакционных сил во главе с генералом Франко. *Чем рабами быть, на коленях жить, Лучше стоя умрем!* — перифраз известных слов Председателя Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». *Сьерра-де-Гвадаррама* — горная цепь в Центральных Кордильерах. *Тахо* — река, протекающая неподалеку от Мадрида.

77. Фрагмент поэмы «Директор и Солнце» (см. примеч. 259), не вошедший в последнюю редакцию. Джалиль опубликовал его как самостоятельное стихотворение. См. также стих. 87. *О солнце, солнце!* — А. Файзи (см. о нем примеч. 49) пишет в своих воспоминаниях о Джалиле: «Солнце он любил, пожалуй, как никто. Свою дружбу с ним он подчеркивал в ряде стихотворений. «Товарищ Солн-

це! Здравствуй, Солнце!» — обращался он к нему, как к близкому» (В кн.: Воспоминания о Мусе Джалиле, Казань, 1966, с. 63).

86. Стихотворение посвящено дочери поэта Чулпан.

87. Фрагмент поэмы «Директор и Солнце» (см. примеч. 259).

90. В 1937—1938 гг. Джалиль написал либретто оперы «Первая весна», впоследствии утерянное (или, скорее всего, уничтоженное самим автором). Стихотворение представляет собою фрагмент этого либретто. С пометкой «Ария Ильяса» Джалиль передал его композитору Джаудату Файзи.

93. В стихотворении речь идет о военном конфликте, развязанном японскими империалистами в районе *озера Хасан* (Приморский край РСФСР) с 29 июля по 11 августа 1938 г., с целью создать базу для наступления на Владивосток. В результате успешных боевых действий советских войск японская дивизия была разгромлена.

101. *Но сгинул в осеннюю пору глухую* и т. д. Речь идет о безвременной смерти татарского народного поэта Габдуллы Тукая (1886—1913).

103. Зимой 1925—1926 гг. инструктор Орского укома Муса Джалиль во время очередной командировки попал в буран, заблудился и обморозился. Стихотворение, очевидно, написано на основе этих впечатлений.

104. По предположению В. Х. Ганиева, навеяно стихотворением Байрона «Ты кончил жизни путь, герой...» (из цикла «Еврейские мелодии») в переводе Плещеева.

105. Стихотворение, как и два следующие, посвящено жене поэта *Амине* Джалиль (Залиловой).

109. Стихотворение написано под впечатлением болезни дочери поэта Чулпан. Джалиль изменил некоторые детали, но сохранил посвящение реальному лицу — доктору *Хазановой*.

1941—1944

Фронтовая лирика

111. Написано на второй день войны, 23 июня 1941 г. Опубликовано в газете «Кызыл Татарстан» 2 июля того же года.

112. Стихотворение стало популярной песней (музыка татарского композитора Ф. Яруллина). С первого месяца войны исполнялась на концертах, часто передавалась по радио.

113. Написано в июле 1941 г., когда Джалиль был рядовым артиллерийского полка. Впоследствии поэт так же назвал сборник своих стихотворений, изданный в Казани в 1942 г.

114. *Чулпан* — утренняя звезда, планета Венера.

115. *Аргамак* — быстрый и легкий скаковой конь степной породы. В данном случае — боевой конь, сказочный скакун, излюбленный образ татарских народных песен и сказок.

116. Написано в августе 1941 г. в прифронтовой полосе. Джалиль в это время обучался на военно-политических курсах в г. Марьино Курской области, нередко принимал участие в боевых операциях по ликвидации вражеских десантов и лазутчиков. *Амина* — см. примеч. 105. *Кремлевские белые стены.* Имеется в виду Казанский кремль.

117. Посвящено товарищу Мусы Джалиля по военно-политическим курсам Латыфу Амирхану.

120. *Гази Кашшаф* (Миргази Султанович Кашшафутдинов, 1907—1975) — татарский критик и литературовед, один из ближайших друзей поэта.

121. Стихотворение посвящено *Иншар* Алькарамовой, дочери старой знакомой Джалиля, подруги его рабфаковских лет Махмуды Мазитовой. Ныне И. Алькарамова работает преподавателем средней школы в Мензелинском районе Татарии.

122. Стихотворение написано по поводу окончания Джалилем военно-политических курсов и впервые прочитано на городском вечере, посвященном проводам курсантов. *Мензелинск* — город в Татарии, районный центр. *Шункар* — Ходжа Шункаров (1903—1948), популярный артист-комик Мензелинского колхозно-совхозного передвижного театра.

126. *Азимут* — «топографический термин. Угол между направлением на север и заданным курсом называется «азимут». Двигаясь по заданному азимуту, можно выйти в необходимый район или место» (примеч. автора).

135. *Тарас* Григорьевич Шевченко (1814—1861) — великий украинский поэт, похоронен в г. Каневе. Его могила была разрушена фашистами.

137. *Ясин* — отходная мусульманская молитва. *Серебро, которое пришлось тебе на долю* — обыграна татарская пословица: «Каждому — своя доля серебра», то есть каждому воздается по заслугам.

Моабитская тетрадь

До нас дошли две маленькие, размером с детскую ладошку, тетрадки с моабитскими стихами Джалиля. Первая из них содержит 62 стихотворения и два фрагмента, вторая — 50 стихотворений. Девятнадцать из них, очевидно, те, которые поэт считал наиболее важ-

ными, повторяются в обеих тетрадках. Таким образом, моабитский цикл содержит 93 стихотворения и два отрывка. Первую тетрадь вынес из Моабитской тюрьмы бывший узник этой тюрьмы, советский военнопленный Габбас Шарипов.[1] В лагере Ле-Пюи во Франции он передал тетрадку военнопленному Нигмату Терегулову. В марте 1946 г. Н. Терегулов приехал в Казань и передал тетради Мусы Джалиля и Абдуллы Алиша вдове А. Алиша Р. Тюльпановой, которая, в свою очередь, отдала их председателю Союза писателей Татарии А. Ерикею.

Тетрадь Джалиля сшита из разрозненных клочков бумаги и заполнена убористым арабским шрифтом. На обложке написано химическим карандашом по-немецки (для отвода глаз гитлеровских тюремщиков): «Словарь немецких, тюркских, русских слов и выражений. Муса Джалиль. 1943—44 г.» На последней страничке поэт оставил свое завещание: «К другу, который умеет читать по-татарски и прочтет эту тетрадь. Это написал известный татарский поэт Муса Джалиль.., Его история такова: он родился в 1906 году. Имеет квартиры в Казани и Москве. Считается у себя на родине одним из больших поэтов. Он в 1942 году сражался на фронте и взят в плен. В плену испытал все ужасы, прошел через сорок смертей, затем был привезен в Берлин. Здесь он был обвинен в участии в подпольной организации, в распространении советской пропаганды и заключен в тюрьму. Его присудят к смертной казни. Он умрет. Но у него останется 115 стихов, написанных в плену и в заточении. Он беспокоится за них. Поэтому он из 115 старался переписать хотя бы 60 стихотворений. Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет как стихи погибшего поэта татарского народа. Таково мое завещание. Муса Джалиль. 1943. Декабрь».

На обороте Джалиль написал список тех, кто был арестован и брошен в тюрьму вместе с ним. Их — 12 человек. «Они обвиняются в разложении татарского легиона, в распространении советской пропаганды, в организации коллективных побегов», — разъяснил поэт. Затем он провел жирную черту и приписал фамилию тринадцатого — предателя, выдавшего подпольную организацию. Кроме того, в блокноте указан адрес семьи Джалиля и Союзов писателей в Москве и Казани[2].

Вторую тетрадку, написанную латинским шрифтом, Муса передал соседу по камере, бельгийскому патриоту Андре Тиммермансу. Тиммерманс смог переслать ее вместе с другими личными вещами на родину, а после войны, уже в 1947 г., передал в Советское консульство в Брюсселе. Эта тетрадь заполнялась позднее. Последнее помещенное здесь стихотворение — «Новогодние пожелания» — написано 1 января 1944 г. В тетрадке есть адрес Джалиля и краткие сведения о нем для тех, кто обнаружит тетрадку: «Муса Джалиль — известный татарский поэт, заключенный и осужденный к смерти за

---

[1] О подробностях спасения первой моабитской тетради см. в кн.: Р. Мустафин, По следам поэта-героя, Казань 1971, с. 224—232.

[2] Подлинники «Моабитских тетрадей» хранятся в Государственном музее Татарии в специальном сейфе.

политику в Германии. Тюрьма. М. Джалиль». Слова эти написаны по-русски (на случай, если тетрадь попадет в руки тех, кто не умеет читать по-татарски). Джалиль выражался осторожно: «за политику», то есть по обвинению в политической деятельности против фашизма.

Вторая тетрадка тоньше первой. Сшитая часть содержит всего 33 стихотворения, после которых поэт оставил горькую надпись: «В плену и в заточении — 1942.9. — 1943.11 — написал сто двадцать пять стихотворений и одну поэму. Но куда писать? Умирают вместе со мной».

После этого Джалилю, видимо, удалось раздобыть несколько листков бумаги, и он записал на них еще семнадцать стихотворений. Листки эти не подшиты, просто вложены в блокнот.

В настоящем издании стихи моабитского цикла публикуются полностью, ряд из них в новых переводах. Стихи датированы автором. Там, где нет авторских дат, дается предположительная датировка, сопровождаемая знаком вопроса.

140, 142. По всей вероятности, стихи эти написаны еще на Волховском фронте: и по содержанию, и по настроению они передают мысли воина, а не военнопленного. *Платок*, подаренный девушкой храброму джигиту, — традиционный образ татарских народных песен.

143. *Волхов — свидетель.* Джалиль участвовал в боях в составе 2-й ударной армии на Волховском фронте и был взят в плен среди болот, невдалеке от реки Волхов. *В содрогающемся под бомбами, Обреченном на гибель кольце...* 2-я ударная армия, свыше двух месяцев сражаясь в кольце окружения, подвергалась ежеминутным бомбардировкам и артиллерийскому и минометному обстрелу. *Не я ли писал спутнику жизни* и т. д. Поэт цитирует строки из своего стихотворения «Из госпиталя», написанного в октябре 1941 г. В оригинале строки совпадают дословно. Далее в стихотворении обыгрываются строки из стихотворного письма жене «Прощай, моя умница» (август 1941). *Мне изменил мой пистолет.* Поэт не намерен был сдаваться живым в руки врага. Так, на Волховском фронте он написал «Балладу о последнем патроне» (она не дошла до нас). *Будет август. Во мгле ночной.* Джалиль попал в плен в конце июня, когда ночи под Ленинградом еще очень светлые.

144. *Я вырос без родителей.* Отец Джалиля умер в 1919 г., когда Мусе было 13 лет. С пятнадцати лет юноша жил самостоятельно, вдали от родных. *В стране врагов я раб тут.* В подлиннике написано: «В стране Д» — видимо, от татарского слова «дошман» — «враг». Возможно и другое прочтение — «в стране Дейчланд», то есть в фашистской Германии.

145. По свидетельству бывшего военнопленного Г. Хафизова, написано в лагере под с. Рождествено. Тогда оно называлось «Дремучий лес». *Товарищ Т. не спит.* В одном из номеров газеты «Отвага», где работал Муса, сообщалось о действиях партизанского отряда

под руководством товарища Т. Партизаны называли его «Дедушкой», «Дедом».

146. Помещено в обеих тетрадях. Между двумя вариантами есть небольшие разночтения. *Чулпан-звезда* — планета Венера.

147. По свидетельству М. Гафарова, Джалиль написал эту балладу вначале по-русски, хотел опубликовать в газете «Отвага», но не успел.

148. В том варианте, который запомнил Г. Хафизов (см. примеч. 145), стихотворение называлось «За колючей проволокой». Помещено в обеих тетрадях.

150. *Напрасно я писал: «Умру смеясь».* Имеется в виду раннее стихотворение Джалиля «О смерти» (1929).

151. Стихотворение написано специально для лагерной самодеятельности, которая служила своего рода ширмой для подпольщиков, и часто исполнялось хоровой капеллой.

153. В октябре 1942 г., когда написано стихотворение, Джалиль расстался с другом Салихом Ганеевым, вместе с которым более двух месяцев скитался по лагерям для военнопленных. Очевидно, стихотворение написано по этому поводу.

154. Стихотворение, по всей вероятности, написано в те дни, когда поэт, страдающий фурункулезом и полным истощением, попал в лазарет Демблинского лагеря. В эти тяжелые дни он припомнил эпизод из своей довоенной жизни. Однажды, когда он был в отъезде, тяжело заболела дочка Чулпан. Никакие лекарства не помогали. Но вот вернулся Муса. Он взял дочку на руки и, ласково прижимая ее к себе, принялся ходить по комнате. Пел ей песни, рассказывал сказки. К вечеру Чулпан была уже здорова.

155. Очевидно, создано в лагере Демблин на Висле (Польша). Воспринималось узниками как призыв к сопротивлению, переписывалось от руки и было широко распространено среди военнопленных татар.

156. Сестра поэта, Хадича Залилова, пишет в своих воспоминаниях, что рассказала брату услышанную от кого-то историю о мальчишке-озорнике. Много лет спустя Джалиль в фашистском плену вспомнил об этом. Стихотворение исполнялось лагерной самодеятельностью.

157. Стихотворение записано в обе тетради. В нем обыгрываются образы татарских народных песен (в первой тетради оно названо «Песней»). По свидетельству бывшего военнопленного Г. Хафизова, М. Джалиль написал его в лагере под с. Рождествено. *Чулпан-звезда* — планета Венера.

158—164. Эти стихи входили в репертуар созданной в легионе хоровой капеллы.

165. Первое стихотворение, написанное поэтом после провала и ареста, по всей вероятности, в Варшавской тюрьме, куда арестованных привезли из лагеря Едлино под городом Радом (Польша). С этого стихотворения начинается собственно моабитский цикл. Записано в обе тетради.

166. Этим стихотворением завершается сшитая часть второй тетрадки. Написано в традициях восточной притчи. Последняя строфа — вывод из притчи.

168. *Приснюсь весь в черном я.* У татар это недоброе предзнаменование, означающее смерть близкого человека.

169. Стихотворение есть в обеих тетрадях. Во второй — озаглавлено «Закаленная молодость».

171—173. Все эти стихотворения написаны в сентябре 1943 г., когда прекратились изнурительные допросы, пытки и побои и фашисты на время оставили поэта в покое.

174. В письмах с Волховского фронта Джалиль упоминает о большом сюжетном стихотворении или балладе «Мать» (в другом письме он называет ее — «О двух глазах и двух сыновьях»). Но выслать ее поэт не успел и, очевидно, смог восстановить по памяти и доработать только в Моабитской тюрьме. По воспоминаниям Р. Хисамутдинова, это стихотворение ходило по рукам среди узников Тегельской тюрьмы. Его передавали друг другу во время прогулок, пересылали через надежных людей из числа немцев-уборщиков. Тем же путем заключенным стали известны стихи М. Джалиля «Утешение», «О героизме» и др.

176. По воспоминаниям соратников поэта, в сентябре 1943 г. военный следователь закончил следствие и передал дело в Третий имперский суд. Окончательный суд состоялся в Дрездене в феврале 1944 г., но уже в сентябре 1943 г. Джалилю и его товарищам был известен смертный приговор.

179. *На рукаве — колючий знак.* В оригинале — «знак копья». Опасаясь, что его не поймут, Джалиль подписал под этими словами две маленькие буковки «э. э.», то есть «эсэс». Есть в обеих тетрадках. В первой озаглавлено «Стража». Ниже, в скобках и кавычках, — «Казань, Монолог Ядкарь-хана» (Ядкарь — по-татарски «память»). Во второй тетрадке в скобках записано — Ямаш, 1911. Ямашев Хусаин (1882—1912) — известный татарский революционер, большевик, подпольщик.

180. Речь в стихотворении идет, очевидно, о первом суде над подпольщиками, когда рядовых членов организации отделили от руководителей. *Черчетский хан* — персонаж из поэмы-сказки А. Исхака

«Каракаш-батыр» («Батыр Черная Бровь»), изданной в 1940 г. в Казани под редакцией М. Джалиля. В скобках, для маскировки, приписано: «К трагедии „Кылыч-хан“» (Кылыч — по-татарски «меч»). Оригинал заканчивается словами: «Моя последняя песня, написанная кровью сердца, будь обвинительным актом Черчету». Последнее слово подчеркнуто, а на полях арабским шрифтом справа налево написано «актсишаф», что, согласно правилам арабской орфографии, читается «фашистка», т. е. «фашисту».

184. Посвящено *Амине* Джалиловой. *Забыть не могу я Замостье родное...* (в оригинале — «Место возле моста»); так назывался тот конец деревни Мустафино Оренбургской области, где проживала семья Джалиля. *Тот юный «бродяга»*. Джалиль с пятнадцати лет расстался с родными краями и много ездил по стране.

185. Волшебная *рубашка*, возвращающая жизнь павшему на поле брани, — излюбленный мотив татарских народных сказок. Джалиль осовременивает сказку (Дильбар посылает рубашку посылкой через почтовое отделение), переплетает реальные и сказочные мотивы. Имеется в обеих тетрадях.

186. Включено в обе тетради. Во второй тетрадке зачеркнута одна строфа, видимо показавшаяся поэту слишком мрачной. Есть и другие разночтения. Перевод сделан по варианту из второй тетради. *Лейла, Меджнун* — персонажи из восточного сказания о безумной любви красавицы Лейлы и одержимого Меджнуна. *И псам на растерзанье отдала*. В оригинале: «Мое чистое сердце отдала на растерзанье диким псам». Поэт зачеркнул слова «диким псам», но так, чтобы их можно было разобрать.

187. Включено в обе тетради. *В мае опять состоится сбор* и т. д. — поразительная по своей прозорливости деталь. Джалиль, казненный на гитлеровской гильотине 25 августа 1944 г., свято верил, что победа будет именно в мае.

191. Написано, очевидно, в лагере для военнопленных на берегу Двины осенью 1942 г. Позднее оно ходило среди военнопленных лагеря Демблин под названием «К Висле» (с некоторыми изменениями). В Моабите поэт, видимо, доработал стихотворение и поставил дату «октябрь 1943 года». В татарской народной песне поется: «Пусть реки потекут однажды вспять — утраченная юность не вернется». Здесь обыгран этот мотив.

192. В подлиннике «Моабитских тетрадей» первая строка третьей строфы в целях конспирации не дописана.

195. В начале апреля 1942 г., когда Джалиль приехал на Волховский фронт, работники редакции «Отвага» 2-й ударной армии составили акт о злодеяниях фашистов в оккупированных районах Новгородской области. Здесь были материалы о массовых расстрелах мирных жителей — стариков, женщин, детей, о сожженных деревнях и селах, о людях, угнанных в рабство. Джалиль и сам видел в освобожденных от врага районах штабели трупов расстрелянных

мирных жителей, облитых водою и превращенных в ледяные глыбы. Для конспирации Джалиль под заголовком в скобках написал: «Из пьесы. Воспоминание о 1919 годе». Строка «хищноносый майор» зачеркнута карандашом (но так, чтобы можно было разобрать), и сверху приписано с маленькой буквы «маев» (т. е. майор).

199. Посвящено другу и соратнику Джалиля по подпольной борьбе, татарскому детскому писателю Абдулле Алишу (1908—1944), казненному вместе с Джалилем.

201. Слово *Иоганн* написано арабскими буквами так, что может читаться как «дошман» — враг или «герман» — германец, немец. В данном контексте означает: фашист.

202. В тетрадях не датировано, но бывший узник Тегельской тюрьмы Р. Хисамутдинов рассказывает, что стихотворение дошло до его тюремной камеры в конце 1943 г. В целях конспирации Джалиль пользуется иносказаниями: «мыррманская (вместо «германская») тюрьма», «придет Москат» (вместо «Москва»). Стихотворение обращено к друзьям и широко ходило среди узников фашистских тюрем. *Мы выйдем, как «Челюскин» изо льда.* Имеется в виду эпизод спасения команды советского ледокола «Челюскин», затертого льдами в Северном Ледовитом океане в сентябре 1933 г. К 13 апреля 1934 г. советские летчики сняли со льдины всю команду — свыше ста человек.

203. В оригинале стихотворение называется «Буран». Этим стихотворением открывается первая тетрадь. *Зухра, Лейла* — персонажи древних поэм «Тагир и Зухра», «Лейла и Меджнун», широко распространенных среди народов Востока.

209. Это программное стихотворение Джалиля Им открывается вторая «Моабитская тетрадь». Оно может быть поставлено эпиграфом ко всему творчеству поэта.

215. Подлинник стихотворения озаглавлен арабским словом «Катыйльге» (т. е «Палачу»). Джалиль нередко прибегал к арабским словам и выражениям, чтобы скрыть свои мысли от врагов. Г Кашшаф (см. примеч. 120) высказал предположение, что данное стихотворение — поэтическое переложение последнего слова поэта на суде.

223. *Див* — чудище, злая недобрая сила из татарских народных сказок. *Полно было страшных сказок* и т. д. Бабушка поэта Гильми очень любила внука Мусу и в детстве рассказывала ему много сказок.

224. Поэт называет Германию арабским словом «Алман». *Цеткин Клара* (1857—1933) — выдающаяся деятельница германского и международного рабочего движения, одна из основательниц Коммунистической партии Германии. *В тюрьме, где томились Роза и Карл* — немецкие революционеры Карл Либкнехт (1871—1919) и Роза Люксембург (1871—1919), перед мужеством и стойкостью ко-

торых Муса преклонялся с юношеских лет. *Где Тельмана мучили палачи.* Вождь немецких коммунистов Эрнст Тельман (1886—1944) томился в гражданской тюрьме Моабит, расположенной неподалеку от военной тюрьмы Моабит, где был заключен Джалиль. *Лучник Телль* — легендарный стрелок, вольнолюбец, герой драмы Шиллера «Вильгельм Телль».

226, 227. Г. Кашшаф (см. примеч. 120) высказывает вполне обоснованное предположение, что это — отрывки из недошедшей до нас поэмы Мусы Джалиля. Первый, очевидно, передает главную идею, второй — лирическую линию поэмы. Они записаны под общим заглавием «Фрагменты», затем в скобках после звездочки записано: «Эпос Масгут Батыр» (масгут — в переводе с арабского — счастье). В оригинале слово «Москва» зачеркнуто и сверху написано «Масгут», причем так, что оно может читаться и как «Москва».

228. Посвящено соседу по камере, бельгийскому патриоту *Андре* Тиммермансу (1917—1977). За мужество и героизм, проявленные при спасении тетради стихов Джалиля, награжден Советским правительством медалью «За отвагу». Джалиль вписал стихотворение в молитвенник А. Тиммерманса.

230. В Моабите Муса Джалиль писал не только новые стихи, но и осуществил некоторые свои прежние замыслы. Р. Бикмухаметов высказал вполне правдоподобное предположение, что данное стихотворение — один из фрагментов произведения о рыбаках Каспия, задуманного еще до войны (см. примеч. 53).

232. В оригинале стихотворения речь идет о табуте, то есть носилках, на которых несут покойного на кладбище. *Бабай* — дед.

233. Этим стихотворением завершается Моабитская тетрадь. *Андре Тиммерманс* — см. примеч. 228.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМА ДЛЯ ДЕТЕЙ

249. *Чулпан* — планета Венера. Имя дочери поэта.

252. Песня посвящена отважным советским летчицам П. Д. Осипенко (1907—1939), В. С. Гризодубовой (р. 1910) и М. М. Расковой (1912—1943), совершившим 24—25 сентября 1938 г. беспосадочный перелет «Москва — Дальний Восток». Вынужденные перед посадкой спуститься с парашютом, они проявили мужество и выдержку во время десятидневного пребывания в тайге. За этот полет им было присвоено звание Героя Советского Союза.

253. Посвящено И. Алькарамовой (см. примеч. 121).

255. *Шупо* — полицейский.

ПОЭМЫ

Муса Джалиль написал 23 поэмы и баллады. На русский переведены наиболее значительные из них.

256. Написана в 1925 г. Джалиль работал в эти годы инструктором Орского укома комсомола, отвечал за работу с детьми. Он шефствовал над детскими домами г. Орска, часто бывал в них, вел большую воспитательную работу.

257. *«Орлес»* — Оренбургский лесопильный завод. Во время работы в Оренбургском укоме Джалиль часто бывал на этом заводе. *Отблеск схваток пятого года.* Имеются в виду события первой русской революции 1905 г.

258. Первый вариант поэмы под заглавием «Больной комсомолец» был закончен в октябре 1924 г. В автографе есть посвящение, не вошедшее в печатные издания: «Произведение «Больной комсомолец» посвящается МОПРу (Международной организации помощи рабочим. — *Ред.*) и может рассматриваться как первый шаг на пути создания литературы МОПРа. М. Джалиль». Первая публикация поэмы осуществлена в сборнике «Мы идем» (1925), вышедшем в серии «Библиотека МОПРа». Впоследствии поэт не раз возвращался к этому произведению и вносил в него ряд изменений. С 1929 г. печатается в новой редакции под названием «Пройденные пути» (в русском переводе — «Минувшие годы»). Поэма пользовалась широкой популярностью среди татарской молодежи второй половины двадцатых — начала тридцатых годов. Часто с чтением поэмы выступал автор, как правило, в музыкальном сопровождении. На полях рукописи сохранились авторские пометки: «без музыки», «страдание», «марш победы», «оратор», «Интернационал», «резкий переход», «ярость», «призыв», «Молодая гвардия», «Гармонь», «фронт-война», «напряжение», «радость», «Похоронный марш», «Смело мы в бой. . .», «Грусть», «кашель», «заводской гудок» и т. д. По воспоминаниям очевидцев, исполнение поэмы превращалось в небольшое театрализованное представление в духе того времени. Перевод осуществлен с последнего авторского варианта 1929 г. *Солнце-золото в Лене плавится* — намек на Ленские золотые прииски. *Драга* — землечерпальная машина, используемая на добыче золота. *Прищурясь, Двенадцатый год Прицелился в сердце Апреля.* Имеется в виду Ленский расстрел. 4 апреля 1912 г. по приказу жандармского ротмистра Трещенкова солдаты открыли огонь по бастующим рабочим. 270 человек были убиты, 250 — ранены. *Тогда делегатов встречала Москва.* Имеется в виду 2-й съезд РКСМ, открывшийся 2 октября 1920 г. в Москве. *Юденич рвется на Петроград.* В мае 1919 г. началось наступление контрреволюционных сил под командованием генерала Юденича на Петроград. Решающие бои развернулись в июне в районе Гатчины и фортов Красная горка, Серая лошадь и Обручев. К концу августа 1919 г. войска Юденича были разгромлены. *Гуляй-Поле* — город в Запорожье. В годы гражданской войны — центр махновщины. *КИМ* — Коммунистический интернационал молодежи.

259. При жизни Джалиля поэма не была опубликована. Автор, по-видимому, не считал ее достаточно отшлифованной и завершенной. Но и в настоящем своем виде она представляет значительный интерес. Некоторые фрагменты поэмы автор опубликовал в качестве самостоятельных стихотворений. В авторитетные издания Джалиля на татарском языке включаются как эти фрагменты (в данном сборнике см. стих. № 77, 87), так и поэма в целом, поскольку эти стихотворения связаны с поэмой лишь сюжетно, текст же их представляет собой самостоятельное целое.

260. *Саилмыш* (Салмыш) — река в Оренбургской области, протекающая неподалеку от родной деревни Джалиля Мустафино.

261. Джалиль работал над поэмой с 1935 по конец 1938 г. Отдельной книгой впервые напечатана в 1940 г. Поэма написана с широким использованием татарского фольклора. Многие популярные народные песни цитируются целыми строфами, иногда — в слегка видоизмененном виде. В некоторых местах автор перефразирует широко известные песни, но чаще всего создает свои, очень близкие по духу и всей образной системе к народным. *Жилбер-жилбер* — звукоподражание. Так говорят у татар о теплом, ласковом, порывистом ветерке. *МТФ* — молочно-товарная ферма. *Курай* — татарский музыкальный инструмент из полого стебля растения. *Ичиги* — кожаные сапожки на мягкой подошве. *Файрузакай* — ласкательное от Файруза. *Академик* Алексей Николаевич *Бах* (1857—1946) — выдающийся советский ученый-биохимик и общественный деятель, выступивший в конце двадцатых годов с призывом о всемерном участии советских ученых в деле строительства социализма. *Той* — пир, праздник.

262. Джалиль работал над произведением в середине тридцатых годов — изучал историю, этнографию, фольклор татарского, башкирского и других тюркских народов. В тетрадях Джалиля этого периода сохранились многочисленные выписки из книг о периоде Золотой Орды, Казанского ханства, Монгольского нашествия и др. Непосредственно над либретто поэт работал, судя по записи на авторской рукописи, с ноября 1935 по сентябрь 1936 г. Но и после этого Джалиль продолжал работу над произведением как самостоятельно, так и в содружестве с композиторами, режиссерами, вносил поправки, делал сокращения, дописывал эпизоды. В архиве поэта сохранилось одиннадцать вариантов «Алтынчеч», последний датируется 1939 г.

В основу либретто и драматической поэмы положен эпос татарского народа «Джик-мерген» (один из вариантов эпоса, которым пользовался М. Джалиль, был опубликован в 1915 г. в журнале «Анг» («Разум») в литературной обработке татарского писателя М. Файзи). Наряду с этим поэт использовал сюжетную канву татарской сказки «Алтынчеч» и отдельные моменты из сказок «Золотое перышко», «Золотая птица», «Сказка о Туктаре» и других, опирался на легенды о возникновении старой Казани и другие фольклорные и исторические материалы. Действие поэмы происходит на берегах Волги в период падения Золотой Орды, когда пришлый монгольский хан восстановил самостоятельность Казанского ханства и об-

ложил данью местное население. В это время происходят восстания местных племен против гнета хана. Таким образом, в поэме тесно переплетаются сказочные и реально-исторические моменты. В 1938 г. на либретто «Алтынчеч» написал музыку известный советский композитор Б. В. Асафьев. Предполагалось, что именно с исполнения этого произведения начнет свое существование Татарский оперный театр. Летом 1938 г. состоялось прослушивание оперы. Однако музыка Б. В. Асафьева не была принята. В 1939 г. по тому же либретто написал музыку известный татарский композитор Н. Г. Жиганов. Премьера состоялась в первые дни Великой Отечественной войны. Позднее опера Н. Жиганова по либретто Джалиля была удостоена Государственной премии. Она вошла в золотой фонд татарской оперной классики и с тех пор практически не сходит со сцены Татарского театра оперы и балета им. Мусы Джалиля.

Литературный вариант либретто, названный автором драматической поэмой, впервые вышел отдельным изданием в 1941 г. На русском языке в переводе В. Ганиева драматическая поэма была впервые опубликована в 1962 г. в однотомнике сочинений М. Джалиля (Татарское кн. изд-во) и до сих пор больше не переиздавалась. *Тугзак* — от татарского слова «тугыз, тугз» — «девять». *Каракаш* — чернобровая (тат.). *Тансылу* — красавица зари (тат.). *Примите дар за радостную весть* — по татарскому обычаю, за сообщение радостной вести полагался подарок. *Джик* — имя сказочного меткого стрелка-лучника. *Кумыс* — напиток из перебродившего кобыльего молока. *Кубыз* — татарский губной музыкальный инструмент. *Див-пехлеван.* Див — мифический персонаж татарских народных сказок, чудовище. Пехлеван — богатырь. *Идель* — древнее татарское название Волги. *Твой сын Продолжит древний род.* «Древние кочевые народы вели между собой непрестанные войны. Племена, терпящие в битвах поражение, старались спрятать от врага малолетних детей, чтобы обеспечить непрерывность существования своего рода или племени. Об этом свидетельствуют некоторые исторические книги и предания» (примеч. автора). *Ступни рассечь.* Согласно древнему жестокому обычаю, побежденным, чтобы не могли уйти далеко, рассекали ступни и насыпали в раны соль. *Каратау* — Черная гора (тат.) *С земли башкирской и земли ногайской.* Башкиры, ногайцы — тюркские племена, кочевавшие между Волгой и Уралом. *Мерген* — меткий стрелок, снайпер (примеч. автора). *Агай* — обращение к старшему. *Агидель* — река Белая. *Сак и Сок* — «два брата, герои татарского народного творчества. Мать прокляла их. И тогда, превратившись в птиц, они разлетелись в разные стороны и никогда не смогут встретиться, пока тяготеет над ними проклятье» (примеч. автора). *Змеиная гора* (Зилантау) — холм неподалеку от Казанского кремля. Согласно легенде, это место кишело змеями. Прежде чем строить город, холм обложили хворостом и подожгли. Все змеи сгорели, лишь один летучий змей, дракон Аждаха, поднялся в воздух и улетел. Согласно легенде, с тех пор Аждаха служит враждебным силам, принимая различный облик. *Все прожорливы, стоглавы.* «Согласно мифу, если змей живет сто лет, он превращается в дива (дракона), если тысячу лет — в чудище (Аждаху)» (примеч. автора). *Майдан* — площадь, где происходят сабантуи, народные гуляния, спортивные состязания. *Салсал* — мифический богатырь народных сказаний. *Калфак* — вышитый бисером женский головной убор.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Муса Джалиль. Фотография 1940 или 1941 г.

2. *Между с. 64 и 65.* Муса — шакирд, слушатель медресе. Фотография 1917 г.

3. *На обороте.* Муса Джалиль. Фотография 1920 г.

4. *Между с. 96 и 97.* Муса Джалиль. Фотография 1922 или 1923 г.

5. *На обороте.* Муса Джалиль. Фотография 1926 или 1927 г.

6. *С. 143.* Обложка сборника стихотворений Мусы Джалиля «Иптэшкэ» («Товарищу»). 1929 г.

7. *С. 155.* Автограф стихотворения «Года, года...» с датой 14 января.

8. *Между с. 192 и 193.* Муса и Амина Залиловы. Фотография 1936 или 1937 г.

9. *На обороте.* Муса Джалиль с дочерью Чулпан. Фотография 1940 г.

10. *Между с. 224 и 225.* Муса Джалиль. Фотография 1940 или 1941 г.

11. *На обороте.* Муса Джалиль — политрук. Фотография начала 1942 г.

12. *С. 279.* Страница из второй Моабитской тетради. Автограф стихотворения «Тюремный страж» и фрагмента стихотворения «Последняя песня».

13. *С. 324.* Последняя страница «Моабитских тетрадей». Здесь названы имена двенадцати антифашистов, арестованных вместе с Джалилем (в списке есть и его имя). Наискось сделана приписка: «Они обвиняются в разложении татарского легиона, в распространении советской пропаганды, в организации коллективных побегов». Слева под жирной чертой указана фамилия предателя, выдавшего подпольную группу.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1918—1923

Знаком * помечены стихотворения, переведенные на русский язык впервые; знаком ** — переведенные заново специально для данного сборника.

1924—1932

1933—1940

1941—1944

Фронтовая лирика

Моабитская тетрадь

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМА ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПОЭМЫ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

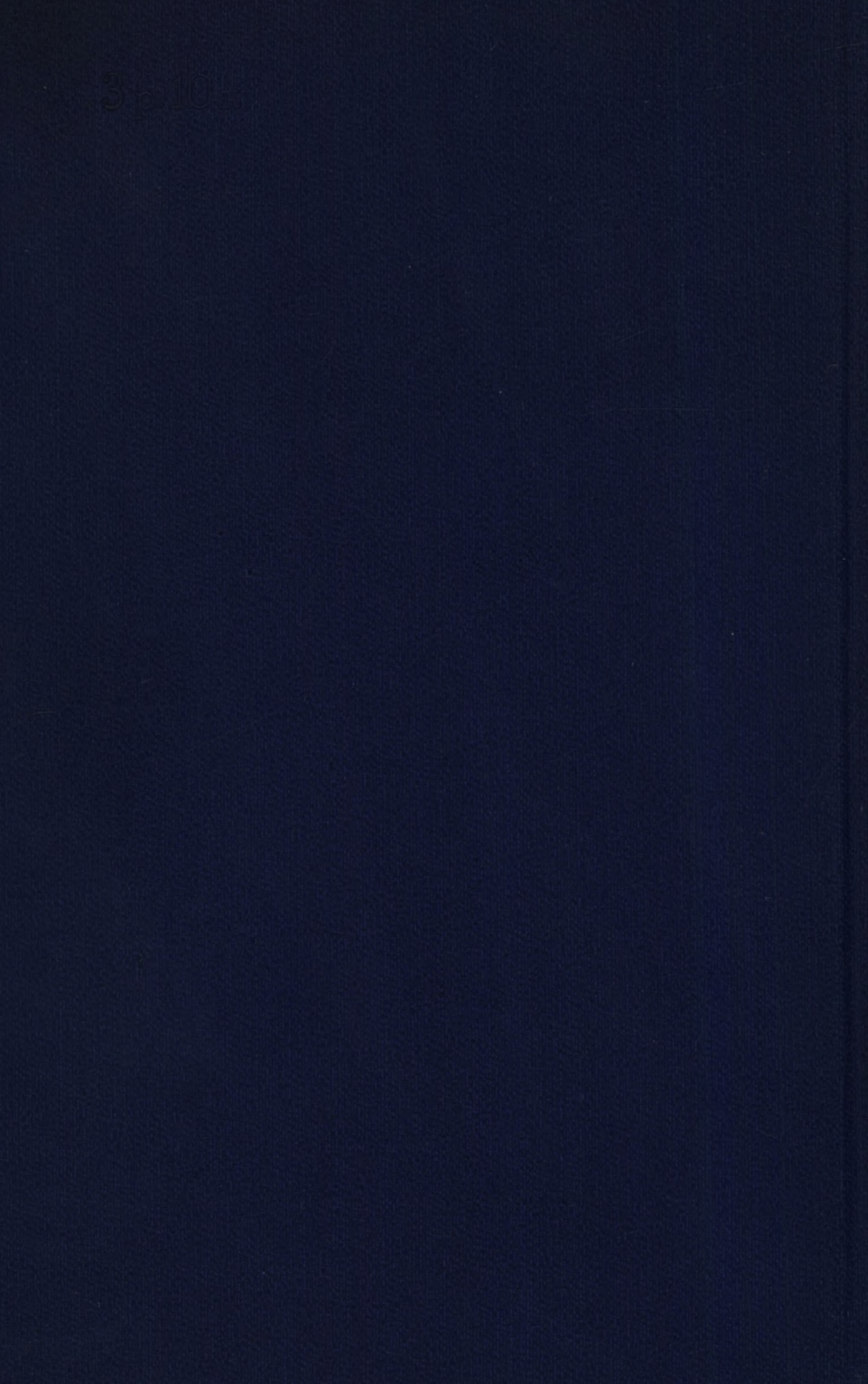
Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
6	6 сн.	в сильный	и сильный
25	3 св.	друг другу	друг друга

Муса Джалиль

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель» 1979 г. 576 стр. План выпуска 1979 г. № 386.

Редактор *Л. С. Гейро*. Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*. Техн. редактор *Л. П. Полякова*. Корректор *Е. А. Омельяненко*. ИБ № 1701. Сдано в набор 05.04.79. Подписано к печати 20.07.79. М 07145. Бумага тип. № 1. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 30,76. Уч.-изд. л. 28,33. Тираж 40 000 экз. Заказ 502. Цена 3 р. 10 к. Изд-во «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

3 p 10